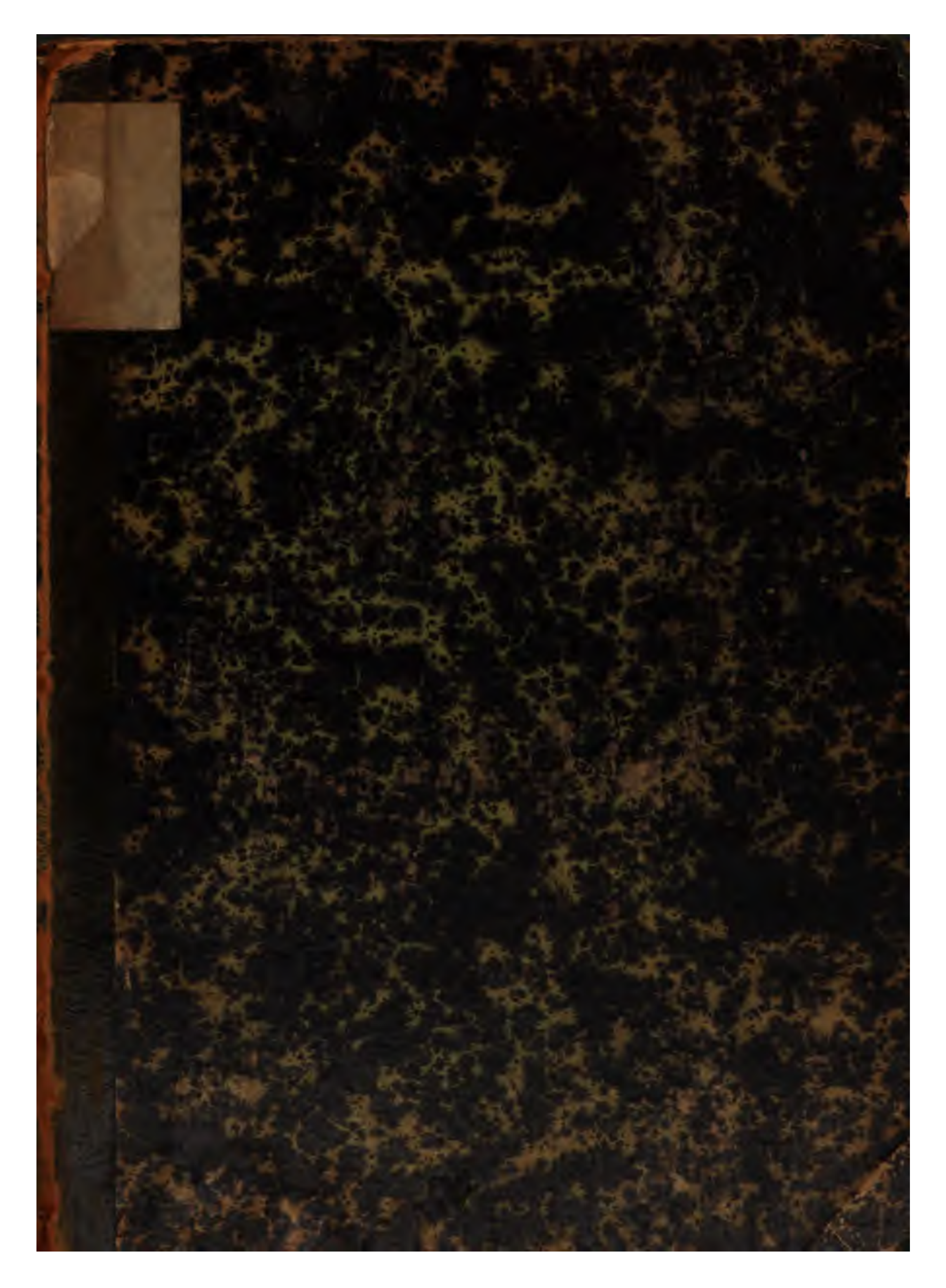
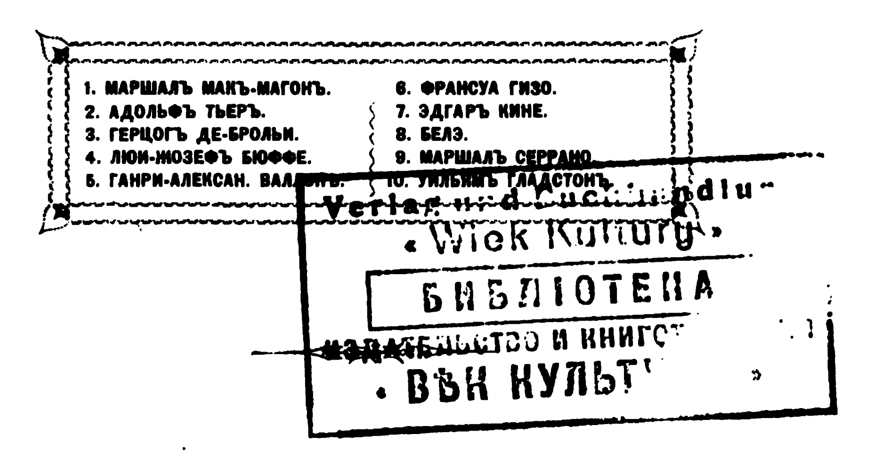


СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКІЕ ДѢЯТЕЛИ.

БІОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ и ХАРАКТЕРИСТИКИ.

Э. РЕКЛЮ.



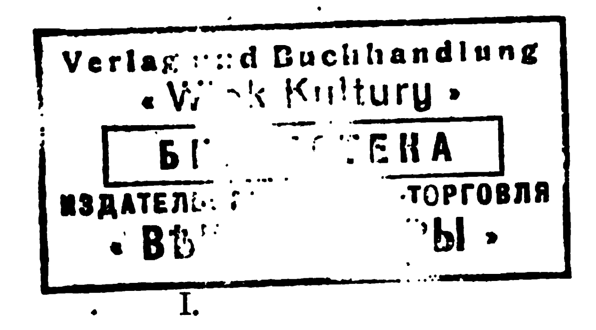
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. А. Тушнова, по Надеждинской улицѣ, домъ № 39.
1876.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Книга эта — портретная галерея современныхъ политическихъ дѣятелей, — государственныхъ людей, маршаловъ, министровъ, писателей, которые и словомъ, и дѣломъ вліяли и продолжаютъ вліять на политическія судьбы Европы. Какъ въ дѣйствительной жизни, такъ и въ этихъ портретахъ тѣни мѣшаются съ свѣтомъ, сильный умъ съ безуміемъ, неподкупная честность съ двусмысленнымъ поведеніемъ; однимъ словомъ, — это люди самыхъ разнообразныхъ соціальныхъ оттѣнковъ, политическихъ стремленій и міросозерцаній. Рядомъ съ честнымъ и геніальнымъ государственнымъ человѣкомъ читатель встрѣтитъ здѣсь и жалкую посредственность, выдвинутую случаемъ на первый планъ и играющую въ современной человѣческой драмѣ такую-же руководящую роль, какъ и геній. Между такими ничтожными личностями, какъ Бюффе и Брольи, только благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ попавшими вмѣсто галеръ въ пантеонъ знаменитостей, и такимъ мудрымъ дѣятелемъ, какъ Гладстонъ, между такимъ салоннымъ фатомъ, какъ маршалъ Серрано, и такимъ глубокимъ мыслителемъ, какъ Эдгаръ Кине, лежитъ цѣлая пропасть переходныхъ ступеней, — такая-же пропасть, какъ между трагическимъ и комическимъ элементомъ въ самой жизни, между движеніемъ и застоемъ, между великими людьми и мелкими людишками. Но у нихъ

есть одна общая черта — это вѣрное и полное отраженіе въ нихъ добродѣтелей и пороковъ, мужества и слабости, ума и невѣжества нашей эпохи. Каждый изъ этихъ дѣятелей, давая тонъ и направленіе современнымъ событіямъ, непосредственно участвуя въ историческомъ движеніи, въ тоже время составляетъ неизбѣжный продуктъ своего времени и поколѣнія. Все, что есть въ нихъ высокаго и низкаго, свѣтлаго и темнаго, — все это скрывается въ инстинктахъ той національной среды, которая создала ихъ и въ которой имъ приходится дѣйствовать.

Послѣдній приговоръ надъ современнымъ дѣятелемъ принадлежитъ только исторіи, когда дѣятельность политическаго вождя вполнѣ заканчивается и совершившійся фактъ освѣщаетъ ее своимъ значеніемъ и результатомъ. Поэтому авторъ предлагаемыхъ характеристикъ старался избѣгать категорическихъ выводовъ и рѣшительныхъ приговоровъ; онъ строго держался фактическаго изложенія, вполнѣ убѣжденный, что читатель, политически подготовленный понимать логическій смыслъ событія, отдѣлитъ въ немъ наружную обстановку отъ его внутренняго содержанія, съумѣетъ самъ отличить бѣлое отъ чернаго и предвидѣть, кому изъ нихъ выпадетъ на долю признательность или горькій укоръ, лавровый вѣнокъ или дурацкій колпакъ въ глазахъ потомства.



I.

МАРШАЛЪ МАК-МАГОНЪ, ГЕРЦОГЪ МАДЖЕНТСКІЙ,

президентъ французской республики.

Происхожденіе Мак-Магона.—Воспитаніе.—Его клерикальныя и легитимистскія убѣжденія—Быстрое возвышеніе по службѣ.—Отстраненіе отъ политики.—Проектъ слiянія монархическихъ партій.—Мак-Магонъ становится слугою второй имперіи.—Военные подвиги Мак-Магона.—Маршальскій жезлъ.—Сенатская оппозиція Мак-Магона.—Почетная ссылка.—Арабское королевство.—Военный и клерикальный характеръ алжирской администраціи.—Страшный голодъ въ Алжиріи.—Увлеченія общественнаго мнѣнія въ отношеніи Мак-Магона.—Дѣйствія Мак-Магона во время нѣмецко-французской войны.—Кто виноватъ въ седанской катастрофѣ?—Своевременная рана, виновница президентства Мак-Магона.—Приключеніе съ креслами.—Отъ ничтожныхъ причинъ иногда происходятъ крупныя послѣдствія.—Вліяніе маршальши Мак-Магонъ.—Избраніе Мак-Магона президентомъ республики.—Опасенія республиканской партіи.—Легенда относительно участія Мак-Магона въ попыткѣ монархической реставраціи.—Семилѣтнее президентство.—Утвержденіе новыхъ кардиналовъ.—Краснорѣчіе монсеньеровъ.—Ходячій анекдотъ въ Парижѣ.

I.

Морисъ-Патрикъ Мак-Магонъ родился въ 1808 году, въ замкѣ Сюлли, вблизи Отена. Данное ему имя „Патрикъ“ указываетъ на ирландское происхожденіе его фамиліи. Мак-Магоны эмигрировали во Францію послѣ пораженія англійскаго короля Іакова II въ сраженіи при Бойнѣ. Изученіе біографій замѣчательныхъ людей приводитъ къ заключенію, что весьма значительная часть людей, достигшихъ почестей и славы, и

ставшихъ знаменитостями происходитъ изъ фамилій иностранныхъ, поселившихся за три или за четыре поколѣнія въ странѣ, гдѣ они прославились. Декандоль представляетъ этому поразительныя доказательства въ своей книгѣ „Исторія науки и ученыхъ"; подходящіе примѣры онъ беретъ въ Швейцаріи и преимущественно въ Женевѣ. Подобные-же примѣры, хотя и не въ такой степени обильные, можно найти въ исторіи Франціи, Пруссіи и Россіи. Земледѣлецъ, желающій получить болѣе обильную жатву, сѣетъ не свои собственныя сѣмена, а пріобрѣтенныя имъ покупкой въ мѣстности, лежащей въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ его поля, и преимущественно сѣвернѣе, чѣмъ южнѣе.

Французскій дворъ, какъ извѣстно, долгое время поддерживалъ Стюартовъ; онъ тратилъ баснословныя суммы для ихъ возстановленія. Мак-Магоны, какъ люди преданные Стюартамъ и ревностные католики, встрѣтили благосклонный пріемъ при этомъ дворѣ. По словамъ Мак-Магоновъ, ихъ фамилія происходитъ отъ древнихъ ирландскихъ королей, которыхъ въ Ирландіи, замѣтимъ мы, было почти столько-же, сколько и деревень.

Мак-Магоны, вѣрные слуги Стюартовъ, выказывали не менѣе вѣрности и Бурбонамъ; они поступили не такъ, какъ Брольи и другія знатныя фамиліи, предложившія свои услуги *узурпатору Буонапарте*,—нѣтъ, Мак-Магоны остались вѣрны старому знамени; они удалились въ замокъ Сюлли; здѣсь и родился герцогъ маджентскій. Послѣ своей реставраціи, Людовикъ XVIII вспомнилъ о Мак-Магонахъ; онъ пригласилъ представителя этой фамиліи въ Парижъ, сдѣлалъ его пэромъ Франціи и далъ ему придворную должность.

Маленькій Патрикъ вскорѣ былъ помѣщенъ въ католическую семинарію. Здѣсь онъ получилъ клерикальную закваску, которая послужила основаніемъ его характера и его міросозерцанія. Юное созданіе, попавшее въ руки достопочтенныхъ отцовъ іезуитовъ, почти всегда выходитъ отъ нихъ вылитымъ въ такую форму, какая имъ необходима.

Изъ семинаріи юный Мак-Магонъ перешелъ въ сен-сирскую

школу, гдѣ онъ отличался прилежаніемъ, трудолюбіемъ и тихимъ поведеніемъ,—однимъ словомъ, считался примѣрнымъ воспитанникомъ. Изъ заведенія онъ вышелъ четвертымъ по старшинству и былъ произведенъ въ подпоручики съ прикомандированіемъ къ главному штабу арміи; вскорѣ, однакожъ, онъ былъ переведенъ въ гусары.

Едва онъ успѣлъ надѣть свою новую форму, какъ разразилась революція 1830 года. Теперь снова представлялся случай Мак-Магонамъ доказать свою вѣрность старымъ тенденціямъ и королю, который покровительствовалъ ихъ фамиліи. Старшій изъ братьевъ, въ то время тоже офицеръ, переломилъ свою шпагу, поклялся въ непримиримой ненависти къ Люи-Филиппу и послѣдовалъ въ изгнаніе за королемъ Карломъ X. Что сталось съ нимъ — намъ неизвѣстно: можетъ быть, онъ умеръ, а можетъ быть и проживаетъ гдѣ-нибудь въ глухой провинціи.

Младшій изъ братьевъ, Патрикъ, поступилъ иначе. Онъ также во всеуслышаніе твердилъ объ узурпаціи Люи-Филиппомъ трона, публично порицалъ его коварное поведеніе, однакожъ не отказался дать ему присягу въ вѣрности и повиновеніи. Впрочемъ, если можно такъ выразиться, онъ далъ неполную присягу. Онъ присягнулъ Франціи, но не королю Люи-Филиппу. Своимъ королемъ, по его словамъ, Мак-Магонъ по-прежнему считалъ Карла X и ему одному онъ оставался всегда вѣренъ; Люи-Филиппа, короля французовъ, онъ не признавалъ, но считалъ непозволительнымъ составлять противъ него заговоры, поднимать знамя возмущенія въ пользу *своего* короля. Въ этихъ разсужденіяхъ его сказывалось вліяніе іезуитскаго воспитанія; іезуиты всегда умѣютъ находить лазейки; слѣдуя ихъ ученію, совѣсть всегда остается спокойной: всегда можно найти удобный выходъ—и воспользоваться всѣми выгодами своего положенія, и не провиниться противъ честности и справедливости, т. е. и невинность соблюсти, и капиталъ пріобрѣсти.

Продолжая далѣе свои разсужденія въ томъ-же духѣ, Мак-Магонъ рѣшилъ, что онъ несомнѣнно обязанъ служить сво-

ему отечеству, но не внутри страны, гдѣ ему, пожалуй, пришлось-бы подавлять возстаніе, въ которомъ могъ участвовать его старшій братъ. Свои способности онъ могъ употребить на службѣ внѣ Франціи, въ войнѣ противъ арабовъ, въ борьбѣ цивилизаціи съ варварствомъ, христіанства съ исламомъ. Къ тому-же онъ вѣрно разсчиталъ, что въ Алжиріи въ три или четыре раза скорѣе можно дослужиться до высшихъ чиновъ, чѣмъ исполняя гарнизонную службу въ самой Франціи.

Мак-Магонъ и на службѣ отличался тѣми-же качествами, какъ и въ школѣ, т. е. трудолюбіемъ, примѣрнымъ поведеніемъ, акуратностью и исполнительностью. Онъ считалъ своей обязанностью быть храбрымъ и при каждомъ удобномъ случаѣ выказывалъ храбрость. Однимъ изъ его первыхъ подвиговъ въ Алжиріи было занятіе его ротой горы Музайя, за что онъ получилъ крестъ почетнаго легіона. Гора Музайя пріобрѣла знаменитость въ исторіи Франціи, не ради подвига, совершеннаго здѣсь Мак-Магономъ, а ради спекуляцій, которыя были вызваны будто-бы обильными мѣдными рудниками, въ ней находящимися,—спекуляціями, обогатившими нѣсколькихъ Роберовъ Макаровъ и раззорившими сотни довѣрчивыхъ простаковъ.

Патрика Мак-Магона, однакожъ, не занимала ни биржа, ни политика. Онъ продолжалъ честно исполнять свои солдатскія обязанности. Повышеніе его шло такъ-же быстро, какъ и его товарища, Базэна, отличавшагося именно тѣми качествами и пороками, которыхъ не было у Мак-Магона. Быстро, одинъ за другимъ, Мак-Магонъ получилъ чины: капитана, маіора, подполковника,. полковника, бригаднаго и дивизіоннаго генерала и всѣ степени ордена почетнаго легіона.

Орлеанскіе принцы, съ особеннымъ вниманіемъ слѣдившіе за африканской арміей, которую они считали своей главной поддержкой, конечно, не могли не замѣтить храбраго и достойнаго офицера, какимъ былъ Мак-Магонъ. Люи-Филиппъ и его дѣти расточали лесть и ласку легитимистамъ, продолжавшимъ занимать военныя и гражданскія должности. Они старались привлечь на свою сторону и Мак-Магона. Но онъ

оставался твердъ и непоколебимъ; онъ былъ вѣжливъ до тонкости съ Орлеанскими принцами, но постоянно твердилъ, что онъ ничего не смыслитъ въ политикѣ, что онъ не хочетъ знать ея и по-прежнему намѣренъ остаться только солдатомъ и ничѣмъ болѣе. Неизвѣстно, были-ли попытки подкупить его деньгами, но для всѣхъ было очевидно, что его нельзя купить ни за сто тысячъ франковъ, за которые впослѣдствіи подкупили Маньяна, ни за милліонъ, который взялъ Сент-Арно.

II.

Послѣ побѣды революціи 1848 года, Мак-Магонъ слѣдовалъ той-же системѣ дѣйствій. Онъ охотно согласился на предложеніе своего друга Кавеньяка остаться въ Алжиріи и сдерживать непокорныя туземныя племена. Мак-Магонъ, оставаясь въ душѣ монархистомъ, тотчасъ-же призналъ республику и далъ ей присягу въ вѣрности и послушаніи. Онъ, однакожъ, по-прежнему остался легитимистомъ, и эта твердость убѣжденій снова принесла ему лично большую пользу. Во время іюльской монархіи въ немъ заискивали и ему льстили, именно благодаря этой твердости. То-же самое случилось и теперь: распорядители судьбами республики также старались всѣми средствами привлечь его на свою сторону. Значеніе Мак-Магона, особенно усилилось послѣ іюньской инсурекціи.

Но и теперь, какъ во время орлеанской монархіи, Мак-Магонъ съ своей стороны не сдѣлалъ ни шагу для сближенія съ правительствомъ; онъ, повидимому, старался какъ можно меньше производить шума, онъ никогда самъ не напоминалъ о себѣ; онъ точно и неуклонно исполнялъ получаемыя имъ приказанія, но никогда не выходилъ изъ границъ своихъ профессіональныхъ обязанностей. Такое поведеніе никого-бы не удивило, если-бъ дѣло шло о бѣднякѣ; но Мак-Магонъ обладалъ нѣсколькими богатыми имѣніями, у него былъ пре-

красный домъ въ Парижѣ, онъ былъ добрымъ католикомъ, воспитаннымъ въ іезуитской семинаріи, и, несмотря на всѣ выгоды своего положенія, не напоминалъ о себѣ, не требовалъ повышеній, не жаждалъ переселенія въ Парижъ и политической дѣятельности. Но при всей его скромности и желаніи остаться только солдатомъ, ему предстояло занять весьма замѣтное мѣсто въ рядахъ администраціи второй республики, если-бъ этому не помѣшалъ проектъ сліянія обѣихъ вѣтвей монархической партіи.

Проектъ сліянія обѣихъ вѣтвей монархической партіи во Франціи далеко не такъ новъ, какъ многіе предполагаютъ. Мысль о немъ принадлежитъ не нашему времени, не большинству версальскаго національнаго собранія, а графу Моле, министру Люи-Филиппа. Замѣчая, что орлеанская монархія близится къ паденію, графъ Моле задумалъ въ 1846 году дать ей новыя силы, и средствомъ для этого хотѣлъ избрать примиреніе, союзъ и сліяніе съ древней средневѣковой монархіей. Но старый Люи-Филиппъ не усмотрѣлъ добра въ проектѣ своего друга и совѣтника; онъ принялъ его очень холодно и, наконецъ, объявилъ, что не видитъ надобности прибѣгать къ такимъ крайнимъ мѣрамъ.

Но когда Люи-Филиппъ потерялъ свой тронъ, когда онъ бѣжалъ изъ Парижа, переодѣтый въ блузу торговца яйцами, когда онъ восемь дней блуждалъ по Франціи, укрываясь отъ жандармовъ подъ именемъ Уильяма Смита, англійскаго торговца бакалейными товарами, онъ вспомнилъ объ отвергнутомъ имъ проектѣ своего друга Моле. Онъ объявилъ своимъ приверженцамъ, что, по его мнѣнію, единственное средство побѣдить республику заключается въ офиціальномъ союзѣ обѣихъ монархическихъ партій, морально уже соединенныхъ въ ненависти своей къ демократіи. Изъ своего твикенгэмскаго уединенія онъ твердилъ своимъ друзьямъ, что необходимо примирить феодальное право съ правомъ буржуазнымъ, капитуляріи Карла Великаго—съ гражданскимъ сводомъ, изданнымъ національнымъ конвентомъ, исправленнымъ и дополненнымъ Наполеономъ I.

Съ каждымъ днемъ Люи-Филиппъ все болѣе и болѣе увлекался своимъ планомъ. Чувствуя, что его здоровье слабѣетъ, онъ однакожъ, не оставлялъ своего проекта слiянiя; онъ включилъ его въ свое завѣщанiе, поручивъ исполненiе его Тьеру. Его стѣсняла только рѣшительная оппозицiя проекту со стороны вдовы герцога Орлеанскаго, которая все еще надѣялась, что ея сынъ, графъ Парижскiй вступитъ на французскiй престолъ. Однакожъ Люи-Филиппъ сильно разсчитывалъ, что Тьеръ, какъ человѣкъ ловкiй и краснорѣчивый, съумѣетъ убѣдить ее. „Отправьтесь къ ней, говорилъ умирающiй Люи-Филиппъ,—постарайтесь уговорить ее: она добрая мать, и вы, можетъ быть, съумѣете убѣдить ее, что для пользы общаго дѣла необходимѣе всего примирить интересы графа Парижскаго съ интересами Шамбора".

Но краснорѣчiе Тьера не помогло дѣлу, и добрая мать осталась непреклонной. Тьеръ сообщилъ клубу улицы Пуатье о своей неудачѣ. Члены этого клуба, послѣ продолжительныхъ дебатовъ, рѣшили, что необходимо сдѣлать попытку, нельзя-ли подѣйствовать на графа Шамбора. Посломъ къ нему былъ отправленъ Казимiръ Перье (отецъ нынѣ дѣйствующаго Казимiра Перье); его посольство было такъ-же неудачно, какъ и посольство Шенелона въ 1874-мъ году. Графъ Шамборъ и тогда твердо держался своихъ принциповъ, онъ требовалъ безусловнаго признанiя его права и не хотѣлъ и слышать ни о какихъ компромисахъ; ему недостаточно было, что графъ Парижскiй подаетъ ему руку примиренiя; онъ требовалъ, чтобы наслѣдникъ орлеанской монархiи испросилъ у него прощенiе на колѣняхъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ, чтобы и вся Францiя преклонила предъ нимъ колѣна.

Въ то время, какъ и теперь, вожаки и главнѣйшiе представители обѣихъ вѣтвей монархической партiи желали сойтись; къ этому ихъ побуждала взаимная ненависть къ республикѣ, которую они наполовину уже уничтожили. Но и тогда, какъ и теперь, они не могли согласиться въ томъ, какая часть наслѣдства достанется на долю каждой стороны. Пока они судили да рядили, пока они спорили, явился тре-

тій претендентъ, который захотѣлъ завладѣть всѣмъ одинъ, безраздѣльно. Люи-Наполеонъ примирилъ соперниковъ, разсадивъ ихъ по тюрьмамъ и разогнавъ за-границу и въ глушь французскихъ провинцій; онъ произвелъ государственный переворотъ и основалъ свою демократическую имперію, утвердилъ свой популярный и соціальный цезаризмъ.

III.

Великую честь дѣлаетъ Мак-Магону, что Люи-Наполеонъ не рискнулъ предложить ему участія въ государственномъ переворотѣ. Наполеонъ и его сторонники были увѣрены, что Мак-Магонъ не только откажется отъ подобнаго предложенія, но даже, пожалуй, захочетъ помѣшать осуществленію ихъ плановъ. Однакожъ, когда переворотъ совершился, Мак-Магонъ, хотя далеко не изъ первыхъ, но и не изъ послѣднихъ, призналъ новый порядокъ. Онъ даже выразилъ свое удовольствіе, что, наконецъ, покончили съ республикой, и это онъ сдѣлалъ вполнѣ искренно. Въ качествѣ легитимиста, онъ, конечно, не могъ дорожить республикой. Къ тому-же католическое духовенство торжественно заявило, что Наполеонъ спасъ страну и религію отъ язвы демагогіи, а Мак-Магонъ не даромъ былъ воспитанъ іезуитами: онъ слишкомъ уважалъ католическое духовенство, чтобы рѣшился смотрѣть на событія иначе, какъ смотрѣло оно. Такимъ образомъ, Мак-Магонъ очутился въ раззолоченной свитѣ новаго императора; въ немъ, конечно, не замерла его прежняя симпатія къ королю Карлу X, уже умершему,—симпатія, которую онъ перенесъ на наслѣдника Карла, графа Шамбора. „Но, разсуждалъ Мак-Магонъ,—надобно пожертвовать своими личными симпатіями, когда правительство, хотя и не имѣющее законнаго права на власть, призываетъ соединиться съ нимъ для защиты порядка, религіи, семьи и собственности! Отечество прежде всего!“ Еще разъ Мак-Магонъ доказалъ,

что онъ вовсе не идеалистъ, что онъ человѣкъ, знающій, гдѣ лежитъ приличная граница между долгомъ и личными выгодами, что онъ отлично понимаетъ, что всегда можно слыть человѣкомъ непоколебимой честности, твердыхъ убѣжденій и при всякомъ удобномъ случаѣ соблюдать свои выгоды. Какую пользу извлекъ-бы онъ для себя лично если-бъ послѣдовалъ примѣру своего брата и удалился въ изгнаніе? Того всѣ забыли, а о Патрикѣ Мак-Магонѣ продолжаютъ говорить, какъ о человѣкѣ, который не поддается никакимъ льстивымъ предложеніямъ и при всѣхъ случаяхъ остается твердымъ легитимистомъ.

Съ репутаціей искренняго легитимиста Мак-Магонъ вступилъ и въ разрядъ служителей второй имперіи; но эта репутація нисколько не повредила ему въ средѣ новыхъ товарищей. Напротивъ, она даже послужила ему въ пользу. Наполеонъ III былъ очень доволенъ, что имѣлъ право хвастать передъ иностранными гостями, что онъ съумѣлъ привлечь къ себѣ на службу такое чудо добродѣтели и вѣрности, какъ генералъ Мак-Магонъ, ни разу не измѣнившій своему знамени, несмотря на всѣ перемѣны политическаго строя, какія испытала Франція. „Право, удивительный человѣкъ этотъ Мак-Магонъ! говорилъ въ такихъ случаяхъ Наполеонъ III.— Ничто не можетъ поколебать его легитимистскихъ убѣжденій. Онъ остается всегда вѣренъ своему Генриху V. Но никакими силами его нельзя увлечь въ заговоръ, убѣдить въ необходимости возстанія въ пользу его короля. Располагая шпагой Мак-Магона, я могу спать спокойно. Его слово свято и непоколебимо. Онъ рыцарь по вѣрности и честности, онъ обладаетъ античными добродѣтелями, его характеръ твердъ, какъ сталь. Я цѣню достоинства во всякомъ человѣкѣ и люблю награждать достойныхъ людей, хотя они и не хотятъ плыть на одномъ суднѣ со мною. Вѣрьте, я отличаю Мак-Магона и выказываю ему знаки своей особенной привязанности именно потому, что онъ твердо держится своихъ политическихъ убѣжденій и остается вѣренъ своимъ фамильнымъ ,преданіямъ".

И Наполеонъ III дѣйствовалъ вполнѣ послѣдовательно,

опираясь на людей, подобныхъ Мак-Магону. Новыя династіи всегда стараются сблизиться съ людьми, носящими древнія фамиліи или занимавшими выдающееся положеніе при прежней династіи. Наполеону III, достигшему трона съ помощью ничѣмъ не стѣсняющихся авантюристовъ, подобныхъ Эспинасу, Барошу и Сент-Арно, безпрестанно требовавшихъ отъ него денегъ и денегъ за свои услуги, было пріятно сойтись съ такимъ сравнительно безкорыстнымъ человѣкомъ, каковъ былъ Мак-Магонъ. Какъ горько приходилось Наполеону III отъ его ближайшихъ сотрудниковъ и помощниковъ, легко заключить изъ его собственнаго предисловія къ „Исторіи Цезаря", въ которомъ онъ дѣлаетъ слишкомъ прозрачные намеки на то, что его соратники черезъ мѣру насолили ему. Поэтому-то онъ много извинялъ людямъ, въ характерѣ которыхъ замѣчалъ честность, хотя, можетъ быть, нѣсколько и грубую, и нравственныя качества; онъ старался возвышать ихъ до значительныхъ государственныхъ должностей. Къ этой категоріи людей принадлежалъ и Мак-Магонъ. Послѣ своего перваго разговора съ Наполеономъ III онъ могъ повѣрить, что его карьерѣ не грозитъ никакая опасность во время владычества второй имперіи.

Мак-Магонъ, разумѣется, попалъ въ число генераловъ, посланныхъ въ Крымъ для того, чтобы имѣть предлогъ дать имъ быстрое повышеніе по службѣ. Мак-Магонъ отличился подъ Севастополемъ, особенно въ день послѣдняго штурма, когда его дивизія овладѣла знаменитымъ „Малаховымъ курганомъ", что побудило русскія войска оставить Севастополь и, собственно говоря, окончило крымскую войну, стоившую Франціи много денегъ и людей.

Взятіе Малахова кургана стоило громадной потери въ людяхъ для французской арміи, но и завладѣвъ этимъ ключомъ русской позиціи, Мак-Магонъ продолжалъ подвергать свои войска сильнѣйшему огню русскихъ батарей. Видя это, Пелисье послалъ сказать Мак-Магону, чтобы онъ отступилъ. „Я взялъ и не отдамъ!" отвѣчалъ Мак-Магонъ. Эти слова онъ принялъ своимъ девизомъ. Его рѣшительность привела

въ восторгъ увлекающихся французовъ, а императоръ поспѣшилъ наградить его званіемъ сенатора.

Мак-Магонъ былъ уже дивизіоннымъ генераломъ, когда Наполеонъ III объявилъ войну Австріи съ цѣлью присоединенія австрійскихъ итальянскихъ провинцій къ новому итальянскому королевству. Наполеонъ имѣлъ слабость считать себя такимъ-же замѣчательнымъ полководцемъ, какимъ былъ его дядя и въ силу такой увѣренности, въ войнѣ съ Австріей онъ принялъ на себя командованіе дѣйствующей арміей. Но на первыхъ-же порахъ оказалось, что онъ весьма плохой военачальникъ. Онъ дозволилъ австрійскому главнокомандующему Гіулаю напасть на себя врасплохъ подъ Маджентой. Это нечаянное нападеніе поставило французскую армію въ самое критическое положеніе. Часть ея, находившаяся подъ личнымъ начальствомъ Наполеона, была совершенно разбита. Въ это самое время Мак-Магонъ съ своимъ корпусомъ дѣлалъ обходное движеніе. Услышавъ сильную канонаду, которой вовсе не полагалось по программѣ дня, онъ пошелъ на выстрѣлы и ударилъ въ тылъ австрійцамъ. Ошеломленные австрійцы, видя, что на нихъ точно съ неба свалился цѣлый корпусъ французскихъ войскъ, и поставленные между двухъ огней, смѣшались, и уже одержанная ими почти рѣшительная побѣда обратилась для нихъ въ плачевное пораженіе.

Избавленный отъ опасности попасть въ плѣнъ къ австрійцамъ, Наполеонъ III поспѣшилъ вознаградить своего спасителя. Онъ обнялъ его передъ рядами войскъ и на самомъ полѣ битвы произвелъ въ маршалы Франціи и далъ ему титулъ герцога Маджентскаго. Императрица, увѣдомленная по телеграфу объ этомъ событіи, облобызала супругу Мак-Магона, причемъ назвала его спасителемъ Франціи, императора и династіи.

Впрочемъ, похвала императрицы была не совсѣмъ точна. Мак-Магонъ своей побѣдою не думалъ да и не могъ спасти Францію, которой не угрожала никакая опасность, такъ-какъ едва-ли можно предположить, чтобы австрійцы, одержавъ побѣду надъ французами въ Италіи, рѣшились перенести войну

во Францію. Такое предпріятіе было невозможно для арміи, оставлявшей въ тылу значительную армію другой враждебной страны. Очень можетъ быть, что Мак-Магонъ, дѣйствительно спасъ Наполеона отъ плѣна, но...

Однакожь, оставимъ въ покоѣ предположенія и замѣтимъ только, что если-бы Наполеонъ III послѣ маджентской битвы очутился плѣнникомъ въ Шенбрунѣ, исторія Европы несомнѣнно пошла-бы инымъ путемъ и, по всей вѣроятности, не было-бы битвы подъ Садовой, а Эльзасъ и Лотарингія попрежнему оставались-бы французскими провинціями.

Какъ мы видѣли, въ обоихъ случаяхъ, подъ Севастополемъ и подъ Маджентой, Мак-Магонъ проступился противъ военной дисциплины: онъ дѣйствовалъ наперекоръ приказаніямъ главнокомандующихъ. Но побѣдителя не судятъ. И, конечно, эти случаи еще не доказываютъ твердости и рѣшительности характера, а тѣмъ болѣе — независимости его убѣжденій. Между тѣмъ именно эти случаи послужили поводомъ къ восхваленію твердости и независимости убѣжденій честнаго и безкористнаго маршала. „Вся жизнь его, говорятъ почитатели герцога Маджентскаго, — доказываетъ его удивительную честность, твердость и независимость. Іюльская монархія даетъ ему чины; орлеанскіе принцы жмутъ ему руки и безпрестанно приглашаютъ его на завтраки и обѣды, но онъ продолжаетъ твердо держаться своихъ легитимистскихъ симпатій. Республика повышаетъ его,—онъ холодно принимаетъ это повышеніе. Вторая имперія бѣгаетъ за нимъ, любезничаетъ съ нимъ, осыпаетъ его наградами,— онъ беретъ ихъ съ достоинствомъ, но явно показываетъ, что симпатіи его лежатъ къ иному дѣлу. Не удивительно-ли это? Правда, онъ согласился принять званіе сенатора второй имперіи, но даже и въ сенаторскомъ мундирѣ онъ съумѣлъ высказать свою независимость. Вспомните достопамятный день 25 февраля 1858 года. Въ этотъ день онъ явился не только независимымъ человѣкомъ, но даже героемъ, и показалъ, что никакія милости не могутъ заставить его поступиться своими убѣжденіями и вступить въ сдѣлку съ совѣстью, подобно вы-

скочкамъ второй имперіи, щеголяющимъ въ герцогскихъ мундирахъ съ такимъ-же чванствомъ, какъ ворона, разодѣтая въ павлиньи перья. Правительство второй имперіи, отнявшее у французовъ всякую свободу, находило, что оно взяло еще мало, и вздумало закономъ объ общественной безопасности подчинить личность гражданина совершенному произволу полицейской префектуры. Государственный совѣтъ, конечно, вполнѣ согласился съ мнѣніемъ министра внутреннихъ дѣлъ; законодательный корпусъ принялъ новый законъ почти безъ всякаго сопротивленія. И кто-же могъ думать, что въ сенатѣ раздастся сильный оппозиціонный голосъ противъ этого закона? Этотъ голосъ раздался; онъ принадлежалъ Мак-Магону!"

Далѣе апологисты маршала расхваливаютъ до небесъ благородство, достоинство и независимость, выказанныя имъ въ этомъ случаѣ. Не будемъ спорить съ ними и согласимся, что Мак-Магонъ дѣйствовалъ по убѣжденію и, по его собственнымъ словамъ, защищалъ конституцію и *свободу (?), гарантированную второй имперіей*, которыя онъ клялся оберегать. О свободѣ, конечно, Мак-Магонъ промолвился ради краснаго словца.

Сенаторы, товарищи Мак-Магона, были недовольны его оппозиціей и, вѣроятно, дали ему это замѣтить, потому что съ этихъ поръ его голосъ уже болѣе не раздавался въ сенатѣ.

Правительство второй имперіи съ увѣренностію могло разсчитывать, что послѣ итальянской войны маршалъ Мак-Магонъ перестанетъ уже будировать правительство, съумѣвшее такъ достойно оцѣнить его заслуги. Чтобы еще болѣе привязать къ себѣ знаменитаго воина, Наполеонъ III послалъ маршала представлять свою особу на празднествахъ по случаю коронованія короля прусскаго. Мак-Магонъ удивилъ берлинцевъ чрезвычайной пышностью, но въ то-же самое время далъ право Мольтке и Бисмарку заключить, что у него, побѣдителя подъ Мадженотой, совсѣмъ посредственныя стратегическія и дипломатическія способности.

Отсутствіе дипломатическихъ способностей Мак-Магонъ вы-

казалъ и въ своихъ сношеніяхъ съ тюльерійскимъ дворомъ. Маршалъ обладалъ удивительной способностью нагонять на всѣхъ скуку на придворныхъ обѣдахъ и балахъ. Въ то-же время онъ не нравился военному министру болѣе всего за то, что его нельзя было упрекнуть въ поползновеніи пользоваться казеннымъ добромъ для усиленія собственныхъ средствъ. Эта честность маршала Мак-Магона хотя и нравилась императору, но вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждала въ немъ нѣкоторую тревогу. Поэтому онъ рѣшился удалить его изъ Франціи подъ предлогомъ назначенія на высшій постъ. Въ сентябрѣ 1864 года Мак-Магонъ былъ назначенъ губернаторомъ Алжиріи, несмотря на то, что это мѣсто ранѣе было обѣщано принцу Наполеону, въ это время находившемуся въ натянутыхъ отношеніяхъ съ своимъ кузеномъ, такъ какъ онъ провинился въ излишнемъ либерализмѣ. Это назначеніе было вмѣстѣ и почетной ссылкой, и знакомъ высочайшей милости, ибо Мак-Магону предоставлялись самыя широкія полномочія.

IV.

Управленіе Мак-Магона Алжиріей показало, что онъ весьма посредственный администраторъ. Здѣсь выяснилось, что самъ онъ мало способенъ къ иниціативѣ и что онъ былъ-бы болѣе на мѣстѣ, занимая должность помощника намѣстника. При талантливомъ намѣстникѣ его честность и исполнительность могли-бы принести пользу краю. Но въ качествѣ намѣстника онъ руководилъ дѣлами вяло и управленіе его ознаменовалось ошибками, вызвавшими бурныя пренія въ законодательномъ корпусѣ.

Между тѣмъ Мак-Магонъ провелъ лучшіе годы своей жизни въ Алжиріи, куда онъ прибылъ въ первомъ офицерскомъ чинѣ и гдѣ получилъ всѣ чины до дивизіоннаго генерала. Онъ прошелъ всю страну вдоль и поперекъ, побывалъ у арабовъ и кабиловъ, могъ познакомиться съ нравами, обычаями

и потребностями страны; ему извѣстенъ былъ личный составъ какъ военной, такъ и гражданской администраціи.

Мак-Магонъ извинялъ свои ошибки тѣмъ, что онъ точно слѣдовалъ желаніямъ императора, который въ своемъ письмѣ, опубликованномъ во всеобщее свѣденіе, весьма подробно разъяснилъ, какой системы желаетъ держаться правительство въ отношеніи этой французской колоніи.

Наполеонъ III, побѣдитель въ Россіи, Австріи и Китаѣ, союзникъ въ Англіи, полу-богъ въ Италіи, встрѣчавшій въ Пруссіи лести и заискиванія, былъ въ это время на верху своего величія; немудрено, что у него закружилась голова и онъ вообразилъ себя избранникомъ судьбы. Ему представилось, что какое-бы трудное предпріятіе онъ ни задумалъ, оно непремѣнно осуществится. Въ это самое время онъ уже задумалъ экспедицію въ Новый Свѣтъ, которая впослѣдствіи олицетворилась войной съ Мехикой. Въ это-же время онъ составилъ проектъ основанія арабскаго королевства. Тогдашняя пресса почти не обратила вниманія на эту затѣю, считая ее праздной фантазіей чрезмѣрно увлекавшагося счастливца. Результаты ея и теперь еще недостаточно изслѣдованы историками, можетъ быть, потому, что въ нихъ нѣтъ ничего слишкомъ яркаго, бьющаго въ глаза, но тѣмъ не менѣе они слишкомъ тяжело отразились на положеніи страны и, вѣроятно, еще не скоро залечатся причиненныя ими раны.

Наполеонъ III въ своей политикѣ всегда былъ романтикомъ. Не довольствуясь титуломъ католическаго императора, старшаго сына римской церкви, онъ захотѣлъ сдѣлаться султаномъ, главою правовѣрныхъ. У него зародилась идея сбразовать изъ Алжиріи сильное мусульманское государство. Въ своемъ письмѣ къ Мак-Магону и въ особенности въ небольшой брошюрѣ, имъ изданной, впрочемъ исключительно для посвященныхъ, Наполеонъ III заявляетъ категорически, что Алжирія должна быть арабскимъ королевствомъ и въ то-же время французскимъ лагеремъ.

Но представлялся затруднительный вопросъ: что-же дѣлать, въ такомъ случаѣ, съ европейскими эмигрантами, поселив-

шимися въ Алжиріи, и съ французскими колонистами? Оставалось одно: всѣми возможными мѣрами сдѣлать непривлекательной для нихъ жизнь въ Алжиріи, что, конечно, побудитъ ихъ оставить негостепріимный край и переселиться изъ него обратно во Францію. Въ этомъ именно духѣ и дѣйствовала администрація Мак-Магона, имѣвшая чисто-военный характеръ. Она ставила всевозможныя преграды мѣстной буржуазіи, т. е. французскому элементу. На буржуазію администрація смотрѣла, какъ на революціонеровъ; за то расточала лесть и ласки арабскимъ феодаламъ, шейхамъ, каидамъ подъ предлогомъ уваженія къ патріархальнымъ обычаямъ, лежащимъ въ основѣ ислама.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Алжирія должна была сдѣлаться французскимъ лагеремъ,—лучше сказать, практической военной школой, гдѣ офицеры на мелкихъ стычкахъ и въ экспедиціяхъ въ арабскіе и кабильскіе лагери изучали-бы военное дѣло. Наполеонъ III всегда чувствовалъ особенно расположеніе къ алжирскимъ войскамъ, такъ-какъ главные пособники его въ государственномъ персворотѣ были изъ участниковъ въ кабильскихъ экспедиціяхъ. Къ тому-же Наполеонъ III для личной охраны своей въ Парижѣ окружилъ себя отрядами изъ туземцевъ, тюркосами,—людьми, у которыхъ не могло быть никакихъ симпатій во Франціи и которые, поэтому, были пригодны на все. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи Наполеонъ III подражалъ стариннымъ французскимъ королямъ, имѣвшимъ при себѣ батальоны швейцарцевъ, королевскій нѣмецкій полкъ отряды шотландцевъ, ирландцевъ и савояровъ.

Мы не хотимъ думать, что Мак-Магонъ сочувствовалъ плану преобразованія Алжиріи въ арабское королевство; мы готовы допустить, что онъ не замѣтилъ, какія нелѣпости, а главное, какой вредъ лежали въ основаніи этого плана. Но онъ видѣлъ неудобство примѣненія проекта на практикѣ и все-таки, по своей всегдашней привычкѣ, пунктуально исполнялъ данную ему инструкцію, хотя его оппозиція въ этомъ случаѣ могла-бы привести къ благимъ послѣдствіямъ. Впрочемъ, надо и то сказать, что система администраціи, которой слѣдо-

валъ Мак-Магонъ въ Алжирѣ, не его изобрѣтеніе: она была прямымъ послѣдствіемъ идеи необходимости преобладанія въ Алжиріи военнаго элемента надъ гражданскимъ, какой руководствовалось французское военное министерство послѣ смерти маршала Бюжо. Офицеры на-столько прониклись этой идеей, что ихъ приводило въ изумленіе, когда они встрѣчали возраженія со стороны статскихъ, сомнѣвавшихся въ пригодности подобной системы, отъ которой сильно страдала колонизація страны.

Мак-Магонъ, обладая почти диктаторской властью по управленію Алжиромъ, дѣйствовалъ вполнѣ въ духѣ милитаризма и клерикализма, хотя и тутъ особенной инициативы не выказывалъ. Онъ съ буквальной точностью исполнялъ приказанія, получаемыя свыше, и съ такой-же точностью вносилъ въ рапорты военному министру донесенія, поступавшія къ нему отъ его подчиненныхъ. О всѣхъ приказаніяхъ, получаемыхъ имъ изъ Тюльери, онъ непремѣнно и немедленно сообщалъ епископу. Его жена была добрымъ ангеломъ всѣхъ викаріевъ и монахинь. Префекты находились въ полномъ подчиненіи начальникамъ дивизій; всѣ чиновники, какъ гражданскіе, такъ даже и военные, не выходили изъ-подъ вліянія патеровъ. Французскіе колонисты подвергались разнымъ притѣсненіямъ со стороны чиновниковъ; и самимъ арабамъ, за исключеніемъ привилегированныхъ, жилось не сладко въ ихъ счастливомъ арабскомъ королевствѣ. Арабы находились подъ вѣденіемъ особыхъ арабскихъ бюро, поступавшихъ съ ними довольно безцеремонно и разорявшихъ ихъ подъ видомъ сбора податей и повинностей въ пользу шейховъ, каидовъ и пр.; что-же касается чиновниковъ изъ туземцевъ, они грабили своихъ земляковъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, несравненно смѣлѣе, чѣмъ это дѣлали они до французскаго завоеванія. Прежде они сдерживались страхомъ, потому что арабы, какъ и всѣ полудикіе народы, терпятъ, терпятъ, да вдругъ и прорвутся и начнутъ истреблять своихъ притѣснителей. Теперь-же шейхи и каиды безчинствовали подъ покровомъ своихъ цивилизаторовъ, французовъ, и если

соотечественники упреками ихъ въ безчинствахъ, они сваливали всю вину на невѣрныхъ франковъ, въ пользу которыхъ, будто-бы, дѣлались разные поборы. И они отчасти были правы, потому что французская администрація могла остановить эти безобразія, но она не хотѣла и сочла за лучшее на все смотрѣть сквозь пальцы. Конечно, Мак-Магонъ чистъ отъ обвиненій во взяточничествѣ и подобныхъ злоупотребленіяхъ; но многіе изъ его подчиненныхъ постоянно злоупотребляли своею властью и наживались на счетъ французскихъ колонистовъ и туземнаго населенія. Нѣкоторые изъ нихъ поступали слишкомъ открыто и нельзя было не замѣтить ихъ продѣлокъ. Повальныя злоупотребленія совершались на виду всѣхъ; требовалось только, чтобы виновникъ ихъ умѣлъ ловко хоронить концы; но если безобразія всплывали на верхъ по неловкости ихъ совершителей, что иногда случалось, то обыкновенно ихъ признавали явленіями случайными. Личной свободы, которую нѣкогда такъ краснорѣчиво защищалъ Мак-Магонъ, въ Алжиріи почти не существовало. Свобода прессы была пустымъ звукомъ и журналистовъ безпрестанно заключали въ тюрьмы и брали съ нихъ штрафы. Вообще Мак-Магонъ во время шести-лѣтняго управленія своего Алжиріей держался чрезвычайно странной, противорѣчащей системы. Французское правительство, постоянно толковавшее о необходимости пріобрѣтенія новыхъ французскихъ колоній, на-столько стѣсняло своихъ колонистовъ въ Алжиріи, что они уходили изъ колоніи обратно въ метрополію. Французскіе чиновники покровительствовали арабамъ въ ущербъ французовъ. Алжирская французская администрація, несмѣющая выйти изъ-подъ вліянія католическаго клерикализма, поддерживала авторитетъ корана и на практикѣ ставила старые мусульманскіе законы всегда выше французскаго гражданскаго кодекса. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти друзья арабовъ поступали съ ними до того дружелюбно, что многія изъ туземныхъ племенъ брались за оружіе и возставали противъ своихъ покровителей.

Бездѣятельность и слабость французской администраціи во

время управленія Алжиріей Мак-Магона особенно ярко проявились въ дни ужаснаго голода, по официальнымъ донесеніямъ, стоившаго жизни 217,812 жертвъ. Люди, хорошо знакомые съ Алжиріей, за нѣсколько мѣсяцевъ предвидѣли страшное бѣдствіе и, помимо мѣстной администраціи, забили тревогу въ самой Франціи и подали петицію законодательному корпусу. Но гг. депутаты нашли, что это предметъ, нестоящій вниманія высокаго собранія, занятаго болѣе важными дѣлами. „Намъ какое дѣло!" высокомѣрно замѣтилъ одинъ изъ членовъ большинства, конечно, попавшій въ палату какъ официальный кандидатъ.

Такимъ образомъ, голодающіе были предоставлены на произволъ случая, такъ-какъ и мѣстная администрація не находила нужнымъ принимать какія-бы то ни было мѣры для ослабленія бѣдствія. Описать ужасы этого голода почти невозможно: подробности слишкомъ ужасны. Довольно сказать, что нѣкоторыя племена дошли до людоѣдства; многія племена буквально остались нагими, такъ-какъ пришлось продать все, до послѣдняго рубища; матери продавали своихъ взрослыхъ дочерей за десять франковъ; люди дрались на смерть изъ-за найденнаго въ полѣ корня, питались падалью, гнилью, помоями и пр., и пр. Воровство, грабежъ и убійство, правда, усилились, но большинство несчастныхъ умирало съ голоду терпѣливо. Мертвые валялись по городскимъ и деревенскимъ улицамъ; на поляхъ и по дорогамъ ихъ, конечно, было еще болѣе. Трупы не успѣвали хоронить, они разлагались и заражали воздухъ; началась эпидемія...

Безпристрастный историкъ возложитъ долю отвѣтственности на администрацію Мак-Магона за ужасное возмущеніе въ Алжиріи, хотя оно вспыхнуло черезъ годъ послѣ отъѣзда оттуда маршала. Подобные этому народные бунты не разражаются вдругъ, внезапно, по какой-нибудь случайности, а являются послѣдствіемъ совокупности многихъ причинъ и событій. Въ алжирскомъ возмущеніи виновны голодъ, дурная администрація, притѣсненія. Замѣчательно, что предводителями вспыхнувшаго возстанія явились лица, которымъ осо-

бенно покровительствовали арабскія бюро — все это были шейхи, каиды, кавалеры ордена почетнаго легіона. Это возмущеніе, какъ показали изслѣдованія, имѣло связь съ заговоромъ бонапартистовъ, надѣявшихся возстановить Наполеона III, въ то время проживавшаго въ Чизльгерстѣ. Бонапартисты намѣревались воспользоваться арабскимъ возстаніемъ для своихъ цѣлей, но имъ это не удалось. Противъ ихъ ожиданія, возстаніе было быстро усмирено и несчастные туземцы дорого заплатили за свою попытку завоевать независимость. Французская администрація жестоко отомстила своимъ бывшимъ пріятелямъ.

Мак-Магонъ, вступая въ управленіе Алжиріей, нашелъ колонію далеко не въ блистательномъ положеніи. Уѣзжая изъ Алжиріи, онъ оставилъ ее въ худшемъ состояніи, чѣмъ принялъ. Его милитаристская, клерикальная и арабская система привела къ обѣднѣнію края и на-столько была тяжела для колонистовъ, что большинство изъ нихъ, вздыхая, не разъ говорили другъ другу: „Ахъ, зачѣмъ не Англія колонизовала Алжиръ! Можно представить себѣ, что-бы она сдѣлала изъ этой благодатной страны. Наша-же, французская система управленія этой страной рѣшительно невыносима!“

Колонія вздохнула спокойнѣе, когда министерство Оливье отозвало маршала изъ Алжиріи. Оно вынуждено было сдѣлать это для успокоенія общественнаго мнѣнія послѣ преній въ законодательномъ корпусѣ объ алжирскихъ дѣлахъ,—преній, во время которыхъ неопровержимыми статистическими выводами было доказано, что Алжирія за время управленія Мак-Магона значительно обѣднѣла.

V.

Однакожъ, пренія по алжирскимъ дѣламъ очень немного умалили славу Мак-Магона, какъ честнаго, твердо-убѣжденнаго и независимаго человѣка. Общественное мнѣніе продолжало относиться къ нему чрезвычайно предупредительно. Не служить-

ли примѣръ Мак-Магона яркимъ доказательствомъ, какъ трудно обратить общественное мнѣніе въ другую сторону и заставить его развѣнчать своего любимца? Правда, во Франціи много толковали о дурномъ управленіи Алжиріей, но всегда старались оправдать Мак-Магона и свалить всю вину на Наполеона III. Мак-Магонъ обладаетъ чрезвычайно выгоднымъ для себя качествомъ: въ своихъ дѣйствіяхъ онъ скроменъ, не любитъ выставляться на-показъ, такъ что невольно кажется, будто онъ тутъ ни при чемъ, что онъ не болѣе, какъ посредникъ, исполняющій повелѣнія свыше. Благодаря этому, и на его дѣйствія въ Алжиріи французы посмотрѣли, какъ на точное исполненіе приказаній императора. И, дѣйствительно, Мак-Магонъ никогда не давалъ приказаній прямо отъ своего имени, онъ всегда только передавалъ приказанія императора, военнаго министра, сообщалъ во всеобщее свѣденіе, что такая-то комиссія рѣшила то-то и пр. Если онъ и дѣлалъ по-своему, то всегда казалось, что руководитъ не онъ, а кто-то другой, выше его стоящій. Какъ мы уже замѣтили, Мак-Магонъ отличный помощникъ; онъ всегда долженъ быть вторымъ, а не первымъ. Теперь онъ, правда, поставленъ на первое мѣсто, но, можетъ быть, именно потому, что тѣ, кто должны занимать первое мѣсто, или свергнуты, или не могутъ сѣсть на него по разнымъ причинамъ. Мак-Магонъ занялъ это мѣсто по праву преемства, потому что изъ вторыхъ онъ, безспорно, самый высшій, самый старшій изъ списка кандидатовъ. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ счастливыхъ людей, которыхъ всегда оправдываютъ, несмотря на очевидность ихъ вины.

Доказательство этому еще разъ представляетъ послѣдняя нѣмецко-французская война.

При началѣ кампаніи Базэнъ и Мак-Магонъ были назначены главнокомандующими—каждый половиною рейнской арміи, находящейся подъ личной командой императора Наполеона III. Дѣйствія Базэна, какъ извѣстно, привели его на скамью подсудимыхъ и вызвали смертный приговоръ. Поведеніе Базэна, конечно, нельзя ничѣмъ оправдать, но, спрашивается, развѣ

седанская катастрофа приноситъ честь Франціи? Правда, виновникомъ этой постыдной капитуляціи сочли Наполеона III, но точно-ли онъ одинъ виноватъ въ этомъ дѣлѣ и не лежитъ-ли главная доля отвѣтственности за него на Мак-Магонѣ?

Въ томъ-то и дѣло, что это вопросъ спорный; общественное мнѣніе Франціи и на этотъ разъ оградило своего любимца и онъ вышелъ чистъ, — мало того, благодарные сограждане поднесли ему почетную саблю.

Но обратимся къ событіямъ, пусть они сами говорятъ за себя. Безпорядокъ, царствовавшій во французской арміи въ первые дни пагубнаго для Франціи августа 1870 года, превосходилъ всякое вѣроятіе: генералы не знали, гдѣ именно находятся ихъ корпуса; генеральный штабъ не имѣлъ настоящаго понятія о существовавшихъ дорогахъ, лѣсахъ, переправахъ и пр. Нечего говорить, что и штабъ, и генералы еще менѣе знали о движеніяхъ непріятеля, о его дѣйствительной силѣ, о его стратегическихъ планахъ. Мак-Магонъ, повидимому, и теперь рѣшился держаться той тактики, которая удалась ему подъ Маджентой и составила его славу: „я пришелъ на пушечные выстрѣлы!“ сказалъ онъ тогда — и побѣдилъ. Французскіе генералы вели войну по-алжирски, потому что всѣ они привыкли къ этой системѣ войны и другой не знали. Но, къ ихъ несчастію, оказалось, что пруссаки вовсе не похожи ни на арабовъ, ни на кабиловъ.

Первая встрѣча Мак-Магона съ нѣмцами случилась подъ Вертомъ. Его корпусъ, силою въ 35,000 человѣкъ, былъ атакованъ 75,000-ю арміею наслѣднаго принца прусскаго. Мак-Магонъ лично очень храбръ, его войска выказали тоже замѣчательную храбрость, однакожъ послѣ продолжительнаго боя французы должны были отступить далеко не въ порядкѣ. Это отступленіе совершилось такъ поспѣшно, что маршалъ не успѣлъ даже ни уничтожить мостовъ по пути своего отступленія, ни взорвать туннелей на желѣзной дорогѣ, что, конечно, сдѣлало-бы невозможнымъ энергическое преслѣдованіе со стороны непріятеля. Въ рукахъ нѣмцевъ французы оставили 5,000 плѣнныхъ, 36 пушекъ и 2 знамени. Мак-Магонъ

собралъ въ Нанси всего 18,000 человѣкъ, т. е. почти половину своего корпуса. Военные спеціалисты утверждають, что если-бы были приняты должныя мѣры предосторожности, сраженіе, по всей вѣроятности, не сопровождалось-бы такими пагубными результатами.

Изъ Нанси Мак-Магонъ продолжалъ отступленіе къ шалонскому лагерю, куда собрались остатки его разбитой арміи (половины рейнской). Всѣ полагали, что изъ Шалона армія отступитъ къ Парижу, для прикрытія столицы. Какъ ни чувствительны были пораженія при Вертѣ, Виссамбургѣ и Форбахѣ, но нечего было отчаяваться: еще могло быть все спасено, исключая, конечно, второй имперіи, паденіе которой было неминуемо. Вышедшая изъ государственнаго переворота, безъ принципа, безъ нравственной подкладки, вторая имперія не заключала въ самой себѣ силы сопротивленія; она могла существовать только до тѣхъ поръ, пока могла опираться на побѣды, хотя-бы даже и мнимыя, какъ мехиканская экспедиція, но при первомъ пораженіи она должна была распасться.

Въ Шалонѣ императоръ собралъ военный совѣтъ. Мак-Магонъ заявилъ, что для спасенія Франціи необходимо отступить къ Парижу. Наполеонъ III покачалъ головой и сказалъ нерѣшительно: „Стратегическія цѣли иногда расходятся съ политическими... Не лучше-ли намъ, какъ совѣтуютъ Паликао и императрица, попытаться подать руку Базэну, т. е. принять нашимъ операціоннымъ базисомъ Мэцъ, а не Парижъ...“

Очередь покачать головой была за Мак-Магономъ, и, кто знаетъ, можетъ быть, его мнѣніе одержало-бы верхъ и послѣдовалъ-бы иной исходъ кампаніи, но онъ только пробормоталъ нерѣшительно: „Если вашему величеству угодно...“

Рѣшено было пагубное движеніе къ Седану. Въ этотъ моментъ императоръ офиціально отказался отъ командованія арміей и слѣдовалъ за нею въ качествѣ простого любителя. Мак-Магонъ еще разъ могъ настоять на своемъ планѣ, т. е. перемѣнить движеніе арміи, но онъ не рискнулъ на это, хотя, какъ онъ самъ утверждаетъ до сихъ поръ, противъ этой ошибки возставала его военная опытность. Онъ думалъ спасти

этимъ наполеоновскую династію. Но, не говоря уже о томъ, что такое соображеніе не должно было входить въ планы главнокомандующаго арміей, спасеніе династіи возможно было только въ случаѣ одержанія блистательной, рѣшительной побѣды. Но развѣ можно разсчитывать на побѣду, производя движеніе вопреки всякихъ военныхъ правилъ, ставя участь арміи въ зависимость отъ невозможныхъ благопріятныхъ случайностей? Военные писатели признаютъ движеніе къ Седану непростительной ошибкой со стороны главнокомандующаго.

Самъ Мак-Магонъ всю вину седанской катастрофы приписалъ Наполеону III; себя онъ выгораживаетъ тѣмъ, что не могъ не повиноваться ясно выраженному приказанію императора. Общественное мнѣніе держится того-же мнѣнія и совершенно оправдываетъ маршала, считая его жертвою тщеславія Бонапарта.

Адвокаты Мак-Магона идутъ еще далѣе. Они находятъ, что движеніе на соединеніе съ Базэномъ вовсе не было такъ ошибочно и лишено разумнаго основанія, какъ можетъ это показаться съ перваго взгляда. Напротивъ, оно могло-бы сопровождаться блистательными результатами, если-бъ Базэнъ исполнилъ свою обязанность, если-бы Мак-Магону не мѣшалъ Наполеонъ III, изъ-за котораго было упущено много драгоцѣннаго времени, и если-бъ, наконецъ, армія не была такъ деморализована пораженіями... Однимъ словомъ, экспедиція была-бы разумна, если-бъ не была нелѣпа.

Во время процесса Базэна вышло на свѣтъ одно чрезвычайно странное обстоятельство. По словамъ Базэна, онъ отправилъ къ Мак-Магону депешу, которой извѣщалъ, что его армія находится въ блокадѣ и потому не можетъ идти на соединеніе съ шалонской арміей. Получивъ эту депешу, Мак-Магонъ, конечно, обязанъ былъ остановить движеніе къ Седану и направить войска къ Парижу. Мак-Магонъ утверждаетъ, что онъ не получалъ этой депеши. Общественное мнѣніе, считая маршала искреннимъ и правдивымъ, не захотѣло сомнѣваться въ правильности его показанія; но даже его друзья

не могли не прибавить съ горечью: сколько пагубныхъ случайностей соединилось для того, чтобы разгромить Францію!

Передъ плачевной седанской катастрофой Мак-Магонъ, къ своему благополучію, былъ раненъ, и потому могъ передать командованіе арміей генералу Вимпфену, на котораго, совершенно несправедливо, пала отвѣтственность за пагубный день седанской капитуляціи. Рана спасла Мак-Магона отъ непопулярности, которой онъ непремѣнно подвергся-бы, если-бъ оставался здравъ и невредимъ. Напротивъ, эта рана, и въ особенности разсказъ о его мнимой славной смерти на полѣ сраженія, завоевали ему симпатію французскаго народа и онъ въ народномъ сознаніи явился чуть не сказочнымъ героемъ.

Отъ какихъ случайностей зависитъ иногда репутація человѣка! Шальная пуля попала въ Мак-Магона — и вотъ, благодаря ей, онъ теперь президентъ французской республики! Не попади она—и кто знаетъ, какая судьба ожидала-бы его! Во всякомъ случаѣ, онъ находился-бы теперь вдали отъ дѣлъ и проживалъ-бы въ своемъ имѣніи или гдѣ-нибудь за-границей. Теперь-же общественное мнѣніе стоитъ за него и популярность его очень мало поколебалась.

VI.

Когда вспыхнуло парижское возстаніе, Тьеръ долго не рѣшался, кого назначить главнокомандующимъ для подавленія этого возстанія. Онъ боялся, что, восторжествовавъ надъ востаніемъ, избранный генералъ на-столько почувствуетъ себя сильнымъ, что, пожалуй, захочетъ произвести маленькій государственный переворотъ и объявить себя диктаторомъ. Играть роль водворителя порядка ревностнѣе всѣхъ генераловъ добивался Шангарнье; онъ безпрестанно бѣгалъ къ Тьеру и заявлялъ о своей готовности; но Тьеръ хорошо зналъ своего стараго товарища, и потому постарался отдѣлаться отъ него. Выборъ Тьера останавливался на Дюкро и на Винуа, но они были слишкомъ непопулярны въ Парижѣ... Изъ прочихъ, бо-

лѣе извѣстныхъ, генераловъ не находилось ни одного сколько-нибудь подходящаго. Оставались маршалы: Базэнъ и Мак-Магонъ. Въ способности Базэна подавить возстаніе невозможно было сомнѣваться, но такой авантюристъ не остановился-бы предъ разогнаніемъ національнаго собранія и заключеніемъ въ крѣпость самого Тьера. И этотъ, значитъ, не годился. Съ именемъ Мак-Магона связывалось недавнее седанское пораженіе, но за то еще не исчезла изъ памяти маджентская побѣда—одно изъ самыхъ лучшихъ воспоминаній французской арміи. Къ тому-же Тьеръ могъ навѣрное разсчитывать, что Мак-Магонъ не воспользуется своимъ положеніемъ: онъ будетъ точнымъ исполнителемъ полученныхъ инструкцій—и только... Выборъ Тьера остановился на Мак-Магонѣ.

О подавленіи парижскаго возстанія писали очень много, но едва-ли кто-нибудь отнесся къ этому событію вполнѣ критически. Мы не будемъ повторять то, что всѣмъ извѣстно, отнестись-же къ этому событію критически теперь еще не настало время. Лучше остановимся на одномъ происшествіи, случившемся въ день празднованія этого событія,—происшествіи, несомнѣнно оказавшемъ нѣкоторое вліяніе на ходъ послѣдующихъ событій.

Въ версальскомъ соборѣ былъ назначенъ благодарственный молебенъ; Тьеръ и Мак-Магонъ подъ руку вошли торжественно въ церковь.

Впереди, вблизи алтаря, стояли два кресла: одно для маршальши, другое для президентши. Маршальша Мак-Магонъ, урожденная герцогиня Кастри, зная, что правой сторонѣ всегда отдается предпочтеніе, скромно подошла къ лѣвому креслу и, ставъ впереди его, преклонила колѣни. Въ это время въ церковь вошла президентша. Минуту она простояла въ нерѣшимости, потомъ быстро подошла къ маршальшѣ.

— Ваше кресло на другой сторонѣ, сказала она.

— Вы очень любезны, но я не рѣшусь воспользоваться вашимъ вниманіемъ, отвѣчала маршальша.

— Я васъ прошу.

— Если вы настаиваете, я исполню ваше желаніе. Но мнѣ, право, такъ совѣстно...

Маршальша перешла направо, а президентша осталась на лѣвой сторонѣ.

По окончаніи молебна маршальша поспѣшила къ президентшѣ и разсыпалась въ благодарности и любезностяхъ.

— Вамъ не за что меня благодарить, отвѣчала президентша. — Я вижу, вы не подозрѣваете, что занимали мое мѣсто.

— Ваше мѣсто! На лѣвой сторонѣ?

— Конечно! Въ прежнія времена французскія королевы всегда становились на лѣвой сторонѣ отъ алтаря, для того, чтобы быть первой подъ рукой епископа, когда онъ оборачивается для благословенія вѣрующихъ.

Понятно, что маршальшѣ, урожденной герцогинѣ де-Кастри, пришелся очень не по душѣ урокъ высшаго этикета полученный отъ президентши, происходящей просто отъ Дона, безъ всякой частички. Маршальша, женщина рѣшительная и честолюбивая, не могла забыть о такомъ афронтѣ. Она имѣетъ большое вліяніе на своего мужа и, по своему происхожденію, огромныя связи въ семействахъ французской высшей легитимистской аристократіи. Мак-Магонъ обязанъ отчасти ея вліянію, что правая сторона остановила на немъ свой выборъ, когда ей, послѣ ссоры съ Тьеромъ, понадобился предводитель. Кромѣ аристократіи, маршальша находится въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ могущественной іезуитской конгрегаціей Сен-Винцентъ-Поль. А іезуиты во Франціи въ то время уже были всѣмъ: они держали въ своихъ рукахъ большинство членовъ національнаго собранія; самъ Мак-Магонъ, того не замѣчая, исполнялъ ихъ волю. Въ католическихъ странахъ большинствомъ высшихъ должностей располагаютъ женщины,—конечно, при помощи духовенства.

„Отыщите женщину, а когда ее найдете, ищите іезуита!“ гласитъ поговорка, распространенная въ странахъ, населенныхъ расой романскаго происхожденія. „Нашли іезуита, получите и мѣсто!“

VII.

Послѣ подавленія парижскаго возстанія Тьеръ объявилъ своимъ друзьямъ монархистамъ, что онъ не намѣренъ уничтожать республику, на что они разсчитывали, и съ этой поры сталъ пользоваться такой властью, какой не имѣли многіе короли. Это, конечно, не могло понравиться монархистамъ. Многіе изъ нихъ, люди послѣдовательные и твердые въ своихъ убѣжденіяхъ, не захотѣли слѣдовать за Тьеромъ, хоть онъ и увѣрялъ ихъ, что они по-прежнему будутъ управлять страной, такъ какъ они составляютъ большинство правящей палаты. Но они разсудили, что для нихъ гораздо выгоднѣе учредить настоящую монархію. Они заявили категорически Тьеру, что если онъ не пойдетъ съ ними, они составятъ ему оппозицію въ палатѣ. Тьеръ, зная, что большинство страны за него, продолжалъ стоять на своемъ. Но вмѣсто того, чтобы дѣйствовать смѣло и рѣшительно, онъ прибѣгъ къ своей обыкновенной тактикѣ: считая себя человѣкомъ необходимымъ, котораго некѣмъ замѣстить на президентскомъ креслѣ, онъ сталъ хитрить со всѣми партіями. Тогда правая сторона, видя, что ей невозможно спѣться съ Тьеромъ, рѣшилась искать себѣ новаго предводителя, въ ожиданіи удобнаго случая, когда можно будетъ выставить или Генриха V, или графа Парижскаго, или-же Наполеона IV.

Газета „Фигаро" гордится тѣмъ, что она въ нѣкоторомъ родѣ открыла Мак-Магона, предложивъ партіи порядка избрать его своимъ предводителемъ. Парижскій „цирюльникъ" ежедневно трубилъ о доблестяхъ Мак-Магона, о его честности, искренности, безкорыстіи, набожности, о его рѣдкихъ способностяхъ и пр.

И, дѣйствительно, „Фигаро" попалъ очень ловко. Мак-Магонъ былъ именно такой человѣкъ, какой нуженъ былъ тремъ монархическимъ партіямъ, враждующимъ между собою, но стремящимся къ одной цѣли—низверженію республики. Мак-

Магонъ былъ въ отличныхъ отношеніяхъ съ орлеанскими принцами; герцогъ Омальскій публично называлъ себя его искреннимъ другомъ. Въ юности Мак-Магонъ былъ ревностнымъ легитимистомъ. Извѣстно было также, что Наполеонъ III далъ маршалу все, что только могъ дать. Съ самымъ Тьеромъ Мак-Магонъ былъ въ отличныхъ отношеніяхъ и чуть не ежедневно приходилъ къ нему совѣтоваться насчетъ переформированія арміи и снабженія ея новымъ оружіемъ. Каждая партія, исключая республиканской, была увѣрена, что она только выиграетъ отъ замѣщенія „маленькаго буржуа" знаменитымъ Мак-Магономъ. По мѣрѣ того, какъ выборы въ палату показывали, что шансы республиканской партіи въ странѣ все болѣе и болѣе усиливаются, возростала популярность Мак-Магона среди монархическихъ партій.

Здѣсь кстати сказать, что маршалъ 2 іюля 1871 года выступилъ въ департаментѣ Восточныхъ Пиринеевъ передъ избирателями въ качествѣ кандидата въ національное собраніе и потерпѣлъ пораженіе.

12 (24) мая, когда Тьеръ такъ легко уступилъ президентское кресло, Брольи, Бэле, Батби и пр. руководящіе интригой, намѣревались объявить принца Омальскаго штаттальтеромъ; но въ рѣшительный моментъ бонапартисты заявили, что они не хотятъ Омальскаго и, если не отстранятъ его кандидатуру, они станутъ вотировать за Тьера. Тогда всѣ три монархическія партіи окончательно остановили свой выборъ на Мак-Магонѣ.

Когда Мак-Магонъ узналъ о своемъ выборѣ, онъ долго колебался принять предложеніе: болѣе всего его останавливало опасеніе нажить себѣ въ Тьерѣ непримиримаго врага. Маршалъ все еще вѣрилъ въ силу Тьера, почему и послалъ спросить у бывшаго президента: принимать-ли ему предложеніе палаты или отказаться? Это былъ послѣдній знакъ почтенія, оказанный Мак-Магономъ маленькому великому человѣку.

Депутатъ Бертольдъ разсказываетъ, что за нѣсколько дней до переворота 24 мая Тьеръ сказалъ Мак-Магону:

— Я слышалъ, любезный маршалъ, что вы перешли въ

число моихъ противниковъ. Объявляю вамъ, что я этому не вѣрю.

— И не вѣрьте. Могу-ли я забыть, что мнѣ, побѣжденному, вы вручили шпагу и сдѣлали главнокомандующимъ. Повѣрьте, я вѣчно буду вамъ признателенъ.

Теперь Мак-Магонъ могъ отвѣтить, что самъ онъ не сдѣлалъ и шагу для своего возвышенія: его избрала палата и онъ счелъ своимъ долгомъ повиноваться.

Понятно, что принятіе власти Мак-Магономъ было встрѣчено частью націи съ шумными манифестаціями, большинство же народа отнеслось къ перемѣнѣ весьма холодно. Однакожь, въ общественной жизни произошла замѣтная перемѣна: иниціаторы 24 мая старались дѣлать какъ можно болѣе шума, праздники слѣдовали за праздниками, балы за балами.

„Веселость снова воцарилась во Франціи, писалъ черезъ мѣсяцъ корресподентъ „Times". — Пріемы въ елисейскомъ дворцѣ, во время президентства Тьера, отличались простотой. Напримѣръ, когда посѣтилъ его бразильскій императоръ, Тьеръ вдѣлъ въ петлю своего фрака красную ленточку почетнаго легіона—и только. Г-жа Тьеръ и м-ль Донъ появлялись постоянно въ черныхъ платьяхъ, безъ брилліантовъ и цвѣтовъ— въ самомъ скромномъ нарядѣ. Понятно, что ихъ гости поневолѣ должны были являться на президентскіе вечера одѣтые очень просто. Но эта простота приходилась не по вкусу въ высшихъ общественныхъ кружкахъ. Поэтому нечего удивляться, если многіе изъ молодыхъ дамъ, узнавъ о назначеніи Мак-Магона, съ радостью воскликнули: „Наконецъ-то мы опять будемъ имѣть дворъ!" И, дѣйствительно, у насъ есть теперь дворъ: торжественные пріемы, балы, — однимъ словомъ, все, какъ слѣдуетъ..."

Въ первый пріемъ въ елисейскомъ дворцѣ тѣснота была страшная: съѣхались массы народа. Въ числѣ гостей были герцогъ Немурскій и принцъ Генрихъ Орлеанскій. Очень немногіе изъ приглашенныхъ гостей были безъ орденскихъ ленточекъ. Самъ маршалъ былъ въ полной парадной формѣ, со всѣми знаками отличія, которые онъ получилъ во время вто-

рой имперіи. Послѣ перваго дебюта пріемы у президента повторялись очень часто. Мак-Магонъ сталъ жаловаться, что его президентскаго жалованья и доходовъ съ его личнаго состоянія слишкомъ недостаточно для поддержанія той пышности какой требуетъ его высшее положеніе въ государствѣ. Президентъ получалъ 600,000 франковъ жалованья. Палата нашла, что, дѣйствительно, такое содержанія недостаточно, и назначила добавочныхъ 300,000 франковъ на пріемы, мотивировавъ это рѣшеніе тѣмъ, что „бѣдность въ Парижѣ принимаетъ все большіе и большіе размѣры и потому необходимо оказать помощь торговлѣ и промышленности".

Маршалъ Мак-Магонъ, принимая власть, торжественно заявилъ, что „онъ не совершитъ никакого переворота и будетъ охранять существующія учрежденія". Какъ понималъ эти слова самъ маршалъ—неизвѣстно, но только республиканская пресса поняла ихъ буквально и стала ежедневно коментировать ихъ на всѣ лады. Въ этихъ коментаріяхъ главную роль, конечно, играло опасеніе, что слово, данное президентомъ, не будетъ сдержано, такъ-какъ его министерство, съ первой минуты своего вступленія въ должность, назвало себя „правительствомъ борьбы" и, дѣйствительно, начало наступательныя дѣйствія противъ всего, что имѣло какую-нибудь связь съ правительствомъ Тьера. Масса префектовъ и подпрефектовъ была уволена; явились репрессивныя распоряженія противъ сходокъ, задѣты были даже гражданскіе похороны. Нѣсколько клубовъ съ скромнымъ буржуазнымъ направленіемъ были закрыты; нѣкоторые префекты, поставленные правительствомъ борьбы, на-столько забыли о своей обязанности, что позволили себѣ въ публичныхъ рѣчахъ превозносить вандейскія возстанія и совѣтовали подражать имъ. Въ то-же самое время газеты, находящіяся въ короткихъ отношеніяхъ съ нѣкоторыми министрами, сообщали, напримѣръ, такія извѣстія: „маршалъ такъ мало придаетъ серьезнаго смысла своему президенству, что въ своихъ официальныхъ сношеніяхъ избѣгаетъ употреблять бумагу, на которой выбитъ штемпель французской республики". На это сообщеніе, сперва прошедшее почти

незамѣченнымъ, взглянули иначе, когда знаменитое посланіе о семилѣтнемъ президенствѣ было подписано просто: „герцогъ Маджентскій".

„Куда мы идемъ?" съ безпокойствомъ твердили республиканскія газеты и имъ вторило общественное мнѣніе; однакожъ, попрежнему, прибавляли, что, вѣря въ искренность и честность Мак-Магона, они надѣятся, что президентъ сдержитъ свое слово и не допуститъ, чтобы герцогъ Брольи осуществилъ свои замыслы, имѣющіе конечной цѣлію реставрацію Орлеановъ. Впрочемъ, это говорилось больше для собственнаго утѣшенія, потому что даже самые пылкіе оптимисты были склонны вѣрить обще-распространенному слуху, что все готово къ монархической реставраціи, что Мак-Магонъ далъ слово отречься отъ президенства и удовольствоваться титуломъ великаго конетабля...

Прежде, чѣмъ перейдемъ къ описанію дальнѣйшихъ событій, сообщимъ разсказъ, заимствуемый нами изъ газеты „XIX Siècle". Маршалъ Мак-Магонъ завтракалъ съ генераломъ Шанзи, назначеніе котораго на должность алжирскаго губернатора было уже рѣшено.

— Мнѣ, кажется, генералъ, сказалъ Мак-Магонъ,—вы нѣсколько компрометировали себя. Если я не ошибаюсь, вы предсѣдательствовали въ одной изъ республиканскихъ группъ палаты?

— Вы не ошибаетесь, г. президентъ, отвѣчалъ Шанзи,— но я менѣе компрометировалъ себя, чѣмъ вы. Я былъ только президентомъ лѣваго центра, а вы президентъ всей республики.

Президентъ не нашелъ ничего отвѣтить на это категорическое возраженіе.

VIII.

Пока власть находилась въ рукахъ Тьера, клерикалы оказывали довольно замѣтное вліяніе на ходъ дѣлъ, однакожъ все-таки нѣсколько сдерживались и избѣгали явнаго проявленія своей силы. Но со времени отставки Тьера ихъ значеніе стало преобладающимъ. Даже въ дни реставраціи, во время такъ-называемаго бѣлаго террора, іезуиты пользовались меньшей властью, чѣмъ пользуются ею теперь. Іезуиты овладѣли умами французскихъ женщинъ и составили изъ нихъ цѣлые полки вѣрныхъ слугъ папы и своего ордена, посредствомъ которыхъ ведутъ по всей Франціи дѣятельную пропаганду въ пользу папы и іезуитизма. Другимъ могущественнымъ средствомъ увеличенія числа своихъ сторонниковъ іезуиты избрали богомолья массами. Клерикальная горячка, охватившая Францію, на-столько сильна, что вся нѣмецкая пресса единодушно заговорила, что Франція стоитъ на краю гибели, что она задохнется въ опекѣ іезуитовъ. Разумѣется, нѣмцы хватили черезъ край: опасность отъ вліянія іезуитовъ, дѣйствительно, велика, но все-же это еще не даетъ права утверждать, что положеніе страны безвыходное. Нѣмцы не замѣтили, что рядомъ съ іезуитскимъ вліяніемъ постоянно увеличивается сила сопротивленія имъ. Всякая идея или всякое вліяніе, перешедшее черезъ край, влечетъ за собой реакцію въ противоположную сторону. И несомнѣнно, что анти-клерикальная реакція вскорѣ должна показать свою силу во Франціи.

Клерикалы, работая въ свою пользу, вмѣстѣ съ тѣмъ работали и для реставраціи легитимистской монархіи. Организуя богомолья массами, клерикалы желали придавать имъ видъ демонстрацій въ пользу Генриха V, легитимнаго французскаго короля. Ихъ усилія, однакожъ, не увѣнчались успѣхомъ. Французы, по своему веселому характеру, сперва смотрѣли на эти манифестаціи съ внимательнымъ любопытствомъ, но потомъ стали устраивать враждебныя имъ контр-манифестаціи, въ ко-

торыхъ принимали участіе даже крестьяне, такъ-какъ между ними прошелъ слухъ, что патеры добиваются заполучить въ свои руки власть, какой они пользовались во времена, предшествовавшія первой революціи.

Однакожъ, вожаки клерикаловъ не хотѣли вѣрить очевидности. Они были убѣждены, что затѣянное ими дѣло выгоритъ и что настала самая благопріятная минута для его осуществленія. Самъ Ватиканъ поощрялъ эти демонстраціи; римская курія надѣялась, что вслѣдъ за реставраціей легитимной монархіи во Франціи тотчасъ-же возгорится война ея съ Италіей за возстановленіе свѣтской власти папы.

Графъ Шамборъ, убѣждаемый вожаками клерикализма, повѣрилъ, что его зоветъ къ себѣ Франція. Да и какъ было ему не вѣрить, когда ему подносили, напримѣръ, такіе отрывки изъ статей и рѣчей:

„Черезъ мѣсяцъ, писала газета „Journal de Paris",—Генрихъ V совершитъ торжественный въѣздъ въ Парижъ; онъ проѣдетъ чрезъ Елисейскія поля и бульвары, окруженный Орлеанскими принцами".

„Мы возстановимъ монархію съ помощью или безъ большинства! воскликнулъ графъ Дарю.—Если французскій народъ сошелъ съ ума, мы обязаны излечить его, хотя-бы и противъ его воли".

„Чѣмъ рискуемъ мы, производя этотъ опытъ (т. е. возстановленіе легитимной монархіи)? спрашивалъ „Фигаро". — Ничѣмъ, рѣшительно ничѣмъ. Итакъ..."

Извѣстно, что графъ Шамборъ, увлеченный всѣми этими статьями и толками намѣревался-было отправиться въ Версаль и безъ дальнихъ разсужденій объявить себя королемъ, а потомъ во главѣ полка, имѣя подлѣ себя Орлеанскихъ принцевъ, торжественно вступить въ Парижъ.

Но... ему объяснили, что версальское національное собраніе можетъ и не признать его правъ. Подходящаго полка не оказывалось. А Орлеанскіе принцы дали понять, что парадировать имъ въ свитѣ Генриха V не совсѣмъ ловко и что для

его собственной пользы они не рѣшатся на такой рискованный шагъ.

Но что-же дѣлалъ въ это время президентъ французской республики, маршалъ Мак-Магонъ?

IX.

Наша жизнь проходитъ день за днемъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, годъ за годомъ прозаично и вульгарно. Семейныя заботы, погоня за кускомъ хлѣба, обычная ежедневная работа, усталость, развлеченія наполняютъ наше существованіе. Но два-три раза въ жизни къ нѣкоторымъ изъ насъ является нашъ геній, подобно тому, какъ онъ явился Бруту въ ночь передъ сраженіемъ при Филиппахъ. Строго и внушительно смотритъ онъ на насъ и говоритъ:

„Смотри, передъ тобой стоитъ твоя душа, сильная и чистая. Дѣло идетъ о томъ, чтобы ты осмѣлился. Можетъ быть, послѣдуетъ удача, но всего вѣроятнѣе, что ты погибнешь. Но передъ смертью ты испытаешь ощущенія героизма, ты будешь дышать самымъ чистымъ воздухомъ, который можно вдыхать только на вершинахъ самыхъ высокихъ горъ... Человѣкъ ты? Такъ возьми въ одну руку сердце, а другою обнажи мечъ и иди впередъ... Мы встрѣтимся въ Филиппахъ. Но если ты не рѣшаешься, то успокойся, ты найдешь не мало отговорокъ, чтобы удалиться и пребывать въ безмятежномъ, комфортабельномъ забвеніи!...“

Брутъ избралъ первое и ринулся въ отчаянную битву. Онъ видѣлъ, что дѣло римской республики погибаетъ, но рѣшился еще разъ сразиться за нее, умирающую. Его геній явился къ нему снова на полѣ сраженія подъ Филиппами, когда онъ лежалъ блѣдный, окровавленный, проткнутый мечомъ. Геній стеръ со лба страдальца холодный потъ агоніи, и, сказавъ: „ты поступилъ хорошо!“ закрылъ ему глаза.

Задачей Мак-Магона было возстановить монархію „и ничѣмъ не рискуя“, прибавляетъ газета „Фигаро“.

„Мак-Магонъ происходитъ отъ ирландскихъ королей, твердили монархисты,—и останется всегда вѣренъ монархическимъ убѣжденіямъ; Мак-Магонъ происходитъ изъ фамиліи, всегда отличавшейся своей непоколебимой вѣрностью своимъ королямъ; одинъ изъ предковъ Мак-Магона до послѣдней крайности защищалъ уже совершенно проигранное дѣло англійскаго короля Якова II. Мак-Магоны всегда были преданы Бурбонамъ, о чемъ не разъ заявляли торжественно. Самъ маршалъ безпрестанно твердилъ о своей приверженности къ легитимному королю. При Люи-Филиппѣ Мак-Магонъ, произведенный королемъ въ полковники, оставался легитимистомъ; вторая республика дала ему генеральскій чинъ, но онъ остался легитимистомъ. При второй имперіи, произведенный въ маршалы и сенаторы, Мак-Магонъ продолжалъ держаться легитимистскихъ убѣжденій. Теперь онъ президентъ третьей республики, но мы увѣрены, что онъ такой-же легитимистъ, какимъ былъ прежде, и когда настанетъ время сослужить службу своему королю, онъ, конечно, не задумается. Когда король придетъ къ нему и станетъ просить: „О, Баярдъ новѣйшихъ временъ, храбрый солдатъ, выполни свыше предназначенную тебѣ миссію? Я не ношу, подобно тебѣ, шпагу, обнажаемую за Францію въ двадцати сраженіяхъ, но я сохранилъ въ своемъ сердцѣ впродолженіи сорока трехъ лѣтъ неприкосновенными наши традиціи и наши вольности. Моя личность ничто, но мой принципъ все. Франція успокоится отъ своихъ треволненій, если захочетъ понять, чего ей нужно. Я единственный кормчій, способный привести корабль къ порту, потому что такова моя миссія и свыше дарованы мнѣ силы для ея выполненія. Мак-Магонъ, рыцарь безъ страха и упрека, дай мнѣ полкъ, только одинъ полкъ!„—О, тогда маршалъ сдѣлаетъ все, что только въ его силахъ, и спасетъ короля“.

Такъ разсуждали монархисты. И Мак-Магонъ отвѣтилъ королю слѣдующей рѣчью:

„Государь, я клялся сохранить нетронутымъ существующія

учрежденія... Я-бы охотно помогъ совершенію переворота въ вашу пользу, если-бъ онъ могъ имѣть успѣхъ; но, говорю вамъ искренно, я ничѣмъ не могу вамъ помочь. Могу увѣрить ваше величество, что ваше предпріятіе не можетъ быть приведено въ исполненіе, потому что армія, которую я имѣю честь представлять, никогда не откажется отъ трехцвѣтнаго знамени..."

Онъ не успѣлъ еще окончить, какъ король посмотрѣлъ на него съ горькой улыбкой и сказалъ:

„Довольно, милостивый государь, имѣю честь вамъ кланяться".

И въ ту-же ночь онъ отправился въ Фрошдорфъ, въ Австрію.

Такова легенда, ходящая во Франціи. Мы привели ее здѣсь потому, что она дастъ довольно точное указаніе на то, какое мнѣніе о характерѣ Мак-Магона господствуетъ во Франціи.

X.

Послѣ окончательной неудачи легитимистскаго предпріятія положеніе Мак-Магона, какъ президента республики сильно упрочилось. Національное собраніе, несмотря на энергическое сопротивленіе всѣхъ группъ лѣвой стороны, приняло предложеніе министерства о продленіи президентской власти Мак-Магона на семь лѣтъ безъ всякихъ условій. Разсказываютъ (мы не беремъ на себя ручательства за этотъ слухъ, но передаемъ его, какъ фактъ), что Брольи удалось провести это предложеніе хитростью. Многіе изъ монархистовъ думали, что предложеніе о продленіи президентской власти внесено въ палату только для того, чтобы облегчить возможность переворота въ пользу Генриха V. Они были до крайности поражены, когда узнали, что о такомъ переворотѣ теперь не можетъ быть и рѣчи. Обманутые легитимисты посердились, но въ концѣ-концовъ должны были примириться съ существующимъ фактомъ, находя, что для нихъ такое положеніе все-таки лучше, чѣмъ республика съ президентомъ Тьеромъ.

О послѣдующей дѣятельности Мак-Магона, какъ президента французской республики, говорить много нечего. Самъ онъ рѣдко даетъ инищіативу. Онъ почти постоянно соглашается съ своими министрами. Къ его дѣятельности мы вернемся еще въ біографическихъ очеркахъ, посвященныхъ Брольи и Бюффе, а теперь остановимся на одномъ днѣ, потому что президентъ, по его словамъ, въ этотъ день чувствовалъ себя вполнѣ счастливымъ. Мы говоримъ объ утвержденіи Мак-Магономъ кардиналовъ, назначенныхъ папою для Франціи.

Въ день этого торжества, президентъ былъ въ отличнѣйшемъ расположеніи духа. За новыми кардиналами были отправлены парадныя кареты, окруженныя почетнымъ карауломъ. Монсиньеры торжественно, съ большой пышностью, подъѣхали къ версальской капеллѣ, гдѣ ихъ ожидало многочисленное духовенство, въ числѣ котораго были епископы: версальскій, нимскій, эенскій и серамскій (свирѣпый защитникъ непогрѣшимости папы). Здѣсь-же находились президентъ національнаго собранія во главѣ депутатовъ, большею частью членовъ правой стороны, и множество дамъ, разодѣтыхъ въ роскошные костюмы.

Маршалъ Мак-Магонъ сидѣлъ въ креслѣ, точно на тронѣ; сзади него помѣстились его личные адъютанты. По правую его руку стали его министры, всѣ, кромѣ министра финансовъ, довольно серьезно заболѣвшаго.

Пѣвческій хоръ состоялъ изъ оперныхъ артистовъ.

Потомъ вошли новые кардиналы и преклонили колѣни предъ маршаломъ, надѣвшимъ на нихъ красные береты.

Этимъ окончилась церемонія. Пока хоръ, подъ акомпаниментъ органа, пѣлъ славословіе, монсеньеры отправились въ ризницу и облачались тамъ съ ногъ до головы въ пурпуръ, присвоенный ихъ новому званію. Въ новомъ нарядѣ, по словамъ аббата Мореля, ослѣпляющемъ глаза своей красотой и цвѣтомъ, монсеньеры сѣли въ парадныя кареты и шествіе двинулось ко дворцу президента, гдѣ прелатовъ ожидалъ роскошный завтракъ.

Президентъ съ своей свитой пріѣхалъ во дворецъ раньше и встрѣтилъ новыхъ кардиналовъ въ залѣ, имѣя по правую руку себя министровъ, а по лѣвую адъютантовъ. Монсеньеръ Чиги, папскій легатъ, представилъ президенту двухъ новыхъ французскихъ кардиналовъ. Представленіе было сдѣлано на латинскомъ языкѣ.

Затѣмъ начались рѣчи на французскомъ языкѣ. Первымъ говорилъ кардиналъ Чиги. Рѣчь его, какъ представителя папы, была наполнена общими мѣстами и не представляла никакого интереса.

Послѣ него говорили новопожалованные кардиналы: первымъ Ренье, и вся его рѣчь была похвальнымъ словомъ маршалу и его женѣ.

„Вмѣстѣ со всей Франціей, произнесъ краснорѣчивый кардиналъ,—я рукоплескалъ вашимъ героическимъ подвигамъ на поляхъ сраженій. Когда-же счастье измѣнило нашему оружію... когда вы, человѣкъ безъ страха и упрека, пали раненый въ сраженіи, я раздѣлялъ съ отечествомъ грусть и тревогу, какой исходъ будутъ имѣть ваши славныя раны... На-сколько изумляла насъ рыцарская храбрость ваша, на-столько-же мы оцѣнили, г. маршалъ, скромность и патріотическое самоотверженіе, съ которыми вы приняли трудную и высокую миссію утвердить на незыблемыхъ основаніяхъ правительство. Мы не забываемъ также кроткія и высокія добродѣтели, которыми ваша супруга подаетъ намъ примѣръ“...

Монсеньеръ Гиберъ, милостью Тьера архіепископъ парижскій, произнесъ политическую рѣчь. Монсеньеръ Гиберъ принялъ мѣсто на ступеняхъ апостолическаго трона за тѣмъ именно, чтобы поддерживать права, присвоенныя церкви и ея представителямъ... Монсеньеръ негодуетъ, что послѣ восемнадцативѣкового существованія церкви честолюбцы ставятъ преграды исполненію ея мирной миссіи: цивилизовать человѣчество... По словамъ газеты „Univers“, видно было, что монсеньеръ Гиберъ отдаетъ всего себя на служеніе святому дѣлу, для котораго онъ готовъ пожертвовать жизнью, что его

сердце обливается кровью при воспоминаніи о мученіяхъ, какія переноситъ великій страдалецъ (папа) и пр. и пр.

„Изъ вашихъ рукъ я получилъ знаки кардинальскаго достоинства, говоритъ далѣе кардиналъ Гиберъ;—изъ тѣхъ самыхъ рукъ, которыя держали съ мужествомъ и честью шпагу Франціи". Далѣе онъ называетъ маршала христіанскимъ рыцаремъ, защитникомъ вѣры и порядка и заканчиваетъ свою рѣчь такимъ обращеніемъ къ маршальшѣ: „да будетъ позволено мнѣ принести мою искреннюю благодарность этому ангелу милосердія, котораго я вижу подлѣ васъ, г. президентъ, и который не перестаетъ дѣятельно и мудро помогать мнѣ въ дѣлѣ призрѣнія и воспитанія сиротъ оставшихся послѣ нашихъ гражданскихъ войнъ".

Отъ избытка чувствъ президентъ едва могъ выговорить благодарность за похвалы, которыми удостоили его монсеньеры. Въ своей отвѣтной рѣчи онъ благодарилъ папу, объявилъ, что онъ питаетъ къ нему сыновнюю привязанность, удивляется его добродѣтелямъ и. печалится о его горѣ и страданіяхъ.

Потомъ всѣ усѣлись за завтракъ. Роскошныя кушанья и тонкія вина вполнѣ соотвѣтствовали торжеству дня. Прелаты, очень довольные пріемомъ, уѣхали домой очарованные президентомъ.

Теперь судьбы Франціи находятся въ рукахъ Мак-Магона, который получилъ власть безъ всякихъ условій. Франція безусловно вѣритъ слову Мак-Магона. Ему остается сдержать его.

Въ заключеніе сообщимъ анекдотъ, извлекаемый нами изъ французскихъ газетъ.

„Длинная сѣдая борода и маленькая русая головка оста-

новились прочесть наклеенную на стѣнѣ президентскую прокламацію, подписанную: „герцогъ Манджентскій".

— Папа, не тотъ-ли это герцогъ маджентскій, который выигралъ сраженіе подъ Маджентой? спросилъ ребенокъ.

— Нѣтъ, мое дитя, отвѣчалъ отецъ, — это тотъ, который былъ разбитъ подъ Седаномъ!

И они пошли своей дорогой".

II.

АДОЛЬФЪ ТЬЕРЪ.

Популярность имени Тьера. — Происхожденіе Тьера. — Харчевня сестры министра. — Школьное свидѣтельство открываетъ Тьеру путь къ карьерѣ. — Первый шагъ Тьера къ извѣстности. — Журнальная дѣятельность Тьера. — Знакомство съ Лафитомъ. — Успѣхи въ свѣтѣ. — Сотрудничество Тьера съ Бодэномъ. — Успѣхъ „Исторіи французской революціи". — Характеристика Тьера. — Причины популярности Тьера, какъ оратора и литератора. — Его оппозиціонная дѣятельность въ „National'ѣ". — Іюльская революція. — Революціонныя рѣчи Тьера въ палатѣ. — Поворотъ его въ другую сторону. — Министерство Лафита. — Его паденіе. — Тьеръ становится министромъ. — Буржуазная теорія свободы. — Герцогиня Беррійская. — Неутомимая дѣятельность Тьера. — Борьба праваго и лѣваго центровъ, характеризующая іюльскую монархію. — Слабость французской дѣятельности. — Пораженіе Франціи по египетскому вопросу. — Отставка Тьера. — Исторія „Консульства и имперіи". — Оппозиція Тьера іюльской монархіи. — Вторая республика. — Тьеръ примыкаетъ къ реакціонерамъ. — Клубъ улицы Пуатье. — Римская экспедиція. — Государственный переворотъ. — Изгнаніе Тьера. — Дѣятельность его во время второй имперіи. — Посольство Тьера. Тьеръ, какъ ораторъ. — Несостоятельность бордосскаго договора. — Поведеніе республиканской партіи въ отношеніи Тьера. — Буря, произведенная президентскимъ посланіемъ 19 ноября. — Вопросъ объ ограниченіи права всеобщей подачи голосовъ. — Запросъ правой стороны. — Рѣчь Тьера. — Выходъ въ отставку Тьера и его министерства.

I.

Адольфъ Тьеръ, экс-президентъ французской республики, принадлежитъ къ числу весьма замѣтныхъ и интереснѣйшихъ личностей нашего вѣка. Онъ производилъ такъ много шума, объ немъ такъ много говорили, что весьма естественно его

имя стало популярнымъ во всѣхъ углахъ Европы и Америки; его знаетъ каждый, кто хотя нѣсколько слѣдитъ за политикой, кто даже только прочитываетъ газеты. Кому часто приходится ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ и въ дилижансахъ, тотъ, навѣрное, встрѣчаетъ людей, замѣтныхъ уже по оригинальному покрою и цвѣту своего платья,—людей непосѣдливыхъ, безпрестанно пристающихъ съ вопросомъ то къ тому, то къ другому изъ пассажировъ; у нихъ что ни секунда тухнетъ папироса и надо ее закурить о папиросу сосѣда, имъ необходимо разъяснить то или другое обстоятельство, вычитанное ими въ газетѣ; мало-по-малу, они разскажутъ вамъ и о своей женѣ и дѣтяхъ, о тетушкѣ и знакомыхъ; вы хотите вздремнуть, а они продолжаютъ мучить васъ своими разспросами и разсказами; отдѣлаться отъ нихъ нѣтъ никакой возможности и вы невольно подчиняетесь необходимому злу и даже входите въ нѣкотораго рода интимность съ безпокойнымъ сосѣдомъ. Такимъ именно докучливымъ человѣкомъ въ политикѣ является Тьеръ и докучаетъ не только Франціи, но и цѣлой Европѣ. Онъ такъ надоѣдалъ прекрасной Кліо, музѣ исторіи, что она, хотя не безъ протеста, внесла его въ свою памятную книжку. Такимъ образомъ онъ добился своего желанія: его имя попало въ регистръ извѣстныхъ историческихъ дѣятелей и ученые, волей-неволей, должны заниматься его особой.

Тьеръ родился въ прошломъ столѣтіи, въ 1797 году. Онъ росъ подъ впечатлѣніями разсказовъ о битвахъ и побѣдахъ первой имперіи; юношей онъ видѣлъ паденіе этой имперіи; лучшіе молодые годы его жизни прошли во время владычества бурбонской реставраціи; лѣта мужества онъ провелъ на службѣ буржуазной монархіи; онъ вступилъ уже въ шестой десятокъ, когда во Франціи водворилась вторая республика 1848 года; въ первомъ старческомъ возрастѣ онъ присутствовалъ при бонапартистской реставраціи; онъ видѣлъ возвы-

шеніе и паденіе Наполеона III; уже нѣсколько лѣтъ прошло, какъ онъ вступилъ во второй старческій возрастъ, когда онъ былъ избранъ главою французскаго государства.

Тьеръ—этотъ выдающійся типъ, представитель французской буржуазіи, происходитъ, однакожь, не изъ буржуазнаго семейства. Отцомъ Адольфа Тьера былъ бѣдный кузнецъ въ Э, въ Провансѣ. Можетъ быть, будущіе историки откроютъ въ пыльныхъ архивахъ какія-нибудь подробности изъ жизни этого бѣднаго пролетарія, но до сихъ поръ никто еще не промолвился ни словомъ объ отцѣ человѣка, имя котораго извѣстно во всемъ цивилизованномъ мірѣ.

Отца Тьера никто не зналъ, но существованіе его никѣмъ не опровергается; точно также не подлежитъ сомнѣнію, что матери у Адольфа Тьера вовсе не было; этимъ объясняются многія черты его характера. Люди, рожденные женщиной, всегда обладаютъ извѣстными слабостями, которыхъ у Тьера нѣтъ и не было. Люди, рожденные женщиной, способны увлекаться; молодость ихъ проходитъ довольно шумно, даже бурно; они дѣлаютъ ошибки, у нихъ сердце довольно часто беретъ верхъ надъ разсудкомъ. Тьеръ никогда не увлекался; его сердце было защищено прочной броней отъ всякихъ внѣшнихъ нападеній и постоянно подчинялось волѣ разсудка. Мужчины, рожденные женщиной, рано или поздно, но непремѣнно надѣлаютъ глупостей для женщинъ; Тьеръ во всю свою жизнь не сдѣлалъ ни одной. Конечно, онъ бывалъ очень любезенъ съ женами своихъ министровъ, но это была любезность чисто офиціальная и, сколько извѣстно, Тьеръ никогда не ухаживалъ ни за одной женщиной, не былъ влюбленъ и ни съ одной изъ нихъ не вступилъ въ серьезную связь. Мужчины, рожденные женщиной, имѣютъ обыкновенно дѣтей; Тьеръ никогда не имѣлъ ни законныхъ, ни незаконныхъ. Правда, Тьеръ женатъ; но, вступая въ бракъ, онъ бралъ не жену, а хорошее приданое, выгодное положеніе въ свѣтѣ; съ помощію этой женитьбы онъ могъ добиться извѣстнаго вліянія, могъ осуществить свои честолюбивыя надежды; этотъ бракъ дѣлалъ его солиднѣе и почтеннѣе въ глазахъ кружка тѣхъ людей,

отъ которыхъ зависѣло его возвышеніе. Соединяясь бракомъ съ дѣвицей Донъ, дочерью биржевого маклера, онъ бралъ къ себѣ въ домъ хорошую хозяйку; другихъ-же качествъ отъ нея онъ не требовалъ; о любви тутъ, конечно, не могло быть и помину.

Такимъ образомъ, у Тьера не было ни матери, ни отца (о немъ ничего не извѣстно, и онъ, какъ говорилъ самъ Тьеръ, не имѣлъ никакого вліянія на сына), не было и нѣтъ потомства. Кажется, онъ не имѣлъ братьевъ; до 1840 года никто не подозрѣвалъ, что у него есть сестра. Но въ этомъ году, въ Парижѣ, въ двухъ шагахъ отъ Монмартрскаго бульвара появилась слѣдующая вывѣска:

„Ресторанъ дѣвицы Тьеръ,
сестры президента совѣта министровъ.
Обѣды въ 40 су, а также и по картѣ".

Публика бросилась толпами въ этотъ ресторанъ. Кормили ее плохо, но за то она была вполнѣ удовлетворена болтливостью хозяйки, которая съ приличными жестами и слезами разсказывала всѣмъ, кто хотѣлъ ее слушать, что братъ ея управлявшій дѣлами Франціи, бросилъ ее на произволъ судьбы, такъ что она нашлась вынужденной для добыванія средствъ къ существованію открыть харчевню... Много говорила она и плакала; чувствительные люди, окружавшіе ее, вторили ей возгласами негодованія до тѣхъ поръ, пока въ ресторанъ не вошли агенты Тьера. Они вызвали хозяйку въ отдѣльную комнату и тамъ за довольно высокую цѣну купили у нея эту харчевню вмѣстѣ со всѣмъ обзаведеніемъ, обязавъ ее контрактомъ не открывать новыхъ харчевенъ и трактировъ. Что сталось впослѣдствіи съ дѣвицей Тьеръ, исторія о томъ умалчиваетъ.

II.

О дѣтскихъ годахъ Тьера ничего неизвѣстно. Его біографы, обыкновенно, начинаютъ исторію своего героя съ того момента, какъ сельскій учитель выдалъ ему свидѣтельство, въ которомъ отзывался съ большой похвалой объ умѣ, способностяхъ и прилежаніи маленькаго Адольфа и находилъ, что своимъ развитіемъ мальчуганъ далеко превзошелъ своихъ товарищей и сверстниковъ, по большей части оборванцевъ, сыновей пролетаріевъ. Это свидѣтельство обратило на мальчика вниманіе общины, и маленькій Адольфъ былъ помѣщенъ въ коллегію сначала въ Э, а потомъ въ Марсели. Община приняла на свой счетъ какъ плату за ученіе, такъ и полное содержаніе мальчика.

Всѣмъ обязанный первоначальной школѣ, Тьеръ, сдѣлавшись министромъ, естественно долженъ-бы былъ обратить серьезное вниманіе на состояніе народнаго образованія во Франціи и пристать къ партіи, требовавшей дарового и обязательнаго обученія въ первоначальныхъ школахъ. Но вышло не такъ: Тьеръ, съ особеннымъ удовольствіемъ твердившій о томъ, что онъ всѣмъ обязанъ одному себѣ, своимъ достоинствамъ, не хотѣлъ вспомнить о томъ школьномъ свидѣтельствѣ, которое открыло ему путь къ карьерѣ и безъ котораго онъ, вѣроятно, сдѣлался-бы просто ремесленникомъ. Министръ Тьеръ ровно ничего не сдѣлалъ для первоначальной школы. Напротивъ, разъ онъ даже подалъ голосъ въ пользу предложенія передать народное образованіе въ руки іезуитовъ, проще сказать, совершенно уничтожить его.

Изъ марсельской коллегіи Тьеръ вышелъ съ первой наградой. Въ коллегіи онъ былъ очень друженъ съ двумя товарищами, дружбу съ которыми онъ продолжалъ и впослѣдствіи: съ Минье и Кремье.

По окончаніи курса въ коллегіи, Тьеръ былъ помѣщенъ своими покровителями въ юридическій факультетъ въ Э. Из-

учивъ право во всѣхъ тонкостяхъ, двадцати-трехлѣтній Тьеръ выступилъ на практическую арену въ Э. Но юридическія занятія какъ здѣсь, такъ и въ Марсели его не удовлетворили и онъ поспѣшилъ въ Парижъ, куда влекли его честолюбивыя надежды, гдѣ онъ разсчитывалъ завоевать себѣ славу и высокое положеніе въ свѣтѣ. Какъ человѣкъ дальновидный, онъ, конечно, запасся нѣсколькими рекомендательными письмами.

Достовѣрно неизвѣстны его дорожныя приключенія на пути къ столицѣ. Его друзья увѣряютъ, что на него напала и ограбила его труппа странствующихъ актеровъ. Но другіе утверждаютъ, что онъ, послѣ чтенія романа Скаррона, вздумалъ идти по стопамъ Раготэна и для этого поступилъ въ странствующую труппу актеровъ въ качествѣ комика, лучше сказать, пьеро, такъ какъ эта труппа пробавлялась болѣе арлекинадами. Должно быть эта профессія не понравилась Тьеру, такъ какъ онъ вскорѣ былъ снова уже на пути къ Парижу, при чемъ кошелекъ его былъ почти пустъ.

Вступалъ-ли Тьеръ въ странствующую труппу актеровъ или нѣтъ, но только въ Парижъ онъ прибылъ, не имѣя въ карманѣ ни гроша денегъ и нанялъ мансарду въ Латинскомъ кварталѣ, гдѣ вскорѣ соединился съ нимъ его другъ Минье.

Минье, недавно получившій премію отъ парижской академіи, былъ при деньгахъ. Желая, чтобы и другъ его заработалъ что-нибудь, онъ предложилъ ему явиться соискателемъ преміи, предложенной академіей въ Э, за похвальное слово Вовенаргу. Не долго думая, Тьеръ бросился въ библіотеку; три дня собиралъ матеріалы, а черезъ пятнадцать дней весь трудъ его былъ оконченъ и отправленъ въ академію, согласно правиламъ, безъ подписи автора. Академія нашла, что этотъ трудъ заслуживалъ-бы преміи по своимъ литературнымъ достоинствамъ, но какъ онъ проникнутъ революціонными тенденціями, то академія не можетъ присудить за него награду; произведеніе Тьера было лучшимъ изъ представленныхъ на конкурсъ, слѣдовательно, и прочія не заслуживали преміи; академіи пришлось назначить новый конкурсъ. Ободренный отзывомъ академіи о своемъ трудѣ, Тьеръ взялся за перо и написалъ

новое похвальное слово, которое удовлетворило всѣмъ условіямъ программы и академики удостоили его преміи. Когда-же академики вскрыли конверты, въ которыхъ заключались имена авторовъ представленныхъ статей, они взглянули другъ на друга съ непритворнымъ изумленіемъ: и первая, забракованная, и вторая, получившая премію, статьи принадлежали одному и тому-же лицу—Адольфу Тьеру. Въ публикѣ было много толковъ и смѣха по этому поводу, но молодой Тьеръ тѣмъ не менѣе добился своего—получилъ деньги. Имя его стало извѣстно. Таковъ былъ первый шагъ Тьера къ популярности. При этомъ кстати вспомнить, что скромная провинціяльная, безансонская академія выдала премію Прудону, которая также была первымъ шагомъ его къ извѣстности.

Принадлежа къ людямъ того закала, у которыхъ болѣе таланта, чѣмъ денегъ, а честолюбія болѣе, чѣмъ политической честности и твердости убѣжденій, молодой Тьеръ обратился къ журналистикѣ, разсчитывая, что журнальная дѣятельность скорѣе всего откроетъ ему путь къ возвышенію на политическомъ поприщѣ, куда стремились всѣ его желанія. Съ этойже цѣлью Тьеръ сошелся съ кружкомъ людей, гдѣ либерализмъ очень удобно уживался съ реакціонерными поползновеніями. Протежируемый депутатомъ Манюэлемъ, представителемъ самой передовой партіи того времени, Тьеръ передалъ своего „Вовенарга" въ редакцію газеты „Constitutionnel". Статья Тьера была принята и напечатана.

„Constitutionnel" въ двадцатыхъ годахъ была газета молодая, блестящая и смѣлая; она служила органомъ либеральной буржуазіи и проявляла самую серьезную оппозицію правительству, съ которой волей-неволей оно должно было считаться. Съ особенной рѣзкостью и рѣшительностью она нападала на іезуитовъ. Юный Тьеръ присталъ къ пропагандѣ противъ іезуитизма и такъ отличился своими нападками на нихъ, что вскорѣ сталъ самымъ замѣтнымъ сотрудникомъ въ газетѣ, въ которой только что началъ свою литературную карьеру.

Журнальная работа оставляла Тьеру такъ много свободнаго времени, что онъ могъ серьезно заниматься исторіей.

Въ 1821 году появился его первый историческій трудъ „Французская монархія". И публика, и критика приняли этотъ трудъ довольно холодно. Впрочемъ, по своей поверхностности онъ и не заслуживалъ болѣе сочувственнаго пріема.

Въ 1822 году Тьеръ собралъ свои статьи объ искуствѣ и издалъ книгу подъ заглавіемъ „Salon de 1822", въ которой онъ съ особеннымъ одушевленіемъ привѣтствовалъ зарождающійся талантъ Делакруа. Кстати замѣтимъ, что Тьеръ имѣетъ слабость считать себя знатокомъ искуства и съ давнихъ уже поръ собираетъ картины; его всегда можно встрѣтить на аукціонныхъ продажахъ картинъ и рѣдкостей.

О вкусахъ не спорятъ. Тьеръ, конечно, имѣлъ полное право тратить свои деньги на покупку античныхъ вазъ и произведеній фламандской живописи и считать себя въ полномъ смыслѣ слова знатокомъ искуства. Мы допустимъ охотно, что Тьеръ, сдѣлавшись продавцемъ картинъ и древностей, составилъ-бы себѣ такъ-же легко карьеру, какъ и въ политикѣ. Но ловкій и счастливый торговецъ предметами искуства можетъ самъ и не быть артистомъ, можетъ не имѣть никакого артистическаго вкуса. Когда парижскіе комуналисты издали декретъ о разрушеніи дома Тьера, внутреннее убранство котораго, по словамъ самого Тьера, стоило милліонъ франковъ,— они разрѣшили всѣмъ желающимъ осмотрѣть богатство и рѣдкости, въ немъ собранныя. По отзывамъ людей безпристрастныхъ и истинныхъ знатоковъ дѣла, любопытство ихъ далеко не было удовлетворено, они нашли совсѣмъ не то, чего ожидали. Дѣйствительно, что касается комфорта обыденной жизни, въ квартирѣ Тьера онъ былъ образцовый: все было соображено и устроено до мельчайшихъ подробностей, но какъ на меблировкѣ дома, такъ и на собраніи картинъ и рѣдкостей лежала печать самаго банальнаго вкуса. Во всемъ виденъ былъ разбогатѣвшій буржуа и только. Правда, войдя въ библіотеку, вы могли сказать, что хозяинъ дома по своему развитію стоитъ далеко выше какого-нибудь разбогатѣвшаго бакалейщика, но или онъ не развилъ свой вкусъ паралельно съ

научнымъ развитіемъ, или-же развивалъ его на весьма сомнительныхъ образцахъ.

III.

„Принятый въ домъ банкира Лафита, главы тогдашней оппозиціи, пишетъ Ломени, біографъ Тьера,—Тьеръ, благодаря своей способности говорить и пылкости своего южнаго воображенія, сталъ вскорѣ замѣтнымъ лицомъ на вечерахъ этого финансоваго туза. Самая наружность его невольно обращала на него общее вниманіе: маленькаго роста, съ короткой таліей, съ огромными очками на небольшомъ носу, съ провинціяльнымъ акцентомъ въ голосѣ, съ постояннымъ подергиваніемъ плечъ, вѣчно размахивающій руками, безцеремонный въ своихъ приговорахъ, Тьеръ казался всѣмъ большимъ оригиналомъ".

Вѣчно веселый, говорливый, неутомимый Тьеръ очень понравился Лафиту, человѣку великодушному и довѣрчивому; мало-по-малу, изъ веселаго собесѣдника онъ сдѣлался секретаремъ, довѣреннымъ лицомъ и даже совѣтникомъ знаменитаго банкира. Благодаря Лафиту, Тьеръ былъ представленъ въ свѣтѣ, введенъ всюду. Онъ умѣлъ понравиться всѣмъ: одному во время польстить, другому оказать небольшую услугу. Лафитъ съ увлеченіемъ рекомендовалъ его Лафайету, ветерану первой республики; также герцогу Орлеанскому, который уже и въ то время раздавалъ направо и налѣво демократическія рукопожатія и являлся въ публикѣ въ бѣлой шляпѣ съ своимъ классическимъ зонтикомъ. Тьера въ это время ободрилъ даже самъ Талейранъ, сказавшій про него: „этотъ молодой человѣкъ обѣщаетъ многое, изъ него выйдетъ толкъ, онъ не изъ первыхъ встрѣчныхъ". Талейранъ потомъ не разъ справлялся объ успѣхахъ Тьера въ свѣтѣ и охотно давалъ ему совѣты, такъ что Тьера можно считать отчасти ученикомъ этого знаменитаго пройдохи. Принятый всюду, Тьеръ умѣлъ вездѣ держать себя независимо; съ людьми значительными, имѣвшими

вѣсъ, онъ обращался съ извѣстной фамильярностью; онъ входилъ въ столовую Лафита съ шляпой на головѣ; послѣ обѣда онъ располагался въ креслѣ, у камина, въ гостиной, и дремалъ полчаса, хотя вокругъ него бывало большое общество дамъ и мужчинъ: эту привычку онъ сохранилъ до сихъ поръ. Съ улыбкой добродушія и съ фальшивой искренностью, Тьеръ всегда ловко поворачивалъ разговоръ въ ту сторону, куда ему было нужно и выпытывалъ необходимыя ему тайны. Собесѣдникъ невольно увлекался его веселостью и безцеремонностію и становился вполнѣ искрененъ съ нимъ. Да трудно было и не вѣрить этому весельчаку, съ дѣтской фигуркой, который, повидимому, ни къ чему не относился серьезно и обо всемъ говорилъ со смѣхомъ.

Фамильярность—могущественное средство, съ помощію котораго можно много выиграть въ свѣтѣ; но оно не единственное средство; той-же цѣли можно достигнуть сдержанностью и напускной важностью. Два знаменитые соперника—Тьеръ и Гизо (они познакомились въ домѣ Лафита), достигли высокаго положенія совершенно противоположными способами; одинъ, маленькій и толстенькій, пустилъ въ ходъ фамильярность; другой, длинный и худой,—сдержанность; одинъ старался казаться добродушнымъ человѣкомъ; другой запахивался плащемъ великаго человѣка. Царствованіе Люи Филиппа навсегда останется эпохой классической буржуазной жизни. Тьеръ представлялъ тезу, Гизо—антитезу, а король-гражданинъ, прикрывая ихъ обоихъ своимъ огромнымъ зонтикомъ, образовывалъ синтезъ. Но не станемъ упреждать событій.

Какъ „Исторія жирондистовъ", Ламартина, предшествовала революціи 1848 года, такъ-же точно „Исторія французской революціи" Тьера, предшествовала и отчасти ускорила революцію 1830 года.

Въ то время молодой Тьеръ нуждался еще въ покровителяхъ и поддержкѣ; онъ обратился къ Феликсу Бодэну, одному изъ редакторовъ „Constitutionnel'я", съ просьбой помочь ему въ осуществленіи большого труда о французской революціи; Бодэнъ принялъ на себя часть работы и далъ де-

4*

негъ на изданіе. Въ началѣ предпріятія, когда Тьеръ не пользовался еще извѣстностью, сотрудничество Бодэна приносило ему порядочныя выгоды и значительная часть сочиненія составлялась имъ; но, по мѣрѣ того, какъ Тьеръ пріобрѣталъ значеніе въ свѣтѣ, Бодэнъ отступалъ на второй планъ: первый томъ сочиненія принадлежалъ Феликсу Бодэну и Тьеру; второй — Тьеру и Феликсу Бодэну; третій-же одному Тьеру. Этотъ случай чрезвычайно характеристиченъ; Тьеръ во все время своей политической карьеры поступалъ такъ-же, какъ онъ поступалъ съ Бодэномъ; съ такой-же ловкостью дѣйствовалъ онъ въ салонѣ Лафита, въ палатахъ и министерствахъ при Люи-Филиппѣ, въ собраніяхъ второй имперіи и обѣихъ республикъ. Люи-Филиппъ, близко знавшій Тьера, выразился о немъ слѣдующимъ образомъ: „Тьеръ всегда находитъ средство влѣзть на мое мѣсто. Я ему говорю: „Г. Тьеръ, я желаю имѣть особую постель. Здѣсь, въ комнатѣ, двѣ постели; выбирайте одну, я возьму другую“. — Очень хорошо! отвѣчаетъ онъ, — значитъ, дѣло слажено. — Я ощущаю удовольствіе, полагая, что, наконецъ, усну спокойно... я раздѣваюсь и... и нахожу, что этотъ безпокойный маленькій человѣчекъ улегся на той самой постели, которую онъ мнѣ оставилъ...“

„Исторія революціи“, въ особенности первый томъ, была встрѣчена сочувственно публикой и сразу завоевала себѣ популярность. Такой успѣхъ слѣдуетъ приписать болѣе всего тому обстоятельству, что подобное изданіе было сопряжено съ нѣкоторой опасностью и могло навлечь большія непріятности его авторамъ. На заглавномъ листѣ первыхъ изданій былъ напечатанъ бюстъ республики съ фригійской шапкой на головѣ... Вся тогдашняя либеральная Франція встрѣтила этотъ трудъ Тьера горячими рукоплесканіями.

Теперешняя критика очень холодно относится къ „Исторіи французской революціи“ Тьера, находя въ ней множество непростительныхъ ошибокъ и даже мѣстами стремленіе намѣренно исказить событія. И критика совершенно права; однакожь, слѣдуетъ замѣтить, что менѣе всего ошибокъ было именно въ первомъ изданіи, запечатлѣнномъ страстностью; но

каждое послѣдующее изданіе исправлялось и передѣлывалось Тьеромъ не въ пользу сочиненія, такъ что, въ сущности, остался только остовъ перваго изданія; это была та-же бочка, наполненная спиртуозной жидкостью, но только въ ней съ теченіемъ времени вино буржуазнаго либерализма превратилось въ уксусъ буржуазнаго доктринерства. Въ послѣдующихъ изданіяхъ съ особенной яркостью выступаетъ идея, проходящая чрезъ все сочиненіе и вполнѣ характеризующая направленіе автора и его нравственныя тенденціи: онъ преклоняется предъ успѣхомъ, онъ считаетъ его главнымъ и единственнымъ мѣриломъ справедливости и разумности; отсюда невольное оправданіе пороковъ и даже преступленій, когда они совершались торжествующими людьми и партіями. Авторъ последовательно пишетъ панегирики Мирабо, Дантону, Робесьеру, жирондистамъ, Сен-Жюсту и т. п., но это онъ дѣлаетъ потому, что эти люди и партіи послѣдовательно одни за другими становились побѣдителями или были представителями торжествующихъ партій, но какъ только они, въ свою очередь, подвергались пораженію, авторъ относится къ нимъ съ укоризной и тотчасъ-же забываетъ объ нихъ. Такой именно выводъ представляется моралисту послѣ чтенія книги. И въ литературномъ отношеніи эта книга не представляетъ особенныхъ достоинствъ: и языкъ, и слогъ этого сочиненія слишкомъ вульгарны; невольно представляешь себѣ ея автора съ самымъ обыкновеннымъ лицомъ, съ манерами странствующаго торговца, который вторгается на *пиръ жирондистовъ* съ такой-же безцеремонной фамильярностью, съ какой онъ являлся въ столовую Лафита, заложа руки въ карманы и имѣя шляпу на головѣ. Хотя Тьеръ своими вставками и исправленіями сильно испортилъ свое сочиненіе, но оно и въ своемъ первоначальномъ видѣ не представляло тѣхъ достоинствъ, какія требуются отъ серьознаго историческаго труда. Оно явилось какъ разъ во время, оно дѣйствовало на политическія страсти, тѣмъ и объясняется его значительный успѣхъ. Оно выдержало десять изданій (не считая брюссельскихъ контрафакцій) и разошлось въ огромномъ числѣ экземпляровъ, но

теперь о немъ забыли; его держатъ еще на полкахъ книжныхъ лавокъ и библіотекъ, но на немъ лежитъ толстый слой пыли; его читаютъ, можетъ быть, какіе-нибудь завзятые почитатели старины, да литераторы, которымъ приходится выставлять его, какъ образецъ политической безтактности французской буржуазіи, представитель которой Тьеръ явился Гомеромъ, поднявшимъ на высокій пьедесталъ своего Ахилла—Наполеона I-го Бонапарта!

Однакожъ, слѣдуетъ отдать справедливость Тьеру: его сочиненіе, первый томъ котораго вышелъ почти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, обработано имъ тщательно; онъ очень часто ссылается на слова и мнѣнія участниковъ этихъ событій, которые находились въ то время еще въ живыхъ, и съ которыми ему приходилось совѣтоваться и бесѣдовать; въ его сочиненіи нерѣдко появляются ссылки на Талейрана, Фуа, Жомини, на многихъ изъ дѣятелей революціи и имперіи, жившихъ вдали отъ дѣлъ. Ни одинъ интересный документъ не былъ упущенъ имъ изъ виду; Тьеръ предварительно занялся изслѣдованіемъ вопросовъ объ ассигнаціяхъ, кредитѣ, налогахъ, подрядахъ и пр., оказавшихъ большое вліяніе на ходъ дѣлъ во время революціи и первой имперіи. Онъ желалъ прежде хорошенько понять то, о чемъ намѣревался говорить въ своемъ сочиненіи. „Благодаря такому изученію, говоритъ одинъ изъ біографовъ Тьера, — его тридцатитомная исторія отъ открытія генеральныхъ штатовъ до Ватерлоо составляла въ свое время родъ энциклопедіи, которой могли пользоваться люди, занимающіеся политикой, которая могла служить руководствомъ для людей, вздыхавшихъ по мѣстамъ префектовъ и под-префектовъ“. У Тьера изумительная память: что разъ узналъ онъ, того онъ не забываетъ никогда и при случаѣ всегда съумѣетъ имъ воспользоваться. Впрочемъ, Тьеръ изучаетъ все не такъ, какъ всѣ, обыкновенные смертные: ему вѣчно кажется, что онъ сдѣлалъ открытіе, что онъ изобрѣлъ то, о чемъ узналъ отъ другихъ; онъ вѣчно открываетъ и изобрѣтаетъ. Лафонтенъ останавливалъ на улицѣ прохожихъ и спрашивалъ ихъ: читали-ли они Габакука. Тьеръ дѣлаетъ не

такъ: онъ внезапно проникается энтузіазмомъ къ Діогену лаэрскому, который, по его словамъ, „до сихъ поръ, кажется, почти неизвѣстенъ“ и снова изобрѣтаетъ Дениса галикарнаскаго. Если-бы Тьеру удалось привести въ исполненіе его обширный планъ собственнаго путешествія и онъ прогулялся-бы по улицамъ Нью-Іорка, то произошло-бы слѣдующее: возвращается Тьеръ довольный и счастливый; онъ считаетъ себя соперникомъ Христофора Колумба; онъ издаетъ книгу, изъ которой оказывается, что Америка не была-бы открыта, если-бъ въ дѣло не вмѣшался онъ, Адольфъ Тьеръ. Изъ сочиненій Тьера видно, что авторъ ихъ имѣетъ большое довѣріе къ самому себѣ, что онъ считаетъ себя большой силой. Съ такимъ убѣжденіемъ можно сдѣлать многое, конечно, если оно не составляетъ продукта самохвальства и пустого тщеславія. „Тьеръ знаетъ все, говорилъ Сен-Бевъ еще въ 1841 году,—онъ говоритъ обо всемъ, смѣло разрѣшаетъ всякія затрудненія. Не задумываясь, онъ скажетъ вамъ на которомъ берегу Рейна долженъ явиться будущій великій человѣкъ и сколько гвоздей въ пушечномъ лафетѣ. Въ этомъ заключаются его недостатки. Посмотримъ теперь на его достоинства. У него умъ ясный, живой, дѣятельный и свѣжій; онъ стоитъ всегда на высшемъ уровнѣ своего времени; въ своемъ изложеніи онъ всегда ясенъ и понятенъ для каждаго“...

Современный критикъ не сказалъ-бы того-же самаго о Тьерѣ, въ особенности относительно высшаго уровня. Извѣстно, что съ 1848 г. Тьеръ ничего не узналъ новаго, онъ остановился на одномъ уровнѣ. Такой умный и развитой человѣкъ оказался неспособнымъ понять истинный смыслъ событій; онъ потерялъ прежнюю воспріимчивость; все новое проскальзывало мимо него, не задѣвая его, онъ оставался съ своимъ старымъ репертуаромъ; въ его историческомъ, экономическомъ и философскомъ багажѣ ничто не измѣнилось втеченіи двадцати лѣтъ. Онъ какъ-бы умеръ для нашего времени, онъ точно выходецъ съ того свѣта, мыслящій и дѣйствующій, какъ мыслили и дѣйствовали люди въ то время, какъ онъ дѣйствительно жилъ. Онъ умеръ въ 1853 году и погребенъ въ

Твикенгэмѣ, въ гробницѣ Люи-Филиппа вмѣстѣ съ своимъ другомъ Гизо, старымъ герцогомъ Брольи и Одилономъ Барро. Онъ умеръ, въ этомъ никто не сомнѣвается, между тѣмъ никто не хочетъ тому вѣрить. И это вовсе не исключеніе, это скорѣе общее правило. Самое трудное въ мірѣ, это — вѣрно опредѣлить моментъ перехода отъ жизни къ смерти...

Но возвратимся къ Тьеру того времени, когда онъ былъ вполнѣ живой человѣкъ. Его „Исторія революціи“, такъ-же какъ и нѣкоторыя другія его произведенія, обнаруживаетъ тайну, почему изложеніе Тьера отличалось дѣйствительно замѣчательной ясностью и удобопонятностью, почему читатель не находилъ въ ней такихъ мѣстъ, которыя невольно заставляли-бы его задумываться и пытаться разрѣшить дилемму: отчего событія сложились такъ, а не иначе? отчего извѣстное лицо дѣйствовало въ одномъ случаѣ честно, а въ другомъ обнаружило коварство и пустило въ ходъ ложь? Нашъ историкъ, съ безцеремонностью, характеризующею его и въ политикѣ, въ біографіяхъ лицъ, дѣйствующихъ въ его разсказѣ, и въ самомъ перечнѣ событій или опускаетъ все, что ему не нравится и что онъ самъ плохо понимаетъ, или иное измѣняетъ по своему произволу. Такимъ образомъ, въ его историческое изложеніе вкрадываются неточности, неправильности, и даже ложь, но за то достигается гладкость стиля, ясность и простота, — именно тѣ достоинства, которыхъ добивался авторъ, отодвигая правду на задній планъ. Многіе наивные люди увѣряютъ, что правда проста, что ничего не можетъ быть проще правды... Но вѣдь извѣстно, что такъ мыслятъ только мечтатели... Люди-же ловкіе и практическіе разсуждаютъ иначе; они находятъ, что правда облечена таинственностью, что скрыта она за семью замками и добыть ее оттуда очень трудно. Вѣроятно, раздѣляя это убѣжденіе, Тьеръ и не гонится особенно за правдой... онъ часто упрощаетъ ее до самаго простѣйшаго выраженія, до полнаго ея отсутствія.

Тайна успѣха Тьера заключается именно въ томъ, что онъ умѣетъ быть проще самой правды, умѣетъ ловко придать правдоподобіе очевидной лжи. Это искуство не разъ давало

ему побѣду во время парламентскихъ преній. Его слушатели и читатели, довольные тѣмъ, что они такъ легко понимаютъ доводы знаменитаго оратора и писателя, вѣрятъ въ ихъ разумность и правдивость, хотя за минуту готовы были признать ихъ абсурдными или лживыми. Какой-нибудь ограниченный лавочникъ, съ трудомъ ведущій свои счетныя книги, принимается за чтеніе книги Тьера съ полной увѣренностью, что онъ ничего въ ней не пойметъ; берется-же онъ за нее потому, что на него напала скука и ему хочется чѣмъ-нибудь развлечь себя. И вдругъ, къ его изумленію, въ этой книгѣ для него все ясно и многое, что онъ, въ простотѣ своей души, считалъ до сихъ поръ чернымъ, оказывается бѣлымъ и на оборотъ. Въ восхищеніи онъ бѣжитъ къ своей дражайшей половинѣ и говоритъ ей, тономъ авторитета: „А знаешь-ли, Бибишъ, теперь я начинаю раздѣлять убѣжденія нашего великаго Тьера. Да, другъ мой, только я, да г. Тьеръ вполнѣ понимаемъ другъ друга и понимаемъ вещи такъ, какъ онѣ есть!“

Не удивительно, поэтому, что всѣ десять изданій „Исторіи революціи“ находили массу читателей и этой книги разошлось болѣе 150,000 экземпляровъ. Она перепутала убѣжденія у многихъ людей, внесла колебанія въ ихъ воззрѣнія и болѣе всего способствовала распространенію во Франціи шатуновъ, т. е. людей, не имѣющихъ никакихъ опредѣленныхъ убѣжденій и готовыхъ пристать ко всякой партіи при томъ, впрочемъ, условіи, чтобы она была торжествующей.

Когда Тьеръ окончилъ свою „Исторію французской революціи“ ему было тридцать лѣтъ отъ роду. Это сочиненіе доставило ему большую популярность, а связь съ вліятельными лицами и обширное знакомство въ различныхъ кругахъ—достаточно сильное вліяніе въ свѣтѣ. Но онъ еще не испробовалъ политической административной дѣятельности, къ которой стремились всѣ его помыслы и пожеланія.

Маленькій ростомъ Наполеонъ I или Буонаберди, султанъ европейскихъ франковъ, какъ называетъ его Викторъ Гюго, принялъ своимъ девизомъ: „Великъ, какъ міръ!“ Этотъ Наполеонъ, какъ извѣстно, былъ героемъ и образцомъ Тьера, который, подобно своему идолу, задумалъ покорить міръ, но не силой оружія, а своими путешествіями. Антрепренеры-спекуляторы предложили Тьеру написать „Всеобщую исторію міра“. Обширность труда не устрашила Тьера. Недостатокъ своихъ знаній онъ расчитывалъ пополнить продолжительнымъ путешествіемъ, которое поможетъ ему собрать необходимыя свѣденія. Онъ уже купилъ себѣ мѣсто на какомъ-то пароходѣ, когда 5 августа 1829 года явился декретъ о назначеніи министерства Полиньяка. Этимъ назначеніемъ объявлялась война націи и пріостанавливалось дѣйствіе конституціонной хартіи. Умы взволновались, въ воздухѣ нависли тучи, предчувствовалось приближеніе грозы... Враждебныя партіи стояли другъ противъ друга, намѣреваясь вступить въ ожесточенный бой. Въ такой рѣшительный моментъ человѣку, желавшему играть политическую роль, не приходилось отправляться въ Индію. Тьеръ, бывшій до сихъ поръ замѣтнымъ борцомъ въ лагерѣ противниковъ легитимизма, понялъ, что для его дѣятельности открывается широкое поле и, конечно, остался во Франціи.

Тьеръ настолько уже пользовался извѣстностью въ литературѣ, что имѣлъ право расчитывать на сочувствіе передовой публики къ тому періодическому изданію, въ которомъ онъ будетъ замѣтнымъ дѣятелемъ. Вмѣстѣ, съ своимъ другомъ Минье и республиканцемъ Арманомъ Каррелемъ, онъ основалъ газету „National“ съ строго-оппозиціоннымъ направленіемъ. „National“ сразу пріобрѣлъ массу читателей и очень долго пользовался громаднымъ значеніемъ въ странѣ. При Карлѣ X и Люи-Филиппѣ онъ былъ едва-ли не лучшей изъ французскихъ газетъ, но послѣ 1848 года перешелъ въ руки реакціонеровъ.

Въ „National'ѣ“ Тьеръ провозгласилъ знаменитую фразу: „король царствуетъ, но не управляетъ“, ставшую исторической, и вполнѣ выразившую собой конституціонную теорію, полную противорѣчій и всевозможныхъ фикцій.

Въ февралѣ 1830 года „National" рѣшился на смѣлую выходку: онъ заявилъ о кандидатурѣ на тронъ герцога Орлеанскаго. Натурально, за этимъ послѣдовалъ процессъ, осужденіе, тюрьма, громадный штрафъ и энтузіазмъ либеральной буржуазіи, весьма охотно уплатившей всѣ издержки процесса. Герцогъ Орлеанскій, разумѣется, поспѣшилъ заявить, что онъ не причастенъ этому скандалу, что ему крайне непріятна эта странная выходка его приверженцевъ и что онъ торжественно выражаетъ имъ свое негодованіе.

Въ іюлѣ „National" поднялъ тонъ; онъ смѣло заявилъ о намѣреніи правительства произвести государственный переворотъ: „оно пока еще не осмѣливается рѣшиться на эту мѣру, говорилъ онъ,—но, рано или поздно, непремѣнно рѣшится". Тѣмъ не менѣе Тьеръ, въ это время заправлявшій оппозиціей, не переставалъ твердить, что сопротивленіе должно быть легальное, чисто легальное, строго легальное. Однакожъ, когда появились знаменитые *приказы* Полиньяка, Пейроне и ихъ товарищей, утвержденные королемъ, Тьеръ взялъ на себя заботу организовать протестъ. Протестующіе намѣревались напечатать свой протестъ въ газетахъ, но сдѣлать его анонимнымъ. „Нѣтъ, господа, такимъ путемъ мы ничего не подѣлаемъ, сказалъ Тьеръ, — подпишемся всѣ подъ нашимъ протестомъ; правда, мы жертвуемъ своими головами, но иначе мы не можемъ расчитывать на успѣхъ". Смѣлое предложеніе Тьера было принято съ энтузіазмомъ.

Слѣдующіе за тѣмъ три дня Тьеръ скрывался въ Монморанси, такъ какъ отданъ былъ приказъ арестовать его; но 29 іюля вечеромъ онъ снова былъ въ Парижѣ и раздавалъ сражавшимся прокламацію, въ которой исчислялись достоинства герцога Орлеанскаго, въ то время посылавшаго эстафету за эстафетой къ Карлу X съ увѣреніями въ своей преданности.

Въ ночь съ 30 на 31 іюля, Тьеръ, Лафитъ, генералы Жераръ и Себастіани импровизировали депутацію, которая отъ имени народа вручила диктатуру герцогу Орлеанскому, и 1 августа утромъ Франція узнала, что Люи-Филиппъ Орлеанскій назначенъ намѣстникомъ королевства. 8 августа, когда во

всѣхъ углахъ Франціи уже восторжествовала революція, герцогъ Орлеанскій, по настоянію своихъ приверженцевъ объявилъ себя королемъ французовъ. Тьеръ былъ вознагражденъ званіемъ государственнаго совѣтника и крупнымъ мѣстомъ въ министерствѣ финансовъ. Съ этого момента во Франціи начинается владычество либеральной буржуазіи, составившее знаменательную эпоху въ лѣтописяхъ новѣйшей цивилизаціи.

IV.

Во Франціи водворилась система парламентаризма. Тьеръ сознавалъ себя способнымъ для парламентской дѣятельности и сталъ энергически хлопотать о томъ, чтобы попасть въ палату. Онъ представился кандидатомъ въ своемъ родномъ городѣ и былъ выбранъ почти единогласно.

Въ палатѣ Тьеръ помѣстился между самыми рѣшительными и горячими прогрессистами, требовавшими немедленныхъ реформъ, широкаго примѣненія принциповъ первой революціи и твердой, рѣшительной и воинственной внѣшней политики. Въ это время проявился блистательный ораторскій талантъ Тьера. Въ своихъ пылкихъ рѣчахъ онъ старался провести идею, что военная слава скорѣе всего будетъ способствовать прочному утвержденію во Франціи династіи короля-гражданина. Тьеръ желалъ, чтобы французскія арміи тотчасъ-же перешли Рейнъ, перешли Альпы, освободили Бельгію, Италію, чтобы прошли Германію, внося всюду, вмѣстѣ съ грохотомъ пушекъ, проповѣдь буржуазнаго либерализма. Но Люи-Филиппъ, самъ знакомый съ случайностями войны, въ которой участвовалъ въ своей молодости, вовсе не желалъ бросаться, сломя голову, въ рискованныя предпріятія; по своей натурѣ онъ прочное предпочиталъ блестящему и намѣревался держаться благоразумной и осторожной политики. Онъ оставался глухъ къ воинственнымъ воззваніямъ своихъ пылкихъ приверженцевъ; съ иронической улыбкой выслушивалъ ихъ романтическія восторжен-

ныя изліянія и, мало-по-малу, убѣдилъ французскую буржуазію, все еще бредившую завоеваніями и воинской славой, что время героическихъ безумствъ уже прошло и что гораздо лучше построить прочный комфортабельный домъ и поселиться въ немъ, чѣмъ рыскать по большимъ европейскимъ дорогамъ, отыскивая приключеній. Надо полагать, что Люи-Филиппъ умѣлъ говорить убѣдительно, потому что воинственный пылъ французской либеральной буржуазіи вскорѣ остылъ и она охотно послѣдовала за своимъ королемъ по тому пути, который онъ ей предложилъ.

Въ этотъ первый періодъ своей парламентской дѣятельности, Тьеръ взялъ себѣ за образецъ ораторовъ національнаго конвента и вполнѣ усвоилъ себѣ ихъ манеру говорить. Это замѣтилъ еще Бальзакъ въ своемъ „Revue de Paris". Бальзакъ не долюбливалъ Тьера, но удивлялся его таланту, и, кажется, отчасти имѣлъ его въ виду, создавая свой типъ Растиньяка, который безъ копейки въ карманѣ пришелъ въ Парижъ и въ первый-же день, проходя по городу, далъ себѣ слово добиться господства въ немъ, чего и достигъ, благодаря своему образованію, уму, граціи, сильной волѣ и безцеремонности въ вопросахъ совѣсти.

„Г. Тьеръ дебютировалъ на трибунѣ въ качествѣ революціонера, говоритъ Бальзакъ;—съ своей южной пылкостью онъ подражалъ дантоновскому краснорѣчію и подражалъ очень удачно; но вскорѣ онъ убѣдился, что громкія фразы, величественныя движенія какъ-то нейдутъ къ его тонкому, хриплому, слабому голосу, къ его маленькой фигуркѣ. Вѣроятно, по совѣту Талейрана, онъ измѣнилъ тонъ своихъ рѣчей, измѣнилъ манеру говорить; его рѣчи стали холоднѣе, онъ видимо заботился о точности и ясности выраженій и уже несравненно рѣже прибѣгалъ къ пафосу... Въ нихъ сталъ замѣтенъ характеръ добродушія, веселости, шутливости... Въ его способѣ третировать враговъ нѣтъ ни презрѣнія къ людямъ, которымъ отличался Наполеонъ, ни англійскаго лицемѣрія Кромвеля... вы видите, что предъ вами говоритъ провансалецъ, въ харак-

терѣ котораго уживаются дерзость, эластичность, впечатлительность и беззаботность".

Съ этого времени Тьеръ вырабатываетъ въ себѣ ораторскую манеру, въ которой даже до сихъ поръ не имѣетъ себѣ соперника. Вотъ что говоритъ Рокепланъ, одинъ изъ біографовъ и критиковъ Тьера, о характерѣ его краснорѣчія:

„Я поступаю, сказалъ мнѣ разъ Тьеръ,—какъ хирурги, которые соглашаются служить въ госпиталяхъ за ничтожное жалованье: здѣсь они набиваютъ себѣ руку въ производствѣ операцій и впослѣдствіи ихъ паціенты щедро вознаграждаютъ ихъ за годы опытовъ и ученія. Я стараюсь говорить со многими людьми объ извѣстномъ предметѣ, я завожу рѣчь и въ ту и въ другую сторону, я встрѣчаю противорѣчія, я вступаю въ споръ; такъ я провожу въ разговорахъ цѣлое утро и къ обѣду у меня уже готова рѣчь, которую я долженъ сказать въ палатѣ. Я натягиваю на себя нагрудникъ, и прежде, чѣмъ выйду на дуэль съ противникомъ, фехтую нѣсколько времени съ своимъ другомъ и, такимъ образомъ, набиваю себѣ руку". Какъ ни странно это покажется, но я утверждаю, что такой способъ составлять рѣчи практикуется Тьеромъ потому, что нашъ ораторъ обладаетъ небольшимъ запасомъ знаній... Онъ примѣняетъ къ краснорѣчію и исторіи тѣ-же пріемы, какіе прилагаютъ къ своимъ работамъ Скрибъ, Орасъ Верне и другіе, т. е. самые легкіе, не требующіе большого труда и изъ ихъ рукъ выходятъ произведенія по плечу невзыскательной публикѣ".

Впрочемъ, Тьеръ, измѣнивъ стиль и манеру своего краснорѣчія, измѣнилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самое направленіе своихъ рѣчей. Разставшись съ страстнымъ краснорѣчіемъ, дѣйствующимъ на сердце и чувство, онъ пересталъ быть народнымъ трибуномъ и сдѣлался ораторомъ патриціевъ. Теперь, когда плебеи уже не обладали прежнимъ значеніемъ, образцомъ его сдѣлались дѣятели термидорскаго переворота; онъ постарался забыть, что еще недавно бралъ себѣ за образецъ Дантона.

Перемѣна-же эта явилась результатомъ положенія, созданнаго себѣ торжествующей либеральной буржуазіей. Лафитъ,

глава либеральной буржуазіи, идолъ народа, въ 1830 году былъ моральнымъ диктаторомъ страны. Если-бъ онъ захотѣлъ, послѣ побѣды іюльской революціи во Франціи была-бы провозглашена республика, такъ какъ вся буржуазія приняла-бы ее съ охотой. Ея представители, и въ числѣ ихъ Тьеръ, выставляли идеаломъ государственнаго устройства конституціи, подобныя тѣмъ, какія дѣйствуютъ въ швейцарскихъ кантонахъ, Бернѣ или Женевѣ. Тьеръ въ своихъ статьяхъ до іюльской революціи не разъ затрогивалъ вопросъ объ этихъ конституціяхъ, относясь къ нимъ съ большимъ сочувствіемъ. Но Лафитъ и его друзья, одержавъ побѣду, рѣшили, что лучше пойдти на компромисъ съ побѣжденными. Большая часть изъ нихъ, въ особенности самъ Лафитъ дѣйствовали вполнѣ искренно, безъ всякой задней мысли. Они рѣшили, что Францію скорѣе всего умиротворитъ конституціонная монархія, которая можетъ удовлетворить республиканцевъ своими республиканскими учрежденіями и демократической внутренней политикой; монархисты-же будутъ довольны, что Франція осталась монархіей и во внѣшнихъ сношеніяхъ будетъ держаться вполнѣ монархической политики. Лафитъ былъ убѣжденъ, что герцогъ Орлеанскій будетъ такимъ королемъ, противъ котораго не могутъ ничего сказать ни монархисты, ни республиканцы. Монархисты не станутъ противиться потому, что Люи-Филиппъ все-таки Бурбонъ; республиканцы потому, что Орлеанская фамилія торжественно заявляла о своихъ республиканскихъ убѣжденіяхъ и симпатіяхъ. Добродушный, честный Лафитъ забывалъ объ одномъ, что онъ предлагалъ каждой партіи оставить свои принципы и удовлетвориться сдѣлкой, результаты которой совершенно зависѣли отъ характера будущаго короля и, смотря по обстоятельствамъ, могли дѣйствительно быть благопріятными и умиротворить край, но такъ-же легко могли выйдти и плачевными. Лафитъ предвидѣлъ это возраженіе и потому, въ своей прокламаціи къ народу, воздвигшему баррикады, онъ говорилъ: „Клянусь вамъ, что Люи-Филиппъ Орлеанскій вполнѣ честный человѣкъ! Я клянусь, что этотъ король будетъ строго держаться

конституціонной партіи! Клянусь, что монархія при этомъ королѣ будетъ лучшей изъ республикъ!"

Повторяемъ, что, давая эту клятву, честный Лафитъ дѣйствовалъ вполнѣ искренно. Въ эту минуту ему не пришло на мысль, что онъ беретъ на себя обязательство, во всякомъ случаѣ, поддерживать новый порядокъ; что могутъ встрѣтиться обстоятельства, при которыхъ онъ, по своему внутреннему сознанію, долженъ будетъ протестовать, а право протеста отъ него отнималось, такъ какъ онъ заранѣе объявилъ, что поводовъ къ нему быть не можетъ. Такъ въ дѣйствительности и случилось.

Вмѣстѣ съ провозглашеніемъ во Франціи конституціонной монархіи Лафитъ былъ назначенъ президентомъ совѣта министровъ; онъ сталъ другомъ, менторомъ, политическимъ опекуномъ Люи-Филиппа, который публично оказывалъ ему знаки величайшаго довѣрія, но въ душѣ его сильно не долюбливалъ. Извѣстно, что признательность тяготитъ человѣка, всѣмъ обязаннаго другому, въ особенности, если низшій обязалъ высшаго по положенію. Люи-Филиппу было непріятно думать, что онъ всѣмъ обязанъ Лафиту; королю было тяжело вѣчно видѣть предъ собой фигуру министра-опекуна и часто противъ желанія соглашаться съ его предложеніями. Люи-Филиппъ сначала довольно терпѣливо сносилъ присутствіе Лафита, но когда рѣшительная надобность въ немъ миновала, король сталъ явно показывать ему свое неудовольствіе. Лафитъ понялъ желаніе короля и подалъ въ отставку. Отставка, конечно, была принята.

Тьеръ, тѣсно связанный съ Лафитомъ, при назначеніи Лафита президентомъ совѣта министровъ, былъ сдѣланъ офиціально секретаремъ министерства и оставался по-прежнему другомъ и совѣтникомъ своего покровителя. Но когда кабинетъ Лафита палъ, Тьеръ не послѣдовалъ за нимъ въ его паденіи; напротивъ, къ удивленію всей Франціи, онъ возвысилъ свой голосъ противъ своего сверженнаго патрона. Онъ сталъ ревностно осуждать политическую систему павшаго министерства, заговорилъ противъ радикальныхъ реформъ, на-

чалъ толковать о злоупотребленіи свободой; онъ уже болѣе не требовалъ завоевательной политики, напротивъ, онъ сталъ увѣрять, что теперь необходимѣе всего держаться политики мирной и невмѣшательства въ дѣла сосѣднихъ государствъ. Въ его рѣчахъ уже появилась фраза, что необходимо водворить распатавшійся порядокъ; онъ заговорилъ о возстановленіи наслѣдственнаго пэрства, что сильно возбудило противъ него либераловъ. Онъ возсталъ противъ предложенія бельгійцевъ присоединиться къ Франціи, забывая, что шесть мѣсяцевъ тому назадъ самъ требовалъ завоеванія Бельгіи. Противъ присоединенія высказывались собственники каменноугольныхъ копей, которые боялись конкуренціи бельгійскихъ производителей и Тьеръ не рѣшился идти противъ нихъ, потому что чувствовалъ ихъ силу. Точно также поступилъ онъ и въ вопросѣ о свободномъ обмѣнѣ. Въ прошлое царствованіе онъ издалъ брошюру „Путешествіе въ Пиринеи", въ которой являлся пропагандистомъ свободнаго обмѣна; теперь онъ вдругъ превратился въ протекціониста.

Это внезапное превращеніе какъ нельзя лучше устроило личныя дѣла Тьера: онъ получилъ мѣсто въ кабинетѣ Казиміра Перье. Выступивъ противъ Лафита, Тьеръ предчувствовалъ, что его бывшій покровитель окончательно сошелъ съ политической сцены, и, продолжая поддерживать его политику, Тьеръ рисковалъ самъ остаться не у дѣлъ, по крайней мѣрѣ, не получить министерскаго портфеля. Вскорѣ Тьеръ выказалъ неблагодарность также и къ своему политическому крестному отцу, депутату Манюэлю. Въ томъ самомъ „Constitutionel'ѣ„, который открылъ ему политическую карьеру и въ который онъ попалъ благодаря Манюэлю, Тьеръ ополчился противъ новаго избранія въ депутаты соего бывшаго товарища.

V.

Въ тотъ моментъ, когда Тьеръ сталъ министромъ, положеніе іюльской монархіи было не особенно блистательное; но-

вая монархія, обязанная своимъ существованіемъ баррикадамъ, въ періодъ 1831—34 года встрѣчала большія затрудненія для своего упроченія. Республиканцы и легитимисты, считавшіе, что ихъ обманули, что компромисъ, на который они пошли, послужилъ вовсе не для умиротворенія всѣхъ партій, а только для удовлетворенія честолюбивыхъ стремленій одной партіи и извѣстныхъ лицъ, подняли возстаніе каждая за свое дѣло. Здѣсь не мѣсто входить въ оцѣнку правоты или неправоты ихъ протеста; мы займемся только той ролью, какая выпала на долю Тьера при этихъ обстоятельствахъ. Въ новомъ министерствѣ Тьеръ явился представителемъ воинствующей идеи противъ внутреннихъ враговъ. Возстаніе вспыхнуло въ Парижѣ, Ліонѣ и Вандеѣ. Сперва Тьеръ обратилъ свое оружіе противъ легитимистовъ. Герцогиня Беррійская, по своему романическому характеру и мужеству сходная съ экс-королевой неаполитанской, нѣсколько лѣтъ тому назадъ защищавшей Гаэту, — герцогиня Беррійская, съ своимъ бѣлымъ знаменемъ разъѣзжала по Бретани и Анжу, поднимая вездѣ возстаніе. „Дѣти шуановъ, слѣдуйте за мной, я мать вашего короля!“ говорила она, и толпы слѣдовали за нею. Надобно было добыть ее во что-бы то ни стало. Жидъ Деютцъ продалъ Тьеру принцессу за 500 тысячъ франковъ. Героиня легитимистскаго дѣла, беременная, была посажена въ тюрьму въ Блэ, гдѣ и разрѣшилась сыномъ, графомъ Шамборомъ. Когда-же легитимистская партія была окончательно побѣждена, Тьеръ выпустилъ принцессу изъ заключенія и выслалъ за границу. Легитимисты Франлье, Дагирель, Белькастель и нѣкоторые другіе, напомнили Тьеру объ этомъ; вотируя 24 мая противъ него, они кричали ему: „Вспомните герцогиню Беррійскую!“

Послѣ пораженія легитимистовъ, Тьеръ принялся за республиканцевъ. Тьеръ хорошо зналъ силы республиканской партіи, такъ какъ еще недавно самъ находился въ ея рядахъ, вмѣстѣ съ Армапомъ Каррелемъ, работая въ National'ѣ“. Каррель остался вѣренъ своимъ принципамъ и когда ему предложили министерскій постъ въ министерствѣ Перье, онъ

отказался, предпочитая оставаться въ оппозиціи, пока владычествуетъ буржуазія. Тьеръ зналъ, говоримъ мы, силу республиканской партіи, но такъ-же точно онъ зналъ и ея слабыя стороны. Уже въ 1830 году онъ формулировалъ слѣдующую теорію французской буржуазной партіи: „буржуазія должна показывать видъ, что она либеральна въ высочайшей степени и быть въ дѣйствительности либеральной на сколько позволятъ ей ея собственные интересы. Она должна взять своимъ девизомъ: *порядокъ* и *свобода*!“ Съ помощью этихъ двухъ магическихъ словъ, Тьеръ всегда одерживалъ побѣды въ борьбѣ съ постоянными врагами буржуазіи: легитимистской аристократіей и республиканцами. Противъ республиканцевъ французская буржуазія дѣйствуетъ словомъ „порядокъ“, противъ аристократіи—„свобода“. Когда аристократія настолько усиливается, что начинаетъ стѣснять матеріальные и моральные интересы буржуазіи,—французская буржуазія, показывая видъ, что въ своей оппозиціи она не выходитъ изъ легальныхъ границъ, начинаетъ кричать: „свобода! свобода! необходимо защищать свободу!“ Возбужденный такими воззваніями, французскій народъ ополчается противъ аристократіи. Аристократія побѣждена, буржуазія начинаетъ твердить, что свобода утвердилась теперь на вѣки, и что остается только укрѣпить порядокъ. И во имя укрѣпленія этого порядка буржуазія соединяется съ обезсиленной аристократіей и вмѣстѣ съ нею обращается противъ народа, снова ограничаетъ его права и т. д. Такимъ образомъ, въ выигрышѣ всегда остается буржуазія, а аристократія и народъ служатъ ея орудіями. Исторія Франціи съ конца прошлаго столѣтія до нашего времени состоитъ изъ постоянно смѣняющихъ одинъ другой кризисовъ и переворотовъ. Французская буржуазія по-очередно соединяется то съ аристократіей, то съ народомъ, и въ результатѣ оказывается, что выигрываетъ она, а проигрываютъ ея союзники, несмотря на то, что временами они одерживаютъ надъ нею побѣду.

Дѣятельность Тьера, какъ министра, была по истинѣ изумительна. Молодой, сильный организмъ его, повидимому, не

чувствовалъ усталости. Тьеръ бывалъ вездѣ, вмѣшивался во все. Онъ объявляетъ войну Голландіи. Изъ своего кабинета онъ руководитъ, или, по крайней мѣрѣ, думаетъ, что руководитъ, осадой Антверпена; изъ Парижа онъ заправляетъ экспедиціями въ Алжирѣ противъ арабовъ; въ самомъ Парижѣ онъ зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы снова не воздвигнулись баррикады. Онъ издалъ законы, ограничивающіе право сходокъ, право ассоціацій; онъ составилъ проектъ обороны Франціи въ случаѣ вторженія въ нее непріятеля; онъ внесъ предложеніе о стратегическихъ и промышленныхъ дорогахъ; онъ поощрялъ буржуазію къ обогащенію, развивая биржевыя операціи, и положилъ начало той биржевой игрѣ, которая впослѣдствіи, развившись до ужасающихъ размѣровъ, утвердила господство бонапартизма второй имперіи. Чтобы польстить національному шовинизму, Тьеръ поставилъ на вандомской колонѣ статую маленькаго капрала, въ его класическомъ сѣромъ сюртукѣ и треугольной шляпѣ; онъ окончилъ тріумфальную арку на площади Звѣзды. Для легитимистовъ онъ поставилъ памятникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ герцогъ Беррійскій. Ни одна болѣе или менѣе серьезная бумага не выходила изъ его министерства безъ его просмотра. Полицейскіе агенты ему лично доставляли рапорты о городскихъ событіяхъ отъ кабака и мастерской ремесленника до аристократическихъ салоновъ и домовъ посланниковъ; ежедневно онъ диктовалъ нѣсколько депешъ префектамъ и дипломатамъ, не пропускалъ ни одного засѣданія совѣта министровъ; ежедневно онъ бывалъ у короля; очень часто посѣщалъ м-ль Аделаиду, весьма довѣренное лицо Люи-Филиппа; постоянно бывалъ въ палатѣ; бесѣдовалъ съ разными болтунами для пополненія недостающаго матеріяла для своихъ рѣчей, которыя онъ долженъ былъ говорить въ палатѣ. Затѣмъ, желая отдохнуть отъ государственныхъ дѣлъ, Тьеръ садился въ карету и ѣздилъ по мастерскимъ художниковъ, чаще другихъ посѣщая Верне, Делакруа и Делароша. По дорогѣ онъ заѣзжалъ иногда къ Витэ, чтобы поспорить съ нимъ объ археологіи или къ Віоле, чтобы побесѣдовать объ архитектурѣ.

Вечеромъ онъ ѣздилъ въ театръ посмотрѣть пьесы Скриба, въ антрактахъ онъ назначалъ свиданія инженерамъ, банкирамъ, администраторамъ и др., толкуя съ каждымъ объ его специальности.

Однимъ словомъ, Тьеръ считалъ себя всеобъемлющимъ геніемъ. Онъ зналъ все и даже болѣе, чѣмъ все, и, что еще удивительнѣе, онъ имѣлъ время дѣлать все, что до него касалось и даже то, до чего ему не было никакого дѣла. Тамъ онъ приказывалъ, здѣсь совѣтовалъ, съ однимъ шутилъ, съ другимъ спорилъ о положеніяхъ Декарта или тономъ авторитета рѣшалъ, чья кисть создала ту или другую древнюю картину: Монтенья или Орканья, Мурильо или Канильо. Вездѣ поспѣвающій, онъ видѣлъ все, слышалъ все и всегда умѣлъ пользоваться добытымъ матеріяломъ. Онъ былъ всезнающій, вездѣсущій министръ; отъ его вниманія ничто не укрывалось.

Съ 1832 по 1840 годъ происходили безпрерывные министерскіе кризисы. Тьеръ переходилъ изъ одного министерства въ другое; выходя изъ министерства черезъ дверь, онъ тотчасъ-же входилъ въ окно. Конечно, было болѣе комическаго, чѣмъ серьезнаго, въ этихъ вѣчныхъ спорахъ за президентство въ совѣтѣ министровъ, въ которыхъ Тьеръ высказывалъ постоянно неуступчивость и задоръ, но, тѣмъ не менѣе, эти пререканія сильно вліяли на ходъ дѣлъ и ни въ какомъ случаѣ не улучшали ихъ. Бѣдный король Люи-Филиппъ рѣшительно терялъ голову, когда ему приходилось дѣлать выборъ: Казиміръ Перье, герцогъ Брольи, Молэ, старикъ Сультъ, Тьеръ, Гизо послѣдовательно смѣняли одинъ другого. Въ концѣ концовъ, король, палаты, страна устали отъ этой борьбы личностей и не разъ выражали свое негодованіе, но ничего не могли подѣлать. Во все царствованіе Люи-Филиппа продолжалась безцѣльная борьба между двумя первыми министрами Тьеромъ и Гизо; между лѣвымъ центромъ Тьера и

правымъ центромъ Гизо. Съ 1832 по 1840 годъ Тьеръ былъ преимущественно вверху, а съ 1840 по 1848 годъ—внизу.

Апогеемъ политики Тьера во время царствованія Люи-Филиппа несомнѣнно было его президентство въ кабинетѣ, извѣстномъ подъ именемъ кабинета 1 марта (1840 года).

Люи-Филиппъ предпочиталъ мирную политику воинственной въ сношеніяхъ съ иностранными государствами отчасти, если не преимущественно, потому, что дома, во Франціи, у него было далеко не спокойно: правительство не могло удовлетворить ни одну партію, кромѣ буржуазной въ строгомъ смыслѣ этого слова. Значеніе Франціи въ Европѣ также умалялось съ каждымъ годомъ, что, конечно, еще болѣе возбуждало неудовольствіе противъ правительства. Въ Англіи въ то время руководилъ дѣлами лордъ Пальмерстонъ, создавшій свою огромную популярность въ странѣ тѣмъ, что умѣлъ во время подставлять ногу иностраннымъ государствамъ, въ особенности-же тѣмъ, что при всякомъ удобномъ случаѣ унижалъ Францію. Вездѣ, гдѣ только англійская дипломатія встрѣчалась съ французской, послѣдняя оставалась въ проигрышѣ. Французскіе дипломаты вели безконечные переговоры, хитрили на всѣ лады и, проведенные, какъ школьники, всегда бывали вынуждены еще просить извиненія у своихъ соперниковъ за то, что осмѣлились становиться имъ на дорогѣ. Лордъ Пальмерстонъ вертѣлъ французскими дипломатами во всѣ стороны, какъ ему хотѣлось. Патріотическое чувство французовъ возмущалось такимъ униженіемъ французской дипломатіи. Общественное мнѣніе страны требовало, чтобы правительство возвысило свой голосъ въ сношеніяхъ съ иностранцами, чтобъ оно заговорило тѣмъ тономъ, какой приличенъ первостепенной державѣ. Люи-Филиппъ, опасаясь, чтобы неудовольствіе его подданныхъ не обнаружилось болѣе опасными симптомами, убѣдилъ Тьера дѣйствовать рѣшительнѣе во внѣшней политикѣ, тѣмъ болѣе, что возвышеніе тона заграницей позволитъ возвысить его у себя, дома, напримѣръ, при обсужденіи закона о выборной реформѣ, которое было на очереди.

Важнѣйшимъ событіемъ того времени было возмущеніе египетскаго хедива, Мехмета-Али, противъ своего сюзерена, турецкаго падишаха. Французская дипломатія, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, полагала, что раздробленіе Турціи будетъ полезно для интересовъ католицизма. Англійская дипломатія, напротивъ, утверждала, что цѣлость Турціи необходима для сохраненія европейскаго равновѣсія. Франція взяла сторону Египта; Великобританія—Турціи. Тьеръ приказалъ мобилизировать не только дѣйствующую армію, но даже національную гвардію, и привести флотъ въ боевое положеніе. Онъ старался дѣлать, какъ можно больше шума; безпрестанно твердилъ о важности для цивилизаціи египетскаго вопроса и показывалъ такое воинственное настроеніе, что одно время во всей Франціи о немъ говорили, какъ о героѣ, желавшемъ вернуть странѣ ея прежніе славные дни. Всѣ ожидали, что Франція начнетъ войну на морѣ и на сушѣ, что весной будетъ посланъ дессантъ въ Италію.

И чтобы еще болѣе утвердить публику въ увѣренности, что правительство серьезно думаетъ о войнѣ, Тьеръ, именемъ короля, представилъ въ палату проектъ закона объ укрѣпленіи Парижа. Въ своей краснорѣчивой рѣчи первый министръ доказывалъ необходимость этихъ укрѣпленій, такъ какъ онѣ сдѣлаютъ Парижъ недоступнымъ въ случаѣ вторженія непріятеля во Францію и несчастныхъ военныхъ дѣйствій, которыя заставятъ французскую армію отступить и открыть Парижъ. Оппозиція сильно противилась этому проекту; она твердила, что укрѣпленія, какъ-бы сильны они не были, не могутъ воспрепятствовать блокадѣ, въ которой будутъ держать столицу непріятельскія арміи, и заставятъ ее сдаться вслѣдствіе голода. Слѣдовательно, укрѣпленія приведутъ только къ напрасной тратѣ денегъ. Далѣе, они будутъ вредны и въ томъ отношеніи, что правительство можетъ обратить ихъ пушки на городъ и заставить тѣмъ жителей, безъ всякаго сопротивленія, соглашаться на явно вредныя для населенія мѣры. Но, несмотря на эти доводы оппозиціи, предложенный

законъ былъ принятъ. Осада Парижа нѣмецкими войсками доказала, что оппозиція была права.

Пока въ палатѣ шли эти толки объ укрѣпленіи Парижа, въ Лондонѣ, на глазахъ французскаго посланника Гизо, ничего незнавшаго объ этомъ, Россія, Англія, Австрія и Пруссія заключили между собою союзъ, главнымъ условіемъ котораго было поддержаніе Турціи въ тѣхъ границахъ, въ какихъ она находилась. Сильная согласіемъ великихъ державъ, Англія бомбардировала Бейрутъ и послала ультиматумъ Франціи, которой оставалось теперь, если она хотѣла попрежнему держать сторону Мехмета-Али, вступить въ борьбу съ коалиціей, или-же отказаться отъ союза съ египетскимъ вице-королемъ, какъ требовала Англія. Люи-Филиппъ совершенно разумно разсудилъ, что не стоитъ настаивать на прежнемъ планѣ и отозвалъ французскій флотъ изъ Средиземнаго моря. Такимъ образомъ, рѣшительный голосъ, которымъ хотѣла заговорить французская дипломатія и на этотъ разъ оказался слабымъ. Результатомъ этого было, конечно, усиленіе неудовольствія въ странѣ. Для людей предусмотрительныхъ сдѣлалось ясно, что іюльская монархія быстрыми шагами идетъ къ своему паденію.

Послѣ этой кампаніи, окончившейся такъ безславно, Тьеръ, натурально, долженъ былъ удалиться, уступивъ мѣсто своему сопернику, Гизо. Въ своей прощальной рѣчи, президентъ министровъ имѣлъ бестактность сложить на короля всю отвѣтственность за пораженіе и, такимъ образомъ, совершилъ преступленіе противъ конституціонной теоріи, имъ-же самимъ проповѣдуемой. Люи-Филиппъ никогда не могъ простить ему этой выходки и рѣшительно перешелъ на сторону Гизо.

Товарищъ Тьера, Кузэнъ, удалившійся вмѣстѣ съ нимъ, оказался болѣе достойнымъ человѣкомъ. „Пора намъ удалиться къ нашимъ книгамъ, сказалъ онъ.—Своими знаніями мы еще можемъ послужить отечеству“.

VI.

Тьеръ также удалился къ книгамъ, разсчитывая, однакожъ, вскорѣ снова возвратиться къ политикѣ. Онъ понималъ, что существованію іюльской монархіи грозитъ опасность и считалъ себя на столько необходимымъ, что только къ нему одному могутъ прибѣгнуть, какъ къ человѣку, который способенъ спасти іюльскую монархію. Это онъ давалъ понять при всякомъ удобномъ случаѣ; въ ожиданіи-же предстоящаго своего торжества и униженія своихъ соперниковъ, онъ напечаталъ рядъ литературныхъ и историческихъ трудовъ. Въ это время онъ написалъ и издалъ свою „Исторію консульства и имперіи". Онъ путешествовалъ по Бельгіи, Германіи, Италіи и Испаніи, по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ ходили и сражались арміи Наполеона. Въ мартѣ 1845 года появились два первые тома. Всѣмъ было извѣстно, что Тьеръ имѣлъ въ своихъ рукахъ богатѣйшее собраніе всякаго рода документовъ, относящихся къ описываему имъ времени и потому появленія его книги ждали съ нетерпѣніемъ какъ друзья его, такъ вообще и вся читающая нублика. Однакожъ успѣхъ этой книги не оправдалъ ожиданій ни автора, ни его друзей. Сравнительно съ „Исторіей французской революціи", успѣхъ „Консульства и имперіи" былъ далеко не блестящій, хотя новый историческій трудъ Тьера былъ обработанъ имъ несравненно тщательнѣе прежняго. Надо полагать, что сравнительный неуспѣхъ „Консульства и имперіи" произошелъ оттого, что здѣсь Тьеръ является уже не народнымъ трибуномъ, не пропагандистомъ извѣстной идеи, какъ въ „Исторіи революціи", а просто ученымъ, да еще такимъ ученымъ, который безпрестанно даетъ понять, что онъ самъ былъ государственнымъ человѣкомъ. Въ „Консульство и имперію" Тьеръ ввелъ множество излишнихъ подробностей, весьма пригодныхъ, какъ сырой матеріалъ, очень интересный для автора, но не для читающей публики; излишнія подробности, введенныя въ текстъ

сочиненія, только непомѣрно удлинили его, и читателю приходится даромъ терять драгоцѣнное время... шутка-ли въ самомъ дѣлѣ, осилить двадцать объемистыхъ томовъ.

Въ 1845 году, когда изданы были первые томы „Консульства и имперіи", Тьеръ потерялъ уже всякую надежду быть призваннымъ къ власти при жизни стараго короля и съ этого времени снова начинается его рѣшительная оппозиціонная дѣятельность. Онъ опять затрубилъ въ революціонную трубу; съ своимъ обычнымъ краснорѣчіемъ, онъ такъ страстно и пылко выражалъ требованія оппозиціи, что вскорѣ снова сдѣлался весьма популярнымъ человѣкомъ. Онъ порицалъ безсиліе и нелѣпое упорство Гизо, онъ нападалъ на іезуитизмъ, который вторгнулся и въ администрацію, и въ школу; онъ требовалъ пониженія ценза; съ своимъ обычнымъ сарказмомъ онъ преслѣдовалъ сентябрьскіе законы противъ прессы и суда присяжныхъ; онъ ратовалъ за изданіе закона, что депутатомъ не можетъ быть лицо, получающее казенное жалованье по мѣсту, занимаемому имъ въ администраціи.—„По всему видно, говорилъ онъ,—что правительство намѣревается наполнить палату своими чиновниками! Слѣдовало сказать объ этомъ въ 1830 году!" Такія-то рѣчи произносилъ Тьеръ въ мартѣ 1846 года; онъ доходилъ до заявленій, что Люи-Филиппъ не оправдалъ надеждъ, возложенныхъ на него націей.

Тьеръ возвратился также къ журналистикѣ; въ „Constitutionnel'ѣ" стали появляться его статьи, въ которыхъ съ постоянно возраставшей силой онъ нападалъ на правительство. Его статьи возбуждали общественное мнѣніе; онѣ переходили изъ рукъ въ руки и съ жадностью читались въ кафе и на улицахъ. Онѣ производили не меньшее впечатлѣніе, чѣмъ его-же статьи въ 1830 году. Но, не желая компрометировать себя лично, Тьеръ не участвовалъ ни въ какихъ сходкахъ и въ заключеніе своихъ возбуждающихъ статей, говорилъ, что сопротивленіе должно проявляться только легальнымъ путемъ. Прикрываясь неприкосновенностью депутата 1 февраля 1848 года, онъ напечаталъ статью, написанную уже въ чисто-революціонномъ духѣ. Онъ напалъ на правительство со стороны

финансовой, со стороны внѣшней и внутренней политики. Съ изумительной логикой, талантомъ и краснорѣчіемъ онъ указывалъ правительству на его ошибки: онъ упрекалъ правительство за его безучастіе къ положенію Италіи, за его снисходительность къ Австріи, за дурныя отношенія къ Швейцаріи. Онъ обвинялъ правительство за его тѣсный союзъ съ Меттернихомъ, обагрившимъ кровью Галицію, и съ неаполитанскимъ королемъ, бомбардировавшимъ Палермо..... Тьеръ оканчиваетъ свою статью такимъ заключеніемъ: „Я принадлежу къ революціонной партіи и, клянусь, во всю свою жизнь я никогда не измѣнялъ ея принципамъ!"

Въ ночь съ 23 на 24 февраля, Люи-Филиппъ призвалъ Тьера и Одилона Баро, поручая имъ составить министерство и спасти погибавшую монархію. Тьеръ вышелъ на улицу и обратился къ народу съ такимъ воззваніемъ: „Свобода! Порядокъ! Реформа! Довѣріе!"

Но народъ отвѣчалъ ему криками: „да здравствуетъ республика!"

Тьеръ возвратился во дворецъ. „Государь! уже поздно!" сказалъ онъ.

VII.

Какъ только была провозглашена вторая республика, Тьеръ отправился въ Марсель и, въ качествѣ республиканца, явился передъ избирателями. Въ своей рѣчи онъ заявилъ, что будетъ хлопотать объ „утвержденіи новаго порядка на незыблемыхъ основаніяхъ"; но марсельскіе республиканцы напомнили ему дѣйствія его въ тридцатыхъ годахъ противъ республиканской партіи и онъ потерпѣлъ пораженіе. Этого оскорбленія Тьеръ никогда не могъ забыть Марсели, и напомнилъ ей о томъ въ то время, когда сдѣлался президентомъ третьей французской республики.

4 іюня онъ явился кандидатомъ консервативной партіи и былъ избранъ въ четырехъ департаментахъ. Самое огромное

большинство получилъ онъ въ самомъ реакціонерномъ городѣ, въ Руэнѣ. Республиканскія газеты того времени на избраніе Тьера посмотрѣли, какъ на серьезную опасность для республики, управляемой крайне плохо поэтомъ Ламартиномъ, астрономомъ Араго и ораторомъ Ледрю-Ролленемъ, политическими фантазерами, ровно ничего не понимавшими въ революціонномъ движеніи, которое привело ихъ къ власти, которое они сами старательно подготовляли и теперь съ неменьшимъ стараніемъ уничтожали его результаты. Исторія скажетъ о нихъ, что они были люди вполнѣ честные съ добрыми намѣреніями, но совершенно неспособные, какъ государственные дѣятели.

Въ національномъ собраніи Тьеръ занялъ мѣсто въ правомъ центрѣ. Въ первой своей рѣчи онъ заявилъ о своей преданности республикѣ. „Республика раздѣляетъ насъ менѣе другой формы правленія", сказалъ онъ, и затѣмъ сталъ развивать свою знаменитую теорію порядка. Въ послѣдующихъ засѣданіяхъ онъ уже твердилъ объ опасности, грозящей странѣ отъ красныхъ республиканцевъ. Въ то-же время, не сойдясь съ временнымъ правительствомъ, онъ возстановилъ Ламартина и Кавеньяка противъ Ледрю-Роллена, поссорилъ Армана Марра съ Коссидьеромъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, Тьеръ разсчитывалъ легко одолѣть слабое правительство и добиться реставраціи буржуазной монархіи; самъ онъ мечталъ сдѣлаться регентомъ, на время малолѣтства графа Парижскаго.

Послѣ іюньскаго возстанія и рѣзни, произведенной по приказанію Кавеньяка, конституціонное собраніе назначило Тьера докладчикомъ по предложенію Прудона о ликвидаціи собственности. Докладъ свой собранію Тьеръ распространилъ, сдѣлалъ изъ него ученое сочиненіе и напечаталъ его подъ заглавіемъ: „Право собственности". Эта брошюра надѣлала большого шума въ средѣ буржуазіи, а клубъ „улицы Пуатье" напечаталъ ее въ нѣсколькихъ стахъ тысячахъ экземпляровъ и разослалъ ее въ провинціи, гдѣ она раздавалась даромъ или за весьма небольшую плату. Съ научной точки зрѣнія

это сочиненіе представляетъ совершенную ничтожность и не стоитъ серьезной критики. Теперь о немъ совершенно забыли. Впрочемъ, жизнь его была недолговѣчна; прошло не болѣе полугода со времени его появленія въ свѣтъ и о немъ никто уже не помнилъ и не говорилъ.

Клубъ „улицы Пуатье", гдѣ собирались всѣ такъ называемые консерваторы и защитники порядка, желавшіе остановить развитіе демократическихъ идей во Франціи,—избралъ Тьера своимъ президентомъ, какъ-бы въ награду за его блистательную защиту собственности. Ламартинъ, несмотря на свою недальновидность, понявшій куда были направлены стремленія клуба и высказавшій свои опасенія, сталъ постояннымъ предметомъ эпиграммъ, которыя исходили изъ клуба и были направлены противъ республики и республиканцевъ.

Между тѣмъ подошли президентскіе выборы. Кавеньякъ сильно разсчитывалъ на поддержку клуба „улицы Пуатье", отъ котораго онъ получилъ восторженныя заявленія послѣ подавленія іюньскаго возстанія. Но клубъ, находя, что Кавеньякъ недостаточно проникнутъ консервативнымъ духомъ, выставилъ своего кандидата. Сперва голоса склонялись на сторону Тьера, но большинство остановилось на Шангарнье.

Когда была заявлена кандидатура въ президенты принца Люи-Наполеона Бонапарта, Тьеръ возсталъ противъ нея; онъ говорилъ, что будетъ великій стыдъ для Франціи, если она допуститъ избрать Бонапарта, но кончилъ тѣмъ, что вотировалъ въ пользу принца. Трудно сказать, что побудило его измѣнить свое мнѣніе. По всей вѣроятности, онъ убѣдился, что самъ не можетъ разсчитывать на побѣду, если выставитъ себя кандидатомъ, а въ такомъ случаѣ, кто одержитъ верхъ для него было безразлично; но Бонапартъ все-таки былъ принцъ, а прочіе кандидаты всѣ стояли ниже Тьера по своему общественному положенію.

Черезъ шесть недѣль послѣ избранія Люи-Наполеона, государственный переворотъ былъ рѣшенъ какъ въ Елисейскомъ дворцѣ, такъ и въ клубѣ „улицы Пуатье“. Принцъ Наполеонъ разсчитывалъ произвести его въ свою пользу, а Шангарнье и Тьеръ въ пользу Орлеановъ. Но та и другая сторона отложили рѣшительный ударъ до болѣе удобнаго случая.

Какъ партія принца Наполеона, такъ и клубъ „улицы Пуатье„ (по настоянію Тьера) вотировали экспедицію въ Италію для возстановленія папы, свѣтская власть котораго, по ихъ словамъ, представляла собою замокъ соціальнаго порядка. Всѣ люди такъ называемаго умѣреннаго образа мыслей держались въ то время этого убѣжденія: Жюль Фавръ, Кавеньякъ и Одилонъ Барро; кальвинистъ Гизо и вольтерьянецъ Тьеръ; пасторъ Кокерель и либеральный іезуитъ Монталамберъ. Фаллу, предложившій и устроившій эту экспедицію, публично говорилъ, что уничтоженіе римской республики, которое будетъ результатомъ экспедиціи, непремѣнно повлечетъ за собою паденіе французской республики. Національное собраніе повѣрило этому предсказанію и сочувственно отнеслось къ предложенію Фаллу.

Во все время существованія второй республики Тьеръ почти постоянно подавалъ свой голосъ съ крайними консерваторами. Онъ вотировалъ за самые непопулярные законы: противъ ассоціацій, противъ клубовъ, въ пользу отдачи народнаго образованія въ руки іезуитовъ и пр. Но болѣе всего сдѣлало его имя непопулярнымъ участіе въ изданіи закона 31 мая, ограничивающаго всеобщую подачу голосовъ; во время преній по этому вопросу Тьеръ произнесъ рѣчь противъ *дикаго, невѣжественнаго большинства*, которую до сихъ поръ не забыли во Франціи; она и теперь еще служитъ оружіемъ противъ Тьера въ рукахъ его противниковъ.

Послѣ отмѣны всеобщей подачи голосовъ, реакція, оставаясь послѣдовательною, должна была придти къ необходимости уничтоженія республики. Тьеръ взялъ на себя пропаганду этого въ салонахъ, а Шангарнье въ казармахъ. Ихъ партія составила, повидимому, превосходный планъ государ-

ственнаго переворота; оставалось только осуществить его; положеніе дѣлъ, казалось вполнѣ благопріятствовало осуществленію дерзкаго замысла; уже Тьеръ и его соучастники потирали руки отъ удовольствія, представляя себя фигуру Бонапарта, посаженнаго на скамью подсудимыхъ — что входило въ ихъ планы но... въ одну прекрасную ночь Тьеръ былъ внезапно разбуженъ полицейскими, которые попросили его поскорѣе одѣться и повезли его сперва въ Мазасъ, затѣмъ въ Страсбургъ, а оттуда перевезли черезъ французскую границу, воспретивъ ему именемъ новаго правительства возвращаться на родину.

VIII.

Въ первый періодъ владычества второй имперіи Тьеръ, скорѣ получившій амнистію, держался вдали отъ дѣлъ. Онъ занялся собраніемъ древностей и картинъ и, казалось, вполнѣ удовлетворялся тѣмъ, что продолжалъ по-прежнему царствовать въ своемъ салонѣ, такъ-же, какъ въ салонахъ Минье и Ремюза, во французской академіи и въ академіи наукъ. Онъ безпрестанно твердилъ, что ему не въ чемъ упрекнуть себя, что онъ давно предвидѣлъ, что событія пойдутъ этимъ, а не другимъ путемъ, что онъ предсказывалъ обо всѣхъ перемѣнахъ, случившихся въ послѣдніе годы во Франціи, но его не слушали, а если-бы послушались, все-бы пошло хорошо и Франція была-бы избавлена отъ печальной необходимости выносить на своихъ плечахъ слѣдствія государственнаго переворота. Но, во всякомъ случаѣ, онъ очень добродушно относился ко всему, что вокругъ него происходило, и императоръ Наполеонъ III не имѣлъ никакого права быть имъ недовольнымъ, что, впрочемъ, онъ и поспѣшилъ доказать публично, пославъ Тьеру приглашеніе на придворный балъ, причемъ именовалъ его „вашимъ національнымъ историкомъ“.

Тьеръ безспорно заслуживалъ особенной благодарности отъ правительства второй имперіи, потому что она ему болѣе, чѣмъ кому-нибудь другому, обязана популяризаціей бонапартистской легенды. Тьеръ въ двадцати томахъ, написанныхъ въ лучшіе годы его жизни, доказывалъ, что маленькій капралъ былъ самымъ величайшимъ человѣкомъ новѣйшихъ временъ. Тьеръ поставилъ статую аустерлицкаго героя на вандомской колонѣ, построилъ тріумфальную арку въ честь его побѣдъ, послалъ сына своего короля за тѣломъ великаго императора, покоившимся на отдаленномъ островѣ св. Елены; онъ принялъ это тѣло, какъ святыню, и помѣстилъ его въ гробницу, подлѣ которой поставилъ статую Побѣды въ трауръ. „Наполеонъ есть Наполеонъ, имѣлъ право сказать Тьеръ, — а я его пророкъ!"

Реставрируя культъ Наполена I, Беранже, Тьеръ и Викторъ Гюго сдѣлали несравненно больше—конечно, безсознательно,—для возстановленія второй имперіи, чѣмъ ея слуги Фіаленъ, Леруа и Морни. Однакожъ ни Тьеръ, ни Беранже, ни Викторъ Гюго не воспользовались дѣлежкой послѣ побѣды, напротивъ,—стали врагами второй имперіи. Тьеръ, впрочемъ, сталъ ея врагомъ не изъ ненависти къ ней, а потому, что считалъ себя слишкимъ великимъ, чтобы идти въ хвостѣ племянника великаго императора, когда онъ, Тьеръ, имѣлъ право, по своимъ заслугамъ, оказаннымъ имъ памяти своего героя, Наполеона I, считать себя его законнымъ сыномъ. Не даромъ-же льстецы говорили Тьеру, что изъ всѣхъ французовъ онъ самый великій и въ немъ вполнѣ отразился геній величайшаго изъ французовъ, Наполеона I. Но, шутки въ сторону, Тьеръ не сошелся со второй имперіей потому, что она поступила съ нимъ весьма безцеремонно и не только не обратилась къ нему съ просьбой руководить дѣлами въ качествѣ перваго министра, но даже выслала его за границы Франціи. Честолюбіе и самолюбіе, развитыя въ высочайшей степени, составляютъ отличительныя черты характера Тьера, и едва-ли ошибаются тѣ изъ его біографовъ, которые говорятъ, что Тьеръ навѣрное пошелъ-бы рука объ руку съ На-

полеономъ III, если-бъ императоръ предложилъ ему составить министерство.

Но, не смотря на очевидность услугъ, оказанныхъ Тьеромъ второй имперіи, Персиньи яростно напалъ на Тьера, когда этому послѣднему въ 1863 году пришла фантазія снова выступить на политическую арену.

Дѣятельность Тьера въ законодательномъ собраніи второй имперіи не можетъ быть названа особенно блестящей. Каждый годъ онъ критически относился къ бюджету и къ внѣшней политикѣ второй имперіи и, какъ извѣстно, по нѣкоторымъ вопросамъ оказался несравненно менѣе либераленъ, чѣмъ даже само бонапартистское правительство. Тьеръ никогда не могъ простить второй имперіи ея приверженности къ системѣ свободной торговли; онъ порицалъ ее за то, что она не воспрепятствовала объединенію Германіи послѣ побѣды подъ Садовой; что она не помѣшала единству и усиленію Италіи послѣ Мадженты и Сольферино. Онъ говорилъ въ пользу свѣтской власти папы и могъ радоваться, что, поощренный его рѣчами, Руэръ произнесъ свои знаменитыя слова: „Никогда итальянцы не войдутъ въ Римъ."

Правда, время отъ времени Тьеръ выкупалъ свои реакціонныя рѣчи блистательными оппозиціонными рѣчами: съ поразительной силой и логикой онъ напалъ на мехиканскую экспедицію; онъ требовалъ отвѣтственности министровъ; въ одной изъ своихъ самыхъ блистательныхъ рѣчей онъ заявилъ о крайней необходимости расширенія свободы, безъ чего Франція будетъ доведена до послѣдней слабости и перестанетъ существовать, какъ самостоятельная великая держава; это расширеніе должно было обнять собою свободу прессы, сходокъ, ассоціацій и т. д. При этомъ однакожъ, Тьеръ забывалъ, что когда онъ самъ былъ министромъ и управлялъ судьбами страны, онъ не особенно щедро расточалъ дары свободы. Но люди, неотличающіеся твердыми убѣжденіями, вообще забывчивы и обыкновенно на министерскомъ посту говорятъ одно, а примкнувъ къ оппозиціи—другое.

IX.

Во время революціи въ Парижѣ 4-го сентября 1870 года, вызванной седанской катастрофой, Тьеръ не состоялъ депутатомъ отъ Парижа, почему и не попалъ въ число членовъ правительства народной обороны. Это правительство, однакожъ, поспѣшило воспользоваться его услугами. Онъ получилъ порученіе отправиться въ Лондонъ, Вѣну и Петербургъ. Посольство его не принесло прямыхъ результатовъ, но тѣмъ не менѣе, косвенно повліяло на уменьшеніе требованій со стороны Германіи.

Между тѣмъ осада Парижа близилась къ концу. Правительство національной обороны рѣшилось заключить миръ. Тьеръ былъ посланъ къ Бисмарку для переговоровъ о мирѣ Онъ ни до чего не договорился съ канцлеромъ германской имперіи и тяжелая обязанность окончить переговоры выпала на долю министра иностранныхъ дѣлъ правительства національной обороны Жюля Фавра.

Однимъ изъ непремѣнныхъ условій для заключенія мира, поставленныхъ Германіей, было требованіе созвать національное собраніе, которое утвердило-бы мирный трактатъ.

Выборы были произведены на-скоро и національное собраніе открыло свои засѣданія въ Бордо.

Депутаты въ это собраніе избирались въ такое время, когда французское общество находилось подъ давленіемъ испытанныхъ пораженій и разоренія страны, когда въ массѣ утвердилось убѣжденіе, что все потеряно и необходимо во что-бы то ни стало заключить миръ. Избиратели, уже отчаявшіеся въ спасеніи Франціи, естественно, подавали голоса за тѣхъ кандидатовъ, которые обѣщали требовать немедленнаго заключенія мира съ побѣдителями; большинство избирателей уже не спрашивало, къ какой политической партіи принадлежитъ кандидатъ; они требовали отъ него одного, чтобы онъ отвѣтилъ: стоитъ-ли онъ за продолженіе войны или за

заключеніе мира? Когда собраніе открыло свои засѣданія, выяснилось, что большинство его принадлежитъ къ монархическимъ партіямъ. Конечно, это собраніе могло-бы тотчасъ-же провозгласить монархію, но претендентовъ было три и ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ за себя большинства. Провозгласить республику монархическія партіи, разумѣется, не желали и потому съ радостью приняли предложенное Тьеромъ „временное положеніе", извѣстное подъ именемъ „бордосскаго договора". Этимъ путемъ они, по крайней мѣрѣ наружно, соблюли приличіе. Они изобрѣли республику, управляемую монархическими партіями. Этой неопредѣленной формой правленія Тьеръ на-время успокоилъ партіи: республиканцы пока удовольствовались тѣмъ, что временное положеніе носитъ названіе республики, а монархическимъ партіямъ открывалось широкое поле для дѣятельности, — имъ легко было придти къ соглашенію, остановившись на выборѣ того или другого претендента. Но творцы бордосскаго договора забыли, что никакое временное положеніе не можетъ долго держаться, что всякая политическая комбинація должна имѣть твердыя основанія и руководиться извѣстными принципами. Бордосскій договоръ страдалъ отсутствіемъ и тѣхъ, и другихъ.

Выступая съ своимъ проектомъ „бордосскаго договора", Тьеръ дѣйствовалъ, какъ опытный „дѣлецъ" и ловкій эквилибристъ. Отличаясь всегда колебаніями въ политикѣ, онъ и на этотъ разъ остался вѣренъ своимъ привычкамъ. Положеніе дѣлъ было крайне неопредѣленное; невозможно было предвидѣть, какая партія одержитъ верхъ. Тьеръ много лѣтъ оставался въ средѣ побѣжденныхъ, человѣкомъ „не у дѣлъ", а онъ менѣе всего желалъ снова возвращаться къ частной жизни. Онъ рѣшилъ, что лучше всего держать партіи въ равновѣсіи и выжидать событій. Когда же обнаружится, что та или другая партія беретъ рѣшительный перевѣсъ надъ другими, что помѣшаетъ ему встать во главѣ ея? Онъ понималъ хорошо, что исключительныя обстоятельства выдвинули его, что онъ сталъ человѣкомъ „необходимымъ" и въ силу этого можетъ извлечь для себя лично огромныя выгоды.

И, надо отдать ему справедливость, онъ мастерски началъ дѣло. Рѣчь его, сказанная въ защиту его проекта „бордосскаго договора",—образецъ совершенства. Въ ней, конечно, нечего искать искренности, но какъ-же можетъ она быть въ рѣчи, произнесенной съ цѣлью „провести" всѣ партіи, „примирить" непримиримые интересы.

Вотъ какъ описывалъ свои впечатлѣнія, вынесенныя изъ засѣданія, когда была произнесена эта рѣчь, одинъ извѣстный французскій публицистъ: „И теперь еще я вижу предъ собой толстенькаго маленькаго человѣчка, вскарабкавшагося на табуретъ сзади трибуны; онъ размахиваетъ своими ручонками и выкрикиваетъ своимъ жиденькимъ, писклывымъ и сладенькимъ голоскомъ: „Господа!" Затѣмъ пауза. Надъ его чернымъ, застегнутымъ наглухо сюртукомъ возвышается круглая голова съ коротко обстриженными бѣлыми волосами, серебристаго цвѣта хохолкомъ, собраннымъ по серединѣ такъ, что онъ кажется ермолкой, закрывающей темя. Глаза его скрываются за большими блестящими очками, которыя, переходя съ одного зрителя на другого, сильно смущаютъ ихъ. Когда онъ заговорилъ, въ залѣ наступила мертвая тишина. Голосъ у него слабый, медленный, обрывающійся, плохо слышный. Обрывки изъ его фразъ долетаютъ до уха съ трудомъ, раздѣляются паузами. Но чѣмъ далѣе, тѣмъ тверже становится этотъ голосъ: онъ выравнивается, овладѣваетъ своею звучностью, своими оттѣнками, своею чудесною гибкостью; каждое слово оратора глубоко западаетъ въ умы слушателей, подобно камню, брошенному въ прудъ и производящему круги, расширяющіеся по всей поверхности и по всей внутренности водной массы. Подвижной, какъ ртуть, сверкающій, какъ блудящій огонекъ, Тьеръ сыплетъ отрывистыми сентенціями; онѣ рѣзки и ясны... собственно это не рѣчь, а продолжительная бесѣда, развиваемая по широкой, простой, отчетливой программѣ, маленькими, коротенькими угрозами, которыя опытная рука бросаетъ, подобно стрѣламъ, въ мишень и попадаетъ въ самый кругъ. Надо признаться, что длинныя рѣчи, произносимыя Тьеромъ отрывисто, небольшими частями,

но такъ, что каждая изъ нихъ запечатлѣна то гнѣвомъ, то насмѣшкою, то тѣмъ жгучимъ здравымъ смысломъ, который составляетъ основу его темперамента, представляютъ въ своемъ родѣ совершенство. Голосъ Тьера жидокъ и сухъ, порою онъ переходитъ въ крикливый и дребезжащій; въ патетическихъ мѣстахъ, онъ даже царапаетъ вамъ слухъ, какъ трещотка: вообще, онъ скорѣе непріятенъ, но, благодаря ловкости и снаровкѣ, Тьеръ заставляетъ своихъ слушателей ловить каждое его слово. Взобравшись на табуретъ за трибуной, Тьеръ господствуетъ надъ собраніемъ, внимательно наблюдаетъ за нимъ, не пропускаетъ ни одного его движенія, отвѣчаетъ заранѣе на всѣ возможныя возраженія, какъ будто предугадывая, что они уже возникли въ умѣ того или другого слушателя. Каждому кажется, что за нимъ именно слѣдятъ бѣлыя стекла очковъ оратора, скрадывающихъ глаза; каждый находится въ томъ заблужденіи, что рѣчь относится къ нему лично. Впродолженіи цѣлыхъ часовъ Тьеръ ни на одну секунду не выпускаетъ свою публику изъ подъ своего вліянія; нѣтъ мгновенія, въ которое толпа переставала-бы чувствовать надъ собою силу его слова, то подтрунивающаго, то гнѣвнаго, то ѣдкаго, то страстнаго; нѣтъ мгновенія, въ которое ораторъ переставалъ-бы подстерегать своихъ слушателей, подобно тому, какъ филинъ подстерегаетъ мышь; онъ обходитъ ихъ со всѣхъ сторонъ, приголубливаетъ, придерживаетъ и потомъ наноситъ имъ удары... Маленькій человѣчекъ работалъ живо, споро, неутомимо; онъ поражалъ неожиданностью, ежеминутно открывая передъ нами новые горизонты; казалось, что онъ ворочаетъ цѣлымъ міромъ идей, которыя появляются, исчезаютъ и предстаютъ снова съ необыкновенною непринужденностью и обольстительнѣйшимъ изяществомъ... Вспоминалось невольно о г-жѣ Сакки, танцовщицѣ, которая, до самыхъ преклонныхъ лѣтъ, очаровывала первую имперію и реставрацію. На туго натянутомъ канатѣ, на пятидесятифутовой высотѣ надъ землею, ловкая акробатка раскачивалась, подпрыгивала, рѣзвилась, принимала позы трагическія, сладострастныя, небрежныя, падала то на одно колѣно, то на

другое, откидывалась назадъ, играла въ воланъ и серсо, скользя и изгибаясь, подбрасывала и ловила разноцвѣтные мячи, ярко свѣтящіе своимъ золотистымъ и серебристымъ блескомъ. Малѣйшая невѣрность въ шагѣ, — и она упала-бы съ страшной высоты... Каждая доля секунды требовала отъ нея чудесъ эквилибристики, грозя ей въ противномъ случаѣ гибелью. Тьеръ дѣйствовалъ теперь съ такой-же разсчитанной ловкостью и дѣлалъ чудеса умственной эквилибристики. Не уступая знаменитой акробаткѣ въ гибкости, онъ также строго разсчитанно изгибался и скользилъ, играя разомъ букетами цвѣтовъ и ножами. Ножи были остры, кинжалы напитаны ядомъ... но онъ былъ привѣтливъ, былъ любезенъ; казалось, что при встрѣчѣ съ опасностью, онъ почерпалъ новый избытокъ жизни, присутствіе духа и находчивости; подобно электрическому угрю, онъ пріобрѣталъ въ окружающей его грозовой атмосферѣ, сильное возбужденіе къ жизненной дѣятельности... Всѣ его жесты были умно разсчитаны, мудро размѣрены. Его рѣчь не дышала трагизмомъ; онъ затрогивалъ чувства слегка... но что за неистощимое разнообразіе и, въ особенности, что за ясность, приспособленная такъ искусно, чтобы не ослѣпить неумѣстнымъ блескомъ! Ни одного неяснаго выраженія, ни одного доказательства безъ полнѣйшей наглядности... Чародѣй принималъ васъ въ свою ладью и возилъ по волнамъ хрустальнаго озера, гдѣ вы могли любоваться даже камешками, покоившимися на его днѣ и расцвѣченными солнечными лучами, которые отражались и играли на нихъ. Вы могли слѣдить за каждымъ мягкимъ изгибомъ мелкаго песка, усыпавшаго это дно... Такая лучезарность заставляла вѣрить въ крайнюю искренность. По весьма естественному заблужденію, вы невольно приписывали сердцу несравненнаго артиста тѣ качества, которыми щеголялъ его умъ, и вы охотно поручились-бы за его доблесть, восклицая: „Самый день не можетъ быть свѣтлѣе глубины его сердца!"... Увы! упомянутая рѣчь страдала именно отсутствіемъ полной искренности, въ ней было много коварства и лицемѣрія... Ораторъ убѣждалъ всѣ партіи не говорить ни-

чего, не дѣлать ничего, и признать за нимъ диктаторскую власть, заманивая правую сторону намекомъ на то, что употребитъ эту власть противъ лѣвой, а лѣвую тѣмъ-же самымъ по отношенію къ правой... И главный фокусъ состоялъ въ томъ, что ему не пришлось, какъ донъ-Жуану, поставленному между Аннетою и Матюриной, говорить въ сторону то съ той, то съ другой, но Аннета слушала его любезности Матюринѣ, а Матюрина его обѣщанія и клятвы Аннетѣ... Это былъ верхъ совершенства лицемѣрія, потому что все это происходило среди бѣлаго дня...

„Что до меня касается, то, не хочу лгать, никогда я не любилъ особенно этого оратора... Цѣлые двадцать лѣтъ я относился къ нему недовѣрчиво... И однакожъ, въ это достопамятное засѣданіе, когда предложено было принятіе бордосскаго договора, не смотря на все мое предубѣжденіе, я обратился весь въ зрѣніе и слухъ. Не было во мнѣ ни одной жилки, которая не вопіяла-бы: онъ лицемѣритъ, онъ обманываетъ, и не смотря на это, я поддавался очарованію, находилъ все, что онъ говорилъ, правдоподобнымъ, совершенно правдоподобнымъ, и вѣрилъ, внимая тысячѣ воображаемыхъ голосковъ въ воздухѣ, которые нашептывали мнѣ: „А что, если въ самомъ дѣлѣ?"...

Сущность бордосскаго договора можетъ быть выражена слѣдующими словами: „Мы заключаемъ временное перемиріе, которое продлится до тѣхъ поръ, пока какая-нибудь изъ договаривающихся сторонъ не сочтетъ себя довольно сильной, чтобы его нарушить. Собравшись въ Бордо, мы застали республику, мы и сохранимъ ее временно. Вамъ, монархистамъ, выгодно поддерживать ее, пока не поисчатся всѣ ваши приготовленія и вы не порѣшите, кому, Генриху-ли V, герцогу-ли Омальскому, или, наконецъ, графу Парижскому слѣдуетъ вручить заботу о счастіи Франціи. Вамъ, монархисты, весьма сподручно дозволить республикѣ утвердить своею подписью договоръ, которымъ уступается Германіи Эльзасъ и Лотарингія; для васъ выгодно, что она вынуждена теперь обременять народъ налогами, такъ какъ ей надо добыть пять милліар-

довъ для уплаты побѣдителямъ. Когда-же эти пять милліардовъ будутъ уплачены, вы явитесь на сцену, съ обѣщаніемъ изобилія и благосостоянія, съ утвержденіемъ, что съ вашимъ приходомъ начнется эра исцѣленія и возмездія, — и вамъ тогда повѣрятъ. Вы-же, республиканцы, будете имѣть удовольствіе состоять номинально въ республикѣ; всѣ документы, гражданскіе акты и монеты будутъ постоянно удостовѣрять въ томъ, что во Франціи существуетъ именно эта форма правленія; вы будете пользоваться громаднымъ преимуществомъ обладать кличкою, что уже составляетъ большой шагъ для обладанія и сāмымъ предметомъ. Но пока вы овладѣете самимъ предметомъ, вамъ лучше предоставить вашимъ противникамъ пользоваться властью. Такимъ идеалистамъ, такимъ людямъ принципа, какъ вы, достаточно одного принципа; ваши-же противники люди положительные, ихъ можно удовлетворить только мѣстами и жалованьями. У насъ будетъ, такимъ образомъ, республика безъ республиканцевъ, и даже безъ республиканскихъ учрежденій, и будетъ монархія, совершенная во всѣхъ отношеніяхъ, но пока безъ короля. Чтобы утѣшить всѣхъ, я, Тьеръ, соединю въ себѣ обязанности президента республики, отъ имени республиканцевъ, и намѣстника королевства, отъ имени того или другого короля, смотря по тому, кто одержитъ верхъ: правый центръ или правая сторона.“

Вожаки партій увлеклись предложеніемъ Тьера, соображая, что ничто не держится такъ долго, какъ временное, и въ особенности такое, о которомъ при всякомъ случаѣ всѣ твердятъ, что оно принято только какъ временное. Никто не хочетъ брать на себя труда бороться съ временнымъ; каждый благоразумный человѣкъ щадитъ свои усилія, когда рѣчь идетъ о ниспроверженіи временного. Разбивать отпертыя ворота никогда не считалось дѣломъ особенно славнымъ. Сверхъ того, размышляли они, Тьеръ, временной глава временного правительства старъ,—ему семьдесятъ четыре года,— у него нѣтъ ни дѣтей, ни племянниковъ; вся его семья состоитъ изъ жены и свояченицы, пожилой дѣвушки.

По такимъ-то соображеніямъ была принята всѣми партіями правительственная система, крайне неопредѣленная и потому представлявшая ту главную невыгоду, что приходилось постоянно опасаться какой-нибудь непредвидѣнной катастрофы. Между тѣмъ она существовала нѣсколько лѣтъ. Это, повидимому, странное обстоятельство удобнѣе всего объяснить тѣмъ, что не только во Франціи но даже и въ Европѣ на бордосскій договоръ смотрѣли, какъ на кратковременное перемиріе, которое должно было скоро прекратиться. Каждая партія во Франціи втайнѣ надѣялась, что выиграетъ она, а не ея противникъ, и власть попадетъ къ ней въ руки.

X.

Однакожъ, не вся Франція согласилась на эту сдѣлку. Парижское населеніе отказалось скрѣпить ее; оно помнило слишкомъ хорошо, что Тьеръ не мало способствовалъ уничтоженію республики 1848 года. Послѣдовало парижское возмущеніе и извѣстныя всѣмъ его послѣдствія. Борьба съ Парижемъ и отношеніе къ этой борьбѣ большихъ промышленныхъ городовъ показали Тьеру, что республиканская партія во Франціи несравненно сильнѣе, чѣмъ то можно было предполагать, судя по характеру ея офиціальныхъ представителей въ палатѣ и по результатамъ выборовъ 1871 г. Тьеръ понялъ отлично, что, для подавленія элементовъ соціальной революціи, ему остается одно средство установить буржуазную республику; онъ понялъ, что еслибъ онъ не захотѣлъ уступить на этомъ пунктѣ, онъ проигралъ-бы все,—и онъ уступилъ. Онъ печаталъ не разъ, онъ повторялъ такъ часто, какъ только находилъ это нужнымъ: „Во время парижскаго возмущенія, ко мнѣ являлись многія депутаціи съ вопросомъ: за республику вы или за монархію?—Я отвѣчалъ: я честно поддержу республику. Если-бы я не далъ этого обѣщанія, если-бы мнѣ пришлось отдѣлить только 20,000 человѣкъ отъ

осадной арміи для того, чтобы отправить ихъ въ провинцію, намъ не одолѣть-бы Парижа. И потому я далъ слово."

Изъ чего слѣдуетъ, что, по прошествіи только нѣсколькихъ дней со времени заключенія бордосскаго договора, Тьеръ былъ вынужденъ, затруднительностью положенія, самъ-же нарушить его... Одна легитимистская газета замѣтила весьма основательно по этому поводу: „Такъ вамъ пришлось дать слово, г. Тьеръ. Но что вы толковали въ Бордо? Вы увѣряли, что вы не принадлежите ни къ какой партіи. Что бордосскій договоръ, бывшій перемиріемъ, будетъ имѣть силу до окончательнаго очищенія территоріи отъ нѣмецкихъ войскъ. Что вы торжественно обязываетесь не огорчать ни правую, ни лѣвую стороны: не подготовлять успѣха никакой партіи въ ущербъ другимъ... Что-же вышло въ результатѣ? А то, что вы приняли на себя два обязательства, совершенно противорѣчащія другъ другу, чѣмъ поставили себя въ невозможность удерживать свое положеніе..."

И такъ, въ самомъ началѣ дѣйствія бордосскаго договора, онъ оказался непримѣнимымъ въ томъ размѣрѣ, какъ предполагалось сначала. Тьеръ далъ слово честно поддерживать республику; по его словамъ, онъ рѣшился сдѣлать честный опытъ съ республикой, чтобы убѣдиться, насколько Франція дорожитъ этой формой правленія. И опытъ былъ произведенъ. Несомнѣнно, онъ привелъ-бы къ болѣе плодотворнымъ результатамъ, если-бъ въ версальскомъ собраніи засѣдали другіе люди, которые-бы заботились о благѣ общемъ, а не о своихъ личныхъ цѣляхъ. Но съ самаго начала въ палатѣ наступила борьба партій, узкая, эгоистическая борьба, въ которой все дѣло шло о томъ, какая партія завладѣетъ большимъ числомъ административныхъ должностей. О самой-же Франціи никто не думалъ. Далѣе опытъ производился съ установленіемъ въ странѣ республиканскихъ учрежденій, а все направлялось къ тому, чтобы совершенно уничтожить республиканскую партію. Но снова вышло не то, на что можно было разсчитывать: республиканская партія не только не была уничтожена, напротивъ, она еще болѣе укрѣпилась

и усилилась. Это напоминаетъ намъ одинъ анекдотъ, за достовѣрность котораго мы не можемъ, конечно, поручиться: на дворѣ одного купца жила покрытая струпьями собака, которая своимъ постояннымъ лаемъ до крайности надоѣдала одному изъ жителей сосѣдняго дома. Желая избавиться отъ нея, онъ придумалъ окормить ее мясными шариками, приправленными мышьякомъ; собака съѣла всѣ шарики и не околѣла; сосѣдъ снова далъ отраву, усиливъ дозу; къ своему великому изумленію онъ увидалъ, что ядъ подѣйствовалъ, какъ сильное, радикально излечивающее лекарство: песъ поздоровѣлъ, всѣ струпья сошли съ него, онъ сталъ молодцоватѣе, красивѣе и залаялъ громче прежняго. Такъ и съ французской республиканской партіей. Разгромленіе Парижа стоило ей по крайней мѣрѣ ста тысячъ человѣкъ убитыхъ и сосланныхъ въ Новую Каледонію и другія мѣста. Не ропща на такое ослабленіе силъ своей партіи, республиканцы, засѣдающіе въ версальскомъ собраніи, поблагодарили за это Тьера отъ имени республики. Правительство запретило нѣсколько республиканскихъ газетъ, отставило многихъ республиканскихъ чиновниковъ, назначенныхъ на мѣста правительствомъ національной обороны, оно уволило многихъ учителей, нежелавшихъ подчиняться іезуитамъ, а республиканскіе депутаты продолжали подавать свои голоса за Тьера и осыпали его похвалами. Тьеръ не желалъ смѣщать бонапартистскихъ чиновниковъ, не соглашался на представленіе закона о свѣтскомъ и обязательномъ первоначальномъ образованіи, упорно стоялъ за пятилѣтнюю службу въ дѣйствующихъ войскахъ, противился всеобщей военной повинности, издавалъ законы противъ свободы торговли, требовалъ возврата налоговъ на сырье,—а республиканскіе депутаты все подавали голоса за него и раза два или три, поспѣшивъ къ нему на помощь, превратили его пораженіе въ побѣду. Въ благодарность имъ, Тьеръ расточалъ любезности правой сторонѣ, а республиканскіе депутаты продолжали подавать голоса за него. Тьеръ публично называлъ Гамбету разъяреннымъ безумцемъ, а Гамбета притворялся, что не слышитъ, и благодарилъ Тьера за

услуги, оказанныя отечеству: „Вы великій мужъ, г. Тьеръ, и я горжусь возможностью услужить вамъ, подавая голосъ за васъ на пользу республики." Принося Тьеру поздравленія, упорно защищая его противъ его противниковъ, правъ-ли онъ бывалъ или неправъ, благодаря его, при всякомъ случаѣ, именемъ республики, лѣвая сторона тѣмъ самымъ обращала Тьера въ республиканскаго сановника, болѣе, чѣмъ ему нравилось. Забавно, что правая сторона, прекрасно понимавшая, въ чемъ дѣло, не умѣла скрывать своей досады и придиралась къ Тьеру, который по неволѣ долженъ былъ искать помощи у республиканцевъ.

Такимъ образомъ, лѣвая сторона упорно держалась буквы договора, оставаясь ему вѣрною всегда и противу всѣхъ, и пріобрѣтала въ глазахъ страны нѣкоторый видъ консервативной партіи, стойкой и правильной; Гамбета и его партія въ глазахъ народа изъ бѣшеныхъ революціонеровъ обращались въ людей, поддерживающихъ правительство. И буржуазія, не имѣя повода отказать въ уваженіи ихъ послѣдовательности и крайнему благоразумію, привыкала постепенно смотрѣть на правую сторону, какъ на людей, сѣющихъ смуты, какъ на простыхъ искателей приключенія, добивающихся только мѣстъ съ хорошимъ жалованьемъ. Бордосскій договоръ становился, наконецъ, рѣшительно невозможнымъ.

XI.

Тьеръ видѣлъ окончательную невозможность дальнѣйшаго существованія бордосскаго договора, онъ понималъ, что надо положить конецъ неопредѣленности положенія, необходимо временное превратить въ постоянное. Но, по своей всегдашней мнительности, по своей нерѣшительности, по своей приверженности къ полумѣрамъ, и на этотъ разъ онъ не осмѣлился покончить рѣшительно съ затруднительнымъ положеніемъ. Не желая ссориться ни съ той, ни съ другой сторо-

ной собранія, онъ объявилъ, что остается на почвѣ бордосскаго договора; но, исполняя требованіе націи, желающей покончить съ неопредѣленнымъ положеніемъ, онъ предлагаетъ признать республиканскую форму правленія. „Наша республика будетъ самой консервативнѣйшей изъ республикъ,“ спѣшилъ онъ добавить.

Свое предложеніе Тьеръ выразилъ въ президентскомъ посланіи, прочитанномъ 19 ноября 1872 года при открытіи палаты послѣ вакацій. Тьеръ разсчитывалъ, что его посланіе окажетъ примиряющее дѣйствіе на партіи, но жестоко ошибся въ своемъ предположеніи. Посланіе его встрѣтило сильнѣйшую оппозицію со стороны правой и чрезмѣрный восторгъ на лѣвой. Но если разобрать хладнокровно это посланіе 19 ноября, то нельзя не убѣдиться, что оно не заслуживаетъ ни того ожесточенія, ни того восторга, которые оно возбудило. Оно составляетъ второе изданіе бордосскаго договора, конечно, нѣсколько исправленное и дополненное, но страдающее тѣмъже основнымъ недостаткомъ, которымъ страдало первое, т. е. неопредѣленностью положенія; въ немъ измѣнялись слова, но смыслъ оставался тотъ-же.

Нѣтъ сомнѣнія, что признаніе опредѣленной формы правленія было уже нѣкоторымъ шагомъ впередъ, но спрашивается, что выигрывала отъ этого шага страна, если ею продолжала управлять такая палата, какъ версальская, въ которой правительство не могло составить большинства для проведенія той или другой изъ существенно-необходимыхъ реформъ; такая палата, въ которой нельзя было поднять ни одного вопроса безъ того, чтобы партіи не вцѣпились другъ другу въ волосы. Думать о созданіи конституціи и объ установленіи опредѣленной правительственной формы при помощи такого собранія было, по меньшей мѣрѣ, легкомысленно. Тьеръ самъ это чувствовалъ, но и на этотъ разъ политика колебаній одержала въ немъ верхъ и онъ не рискнулъ на ту мѣру, которую подсказывало ему благоразуміе, какой требовало отъ него большинство французовъ, высказывая свои требованія то во время выборовъ, то въ прессѣ,

то адресами генеральныхъ совѣтовъ. Дѣло шло о распущеніи собранія и назначеніи новыхъ выборовъ, которые были-бы несомнѣнно произведены въ умѣренномъ духѣ и дали-бы правительству настоящее парламентское большинство.

Правая сторона, и въ особенности правый центръ отнеслись крайне несочувственно къ президентскому посланію; они заговорили о нарушеніи президентомъ бордосскаго договора и начали дѣйствовать на этотъ разъ нѣсколько съ большею послѣдовательностью, чѣмъ прежде, хотя съ перваго-же шага показали, что они не прочь отъ компромиса, который-бы заключался въ томъ, что нѣкоторыя министерскія мѣста должны быть замѣщены главнѣйшими представителями праваго центра. Все это движеніе шло по иниціативѣ герцога Брольи.

Лѣвый центръ и отчасти лѣвая сторона, отъ которыхъ происходила иниціатива посланія, разумѣется, отнеслись къ нему съ великимъ сочувствіемъ и похвалой. Часть лѣвой и крайняя лѣвая, вѣрныя своей тактикѣ, показали видъ, что безусловно вѣрятъ посланію; они рукоплескали всѣмъ фразамъ, въ которыя входило слово „республика", давая этимъ понять, что они относятся съ довѣріемъ къ обѣщанію покончить съ неопредѣленнымъ положеніемъ, хотя несомнѣнно понимали, что посланіе не уничтожаетъ еще бордосскаго договора, который могъ процвѣтать по прежнему во всей своей силѣ.

„Бордосскій договоръ уничтожается въ пользу лѣвой стороны, твердили въ народѣ,—слѣдовательно, побѣда осталась за ней".

Преданныя лѣвой сторонѣ газеты сочиняли дифарамбы въ честь великаго гражданина Тьера, французскаго Вашингтона. Но, помимо дифирамбовъ, въ этихъ газетахъ появились и такія замѣчанія: „Что-сказалъ-бы г. Тьеръ, если-бъ приведеніе въ исполненіе хартіи 1830 года поручили Полиньяку и Пейроне. Что сказалъ-бы г. Лабуле, еслибъ въ то время, когда вздумали примирять вторую имперію съ либерализмомъ, осуществить это дѣло поручили-бы Греви и Жюлю Фавру, невѣрившимъ въ возможность такого примиренія? А г. Тьеръ

желаетъ именно того, противъ чего онъ горячо возсталъ-бы въ 1830 году. Онъ желаетъ ввести республиканскія учрежденія въ страну и поручаетъ исполнить это дѣло противникамъ этихъ учрежденій. Неужели многочисленныя ошибки, которыя постоянно губили насъ и были причиной безпрестанныхъ кризисовъ и катастрофъ, не достаточно научили насъ политическому такту и умѣнью избѣгать ихъ во время. Пора-же, наконецъ, намъ понять азбучную истину, что легитимисты не могутъ вводить республиканскихъ учрежденій, а республиканцы создавать монархическія конституціи".

Газеты правой стороны всѣхъ оттѣнковъ съ сильнымъ азартомъ напали на Тьера; онѣ не находили словъ, чтобы достаточно заклеймить его измѣну бордосскому договору.

Положеніе Тьера было по истинѣ самое затруднительное. Онъ никакъ не ожидалъ встрѣтить такой твердой оппозиціи отъ праваго центра. Явилось предложеніе Кердреля, за тѣмъ комиссія тридцати. Опять приходилось поправлять дѣло и снова Тьеръ ухватился за политику колебанія. Онъ послалъ министровъ Гуляра и Дюфора въ палату коментировать его посланіе.

„Наше правительство олицетворяетъ теперь собою Януса, писали въ то время въ одной французской газетѣ. — Припоминаются невольно актеры древности, носившіе на сценѣ двѣ маски, одну плачущую, другую смѣющуюся; одна предназначалась для сценъ чувствительныхъ, другая для веселыхъ. Когда правительство желаетъ провести прогрессивныя идеи, оно является въ образѣ Тьера; когда реакціонерныя,— въ образѣ Дюфора. Одинъ говоритъ: это бѣлое, другой твердитъ: нѣтъ, это черное. „Мы желаемъ составить постоянное правительство", говоритъ Тьеръ.—„Нѣтъ временное", возражаетъ Дюфоръ. „Наше правительство республиканское", продолжаетъ Тьеръ.—„Вовсе не республиканское", возражаетъ хранитель печати. Гдѣ-же наконецъ, правда"?

20 апрѣля (1 мая) 1873 года произошло столкновеніе между Дюфоромъ и Рикаромъ, говорившими отъ имени Тьера. Смыслъ рѣчей ихъ былъ діаметрально противоположенъ. Одо-

лѣлъ, наконецъ, Дюфоръ и заключилъ свою рѣчь предложеніемъ сохранить неприкосновеннымъ бордосскій договоръ, хотя самъ хранитель печати хорошо зналъ, что этотъ договоръ уже много разъ нарушался и правительствомъ и тѣми, въ чью пользу теперь онъ желалъ удержать его неприкосновенность, т. е. въ пользу правой стороны.

Между тѣмъ наступили выборы въ собраніе для пополненія имѣющихся вакансій. Тьеръ, непонятно съ какой цѣлью, вздумалъ пустить въ ходъ полуофиціальную кандидатуру. Онъ всѣми средствами, какія только у него были въ рукахъ, рѣшился помогать избранію своего министра иностранныхъ дѣлъ графа Ремюза. Въ эту новую ошибку Тьеръ опять-таки былъ введенъ своей приверженностью къ политикѣ колебанія, своей страстью во всемъ хитрить. И на этотъ разъ онъ перехитрилъ; избранъ былъ не Ремюза, а его соперникъ Бароде, кандидатъ радикальной партіи. Вообще-же на этихъ выборахъ одержали верхъ радикальная и республиканская партіи. Изъ 13 новыхъ депутатовъ вошло въ палату 11 республиканцевъ, 1 клерикалъ и 1 бонапартистъ.

Правая сторона взволновалась въ виду такихъ выборовъ, тѣмъ болѣе, что всѣ республиканскіе депутаты получили отъ своихъ избирателей порученіе непремѣнно требовать распущенія палаты. Но вопросъ о распущеніи преимущественно предъ всѣми другими былъ ненавистенъ правой сторонѣ. Ея газеты забили тревогу; онѣ заговорили о готовящейся соціальной революціи; онѣ закричали, что необходимо какими-бы то ни было мѣрами спасать общество. А прежде всего нужно ограничить всеобщую подачу голосовъ.

Весьма умѣренный, спокойный и разсудительный буржуазный органъ „Journal des Débats“ взялъ за себя трудъ объяснить правой сторонѣ всѣ нелѣпости ея выходокъ противъ Тьера и въ особенности противъ всеобщей подачи голосовъ. „Затрогивая это право французскаго гражданина, которымъ онъ особенно дорожитъ, говорила эта газета, — вы стремитесь къ государственному перевороту. Вы можете, пожалуй, вызвать гражданскую войну... Но вѣдь вы только кри-

чите, и слава Богу, что вы можете только кричать... дѣйствовать-же вы не въ силахъ!"

Руководители движенія противъ всеобщей подачи голосовъ и сами хорошо знали, что дѣйствовать они не въ силахъ, потому что власть находилась не у нихъ въ рукахъ. Поэтому-то они и желали заставить Тьера дѣйствовать вмѣсто себя; если-же онъ откажется, то свергнуть его. Во всякомъ случаѣ изъ этого вопроса извлекали пользу только они: „если Тьеру удастся ограничить всеобщую подачу, разсуждали они,—выгоды новаго положенія достанутся намъ; неудастся ему это предпріятіе—онъ долженъ будетъ подать въ отставку, а мы въ это время будемъ работать для созданія себѣ большинства и легко можетъ овладѣть положеніемъ".

Органъ Гамбеты „La Republique Française" прекрасно понималъ, куда клонятся происки правой стороны. Въ этой газетѣ появился рядъ статей, въ которыхъ предупреждали Тьера объ опасности, совѣтовали ему отбросить политику колебаній, идти твердо и рѣшительно къ предназначенной цѣли, опираясь на настоящее, а не призрачное большинство, безпрерывно мѣняющееся именно вслѣдствіе политики колебанія. „Надо умѣть пользоваться популярностью, иначе не трудно потерять ее", заключила свои статьи эта газета.

XII

Политика колебаній дѣйствительно поставила Тьера въ самое затруднительное положеніе, изъ котораго не легко было найти удобный и безопасный выходъ. Тьеръ рѣшился составить болѣе однородное министерство, избравъ его изъ лѣваго центра. Онъ уволилъ двухъ министровъ: Жюля Симона, противъ котораго постоянно кричали клерикалы, и Гуляра, ненавистнаго лѣвой сторонѣ; отъ министерства народнаго просвѣщенія онъ отдѣлилъ министерство исповѣданій и назна-

чилъ трехъ новыхъ министровъ отъ лѣваго центра. Однакожъ на этотъ разъ его примирительная политика привела совсѣмъ не къ тѣмъ результатамъ, какихъ онъ отъ нея ожидалъ.

7 (19) мая правая сторона сдѣлала запросъ министерству „по поводу послѣднихъ перемѣнъ въ его составѣ и по поводу необходимости рѣшительнаго преобладанія консервативной политики въ дѣйствіяхъ правительства". При этомъ заявлялось, что „необходимъ кабинетъ, твердость котораго могла-бы успокоить страну". 11 (23) мая руководитель запроса и предводитель праваго центра, герцогъ Брольи, произнесъ рѣчь, въ которой заявилъ, что его не удовлетворяютъ послѣднія перемѣны въ министерствѣ. Онъ рѣзко нападалъ на радикальную партію, обозвалъ ея представителей въ палатѣ людьми, сочувствовавшими парижской коммунѣ и поселяющими смуты въ странѣ. Онъ обвинялъ Тьера въ потворствѣ радикаламъ, доказывая это выходомъ въ отставку Гуляра, который, будто-бы, показался Тьеру слишкомъ консервативнымъ, хотя и сочувствующимъ республиканскимъ учрежденіямъ. Въ заключеніе онъ сталъ умолять правительство отвернуться отъ радикаловъ и подать руку консервативнымъ элементамъ.

Вызывающая рѣчь герцога Брольи ободрила правую сторону и она ей горячо рукоплескала.

12 (24) мая Тьеръ отвѣчалъ на запросъ, сдѣланный министерству, и на рѣчь герцога Брольи. Никогда, можетъ быть, во всю свою жизнь Тьеръ не говорилъ такъ искренно, какъ въ это засѣданіе. „Я обязанъ дать объясненія на счетъ политики, которой мы слѣдовали, сказалъ между прочимъ Тьеръ,—и продолжаемъ слѣдовать до настоящей минуты... Я рѣшился высказаться откровенно и буду говорить съ гордостью гражданина, преданнаго своему отечеству, и человѣка, совѣсть котораго чиста"...

Напомнивъ о томъ, что онъ согласился принять власть только по настоятельной просьбѣ своихъ товарищей, изъ патріотизма, Тьеръ продолжалъ:

„Тогда не было ни арміи, ни денегъ; но главное затру-

дненіе состояло все-таки не въ этомъ. Оно заключалось въ разъединеніи партій. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, вамъ достаточно посмотрѣть на самихъ себя. Какое глубокое разъединеніе господствуетъ между вами со времени 1871 года! Разъединеніе это замѣчается не въ одной этой палатѣ, оно существуетъ и внѣ стѣнъ ея. Развѣ легко было управлять страною при такихъ обстоятельствахъ. Возможно-ли было соблюдать единство, котораго не было ни здѣсь, ни въ странѣ? Къ тому-же мнѣнія, господствующія здѣсь, не вполнѣ сходны съ тѣми, которыя господствують вообще въ странѣ. Прежде всего разногласіе существуетъ между тѣми, кто хочетъ монархіи, и тѣми, кто желаетъ республики. Тѣ и другіе, съ своей точки зрѣнія, правы; но какую роль между ними должно было взять на себя правительство? Единственная роль была возможна: соблюдать строжайшій нейтралитетъ. Да, монархисты имѣютъ право слѣдовать своимъ убѣжденіямъ; но и республиканцы не выходятъ изъ своихъ правъ, полагая, что республика стала теперь необходимой формой правительства. Къ тому-же эти партіи въ численномъ отношеніи въ палатѣ почти равны между собою. Въ самомъ дѣлѣ, если съ одной стороны здѣсь засѣдаетъ много монархистовъ, то и республиканцевъ не мало. Но не всѣ республики одинаковы. Есть республика, возбуждающая тревогу, и есть такая, которая дѣйствуетъ успокоительно. Страна вовсе не желаетъ республики, слышали мы не разъ. Да, аристократическіе и буржуазные кружки, пожалуй, но массы народа въ огромномъ большинствѣ желаютъ республики (*Рукоплесканія налѣво.— Опроверженія справа*). Господа, я не хочу никого оскорблять, но если массы таковы, какими вы ихъ представляете, то на чемъ-же основаны ваши опасенія? Чего-же вы боитесь, если массы съ вами? Если вы хотите сказать, что массы подвижны, то вы правы, но въ настоящее время численное большинство склоняется къ республикѣ. Измѣнить этого невозможно, но тѣ, кто стоитъ во главѣ массы, могутъ навести ее на настоящій путь, давъ ей разумное политическое направленіе“.

Далѣе Тьеръ объяснилъ, что каждая партія требовала, чтобы правительство сообразовалось съ ея видами. По невозможности угодить всѣмъ, правительство старалось, по крайней мѣрѣ, примирить разнообразные интересы. „Мнѣ дали титулъ президента республики, сказалъ Тьеръ, — и я служилъ республикѣ. Монархіи я служить не могъ, имѣя въ виду ваше-же спокойствіе, гг. монархисты, потому что еслибы я сталъ служить одной изъ нихъ, то измѣнилъ-бы двумъ другимъ." Напомнивъ о гражданской войнѣ, о финансовыхъ затрудненіяхъ, которыя встрѣчало правительство на каждомъ шагу, о томъ, что правительство побороло эти затрудненія, Тьеръ продолжалъ: „Нашими усиліями промышленность оживилась, страна почувствовала обновленіе. Жизненность ея выразилась въ удивительномъ успѣхѣ двухъ займовъ, послѣдовавшихъ скоро одинъ за другимъ. Четыре милліарда контрибуціи уплачены, уплата пятаго милліарда обезпечена. Намъ говорятъ: вы уплатили нашими деньгами. Разумѣется, гдѣ же бы я могъ взять ихъ, если не изъ сбереженій страны. Наша заслуга заключается въ довѣріи, которое мы пріобрѣли. И въ то время, когда всю Европу тяготитъ финансовый кризисъ, Франція, которая должна была уплатить громадный выкупъ, не испытала этого кризиса. Европа въ удивленіи смотритъ на неисчерпаемый запасъ жизненныхъ силъ Франціи. Но все-ли это? Я могу удивить тѣхъ, кто увѣряетъ, что у насъ нѣтъ союзниковъ, сказавъ имъ, что послѣ того, какъ, благодаря безразсудной политикѣ второй имперіи, европейское равновѣсіе нарушено, союзниковъ ни у кого нѣтъ. Теперь союзъ заключается въ уваженіи, которое однѣ націи питаютъ къ другимъ, а Франція пользуется такимъ уваженіемъ и наши преемники могутъ удостовѣриться въ этомъ, взглянувъ въ наши архивы, которые я не могу раскрыть передъ вами. Мы преобразуемъ нашу армію и дѣлаемъ это открыто, мы знаемъ, что намъ вѣрятъ, когда мы говоримъ, что не замышляемъ нарушать миръ".

Перейдя къ внутренней политикѣ, Тьеръ замѣчаетъ, что порядокъ въ странѣ вполнѣ обезпеченъ и что еще большая

гарантія его неприкосновенности получилась-бы въ признаніи окончательной формы правительства. Затѣмъ онъ обратился къ монархистамъ и заявилъ свое сомнѣніе въ ихъ консерватизмѣ. „Я могу доказать фактами, продолжалъ далѣе Тьеръ,— что вы не разъ покидали меня, когда дѣло шло о проведеніи мѣръ, имѣющихъ цѣлью обезпеченіе консервативныхъ принциповъ. За это я виню не васъ, а обстоятельства. Что до меня касается, я долго соблюдалъ условія бордосскаго договора, но мнѣ нужно было, наконецъ, высказаться по вопросу о республикѣ... Уже два, скоро три года, какъ мы завѣдуемъ дѣлами страны. Вы требовали, вы желали и вы достигли того, что правительство называлось временнымъ. Еще въ Бордо мы предложили вамъ соглашеніе. Я до сихъ поръ былъ вѣренъ ему. Вы тоже говорите о бордосскомъ договорѣ, но, выйдя за дверь, каждый изъ васъ повторяетъ, что онъ признаетъ только монархію; но которую? Вы сами знаете, что у насъ ихъ три? Другіе хотятъ республики, но опять-таки нужно знать какой? Но, повторяю, пришла пора покончить съ переходнымъ положеніемъ: это нужно для общественнаго порядка и спокойствія; не слѣдуетъ забывать, что, давая волю своимъ страстямъ, мы возбуждаемъ страсти другихъ. Правительство сказало себѣ, что вѣчно оставаться въ такомъ положеніи невозможно, и что настало время возвысить надъ всѣми партіями одинъ неоспоримый принципъ. Оно должно принять рѣшеніе въ ту или другую сторону и сообщить свое рѣшеніе палатѣ, которая также должна принять на этотъ счетъ какое-нибудь рѣшеніе. Я твердо убѣжденъ, что республика необходима, а монархія невозможна. Это до такой степени вѣрно, что монархисты даже въ идеѣ не создали до сихъ поръ никакой монархіи, поэтому-то они и позволяютъ себѣ говорить только въ качествѣ консерваторовъ. Теперь вы, быть можетъ, согласны между собою, но что будетъ послѣ? Вѣдь тронъ одинъ, а претендентовъ три. И такъ, пора учредить правительство, котораго никто-бы не оспаривалъ, никто-бы безнаказанно и ежедневно не смѣлъ поносить и оскорблять“.

Потомъ Тьеръ переходитъ къ объясненіямъ насчетъ уволенныхъ министровъ, говоритъ о конституціонныхъ планахъ, имъ представленныхъ, о послѣднихъ выборахъ, снова повторяетъ о необходимости установить форму правительства и заключаетъ свою рѣчь слѣдующими словами: „правительство даетъ вамъ въ руки средство уладить дѣло. Если кто желаетъ предложить что-нибудь лучшее, пусть сдѣлаетъ это. Намъ можно выбирать только между легальнымъ, правильно установленнымъ правительствомъ и диктатурою. Ужъ не хотите-ли вы диктатуры? О, принять ее найдется много охотниковъ, но не забудьте, что насъ погубила диктатура великихъ людей; съ диктатурою маленькихъ людей мы наживемъ себѣ тѣ-же бѣдствія, только безъ славы. Трудно выбрать между двумя крайностями. Намъ говорятъ, что мы пользуемся поддержкой радикаловъ, что мы скверно кончимъ, что этотъ скверный конецъ кромѣ того будетъ еще смѣшенъ. На это я замѣчу, что я имѣлъ право разсчитывать на большую благосклонность, на большую вѣжливость. Но это уже сказано, и я надѣюсь, г. Брольи позволитъ и мнѣ замѣтить ему, что если большинство будетъ составляться такъ, какъ онъ предполагаетъ, то у него окажется такой патронъ, отъ котораго его покойный отецъ отшатнулся-бы въ ужасѣ. Онъ будетъ креатурой партіи второй имперіи."

Рѣчь Тьера часто прерывалась рукоплесканіями лѣвой стороны палаты. Съ перваго взгляда можно было подумать, что Тьеръ снова побѣдилъ палату, но послѣдующія событія показали, что его друзья ошибались.

Въ тотъ-же самый день предложеніе министра юстиціи Дюфора о простомъ переходѣ къ очереднымъ дѣламъ было отвергнуто большинствомъ 16 голосовъ. Министерство и президентъ республики Тьеръ подали въ отставку. Отставка ихъ была принята національнымъ собраніемъ большинствомъ 30 голосовъ. На мѣсто Тьера избранъ маршалъ Мак-Магонъ 370 голосами; остальные депутаты отказались подавать свои голоса. Въ то-же время депутаты собранія, принадлежащіе къ крайней лѣвой сторонѣ, издали прокламацію, которой

приглашали народъ воздерживаться отъ какихъ-бы то ни было враждебныхъ демонстрацій. Всѣ демонстраціи ограничились криками: „да здравствуетъ Тьеръ!“ и спокойствіе нигдѣ не нарушалось.

Мы готовы вѣрить, что Тьеръ въ послѣднее время дѣйствовалъ несравненно искреннѣе, чѣмъ прежде, во время своей долголѣтней политической карьеры, но мы не совсѣмъ согласны съ европейскими либералами и французкими республиканцами, утверждавшими, что паденіе Тьера составляетъ великое несчастіе для Франціи. Не надо забывать, что Брольи, Бюффе и ихъ товарищи, замѣнившіе Тьера, увидѣли необходимость слѣдовать его политикѣ какъ внѣшней, такъ даже и внутренней; слѣдовательно, съ этой стороны не произошло почти никакой перемѣны для Франціи. Къ тому-же — и это главное—Тьеръ никогда не былъ такъ блестящъ, такъ либераленъ, никогда не приносилъ такой пользы, какъ принадлежа къ оппозиціи.

Слѣдуетъ согласиться съ французскими либералами въ одномъ, что Тьеръ дѣйствительно сдѣлалъ ошибку, позволивъ свергнуть себя, когда совершенно отъ него зависѣло не допустить этого. Національное собраніе приняло конституцію Риве, и эта конституція стала основнымъ закономъ страны. По конституціи Риве, Тьеръ долженъ былъ оставаться президентомъ до тѣхъ поръ, пока не разойдется національное собраніе, избранное народомъ для заключенія мира и самовольно продлившее свои полномочія. Собраніе не имѣло-бы права уволить Тьера, но онъ, по юношеской пылкости, всегда его характеризующей, погорячился; подавъ въ отставку, онъ разсчитывалъ, что собраніе смирится и попроситъ его остаться... Онъ считалъ себя слишкомъ необходимымъ человѣкомъ, котораго нельзя никѣмъ замѣнить. Но собраніе на этотъ разъ подняло перчатку...

Со времени своей отставки Тьеръ очень рѣдко появлялся на аренѣ политической дѣятельности, но всякое его появленіе выводило изъ себя реакціонеровъ; въ такихъ случаяхъ и Брольи, и Бюффе твердили, что „зловѣщій старикъ“ — какъ они прозывали его—намѣревается свергнуть Мак-Магона. И маршалъ вѣрилъ этому...

III.

ГЕРЦОГЪ ДЕ-БРОЛЬИ.

Непривлекательная наружность Альбера де-Брольи. — Происхожденіе Брольи.—Пожалованный въ государственные люди Викторъ Брольи.— Французскіе виги. — Значеніе Виктора Брольи во время іюльской монархіи. — Дебютъ Альбера Брольи въ литературѣ. — Либеральный іезуитизмъ Альбера. — Интрига либеральныхъ католиковъ во Франціи.— Вельо, защищающій справедливость.— Оппозиція Брольи во время второй имперіи. — Дѣло Тэла. — Союзъ либераловъ со второй имперіей. — Интрига, организованная Альберомъ Брольи противъ Тьера. — Брольи, вице-президентъ совѣта. — Неудача, постигшая его первую министерскую рѣчь. — Инсинуаціи Брольи на Францію. — Его промахи, какъ министра иностранныхъ дѣлъ.— Надежды, питаемыя монархическими партіями на Мак-Магона. — Ошибочность ихъ разсчетовъ. — Утвержденіе республики.

I.

Альберу Брольи теперь около 54 лѣтъ отъ роду; онъ еще молодой человѣкъ по сравненію съ Тьеромъ, котораго онъ свергъ именно въ то время, когда въ немъ особенно нуждалась Франція. Герцогъ Брольи высокъ ростомъ, но не особенно сильнаго сложенія. Его маленькіе черные глаза почти совсѣмъ непримѣтны изъ-подъ его густыхъ, нависшихъ бровей; носъ у него крючковатый, скулы выдающіяся, щеки отвислыя, лобъ узкій; волосы твердые и стоячіе, расчесать которые стоитъ большого труда. Если-бъ не густые усы, его можно было-бы принять за аббата. Когда герцогъ Брольи

говоритъ въ палатѣ, его непріятно слушать, такъ-какъ голосъ у него рѣзкій, кричащій; онъ произноситъ букву *ж*, какъ *з*. Въ обыкновенномъ разговорѣ тонъ его голоса льстивый; онъ говоритъ нѣжно, слащаво; но, по мѣрѣ того, какъ онъ приходитъ въ волненіе, онъ начинаетъ пыхтѣть, свистать, харкать, кричать и трещать; когда-же онъ выходитъ изъ себя, то гнѣвъ его бываетъ похожъ на гнѣвъ евнуховъ восточныхъ владѣтелей, какихъ представляетъ намъ восточная поэзія. О немъ можно сказать, что у него голова старухи или аббата на туловищѣ драгуна, а органъ его голоса похожъ на органъ тенора итальянской оперы, страдающаго простудой. Фигура его внушительная, но поражаетъ своей странностью и производитъ далеко не пріятное впечатлѣніе. Физическимъ качествамъ герцога болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ и его правительственныя свойства. Въ немъ изумительно уживаются противоположныя крайности: онъ въ одно время можетъ быть и аскетомъ, и рѣшительнымъ скептикомъ, фатомъ и государственнымъ человѣкомъ.

Соединеніе такихъ крайностей въ характерѣ герцога Брольи дало поводъ нѣкоторымъ изъ его друзей утверждать, что у него богато-одаренная натура, что у него могучая организація. Но друзья его положительно увлекаются—одни искренно, другіе намѣренно. Герцогъ Брольи, дѣйствительно, обладаетъ многими способностями, но всѣ онѣ весьма посредственнаго качества. У герцога много талантовъ, но самыхъ вульгарныхъ. Его побуждаютъ къ дѣятельности не возвышенныя идеи, не желаніе принести пользу или исполнить свой долгъ, а просто узкій личный эгоизмъ, сильное честолюбіе и зависть.

Брольи итальянскаго происхожденія; они родомъ изъ Савойи. Одинъ изъ предковъ герцога Альбера переселился во Францію вмѣстѣ съ Мазариномъ, у котораго онъ занималъ какую-то должность по домашнему хозяйству. Иные утверждаютъ даже, что онъ былъ простымъ лакеемъ аббата, сдѣлавшагося впослѣдствіи первымъ министромъ Франціи.

Кому не извѣстна дѣятельность кардинала Мазарина во Франціи; онъ безцеремонно грабилъ страну, которую никогда

не считалъ своимъ отечествомъ, и оставилъ послѣ себя громадное состояніе. Богатѣя самъ на счетъ Франціи, страдавшей отъ междоусобныхъ войнъ и голода, Мазаринъ не забывалъ своихъ ближайшихъ слугъ и помощниковъ. Брольи былъ изъ числа особенно щедро награжденныхъ министромъ. Онъ быстро возвышался по ступенямъ соціальной лѣстницы и мы, еще при его жизни, встрѣчаемъ его старшаго сына въ спискѣ генераловъ. За свои подвиги въ Палатинатѣ этотъ Брольи получилъ достоинство маршала, а по заключеніи мира германскій императоръ сдѣлалъ его княземъ священной римской имперіи. Съ этой поры старшій въ родѣ Брольи сталъ носить титулъ герцога, а его старшій сынъ именоваться княземъ. Но, несмотря на быстрое возвышеніе этихъ савояровъ, несмотря на то, что фамилія Брольи насчитываетъ въ своемъ родѣ трехъ маршаловъ Франціи, старая французская аристократія всегда считала и до сихъ поръ считаетъ герцоговъ Брольи выскочками.

Во время первой французской революціи Брольи эмигрировали и одинъ изъ нихъ, маршалъ Брольи, командовалъ въ Арденахъ корпусомъ эмигрантовъ. Жалоба, поданная въ конвентъ жителями деревни Ванкъ, раскрываетъ, къ какимъ мѣрамъ прибѣгалъ маршалъ, сражаясь противъ своихъ соотечественниковъ. Онъ сжегъ эту деревню и окончательно раззорилъ ея несчастныхъ жителей за то, что они отказались дать продовольствіе его отряду, и отказались болѣе потому, что сами терпѣли большой недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Маршалъ попался въ плѣнъ и былъ гильотинированъ 10 іюля 1794 года. Въ его приговорѣ упомянуто и о жестокостяхъ, совершонныхъ имъ надъ населеніемъ деревни Ванкъ.

Сынъ маршала и отецъ настоящаго герцога Брольи, Викторъ Брольи, обыкновенно считается дѣльнѣйшимъ изъ всѣхъ Брольи, прошедшихъ и настоящихъ. Враги Альбера Брольи, въ пику ему, зовутъ его отца „знаменитымъ", а его самого величаютъ „жалкой посредственностью". Намъ кажется, что эти господа несправедливы къ герцогу Альберу, который,

право, въ очень немногомъ уступаетъ своему отцу. Герцогъ Викторъ былъ человѣкъ рѣшительный, рѣзкій, даже жестокій, и, благодаря этимъ качествамъ, часто попадалъ въ просакъ. Герцогъ Альберъ не обладаетъ этими способностями, за то онъ пронырливъ, и потому его труднѣе обойти и провести. Герцогъ Викторъ былъ логичнѣе и разумнѣе своего сына, но Альберъ хитеръ. Мы увѣрены, что если-бы отецъ и сынъ Брольи явились соперниками на должность перваго министра, осторожные люди, навѣрное, предпочли-бы Альбера Виктору.

Писатели либеральной партіи возвеличили герцога Виктора Брольи и возвели его въ санъ великихъ государственныхъ людей. Нѣсколько лѣтъ продолжалось такое поклоненіе человѣку, неотличавшемуся во время своей политической карьеры ни замѣчательными способностями, ни административными талантами. Теперь даже многіе изъ панегиристовъ герцога Виктора съ изумленіемъ убѣждаются, что онъ былъ очень обыкновенный человѣкъ и далеко не способный министръ.

Несмотря на то, что національный конвентъ гильотинировалъ его отца, Викторъ Брольи предложилъ свои услуги Наполеону I Бонапарту, считавшемуся „воплощеніемъ новаго порядка, сыномъ революціи" и пр., — Наполеону I, который въ Ліонѣ и Тулонѣ показалъ, съ какой безцеремонностью онъ третируетъ роялистовъ. Викторъ Брольи чутьемъ угадалъ, что Наполеонъ вовсе не намѣренъ продолжать дѣло выдвинувшей его самого революціи; Викторъ Брольи поэтому искренно перешелъ на сторону Наполеона. Однакожь, послѣ отреченія Наполеона въ Фонтенебло, Брольи также искренно заявилъ о своей глубокой преданности Людовику XVIII. Онъ остался вѣрнымъ этому королю и во время ста дней, послѣдовавъ за нимъ въ изгнаніе въ Гентъ. Викторъ Брольи былъ настолько прозорливъ, что долженъ былъ понять, что, послѣ русской кампаніи и лейпцигскаго пораженія, Наполеону нѣтъ возможности снова подняться. Вотъ почему онъ и не забѣжалъ къ Наполеону, когда тотъ, оставивъ островъ Эльбу, высадился на берегахъ Франціи и побѣдоносно дошелъ до Парижа. Съ новымъ водсореніемъ Людовика XVIII Викторъ

Брольи получилъ снова всѣ свои титулы, а отчасти и состояніе, принадлежавшее прежде его фамиліи, и сдѣлался однимъ изъ самыхъ замѣтнѣйшихъ людей при новомъ дворѣ. Занимая при Наполеонѣ значительныя административныя должности, герцогъ Брольи могъ лучше, чѣмъ разные маркизы Караба и г-жи маркизы Претанталь, знать дѣйствительное положеніе страны и давать королю болѣе практичные совѣты.

Понимая, что строгіе роялисты не могутъ питать къ нему особеннаго довѣрія, какъ къ сановнику, игравшему видную роль въ администраціи „узурпатора" Наполеона I, герцогъ Брольи при всякомъ удобномъ случаѣ высказывалъ свои антипатіи къ партіи, присоединившейся къ Наполеону во время ста дней, и требовалъ строгихъ мѣръ противъ „измѣнниковъ, которые его возмущали". Однакожъ, 5 декабря 1815 года онъ одинъ изъ всѣхъ членовъ палаты пэровъ подалъ свой голосъ противъ осужденія на казнь маршала Нея. Въ этомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ съ такимъ-же тактомъ, какой въ наше время проявилъ Тьеръ въ отношеніи Рошфора. Викторъ Брольи не забылъ, что Ней былъ его товарищемъ по оружію; Тьеръ, уважая въ Рошфорѣ замѣтнаго писателя, хотя тотъ и нападалъ лично на него, щадилъ его и противился отправленію его въ Новую Каледонію; Тьеръ отлично понималъ, что Рошфоръ, при его слабой, деликатной организаціи, не выдержитъ этой ссылки. Подобнаго такта, какой имѣлъ его отецъ, и недостаетъ Альберу Брольи. Тщетно Викторъ Гюго писалъ къ нему, какъ къ академику, и просилъ его, во имя справедливости и гуманности, не отправлять Рошфора на вѣрную смерть въ страну, гдѣ у несчастныхъ ссыльныхъ развивается болѣзнь „тоска по родинѣ", быстро разрушающая организмъ. Тщетно замѣчательный поэтъ взывалъ къ литературнымъ воспоминаніямъ Альбера Брольи,— онъ остался непреклоненъ и отвѣтилъ, что „правосудіе должно быть одинаковымъ для всѣхъ и что высокое развитіе Ганри Рошфора только еще болѣе усиливаетъ его вину". Это-то отсутствіе такта въ Альберѣ Брольи нѣсколько оправдываетъ

панегиристовъ его отца, говорящихъ, что Альберъ слишкомъ мизеренъ по сравненiю съ Викторомъ.

Женитьба Виктора Брольи на Альбертинѣ Сталь много повлiяла на его дальнѣйшую политическую дѣятельность. Альбертина была дочерью извѣстной писательницы. Авторъ „Корины", дочь Неккера, какъ извѣстно, мечтала преобразовать Францiю въ буржуазное, либерально-конституцiонное государство. Альбертина была воспитана своей матерью въ этомъ-же направленiи и, въ политическихъ кружкахъ, слыла либералкой. Либеральная партiя радостно привѣтствовала союзъ герцога Брольи съ протестанткой, внучкой женевскаго банкира; ея любимымъ и желаннымъ идеаломъ всегда было тѣсное сближенiе высшей аристократiи съ высшей буржуазiей. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ своей женитьбы герцогъ Брольи быстро обратился къ либерализму.

Завидуя богатству и значенiю англiйской аристократiи, герцогъ Брольи захотѣлъ поднять до такой-же высоты и французское дворянство. Англiйская аристократiя раздѣляется на двѣ соперничествующiя партiи: виговъ и тори, либераловъ и консерваторовъ. Такiя-же партiи Брольи предполагалъ создать во французской палатѣ пэровъ. Онъ самъ сдѣлался предводителемъ партiи виговъ, весьма ничтожной численностью, какой она остается и до сихъ поръ. Герцогъ Викторъ отлично понималъ, что преданiя старой французской монархiи умерли и желанiе возстановить ихъ можетъ привести только къ революцiи. Разъ примирившись съ либерализмомъ, онъ явился въ палатѣ ревностнымъ защитникомъ индивидуальной свободы; онъ защищалъ свободу прессы; онъ возсталъ противъ лицемѣрнаго декрета, по наружности дарующаго амнистiю, но въ сущности ее отвергавшаго; онъ требовалъ полной и искренней амнистiи, безъ новыхъ ссылокъ и тюремныхъ заключенiй. Въ этомъ отношенiи герцогъ Альберъ (тоже французскiй вигъ, какъ онъ продолжаетъ себя величать) далеко не похожъ на своего отца; онъ твердитъ о свободѣ, но какъ только попадаетъ ему въ руки, на каждомъ шагу стѣсняетъ какъ личную свободу, такъ и свободу прессы.

По мѣрѣ того, какъ реставрація усиливала реакцію, росла слава герцога Виктора, какъ либерала, хотя вигизмъ его оставался неподвижнымъ, ни капли не прогрессировалъ. Въ это время герцогъ пріобрѣлъ громадную популярность, такъ-что на всѣхъ, кто попадалъ въ его салонъ, стали смотрѣть какъ на людей, достойныхъ зависти. О герцогѣ Брольи и о его друзьяхъ говорили, какъ о провозвѣстникахъ новой эры, съ наступленіемъ которой во Франціи водворятся счастіе и благополучіе. Вскорѣ эти господа достигли власти, которая перешла потомъ къ ихъ потомкамъ и послѣдователямъ, и такъ хорошо управляли и управляютъ страной, что Франція ждетъ не дождется, когда, наконецъ, освободится отъ ихъ мудраго управленія.

Англійскіе виги въ свою пользу произвели революцію, свергнувъ бѣднаго фанатика средневѣковой монархіи Якова II и замѣнивъ его Вильгельмомъ Оранскимъ, безпрекословно принявшимъ предложенныя ими условія. Французскіе виги порѣшили, что все неустройство во Франціи происходитъ именно отъ того, что старшая бурбонская линія не понимаетъ дѣйствительныхъ нуждъ и потребностей страны; слѣдовательно, если замѣстить ее младшей линіей, воспитанной въ идеяхъ буржуазнаго доктринерства, все пойдетъ, какъ по маслу. Карлъ X, французскій король, представлялъ собой Іакова II англійскаго, а въ лицѣ Люи-Филиппа, герцога Орлеанскаго, являлся новый Вильгельмъ Оранскій. Перемѣняя династію, доктринеры, впрочемъ, вовсе не желали внести какіе-нибудь новые принципы въ управленіе: все должно было оставаться по-старому, только они кое-что подштопали, кое-что починили; къ старому дереву они привили молодую вѣтку; привитая вѣтка зацвѣла и дала плодъ, который въ теченіи 18 лѣтъ бухнулъ, увеличивался въ размѣрѣ; наружность его была довольно красивая и казалась здоровой, но вдругъ оказалось, что внутренность его гнилая. Огромная груша, внутри вся проточенная гнилью, служила эмблемой іюльской монархіи и была воспроизведена въ тысячахъ каррикатуръ.

Викторъ Брольи, конечно, занялъ самое видное мѣсто въ

новомъ правительствѣ. Главнѣйшіе представители правительства, Гизо, Тьеръ, Дюпенъ, Дюшатель, даже самъ Молэ были только его агентами. Герцогъ Викторъ руководилъ всѣмъ, безъ его совѣта ничто не дѣлалось. Викторъ Брольи былъ слишкомъ большой вельможа, чтобы очень долго занимать мѣсто перваго министра. Онъ уступалъ его другимъ, но самъ постоянно оставался душою всѣхъ правительственныхъ мѣропріятій; за нимъ всегда было рѣшительное слово въ важныхъ обстоятельствахъ. Ему нужна была сущность власти, а не форма, тѣмъ болѣе, что, нося званіе президента совѣта министровъ, онъ подвергался журнальной критикѣ и нападеніямъ ораторовъ оппозиціи, что ему было далеко не понутру. При своей горячности, которая съ каждымъ годомъ усиливалась, онъ сдѣлался, наконецъ, невозможнымъ, какъ министръ. Разъ выведенный изъ себя возраженіями, которыя дѣлали его проекту въ палатѣ, онъ вскочилъ, какъ ужаленный, и, давъ нѣсколько краткихъ, ничего не объясняющихъ поясненій, задыхающимся отъ гнѣва голосомъ, оскорбленнымъ тономъ сказалъ: „Развѣ не ясно?" чѣмъ вызвалъ негодующій протестъ палаты. На другой день онъ подалъ въ отставку.

По этому случаю герцогъ Альтонъ Шэ, много видѣвшій и слышавшій впродолженіи своей жизни, разсказываетъ слѣдующій поучительный анекдотъ:

„Прошло часъ или два послѣ того, какъ Викторъ Брольи получилъ отставку. Въ его домѣ приготовлялись къ переѣзду на другую квартиру. Дочь его, Луиза, впослѣдствіи г-жа Оссонвиль, застала своего маленькаго брата Альбера въ гостинной, занятаго интереснымъ дѣломъ: перочиннымъ ножичкомъ онъ строгалъ мебель. Взрослая сестра упрекнула его за такую странную шалость, которой онъ предавался, однакожъ со страстью. „Зачѣмъ-же намъ заботиться объ этой мебели: вѣдь мы вышли изъ министерства" (Мебель была казенная). Въ этомъ отвѣтѣ, данномъ въ возрастѣ, который слыветъ нѣжнымъ, выразился весь Альберъ Брольи. Уже въ то время обнаружился его завистливый, эгоистичный, мстительный и

жестокій характеръ. А въ то время онъ былъ еще совсѣмъ маленькій мальчикъ!"

Гамель разсказываетъ также очень интересное событіе изъ жизни Альбера Брольи, относящееся къ тому времени, когда онъ сидѣлъ на школьной скамьѣ.

„Наслѣдникъ герцогскаго титула, Брольи воспитывался въ бурбонской коллегіи, говоритъ Гамель.—Въ числѣ его товарищей былъ сынъ торговца бакалейнымъ товаромъ, ставшій впослѣдствіи весьма замѣчательнымъ человѣкомъ. Сынъ торговца опередилъ въ ученьи сына герцога и получилъ награду, на которую тотъ разсчитывалъ. Взбѣшенный внукъ г-жи Сталь, имѣвшій несравненно менѣе ума, чѣмъ его бабушка, пробормоталъ сквозь зубы: „продавецъ свѣчъ!" Эту выходку, произнесенную презрительнымъ тономъ, услышалъ юный побѣдитель на конкурсѣ и закатилъ будущему министру самую полновѣсную плюху.

„Альберъ Брольи остался тѣмъ-же на скамьяхъ національнаго собранія, какимъ онъ былъ на школьной скамьѣ. Онъ изъ тѣхъ людей, которые воображаютъ, что они явились на свѣтъ для того, чтобы пользоваться всѣми общественными выгодами и не нести за то никакихъ обязанностей. Онъ не можетъ переварить мысли, что сыновья торговцевъ бакалейнымъ товаромъ, адвокатовъ или лавочниковъ, продающихъ сукно, способны управлять Франціей не хуже герцоговъ. Этимъ объясняются его гнѣвныя выходки. Въ его возраженіяхъ въ палатѣ вѣчно слышится его знаменитая фраза „продавецъ свѣчъ!"

Однакожь, надо полагать, что Альберъ Брольи вынесъ коечто изъ школы, потому что въ 1848 году, когда ему еще не кончилось 27 лѣтъ, онъ напечаталъ свою первую статью въ „Revue des Deux Mondes".

Друзья герцога Альбера постоянно выставляютъ, какъ признакъ его талантливости, то обстоятельство, что его первая статья появилась въ журналѣ, редакція котораго отличается строгимъ выборомъ статей. Но Бюлозъ, редакторъ „Revue des Deux Mondes" строгъ съ разборомъ. Онъ одержимъ сла-

бостью къ герцогамъ и потому снисходительно посмотрѣлъ на статью молодого Брольи; онъ былъ увѣренъ, что статья прошла редакцію Брольи-отца, котораго недаромъ называли „ужаснымъ савояромъ". Это предположеніе Бюлоза въ то время раздѣляли всѣ друзья герцога Брольи.

Статья герцога Альбера относилась критически къ иностранной политикѣ, которой слѣдовали министры второй французской республики — Ламартинъ и Бастидъ. Герцогъ старался разбить ихъ на всѣхъ пунктахъ. Мы, конечно, не намѣрены защищать этихъ министровъ, надѣлавшихъ не мало ошибокъ, но не можемъ не сказать, что доводы герцога Брольи были крайне неубѣдительны и вообще статья оказывается весьма плохой. Теперь достовѣрно извѣстно, что герцогъ Викторъ не принималъ никакого участія въ составленіи этой статьи.

Если сравнить послѣднее произведеніе Альбера Брольи, написанное имъ 25 лѣтъ спустя послѣ этой попытки, нельзя не убѣдиться, что онъ ни на шагъ не подвинулся впередъ: онъ такъ-же тяжелъ, такъ-же вульгарно изысканъ, такъ-же скученъ, какъ и въ своей первой статьѣ. На всѣхъ его литературныхъ трудахъ лежитъ печать посредственности и отсутствія развитаго вкуса. Геніи, люди оригинальные, люди съ большимъ умомъ или сильнымъ характеромъ всегда имѣютъ долгое дѣтство; въ ихъ жизни много различныхъ переходовъ. Но герцогъ Альберъ съ самаго дня рожденія высмотрѣлъ такимъ, какимъ мы знаемъ его теперь, имѣющаго уже 54 года отъ роду. Съ самаго перваго своего шага на литературномъ поприщѣ онъ сталъ на уровень самыхъ заурядныхъ изъ французскихъ академиковъ и ни на іоту не возвысился надъ этимъ уровнемъ.

Герцогъ Альберъ въ своемъ писательскомъ рвеніи нашелъ, что ему мало одного журнала г. Бюлоза и сталъ помѣщать свои статьи въ „Correspondant"—органѣ либеральныхъ іезуитовъ. Здѣсь онъ проповѣдывалъ свои конституціонныя идеи и сильно нападалъ на абсолютизмъ и демократію, въ особенности на послѣднюю. Онъ объявлялъ себя послѣдователемъ

Монталамбера и Лакордера, хотя въ сущности рабски слѣдовалъ идеямъ Фаллу. Въ своихъ статьяхъ онъ часто касался теологическихъ вопросовъ; онъ хвастался своими теологическими знаніями и скорбѣлъ объ одномъ, что въ его фамиліи, давшей Франціи трехъ маршаловъ, не было ни одного кардинала или архіепископа. Его младшій братъ, Поль, служившій лейтенантомъ на военномъ кораблѣ, вѣроятно, желая пополнить этотъ пробѣлъ, поступилъ въ одинъ изъ монашескихъ орденовъ.

Самъ-же Альберъ, не надѣвая монашескаго платья и оставаясь либераломъ, сдѣлался рьянымъ іезуитомъ. Во Франціи это не исключительный случай. Многіе изъ представителей знатныхъ фамилій, принадлежа къ либеральной партіи, обращаются въ ревностныхъ іезуитовъ. Такой либеральный іезуитъ отличается отъ ультрамонтана тѣмъ, что онъ болѣе хитеръ, болѣе лицемѣренъ и болѣе утонченъ; онъ, по наружности, менѣе фанатиченъ, чѣмъ ультрамонтанъ, но опаснѣе его. Извѣстно, что іезуита считаютъ опаснѣе ультрамонтана, но либеральный католикъ несравненно опаснѣе іезуита. „Для достиженія цѣли дозволительны всякія средства“, говорятъ іезуиты, и иногда останавливаются, если средство покажется имъ слишкомъ недостойнымъ. Либеральные католики, признавая афоризмъ, дѣйствуютъ послѣдовательнѣе: ихъ не остановитъ никакое средство.

Различіе въ этомъ отношеніи между французскими іезуитами и либеральными католиками особенно ярко обнаружилось въ дѣлѣ сліянія монархическихъ партій съ цѣлью возведенія на французскій престолъ графа Шамбора.

Монархическія партіи во Франціи главнымъ образомъ раздѣлялись по вопросу о знамени, какое должна принять монархія. Либералы стояли за трехцвѣтное знамя, принятое революціей 1789 года; легитимисты за бѣлое, символъ стараго порядка. Послѣ долгихъ препирательствъ обѣ партіи убѣдились, что имъ необходимо согласиться по этому вопросу, такъ какъ только въ такомъ случаѣ они станутъ большинствомъ въ палатѣ и тогда будутъ въ состояніи возстановить монар-

хію. Для выполненія плана орлеанисты уговорили графа Парижскаго отправиться на поклоненіе въ Фросдорфъ и торжественно признать бѣлое знамя. Герцогъ Парижскій отрекся отъ прошлаго Орлеанской фамиліи, и былъ признанъ наслѣдникомъ будущаго короля Генриха V. Извѣстіе объ этомъ взволновало всю Францію; во всѣхъ провинціяхъ одинаково было выражено нежеланіе народа возвратиться къ старому порядку. Руководители интригой увидѣли, что имъ невозможно навязать Франціи монархію съ бѣлымъ знаменемъ и что имъ остается теперь сдѣлать попытку ввести парламентарную и конституціонную монархію. Тотчасъ-же была снаряжена депутація къ графу Шамбору изъ Сюньи, Дювиньо, Брюно и Шенелона, которая должна была уговорить короля для вида согласиться на конституціонную хартію, на трехцвѣтное знамя и пр. „Лишь-бы только получить тронъ, а тамъ никто не мѣшàетъ повести дѣло по своему“, твердилъ Шенелонъ, и ему вторила пресса, руководимая либеральными католиками.

Всѣмъ этимъ дѣломъ заправляли монсеньеръ Дюпанлу, Фаллу, герцогъ Брольи и другіе либеральные католики, парламентаристы, конституціонисты; ихъ поддерживали либеральные органы прессы, какъ „Correspondant“, „Le Français“ и другіе. И кто-же торжественно высказался противъ ихъ пропаганды обмана, противъ ихъ лицемѣрія? Іезуиты, газета „Univers“, редижируемая Люи Вельо, котораго мы должны на этотъ разъ похвалить, назвать его поступокъ честнымъ. Вельо — защитникъ попранной честности и справедливости! Но подобный казусъ могъ случиться только при такомъ положеніи общества, когда перемѣшались всѣ понятія, когда преобладаетъ моральный безпорядокъ и царитъ совершенная неурядица! Самъ графъ Шамборъ протестовалъ противъ интриги, веденной въ его пользу. Протестовалъ и святѣйшій отецъ папа. „Католическая пресса, пишутъ въ его органѣ „Osservatore Romano“,—постоянно доказывала, что политическая партія, именующая себя „либеральными католиками“, такое-же дрянное, такое-же испорченное растеніе, какъ самъ либерализмъ,—она даже хуже его, потому что либерализмъ,

по крайней мѣрѣ, чистъ отъ религіознаго лицемѣрія. Къ фактамъ, выставленнымъ нами въ подтвержденіе нашего мнѣнія, слѣдуетъ прибавить послѣднія дѣйствія либеральныхъ католиковъ во Франціи. Мы считаемъ себя вправѣ рѣшительно заявить, что, по нашему мнѣнію, либеральные католики болѣе пагубны и опасны для общества, чѣмъ самые яростные демагоги, потому что демагоги съ грубой и наглой искренностью заявляютъ о своихъ планахъ и, тѣмъ указывая силу опасности, даютъ возможность употребить противъ нихъ подходящее лекарство; между тѣмъ либеральные католики, притворяясь людьми вполнѣ благонамѣренными, дѣйствуютъ коварно, идутъ къ цѣли кривыми путями и ловко вводятъ въ заблужденіе относительно своихъ настоящихъ дѣйствій, которыя оказываются опасными уже тогда, когда достигнуты результаты и не представляется возможности принять противъ нихъ своевременныя мѣры..." Далѣе „Osservatore" говоритъ, что „если во Франціи не удалось возстановить законной монархіи, то это случилось потому, что дѣломъ руководили либеральные католики..." Римская газета говоритъ, что „достойны полнаго презрѣнія эти люди, выше всего ставящіе свой узкій эгоизмъ и корыстныя цѣли", для которыхъ „политика есть только средство удовлетворенія собственнаго честолюбія" и которые „на общественныхъ несчастіяхъ и всеобщемъ раззореніи основываютъ собственное благосостояніе". Газета оканчиваетъ свой протестъ рѣшительнымъ заявленіемъ, что партія либеральныхъ католиковъ характеризуется „безтолковымъ смѣшеніемъ недомыслія съ высокомѣріемъ" и что отъ нея „вскорѣ останется только самое унизительное воспоминаніе..."

Слѣдовательно, сами ультрамонтане, сами іезуиты поспѣшили заявить, что они не имѣли ничего общаго съ либеральными католиками, на свой страхъ ведшими интригу, основанную на обманѣ и предательствѣ. По этому можно судить, каковы средства, къ которымъ рѣшились прибѣгнуть эти господа, если отъ нихъ съ ужасомъ отворачиваются сами іезуиты!

II.

Герцогъ Альберъ всегда давалъ своимъ произведеніямъ громкія заглавія—конечно, съ цѣлью придать имъ болѣе значенія: „Папское владычество и свобода", „Свобода божественная и человѣческая", „Вопросы религіи и исторіи" и т. п. Его важнѣйшими трудами были: „Церковь и римская имперія въ IV столѣтіи", „Юліанъ отступникъ" и „Феодосій великій", — важнѣйшими не по литературнымъ достоинствамъ или полезности, а по количеству печатныхъ листовъ.

„Хотя-бы случайно блеснулъ какой-нибудь свѣтлый лучъ или появилась какая-нибудь оригинальная мысль въ этой массѣ страницъ, написанныхъ г. Брольи, говоритъ одинъ изъ его критиковъ. — Насъ изумляетъ необычайное терпѣніе автора, который продолжаетъ писать, хотя для него самого очевидно, что онъ не возвышается надъ уровнемъ посредственности".

Во всѣхъ снотворныхъ произведеніяхъ герцога Альбера проводится та идея, что „своимъ прогрессомъ человѣчество обязано католической религіи, которая всегда защищала либеральныя идеи". По его мнѣнію, произведенія средневѣковыхъ схоластиковъ принесли дѣлу прогресса несравненно болѣе пользы, чѣмъ открытія Галилея, Коперника, Кеплера, Ньютона, чѣмъ труды Декарта, Бэкона и др. „Католицизмъ всегда отличался великодушіемъ и либерализмомъ", постоянно твердитъ Альберъ Брольи, находя, вѣроятно, великодушіе и въ такихъ дѣйствіяхъ католицизма, какъ истребленіе альбигойцевъ, мавровъ, евреевъ, убійства во время варфоломеевской ночи, истязанія жертвъ инквизиціи, драгонады. Великодушіе и либерализмъ католицизма торжественно выражаются въ современномъ жалкомъ состояніи Испаніи, Ирландіи и нѣкоторыхъ провинцій Франціи. Либерализмъ католицизма проявлялся, вѣроятно, и въ безумномъ истребленіи перловъ искуства („христіанскому глазу неприлично смотрѣть

ца нагія статуи", говорили монахи), въ сожженіи библіотекъ! Но Альберъ Брольи недаромъ іезуитъ, онъ за словомъ въ карманъ не полѣзетъ и всегда отыщетъ подходящее оправданіе. „Если нѣкоторые высшіе представители католицизма, говоритъ онъ,—вынуждены были разрѣшить истребленіе еретиковъ, то они дѣлали это для спасенія общества отъ зла". Какъ не сказать послѣ этого, что Альберъ Брольи достойный столпъ либерализма, имя котораго должно гремѣть въ обоихъ полушаріяхъ!

Другъ іезуитовъ, человѣкъ, проявляющій католическій либерализмъ, всегда можетъ разсчитывать на кресло во французской академіи. Альберу Брольи захотѣлось попасть туда и онъ былъ избранъ огромнымъ большинствомъ на мѣсто достопочтеннаго отца Лакордера. Но будемъ справедливы. Альберъ Брольи, уже по количеству написанныхъ имъ произведеній, все-таки болѣе имѣлъ правъ на кресло въ академіи, чѣмъ его зять, герцогъ Оссонвиль, и даже самъ герцогъ Омальскій, которые такъ-же, какъ и онъ, засѣдали и засѣдаютъ въ академіи.

Но возвратимся къ политикѣ. Мы оставили герцога Альбера сотрудникомъ „Correspondant" и „Revue des Deux Mondes", пишущимъ статьи противъ республики и демократіи. Затѣмъ онъ сдѣлался членомъ реакціонернаго клуба улицы Пуатье. Послѣ государственнаго переворота онъ присоединился къ академической оппозиціи противъ императора Напол она III. Салоны обоихъ Брольи, отца и сына, такъ-же, какъ и герцога Оссонвиля, стали центромъ глухой, ожесточенной, мстительной оппозиціи. Изъ ихъ салоновъ выходила масса эпиграмъ, направленныхъ противъ императрицы и новаго двора. Старая аристократія, отказавшаяся примириться съ новымъ правительствомъ, дѣлала все возможное для распространенія этихъ эпиграмъ. Либерализмъ герцога Виктора, почти замолкнувшій-было во время іюльской монархіи, снова воспрянулъ и на словахъ сталъ проявляться такъ-же энергически, какъ и до тридцатаго года. Забывая, что самъ-же онъ, Викторъ Брольи, въ 1834 году ограничилъ право ассоціаціи, онъ гре-

мѣлъ теперь въ пользу расширенія этого права; онъ явился горячимъ защитникомъ свободы прессы, хотя самъ принималъ участіе въ сентябрскихъ законахъ. Онъ краснорѣчиво защищалъ судъ присяжныхъ, вѣротерпимость, право публичныхъ преній и прослылъ львомъ либерализма. Всѣ его оппозиціонныя выходки повторялись въ орлеанистскихъ салонахъ и быстро разносились по всему городу,—впрочемъ, безъ особыхъ послѣдствій для герцога Виктора. Онъ снова пріобрѣлъ громадную популярность не только въ буржуазныхъ кружкахъ, но и во всѣхъ слояхъ общества, послѣ неловкаго поступка наполеоновской полиціи, которая была на-столько наивна, что сдѣлала обыскъ въ домѣ герцога и конфисковала его весьма невинную книгу „Vue sur le gouvernement representatif". Полиція держала у себя эту книгу два года, и когда всѣ комиссары ознакомились съ ея содержаніемъ, возвратила ее автору. Возвращеніе, конечно, было еще наивнѣе, чѣмъ самая конфискація. Арестомъ этой книги правительство сильно подняло значеніе герцога Виктора. О книгѣ стали говорить, какъ о замѣчательномъ произведеніи, хотя она была крайне посредственна. Полиція могла-бы еще исправить свою оплошность, разославъ книгу во всѣ муниципальныя библіотеки, но она этого не сдѣлала, а герцогъ Викторъ, лучше полиціи понимавшій дѣйствительное значеніе своего произведенія, получивъ его обратно, поспѣшилъ запереть его въ кладовую и уже не выпускалъ въ свѣтъ.

Несмотря на ненависть къ второй имперіи, герцогъ Альберъ далъ клятву вѣрности императору и конституціи. Онъ разсчитывалъ попасть депутатомъ въ палату и войти въ министерство, конечно, съ цѣлью свергнуть существовавшее правительство (впослѣдствіи онъ принялъ отъ Тьера постъ посланника и тотчасъ-же сталъ вести интригу противъ Тьера, окончившуюся пораженіемъ послѣдняго). Однакожъ, или условія были неудобны для которой-нибудь изъ сторонъ, или-же правительство второй имперіи только заигрывало съ герцогомъ Альберомъ, вовсе не думая сходиться съ нимъ серьезно, но только Брольи не попалъ ни въ палату, ни въ министер-

ство. Эта случайность спасла его отъ непопулярности и ей онъ обязанъ, что ему удалось наконецъ попасть въ министры; но тутъ-то и оказалось, что онъ самый заурядный человѣкъ, неспособный понимать смысла событій.

Но хотя Альберъ Брольи не занялъ мѣста въ администраціи второй имперіи, его вліяніе все-таки было сильно. Наполеоновская администрація слѣдовала тому правилу, что съ людьми богатыми и представителями знатныхъ фамилій надобно обходиться предупредительно и, по мѣрѣ возможности, обязывать ихъ. Къ тому-же офиціальныя изслѣдованія, сдѣланныя правительствами 4-го сентября и Тьера, показали, что многіе изъ администраторовъ второй имперіи охотно брали взятки и мало обращали вниманія на законъ и справедливость. Вліяніе Альбера Брольи на наполеоновскую администрацію лучше всего обнаруживается въ извѣстномъ дѣлѣ Тэла. Воспитатель дѣтей Альбера Брольи (въ то время еще князя), Тэла, влюбился въ княгиню, ихъ мать. Княгиня на его признаніе не отвѣчала съ тою строгостью, которая-бы могла заставить Тэла отказаться отъ надежды, что предметъ его страсти раздѣлитъ его любовь. Тэла продолжалъ настаивать. Объ этомъ узналъ мужъ. Нисколько не походя на рыцаря, онъ не вызвалъ Тэла на дуэль, а отомстилъ ему самымъ жестокимъ образомъ. Онъ обратился къ врачу и полиціи, и вскорѣ несчастный наставникъ былъ отвезенъ въ Шарантонъ и посаженъ въ отдѣленіе помѣшанныхъ. Сколько онъ ни протестовалъ, ему твердили одно, что начальство знаетъ, что оно дѣлаетъ и что князь Брольи внесъ на его содержаніе всю сумму, какая полагается по закону. Понятно, что послѣ такого отвѣта несчастный приходилъ въ бѣшенство; его запирали и подвергали дѣйствію холодныхъ душей. Такое рѣшительное средство, разумѣется, достигало цѣли: протестующій смирялся и ложился въ постель. Много долгихъ, мучительныхъ дней провелъ несчастный въ своемъ заключеніи; его выпустили, наконецъ, когда онъ совсѣмъ ослабѣлъ и упалъ духомъ. Онъ сейчасъ-же началъ процессъ противъ князя Брольи, требуя уплаты 100,000 франковъ за насиль-

ственное заключеніе. Но ему отказали въ искѣ, такъ-какъ судъ нашелъ, что „за оскорбленіе публичной нравственности, за отсутствіе уваженія къ женщинѣ онъ былъ справедливо наказанъ тюремнымъ заключеніемъ“. О томъ-же, что несчастнаго засадили въ домъ для умалишенныхъ, судъ не нашелъ даже нужнымъ упоминать. Такіе возмутительные факты легко сходили съ рукъ во время второй имперіи. Припомните дѣло Сандона, котораго министръ Бильо изъ мести продержалъ нѣсколько лѣтъ въ сумасшедшемъ домѣ.

Тэла не велъ дѣла далѣе; какимъ путемъ оно было потушено — неизвѣстно. Газеты очень мало говорили объ этомъ дѣлѣ изъ опасенія подвергнуться непріятностямъ, такъ-какъ въ то время нетрудно было каждое невинное замѣчаніе признать за оскорбленіе, за нарушеніе закона, ограждающаго частную жизнь гражданъ. А затѣмъ судъ, блистательная рѣчь прокурора и присужденіе къ тюремному заключенію или значительному штрафу...

III.

Въ воздухѣ чувствовалось, что господству второй имперіи приходитъ конецъ. Бонапартизмъ одряхлѣлъ, силы его истощились. Внутри страны съ каждымъ днемъ усиливалась оппозиція. Выборъ въ палату нѣскольких „непримиримыхъ“ напугалъ тюльерійскій дворъ. Императоръ рѣшился сдѣлать опытъ либеральной имперіи. Тогда представилось зрѣлище неожиданное, но весьма характеристичное: весь главный штабъ аристократическаго и буржуазнаго либерализма подалъ руку второй имперіи и вступилъ въ ея ряды, — конечно, не безъ задней мысли захватить въ свои руки и власть, и бюджетъ. Всѣ эти господа, втеченіи двадцати лѣтъ будировавшіе вторую имперію, составлявшіе противъ нея тайные, — впрочемъ, безвредные, — заговоры, издѣвавшіеся надъ ней, проклинавшіе ее, сдѣлались внезапно ея хвалителями и льстецами, выказы-

вали ей самую предупредительную любезность. Трудно было разобрать: вторая-ли имперія вдругъ стала либеральной или-же либералы мгновенно превратились въ имперіалистовъ. И до сихъ поръ никто не рѣшилъ этого мудренаго вопроса. Во главѣ батальона либераловъ, присоединившихся ко второй имперіи, парадировала медленно, торжественно, тяжело статуя командора—великій вождь либерализма, мраморный человѣкъ, герцогъ Викторъ Брольи на своемъ бронзовомъ конѣ. За нимъ выступалъ знаменосецъ либеральнаго католицизма, князь Альберъ Брольи. Далѣе слѣдовали герцогъ Оссонвиль, дѣловой человѣкъ орлеанистской партіи; Одилонъ Барро, съ своимъ могучимъ животомъ; добродѣтельный Лабулэ, съ полученной въ подарокъ чернильницей; Прево-Парадоль, молодой и блестящій секретарь старыхъ партій, и многіе другіе... Эмиль Оливье, присовокупившій ихъ ко второй имперіи, дѣлалъ имъ смотръ. Къ несчастію, императоръ, императрица, вице императоръ Руэръ, Касаньякъ и Жеромъ Давидъ почувствовали страхъ, что вторая имперія можетъ сдѣлаться дѣйствительно либеральной. Чтобы избѣжать такой печальной необходимости, они рѣшились рискнуть на войну съ Германіей. Узнавъ объ этомъ рѣшеніи, присоединившіеся либералы показали видъ, что они не понимаютъ коварства своихъ новыхъ союзниковъ. Одинъ Прево-Парадоль искренно раскаялся въ своемъ заблужденіи и, сознавая свою вину, пустилъ себѣ пулю въ лобъ. Окончилась пагубная для Франціи война потерей двухъ провинцій и штрафомъ въ пять милліардовъ. Но она послужила для устройства карьеры Альбера Брольи. Тьеръ, сдѣлавшись главой правительства, назначилъ его посланникомъ въ Лондонъ съ жалованьемъ въ 300,000 франковъ.

Никто, можетъ быть, не оказывалъ такой преданности Тьеру, какъ Альберъ Брольи. Высказывая свое удивленіе къ дѣятельности главы исполнительной власти, герцогъ Брольи въ то-же самое время подкапывался подъ него и организовалъ интригу, результатомъ которой было паденіе Тьера. Слѣдуетъ-ли обвинять его въ коварствѣ, измѣнѣ и неблагодарности? Намъ кажется, что такое обвиненіе будетъ неспра-

ведливо. Виноватъ не Брольи, а Тьеръ. И въ самомъ дѣлѣ, Тьеръ былъ слишкомъ опытный государственный человѣкъ, онъ отлично зналъ и понималъ герцога Альбера Брольи. Кто-же толкалъ его броситься въ объятія человѣка, котораго онъ не уважалъ и зналъ за коварнаго лицемѣра? Кто заставлялъ его искать поддержки въ партіи, враждебной республикѣ, когда онъ считалъ республику единственной формой правленія, при которой можно примирить враждующія партіи и успокоить страну? Кто мѣшалъ Тьеру распустить палату, избранную съ спеціальной цѣлью заключенія мира? Для распущенія ея ему не нужно было прибѣгать къ государственному перевороту: онъ имѣлъ законное право издать декретъ о распущеніи палаты и никто не осмѣлился-бы въ то время ослушаться этого распоряженія. Непонятно, почему Тьеръ не рѣшился не этотъ шагъ тотчасъ-же по заключеніи мира. Если онъ боялся водворенія радикальной республики, то страхъ его былъ призраченъ, какъ показываютъ событія, совершившіяся во Франціи въ послѣдніе три года. Кто знаетъ, распусти Тьеръ палату, можетъ быть, не случилось-бы парижскаго возмущенія, не было-бы братоубійственной войны...

Альберъ Брольи первый подалъ знакъ къ неповиновенію главѣ государства. Послѣ усмиренія Парижа монархическія партіи разсчитывали, что Тьеръ немедленно совершитъ монархическую реставрацію. Но онъ крѣпко усѣлся на своемъ президентскомъ креслѣ и не имѣлъ охоты оставлять его. Напротивъ, онъ добился принятія конституціи Риве, которая утверждала за нимъ власть на неопредѣленное время. Правая сторона палаты вознегодовала, но Тьеръ въ то время былъ такъ силенъ, что она не рѣшилась нападать прямо на него, и направила свои удары противъ тѣхъ министровъ, которыхъ она считала республиканцами, намѣреваясь замѣнить ихъ людьми своей партіи. Но Тьеръ взялъ на себя защиту своихъ министровъ, точно исполнявшихъ его приказанія. Правая сторона напомнила ему изобрѣтенную имъ фразу, что „король долженъ царствовать, а не управлять“, и обвинила его въ измѣнѣ прежнимъ убѣжденіямъ, такъ-какъ онъ самъ вмѣстѣ

и царствовалъ, и управлялъ; онъ покрывалъ своихъ министровъ, а не министры прикрывали его своей отвѣтственностью.

Брольи, посланникъ республики въ Лондонѣ, не замедлилъ начать интригу противъ правительства, отъ котораго имѣлъ кредитивныя граматы. Онъ такъ явно интриговалъ, что своими дѣйствіями произвелъ скандалъ. Въ палатѣ вотировалось предложеніе, отъ котораго зависѣло существованіе кабинета. Брольи ходилъ по скамьямъ центра, уговаривая всѣхъ подать голосъ противъ Дюфора. На этотъ разъ побѣдило правительство. Но Тьеръ выказалъ слабость: онъ не рѣшился дать отставку мятежному посланнику, и Брольи, по всей вѣроятности, возвратился-бы въ Лондонъ, если-бъ ему не пришла охота самому подать въ отставку. Впрочемъ, его принудило къ этому рѣшительное негодованіе, выраженное общественнымъ мнѣніемъ.

Началась борьба Тьера съ правой стороной національнаго собранія, предводителемъ которой былъ Альберъ Брольи. Въ началѣ этой борьбы всѣ преимущества были на сторонѣ Тьера. Но когда Тьеръ, увѣренный въ своей побѣдѣ, въ ноябрѣ 1872 года обратился къ палатѣ съ своимъ знаменитымъ посланіемъ, въ которомъ требовалъ окончательнаго провозглашенія республики, гнѣвъ и негодованіе правой, орлеанистской и крайней правой, легитимистской, сторонъ перешли всякіе предѣлы. Страна, напротивъ, съ радостью встрѣтила это посланіе, предполагая, что, наконецъ, окончится тягостное временное положеніе. Когда стало извѣстно, что правая сторона намѣрена употребить всѣ усилія, чтобы воспротивиться прекращенію временного положенія, всѣ сочувствующіе предложенію Тьера надѣялись, что Тьеръ, вооруженный широкими полномочіями, какія ему давала конституція Риве, распустить палату и обратится съ воззваніемъ къ странѣ о новыхъ выборахъ и объ утвержденіи его власти всеобщимъ голосованіемъ. Народныя массы, навѣрное, съ энтузіазмомъ приняли-бы предложеніе Тьера, но... онъ не рѣшился.

Вмѣсто этого его министерство заявило, что оно предста-

вить на утвержденіе палаты проектъ новой конституціи. Проектъ былъ представленъ и палата передала его на разсмотрѣніе коммиссіи тридцати. Предсѣдателемъ этой коммиссіи былъ избранъ герцогъ Альберъ Брольи. Уже въ первый день преній въ комиссіи обнаружилось, что на ея рѣшенія оказываютъ рѣшительное вліяніе отцы іезуиты и вообще клерикальная партія. Комиссія начала прямымъ нападеніемъ на Тьера, но онъ все еще не вѣрилъ, что она рискнетъ на рѣшительный шагъ, и говорилъ своимъ друзьямъ: „я имъ готовлю ударъ, какого они не ожидаютъ".

Между тѣмъ, когда наступилъ рѣшительный день, правая сторона была вполнѣ готова къ бою и такъ приняла Тьера, что онъ нашелся вынужденнымъ предложить вопросъ о довѣріи и, если не выскажутъ его, подать въ отставку. Тьеръ не былъ въ палатѣ во время вота. „Большинство превысило всего на 14 голосовъ", сказалъ ему Бартелеми Сент-Илеръ, возвратясь изъ засѣданія палаты.—„Я и на такое не разсчитывалъ", замѣтилъ Тьеръ.—„Увы! большинство не за насъ, а противъ насъ", отвѣтилъ Сент-Илеръ.

Тьеръ подалъ въ отставку. Герцогъ Альберъ сдѣлался вице-президентомъ совѣта министровъ. Онъ побѣдилъ и власть перешла къ такъ-называемой партіи герцоговъ.

Иные люди нравственно возвышаются вмѣстѣ съ возвышеніемъ ихъ положенія и всегда стоятъ на высотѣ своего положенія. Герцогъ Брольи не изъ такихъ людей. Его всепожирающее честолюбіе побуждаетъ его лѣзть вверхъ по соціальной лѣстницѣ, но онъ всегда стоялъ и будетъ стоять ниже положенія. Нельзя сказать, что герцогъ Альберъ лишенъ ораторскихъ способностей. Пока онъ былъ просто депутатомъ, его рѣчи отличались изворотливостью, иногда остроуміемъ; онъ говорилъ легко, хорошимъ языкомъ и довольно внушительно. Но сдѣлавшись министромъ, онъ, повидимому, лишился своихъ ораторскихъ способностей. Мы находимъ въ „Temps" слѣдующую оцѣнку его первой рѣчи:

„Рѣчь г. Брольи произвела странное впечатлѣніе на собраніе. Вице-президентъ совѣта министровъ долженъ былъ

отвѣтить на внесенные въ палату запросы. Въ его распоряженіи было цѣлыхъ восемь дней, и, однакожь, онъ не успѣлъ приготовиться. Кому приходилось прежде слышать рѣчи г. Брольи, тотъ знаетъ, что если въ нихъ и не замѣчалось слишкомъ яркаго ораторскаго таланта, то все-же онѣ отличались академической отдѣлкой, и онъ говорилъ плавно, безъ запинки. Но рѣчь его, сказанная во вчерашнемъ засѣданіи, не отличалась ни однимъ изъ этихъ качествъ. Ораторъ, кажется, предпочелъ импровизировать рѣчь, и она вышла вполнѣ неудачной. Съ первыхъ-же словъ его оставила увѣренность въ себѣ, онъ сталъ запинаться, бормотать себѣ подъ носъ и даже заикаться. Въ палатѣ было очень тихо и, однакожь, многихъ словъ изъ министерской рѣчи не было слышно. Явилось предположеніе, что, можетъ быть, министръ оробѣлъ и потому говоритъ такъ тихо, но чѣмъ дольше говорилъ онъ, тѣмъ голосъ его все болѣе и болѣе понижался. Наконецъ, для довершенія дурного впечатлѣнія, онъ сошелъ съ трибуны въ то время, когда всѣ полагали, что онъ только-что началъ настоящую рѣчь. Большинство, холодно аплодировавшее ему изъ приличія, было крайне недовольно. За то личные друзья министра внутреннихъ дѣлъ Беле втайнѣ радовались неудачѣ перваго министра; ихъ взгляды, казалось говорили: „Беле навѣрное вышелъ-бы побѣдителемъ въ настоящемъ случаѣ!“

IV.

Свою министерскую дѣятельность, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, Альберъ Брольи началъ дипломатической нотой, въ которой старался унизить свое отечество въ глазахъ другихъ европейскихъ государствъ. Если-бы князь Бисмаркъ вздумалъ вмѣшаться во французскія дѣла и пріостановилъ очищеніе французской территоріи, онъ легко-бы могъ оправдать свои дѣйствія нотой герцога Брольи, въ ко-

торой объяснялось, что Франція находится въ состояніи анархіи. Лучшіе органы иностранной прессы возмутились такой недостойной выходкой французскаго министра внутреннихъ дѣлъ.

„Рознь, существующая во французскомъ національномъ собраніи и въ самомъ народѣ, говоритъ англійская газета „Daily News",—несомнѣнно возбуждаетъ горестныя чувства во всѣхъ, кто сочувствуетъ несчастіямъ благороднаго французскаго народа; но крайне неприлично французскому министру иностранныхъ дѣлъ сообщать объ этомъ въ дипломатическомъ документѣ.

„Г. Брольи, конечно, не безъ задней мысли рискнулъ выпустить подобный циркуляръ. Имъ онъ не только хотѣлъ оправдать происхожденіе своего правительства, получившаго власть противъ желанія народа, но также желалъ возбудить симпатіи европейскихъ правительствъ къ новому министерству и большинству національнаго собранія, которыя, какъ оказывалось изъ циркуляра, имѣютъ общаго врага съ иностранными государствами. Въ своемъ циркулярѣ герцогъ Брольи говорилъ, что „новое правительство желаетъ установить во Франціи спокойствіе, столь желательное въ интересахъ прочихъ націй". Всѣ государства, по его словамъ, „имѣютъ равный интересъ въ подавленіи революціоннаго духа, который составляетъ заговоры противъ спокойствія Франціи". Такимъ языкомъ могли-бы говорить развѣ эмигранты 1791 года.

Вслѣдъ за этимъ циркуляромъ Брольи дѣлаетъ распоряженіе о запрещеніи во Франціи эльзасской газеты „L'Industriel do Mulhouse", которая съ особенной страстностью стояла за интересы Франціи и была самой распространенной изъ эльзасскихъ газетъ. Мотивомъ ея запрещенія послужило то обстоятельство, что она имѣетъ слишкомъ республиканское направленіе. Прусскія газеты горячо ухватились за этотъ фактъ; онѣ приводили его какъ доказательство свободы прессы въ германской имперіи и поразительной нетерпимости во французской республикѣ. Онѣ на основаніи этого

факта пытались убѣдить скептиковъ, что Эльзасу выгоднѣе зависѣть отъ германской имперіи, чѣмъ стремиться снова присоединиться къ Франціи.

Это еще не все. Послѣ очищенія французской территоріи отъ нѣмецкихъ войскъ, Тьеръ сталъ пользоваться большой популярностью во Франціи. Брольи, мѣшавшій устройству праздниковъ въ городахъ, отвободившихся отъ чужеземнаго занятія, рѣшился пригрозить Тьеру судомъ, если онъ захочетъ принимать приглашенія на эти праздники въ честь освобожденія; наконецъ, даже запретилъ тосты въ честь Тьера. Партія Брольи дошла до такого курьеза, что стала посылать поздравленія графу Шамбору по поводу очищенія территоріи, какъ-будто графъ принималъ въ этомъ дѣлѣ какое-нибудь участіе.

4 сентября герцогъ Брольи разыгралъ новую комедію. Въ этотъ день онъ предсѣдательствовалъ въ генеральномъ совѣтѣ департамента Эры. Получается депеша, отправленная изъ Парижа по его приказанію, съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы она пришла въ началѣ засѣданія совѣта. Брольи распечатываетъ депешу и дрожащимъ отъ волненія голосомъ читаетъ извѣстіе о совершенномъ очищеніи территоріи отъ иностраннаго занятія. Пуйэ-Кертье, также засѣдавшій въ совѣтѣ, предложилъ послать благодарственный адресъ Мак-Магону и его первому министру, герцогу Брольи. Но другой членъ совѣта, прямодушный норманецъ, заявилъ, что гораздо приличнѣе благодарить тѣхъ, кому страна дѣйствительно обязана этимъ фактомъ, т. е. Тьера и его экс-министра Пуйэ-Кертье, виновника франкфуртскаго договора. Понятно, Брольи потерялся; онъ забормоталъ что-то такое, чего никто не разслышалъ и, наконецъ, объявилъ, что совѣтъ долженъ быть признателенъ... къ Франціи!

Въ иностранной политикѣ Брольи дѣлалъ безчисленные промахи. Ему обязана Франція тѣмъ, что Италія, ея естественная союзница, соединилась съ Германіей. На праздникѣ въ честь Кавура французская нація не имѣла своего представителя. Между тѣмъ 50,000 французовъ легли на поляхъ

Мадженты и Сольферино, сражаясь за освобожденіе Италіи отъ нѣмецкаго ига. Брольи далъ приказаніе Фурнье, французскому послу въ Италіи, не возвращаться къ своему посту подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ. Въ видѣ возмездія, итальянскій кабинетъ предписалъ Нигрѣ, итальянскому посланнику въ Парижѣ, найти предлогъ, чтобы уѣхать оттуда.

Но Брольи продолжалъ увѣрять всѣхъ, что онъ либералъ чистой крови!

Подобной-же нелѣпой политики держался Брольи и въ Испаніи. Во Франціи среди бѣлаго дня снаряжались экспедиціи и посылалось оружіе карлистамъ. Если-бъ удалась реставрація Генриха V, Брольи и ему подобные либералы предполагали тотчасъ-же вмѣшаться въ испанскія дѣла и возвести на испанскій престолъ донъ-Карлоса.

V.

На что разсчитывала партія, предводимая герцогомъ Брольи, совершивъ переворотъ 24 мая?

Коалиція монархическихъ партій, составившаяся для низверженія Тьера, полагала посадить на его мѣсто герцога Омальскаго, но этому воспротивились бонапартисты и нѣкоторые изъ легитимистовъ. Значитъ, первая цѣль не была достигнута. Учредить монархію въ тотъ моментъ союзники не могли, почему рѣшили оставить временную республику съ президентомъ маршаломъ Мак-Магономъ, который не имѣлъ ничего противъ возстановленія орлеанской или бурбонской монархіи и, конечно, не могъ питать ненависти къ бонапартовской династіи, давшей ему и почести, и богатство. Мак-Магона избрали потому, что онъ обладалъ извѣстностью, имѣлъ имя и вмѣстѣ съ тѣмъ не былъ человѣкомъ иниціативы. Онъ представлялъ собою посредственность, такую-же, какъ герцогъ Брольи, какъ всѣ члены кабинета Брольи, какъ, наконецъ, большая часть личностей, руководящихъ теперь

французскими дѣлами. Во Франціи въ настоящее время во всемъ господствуетъ посредственность. Но посредственность Брольи активная, даже очень активная, тогда какъ посредственность Мак-Магона вполнѣ пассивная. Говорятъ, что Мак-Магонъ принялъ за правило въ своихъ дѣйствіяхъ руководствоваться изрѣченіемъ Люи-Наполеона: „міръ принадлежитъ флегматикамъ". Его всегда удивляла и приводила въ досаду безпокойная и бурная дѣятельность Тьера. Мак-Магонъ неподвиженъ и каждому можетъ показаться лѣнивымъ. Монархическія партіи, принимая въ соображеніе эти его качества, вознамѣрились вручить ему диктаторскую власть, разсчитывая отобрать ее, когда имъ заблагоразсудится, т. е. когда явится возможность провозгласить монархію. Но такъ какъ это едва-ли возможно, въ особенности теперь когда партія Брольи потерпѣла окончательное пораженіе, то выходитъ, что и вторая цѣль не достигнута.

Сдѣлавъ Мак-Магона главою исполнительной власти, орлеанисты, захватившіе руководительство дѣлами Франціи, принялись за осуществленіе давно лелѣемаго ими плана: сліянія монархическихъ партій. Не будемъ повторять всѣмъ извѣстные факты, не станемъ вдаваться въ подробности интриги, повидимому, очень ловко веденной Фаллу, заслужившимъ репутацію коварнѣйшаго человѣка во Франціи, — интриги, которая, одно время казалось, вполнѣ удалась; скажемъ только, что герцогъ Брольи принималъ въ ней дѣятельное участіе, хотя въ своемъ объясненіи въ національномъ собраніи онъ отвергалъ его, оговорившись, впрочемъ, что, по его мнѣнію, каждый министръ можетъ имѣть мнѣнія, несогласныя съ общимъ направленіемъ кабинета. Проще сказать, герцогъ Брольи проводилъ совершенно новый принципъ, по которому отдѣльный министръ можетъ дѣйствовать противъ кабинета и свергнуть его, если будетъ въ силахъ. Впрочемъ, Брольи самъ лично уже не разъ примѣнялъ этотъ принципъ и напрасно палата выражала свое негодованіе, выслушивая его объясненіе.

Какъ-бы тамъ ни было, но извѣстно, что орлеанистская

интрига не удалась. Графъ Шамборъ, принявшій отреченіе графа Парижскаго, признавшій его своимъ наслѣдникомъ и уже разсчитывавшій навѣрное быть королемъ, внезапно написалъ свое знаменитое письмо, равносильное отреченію,— лучше сказать, сдѣлавшее окончательно невозможнымъ его реставрацію. Не осуществилась и третья цѣль.

Орлеанисты, ошеломленные на-время такимъ казусомъ, скоро оправились; они снова захотѣли сдѣлать попытку вручить президентство герцогу Омальскому и снова убѣдились, что ихъ дѣло не выгоритъ. Тогда они заговорили о томъ, что не мѣшало-бы включить въ законъ о продленіи власти Мак-Магона статью, гласящую, что въ случаѣ смерти Мак-Магона президентомъ республики дѣлается герцогъ Омальскій. Но, спрашивается, кто-же, кромѣ людей, ослѣпленныхъ партіонными предразсудками, могъ серьезно посмотрѣть на такое наивное предложеніе?

Потерпѣвъ неудачу въ вопросѣ о возстановленіи монархіи, большинство національнаго собранія, по инищіативѣ герцога Брольи, выступило съ проектомъ о продленіи власти Мак-Магона. Этотъ маневръ имъ удался; они добились утвержденія власти Мак-Магона, но вслѣдъ за тѣмъ должны были признать легальнымъ существованіе республики.

Брольи не долго пробылъ первымъ министромъ. Всеобщее негодованіе противъ него было такъ велико, что Мак-Магонъ волей-неволей долженъ былъ разстаться съ нимъ. Но и удалившись изъ министерства, Брольи, во все время управленія Бюффе, продолжалъ руководить внутренней политикой страны. Бюффе рабски исполнялъ всѣ его приказанія.

IV.

ЛЮИ-ЖОЗЕФЪ БЮФФЕ.

Истинный представитель либеральной буржуазіи. — Воспитаніе Бюффе. — Характеръ Бюффе. — Его политическая програма. — Бюффе депутатъ.— Осторожность, выказанная имъ на первомъ шагу парламентской дѣятельности.— Клубъ улицы Пуатье.— Бюффе переходитъ на сторону реакціонеровъ. — Назначеніе Бюффе министромъ земледѣлія и торговли. — Его отставка. -- Законъ 30 мая. — Бюффе снова министръ.—Государственный переворотъ.—Бюффе опять становится либераломъ.—Коалиція оппозиціонныхъ бонапартизму партій.—Либеральный союзъ.— Нансійская програма.— Правительство второй имперіи вынуждено дѣлать уступки.—Народныя сходки.—Изобрѣтенное возмущеніе. — Либеральное министерство Оливье. — Предусмотрительность Бюффе. — Реакціонная дѣятельность Бюффе въ версальскомъ національномъ собраніи. — Правительство борьбы.—Бюффе президентъ національнаго собранія. — Утвержденіе республиканской формы правленія во Франціи. — Бюффе глава республиканскаго министерства. — „Невѣроятные разсказы".—Наружность Бюффе.—Подчиненіе его герцогу Брольи.

„Граждане!

„При извѣстіи о славныхъ событіяхъ, низвергнувшихъ безнравственную систему, подъ давленіемъ которой изнывала Франція..."

На этомъ вступленіи мы останавливаемъ декламатора и спрашиваемъ его: „Кто вы такой?" — „Кто я? Меня зовутъ Бюффе; я адвокатъ въ небольшомъ городкѣ Эпиналѣ. Я обращаюсь теперь съ своей рѣчью къ избирателямъ; я заявилъ свою кандидатуру въ законодательное собраніе".

Дѣло происходило въ мартѣ 1848 года, вскорѣ послѣ февральской революціи.

„Граждане! снова начинаетъ свою рѣчь Бюффе,—при извѣстіи о славныхъ событіяхъ, низвергнувшихъ систему, подъ давленіемъ которой изнывала Франція, *граждане* Эпиналя (слово „граждане" произносится съ особенной выразительностію, подчеркивается), съ давныхъ поръ работающіе для торжества *демократіи* (сильно подчеркнуто), составили изъ себя комитетъ для способствованія всѣми зависящими отъ нихъ средствами начавшемуся движенію... Но кризисъ миновалъ! комитетъ отдаетъ въ руки всего *народа* (подчеркнуто еще сильнѣе) временную власть, которою онъ пользовался въ силу обстоятельствъ. Онъ спрашиваетъ у *народа*, пользуется-ли онъ по прежнему его довѣріемъ и долженъ-ли работать въ прежнемъ направленіи или разойтись? *Народъ* отвѣтилъ, что онъ желаетъ, чтобы комитетъ оставался"...

Сколько торжественныхъ фразъ, сколько благороднаго жару въ этомъ приступѣ къ рѣчи, напоминающемъ краснорѣчіе Цинцината. Браво, Бюффе! Браво, эпинальскій адвокатъ! Вы достойны стоять на ряду съ героями Плутарха, съ героями античнаго греческаго и римскаго міра—Аристидомъ, Эпаминондомъ, Муціемъ Сцеволой, Филопеменомъ... Чего! дзингъ, бумъ, бумъ, гремите трубы и литавры, акомпанируя слѣдующему припѣву:

Nous entrerons dans la Carrière
Quand nos ainés n'y serons plus.
Bien moins jaloux de leur survivre
Que de suivre le trace de leurs vertus!

„Намъ предстоитъ теперь великій долгъ, продолжалъ Бюффе,—сохранить плоды одержанной нами побѣды. Мы должны тщательно наблюдать, чтобы не сдѣлаться жертвой вчерашнихъ роялистовъ, торжественно проповѣдующихъ теперь наши доктрины, которыя еще такъ недавно они преслѣдовали съ страшнымъ ожесточеніемъ"...

Далѣе Бюффе распространяется на эту-же тему, стараясь

убѣдить своихъ слушателей въ своемъ неподдѣльномъ республиканизмѣ и предупредить объ опасности, грозящей со стороны замаскированныхъ роялистовъ; онъ заканчиваетъ свою рѣчь слѣдующими словами:

„Выборы въ національное собраніе назначены на 9 число будущаго апрѣля. Намъ не должно терять времени, мы должны тѣсно соединиться и тогда мы легко разрушимъ замыслы враговъ республики“...

Такова была рѣчь молодого Бюффе къ гражданамъ Эпиналя,—рѣчь, служащая сколкомъ съ рѣчей Барбеса, Распайля, Кабэ и Ламене, съ которыми эти дѣятели обращались къ гражданамъ Парижа.

Слушая рѣчь Бюффе, можно было думать, что въ національномъ собраніи онъ явится горячимъ сторонникомъ республиканской партіи, подъ знаменемъ которой онъ выступилъ на выборахъ. Избиратели Эпиналя съ гордостью указывали на своего согражданина, говоря, что онъ составитъ славу своей партіи, будетъ соперникомъ Вашингтону и пр., и пр. Но увы! ихъ ожиданія не исполнились. Бюффе уже въ то время былъ однимъ изъ представителей типа либеральной буржуазіи, политическія убѣжденія которой весьма вѣрно характеризуются названіемъ консервативно-либеральныхъ или либерально-консервативныхъ.

I.

Люи-Жозефъ Бюффе, сынъ отставного офицера, родился въ 1818 году въ Мирекурѣ, небольшомъ городкѣ въ департаментѣ Вогезовъ. Городокъ этотъ получилъ печальную извѣстность, благодаря тому, что одинъ изъ писателей избралъ себѣ псевдонимомъ его имя. Извѣстный Жако, пишущій подъ именемъ Эженя де-Мирекура, за деньги составлялъ біографіи извѣстныхъ дѣятелей, наполненныя возмутительными клеве-

тами. Въ дѣлѣ шантажа Жако долгое время былъ опаснымъ соперникомъ не менѣе знаменитому Вельо; наконецъ, первенство въ ремеслѣ клеветника осталось за издателемъ „Univers", набожнымъ сочинителемъ извѣстныхъ „Parfums de Rome". Вельо задушилъ Жако своимъ безпримѣрнымъ безстыдствомъ.

Люи Бюффе съ успѣхомъ окончилъ курсъ въ школѣ своего родного города. Родители отправили его въ Парижъ, въ колегію Карла Великаго. Юный Бюффе очень скоро окончилъ курсъ права; онъ поторопился, зная, что, родители его не могутъ тратить на него много денегъ и ему слѣдуетъ самому позаботиться о заработкѣ. Къ его благополучію, онъ былъ допущенъ въ салонъ Моле, въ эту говорильню, въ приготовительный классъ парламентаризма, гдѣ практиковались и набивали руку будущіе и настоящіе префекты, подпрефекты, прокуроры, президенты судовъ, депутаты, министры, сенаторы и пр.

Двадцати двухъ лѣтъ отъ роду Люи Бюффе былъ принятъ въ число адвокатовъ эпинальскаго судебнаго округа, въ департаментѣ Вогезовъ. Бюффе ни красивъ, ни уродливъ, ни великъ, ни малъ. Происходя изъ весьма небогатаго буржуазнаго семейства, бѣднякъ между богатыми, богачъ между бѣдными, Люи Бюффе можетъ считаться очень удачнымъ представителемъ типа средняго человѣка. Онъ не обладаетъ перворазрядными способностями, но его также нельзя назвать бездарностью; онъ дѣятеленъ, трудолюбивъ, отличается ловкостью, логикой, беззастѣнчивостью, дозволявшею ему служить всякому дѣлу, всякому принципу. Онъ не лишенъ солидныхъ качествъ, но на всемъ, что онъ дѣлалъ и дѣлаетъ, лежитъ печать вульгарности. Никакой геній не освѣтилъ лучами отдаленной звѣзды его колыбели; никакая фея не дотрогивалась до его лба своей волшебной палочкой, не ласкала его своими очаровательными пальцами, изъ которыхъ исходилъ дивный магнетическій токъ, не улыбалась ему, не давала цвѣтовъ, носимыхъ ею на груди. Не получилъ отъ нея Люи Бюффе ни одного дара, возбуждающаго любовь окружающихъ: ни граціи, ни красоты, ни поэзіи, ни краснорѣчія,

ни остроумія, ни веселости, ни знатности, — вообще ничего, что могло-бы отличить его отъ толпы.

Самъ Люи Бюффе едва-ли сѣтуетъ на отсутствіе въ немъ выдающихся талантовъ. Они часто бываютъ скорѣе вредны, чѣмъ полезны для составленія жизненной карьеры. Для этого требуется только извѣстная ловкость, умѣренность и акуратность; вульгарная посредственность всегда скорѣе можетъ разсчитывать на успѣхъ, чѣмъ выдающаяся талантливость.

Юный адвокатъ Бюффе не блисталъ краснорѣчіемъ, но за то обладалъ дѣловой логикой. Въ его рѣчахъ не замѣчалось ни страсти, ни живого и увлекательнаго остроумія, но всѣмъ было очевидно, что этотъ адвокатъ отлично изучилъ сводъ законовъ и очень силенъ въ крючкотворствѣ, — однимъ словомъ, что его не легко сбить съ толку и поймать въ какомъ-нибудь формальномъ упущеніи. Онъ былъ неповиненъ въ поэтическихъ наклонностяхъ, онъ никогда не пожалѣлъ побѣжденныхъ, къ которымъ всегда питалъ и питаетъ презрѣніе; въ немъ не было ничего, что производитъ великаго оратора, великаго гражданина, великаго человѣка. Но онъ одѣвался безукоризненно вѣрно адвокатской традиціи; галстухъ его всегда отличался дѣвственной бѣлизной и былъ безукоризненно повязанъ. Онъ твердо вѣрилъ въ свои силы, въ свою способность завладѣть сочнымъ кускомъ на пиру жизни. Такая увѣренность составляетъ дѣйствительную силу, оказываетъ поразительное вліяніе на толпу глупцовъ и увлекаетъ за собой трусливыхъ и нерѣшительныхъ.

Новый защитникъ „вдовъ и сиротъ“ вынесъ изъ салона Моле политическую програму. Оппозиція заявляла требованіе о дарованіи избирательныхъ правъ „людямъ способнымъ“. Говоря простымъ языкомъ, оппозиція добивалась, главнымъ образомъ, допущенія адвокатовъ къ избирательнымъ урнамъ, включенія ихъ въ привилегированную „pays legal“. Бюффе, какъ адвокатъ, конечно, присталъ къ оппозиціи. Люи-Филиппъ не захотѣлъ исполнить невиннаго желанія оппозиціи, и Бюффе явился противникомъ всѣхъ одномыслящихъ съ королемъ

министровъ: Гизо, Дюмона, Дюшателя и др. Онъ горячо напалъ на правительство, онъ не стѣснялся въ выраженіяхъ, и прослылъ республиканцемъ. На самомъ видномъ мѣстѣ въ своемъ кабинетѣ онъ поставилъ лубочную статуетку: „Спартакъ, разбивающій свои цѣпи", завѣсивъ ее кисеей отъ мухъ, что подало поводъ простакамъ предполагать, что статуетка эта высокой цѣны. Либералы восхваляли мужественнаго адвоката, а клерикалы, по поводу „Спартака", произвели его въ санкюлоты, предупреждая „вѣрныхъ" беречься „этого разрушителя вѣчныхъ основъ". Хитрые іезуиты на этотъ разъ слишкомъ перехитрили: они не замѣтили, что за внѣшней либеральной обстановкой у Бюффе скрывается безпредѣльное честолюбіе, желаніе составить себѣ блестящую карьеру, и что собственно принципы для него вопросъ второстепенный.

Между тѣмъ іюльская монархія окончила свое существованіе; Люи Бюффе былъ избранъ президентомъ республиканскаго клуба въ Эпиналѣ. Ему тогда было 30 лѣтъ отъ роду.

Ледрю-Ролленъ, котораго торжествующая инсурекція избрала министромъ внутреннихъ дѣлъ, обратилъ вниманіе на эпинальскаго Гракха, отличавшагося ревностнымъ служеніемъ дѣлу свободы, какъ о томъ гласили рапорты, присланные въ министерство. Ледрю-Ролленъ назначилъ Бюффе помощникомъ комисара въ департаментѣ Вогезовъ, сдѣлалъ его проконсуломъ округа съ весьма значительной властію, въ маломъ видѣ диктаторомъ.

Молодой человѣкъ съумѣлъ воспользоваться своимъ положеніемъ. Онъ дѣятельно работалъ, стараясь какъ можно чаще напоминать о себѣ. Рекламой для него служила масса изданныхъ имъ прокламацій, объявленій, циркуляровъ и пр., выпущенныхъ въ свѣтъ, главнымъ образомъ, для того, чтобы напомнить эпинальскимъ гражданамъ о существованіи Бюффе, помощника комисара, вѣчно помышляющаго объ ихъ благополучіи и спокойствіи. Бюффе, добился, что его стали считать человѣкомъ необходимымъ, посредникомъ между враж-

дующими партіями. Устроивъ свое положеніе въ публикѣ, Бюффе подъ какимъ-то ничтожнымъ предлогомъ поссорился съ своимъ начальникомъ комисаромъ, вышелъ въ отставку и заявилъ о своей кандидатурѣ въ національное собраніе. Въ своемъ манифестѣ онъ торжественно заявилъ о своей независимости отъ правительства и своей преданности республиканской правительственной формѣ. Его манифестъ понравился и республиканцамъ, и реакціонерамъ, начинавшимъ уже пріобрѣтать силу. И тѣ, и другіе дали Бюффе свои голоса и онъ былъ избранъ депутатомъ. „Со всей энергіей я буду трудиться для развитія республиканскихъ учрежденій, писалъ онъ въ своемъ манифестѣ,—для прочнаго утвержденія которыхъ мы должны жертвовать и самими собой, и нашимъ имуществомъ".

II.

Увлеченіе и дѣятельность, возбужденныя февральскими событіями, въ провинціи успѣли уже остыть, но парижское населеніе все еще находилось подъ вліяніемъ энтузіазма, когда прибылъ туда Бюффе. Вновь избранные депутаты, вѣроятно, желая показать, что и они увлечены не менѣе другихъ, безпрестанно кричали виваты въ честь республики. Они такъ ревностно исполняли добровольно принятую на себя обязанность, что люди серьезные, дѣйствительно преданные новому порядку вещей, стали ихъ останавливать, замѣчая, что ихъ крикливая восторженность похожа на подогрѣтый энтузіазмъ клакеровъ, желающихъ вывезти пьесу или актрису-дебютантку. Къ несчастію для Франціи, большинство депутатовъ принадлежало къ крикунамъ, умѣющимъ только произносить красивыя фразы, неспособныхъ къ активности и вдобавокъ трусливыхъ; когда дошло до настоящаго дѣла, до защиты ими проповѣдываемыхъ принциповъ они бросились въ объятія второй имперіи.

Эпинальскій Гракхъ усѣлся въ лѣвомъ центрѣ—этомъ при-

бѣжищѣ очень осторожныхъ людей. Здѣсь онъ сидѣлъ смирно, почти не подавая голоса; затерянный въ большинствѣ, онъ наблюдалъ, откуда дуетъ вѣтеръ.

Вѣтеръ дулъ холодный, со стороны реакціи. Онъ оледенилъ молодого депутата и избавилъ его отъ навѣяннаго энтузіазма. Бюффе зналъ теперь, чего ему слѣдуетъ держаться. Пока дѣло шло объ уничтоженіи вліянія и опозиціи планамъ Люи Блана, Бланки, Барбеса, Кабе или Собріе, экс-комисаръ Эпиналя шелъ, хотя весьма осторожно, вслѣдъ за своимъ патрономъ Ледрю-Ролленомъ. Однакожъ, реакція не удовольствовалась пораженіемъ соціалистовъ въ палатѣ. Іезуиты съ Фаллу во главѣ, направили свои удары противъ буржуазной, но достаточно радикальной и практической республики Ледрю-Роллена, съ тѣмъ, чтобы замѣнить ее идеальной и совершенно непрактичной республикой автора „Жирондистовъ". Достигнувъ этого, они пошли далѣе и учредили чисто-формальную республику, поставивъ во главѣ ея Кавеньяка. Какъ человѣкъ честолюбивый, желавшій во что-бы то ни стало добиться карьеры, Бюффе считалъ слово „благодарность, чисто-абстрактнымъ понятіемъ. Ни мало не задумываясь, онъ сталъ подавать свой голосъ противъ своего покровителя Ледрю-Роллена и поспѣшилъ заявить о своей глубокой преданности Кавеньяку. Послѣ кровавыхъ іюньскихъ дней, маленькій эпинальскій Гракхъ, перешедшій на сторону Суллы, заявилъ съ трибуны въ палатѣ, что „генералъ Кавеньякъ заслуживаетъ благодарности отечества".

Кавеньякъ, по своимъ способностямъ, былъ далеко ниже положенія, въ которое поставила его случайность. Одержавъ побѣду надъ іюньскими инсургентами, онъ возмечталъ, что судьба Франціи находится въ его рукахъ. Иначе думали тѣ, для которыхъ онъ послужилъ орудіемъ. Онъ исполнялъ все, что имъ было нужно, и они болѣе въ немъ не нуждались. Кавеньяку очень ясно намекали, что ему пора въ отставку, но онъ не понималъ никакихъ намековъ.

Въ это время Тьеръ энергически работалъ для реставраціи монархіи; онъ разсчитывалъ добиться этого, устроивъ сліяніе

между обѣими линіями Бурбоновъ. Конечно, не идеальная привязанность къ монархіи побуждала его дѣйствовать въ ея пользу; можетъ быть, какъ политическій дѣятель онъ, дѣйствительно предпочиталъ монархическую форму правленія республиканской; но практическій честолюбецъ Тьеръ никогда не отдѣлялъ свою личную пользу отъ дѣла, которому онъ служилъ, по человѣческой слабости предпочитая свои выгоды пользамъ дѣла. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, выступая въ защиту монархической реставраціи, онъ надѣялся получить безконтрольную власть во время несовершеннолѣтія графа Парижскаго. Съ обычной энергіей Тьеръ переманилъ на свою сторону большинство собранія, такъ что могъ быть вполнѣ увѣренъ, что національное собраніе одобритъ замышляемый имъ государственный переворотъ, въ томъ случаѣ, конечно, если этотъ переворотъ удастся. Планы Тьера развивались въ основанномъ имъ клубѣ въ улицѣ Пуатье, членами котораго сдѣлались многіе изъ вліятельныхъ членовъ національнаго собранія и представители крупной буржуазіи, а также нѣсколько человѣкъ изъ стариннаго дворянства.

Недавній пылкій республиканецъ Бюффе не замедлилъ присоединится къ клубу въ улицѣ Пуатье. Вскорѣ онъ сдѣлался адъютантомъ Тьера и исполнялъ самыя интимныя порученія своего новаго покровителя. Тьеръ отлично понималъ, что его ретивый помощникъ „пороху не выдумаетъ“, но можетъ быть ему полезенъ, какъ старательный и ловкій исполнитель его приказаній. Желая пріобрѣсти довѣріе и другихъ еще болѣе рѣшительныхъ реакціонеровъ, Бюффе явился ревностнымъ защитникомъ всѣхъ реакціонерныхъ мѣръ. Онъ подалъ свой голосъ за слѣдующіе законы: закрытіе всѣхъ клубовъ, кромѣ монархическихъ и клерикальныхъ; закрытіе національныхъ мастерскихъ; удержаніе смертной казни; возстановленіе реакціоннаго закона противъ пресы; ссылку безъ суда іюньскихъ инсургентовъ; противъ дарового, обязательнаго и свѣтскаго народнаго образованія; за удержаніе косвенныхъ налоговъ и противъ налога на капиталъ и доходъ,— однимъ словомъ, противъ всякой реформы. Онъ-бы, вѣроятно,

подалъ свой голосъ за возстановленіе рабства въ колоніяхъ, если-бы реакціонеры сочли эту мѣру необходимой для ихъ плановъ.

Это, однакожь, нисколько не мѣшало Бюффе хвастаться, что онъ „большой либералъ", слѣдующій принципамъ 1789 года. Онъ вполнѣ слился съ той близорукой и ослѣпленной буржуазіей, которая, совершивъ въ свою пользу революцію 1848 года, испугалась какихъ-то призраковъ и кончила тѣмъ, что бросилась въ объятія Наполеона III. А между тѣмъ совершенно отъ нея зависѣло дать Франціи спокойное существованіе и благоденствіе, основанное не на биржевыхъ спекуляціяхъ сомнительнаго свойства, а на трудѣ и развитіи естественныхъ богатствъ страны. Имъ недоставало честности, за то они въ излишествѣ обладали лукавствомъ и хитростью; они оказались недостойными тѣхъ выгодъ своего положенія, во имя которыхъ совершили революцію.

При этомъ невольно припоминается намъ одна странная легенда. Громадное сокровище скрыто въ нѣдрахъ земли; каждый годъ оно подвигалось вверхъ, ближе къ поверхности; наконецъ, въ одну ивановскую ночь оно вышло на самую поверхность. Чего только въ немъ не было: алмазы, жемчугъ, топазы, аметисты и другіе драгоцѣнные камни; золото и серебро въ громадныхъ слиткахъ. Какъ только сокровище появилось на поверхности, раздался голосъ: „Гдѣ человѣкъ? пусть подойдетъ сюда истинный человѣкъ и возьметъ принадлежащее ему". Окликъ повторился три раза, но истинный человѣкъ не показывался. Между тѣмъ пробило 12 часовъ; снова раздался голосъ: „Нѣтъ человѣка, видно еще не время!"—и затѣмъ сокровище скрылось.

Въ 1848 году во Франціи также призывался человѣкъ, но его не оказалось. Торжествующая буржуазія устала, ничего не сдѣлавъ. Плотно пообѣдавъ, ей захотѣлось уснуть. „Успѣемъ заняться политическими и экономическими реформами, твердила она, — теперь-же не мѣшайте намъ предаваться кейфу". А тѣмъ временемъ іезуитъ Фаллу собиралъ въ домѣ Свѣчиной своихъ друзей и они оттуда вели свои подкопы,

желая уничтожить все, что создала новѣйшая цивилизація, и водворить мракъ среднихъ вѣковъ. Бонапартисты вели подкопы съ другой стороны—и вдругъ, какъ снѣгъ на голову, упалъ декабрьскій переворотъ..... Но мы забѣжали впередъ. Возвратимся къ Бюффе, дѣятельность котораго мы намѣрены прослѣдить шагъ за шагомъ.

III.

Луи-Наполеонъ Бонапартъ, избранный невѣждами, шовинистами и *искоренителями пауперизма*, занялъ должность президента французской республики. Онъ поклялся служить вѣрно республикѣ и избралъ министерство изъ большинства національнаго собранія. Обдумывая, кому-бы вручить портфель министра земледѣлія и торговли, онъ обратился за совѣтомъ къ Тьеру. Маленькій буржуа указалъ президенту на Бюффе. Тьеръ былъ увѣренъ, что Бюффе, войдя въ совѣтъ министровъ, будетъ по-прежнему вѣрно служить своему патрону и употребитъ всѣ усилія для того, чтобы президентъ поскорѣе сломалъ себѣ шею.

Назначеніе Бюффе было встрѣчено всѣми партіями съ удивленіемъ и недоумѣніемъ: „Кто такой Бюффе?" спрашивали со всѣхъ сторонъ. „А кто его знаетъ. Говорятъ, что президенту рекомендовалъ его Тьеръ". „Ну, если его посадилъ Тьеръ, значитъ безъ какой-нибудь интриги дѣло не обойдется".

Бюффе былъ совсѣмъ незнакомъ съ нуждами земледѣлія и торговли, но объ этомъ онъ слишкомъ мало заботился; онъ достигъ министерскаго поста, мечты его осуществились, до всего остальнаго ему не было никакого дѣла. Однакожь, какъ человѣкъ, одаренный солидными качествами характера, онъ съумѣлъ сдержать себя; величіе не ослѣпило его. У него хитрость всегда господствовала надъ честолюбіемъ; онъ понималъ, что положеніе его шатко; въ смутныя времена по-

лучить высокій постъ гораздо легче, чѣмъ удержать его. Замѣтивъ, что ближайшіе друзья президента не довѣряютъ ему, Бюффе далъ себѣ слово уйти раньше, чѣмъ его выгонять. Случай скоро представился. Реакціонеры палаты добивались отправки французскихъ войскъ въ Италію для разгромленія римской республики и водворенія папы въ вѣчномъ городѣ. Бюффе сперва ничего не имѣлъ противъ этой экспедиціи, но когда узналъ, что его бывшій патронъ Ледрю-Ролленъ и всѣ республиканцы намѣрены противиться экспедиціи даже съ оружіемъ въ рукахъ. Бюффе призадумался. Онъ былъ убѣжденъ, что въ случаѣ побѣды республиканцевъ ему не сдобровать; въ то-же время его подозрительно оглядывали бонапартисты. Когда въ совѣтѣ президента было рѣшено дать приказаніе генералу Удино выступить въ походъ, Бюффе подалъ въ отставку, мотивируя ее тѣмъ, что римская экспедиція не согласуется съ его убѣжденіями.

Выходя въ отставку, Бюффе и теперь нисколько не противорѣчилъ своей системѣ быть всегда на сторонѣ торжествующей партіи. Положеніе было сомнительное; римская экспедиція могла повлечь за собой отставку президента и министерства; понятно, что въ случаѣ этой отставки Бюффе пріобрѣталъ большую популярность и могъ разсчитывать на самое видное мѣсто въ будущемъ министерствѣ. Кризиса, правда, не произошло, но онъ могъ произойти.

~~~~~~~~

Въ мірѣ политическомъ званіе „бывшаго министра“ равносильно титулу „миліонера“ въ мірѣ финансовомъ. Бюффе было всего 31 годъ отъ роду, когда онъ попалъ въ число „бывшихъ министровъ“, т. е. людей, съ которыми считаютъ обязанностью „совѣтоваться“ въ важныхъ случаяхъ. Войдя послѣ своей отставки въ составъ того-же большинства палаты, изъ котораго онъ вышелъ, Бюффе сдѣлался вліятельнымъ лицомъ въ его средѣ; прежде онъ шелъ за другими, теперь могло показаться, что другіе идутъ за нимъ. Мы го-
~~~~~~~~

воримъ: „могло показаться", потому что Бюффе никогда не былъ человѣкомъ иниціативы, не обладалъ способностями, необходимыми для предводителя партіи. Онъ могъ, пожалуй, руководить дѣйствіями небольшого кружка, но не партіи, а тѣмъ болѣе ему невозможно было и мечтать о руководительствѣ дѣлами цѣлой страны. Онъ могъ занимать въ оркестрѣ видное мѣсто при непремѣнномъ условіи внимательно слѣдить за палочкой капельмейстера, но рѣшительно не могъ самъ исполнять обязанности капельмейстера. Да и не онъ одинъ: всѣ министры и офиціальные руководители государственными дѣлами въ періодъ времени отъ 1849—51 годъ были не болѣе, какъ маріонетки, приводимыя въ движеніе предводителями въ клубѣ улицы Пуатье, а этотъ клубъ, въ свою очередь, состоялъ изъ автоматовъ, заводимыхъ достопочтеннѣйшимъ отцомъ Ротаномъ, генераломъ іезуитскаго ордена.

Но какъ-бы тамъ ни было, Бюффе пріобрѣлъ имя; онъ попалъ въ разрядъ видныхъ политическихъ дѣятелей. Принцъ-президентъ снова обратилъ на него вниманіе, предложивъ ему быть въ числѣ семнадцати крестныхъ отцовъ знаменитаго закона 31 мая 1850 года.

Національное собраніе, вышедшее изъ февральской революціи, въ то время, когда оно еще находилось подъ вліяніемъ энтузіазма, приняло два закона, его пережившіе: уничтоженіе невольничества (объявленное первою республикою и возстановленное Наполеономъ I) и распространеніе избирательныхъ правъ на всѣхъ гражданъ республики. Первые результаты закона всеобщаго избирательства были, по правдѣ сказать, весьма печальные; при дѣйствіи прежняго избирательнаго закона Люи-Наполеонъ Бонапартъ никогда не былъ-бы избранъ президентомъ. Вообще первые выборы, произведенные на основаніи новаго закона, были самые неудачные. Реакція могла только радоваться полученнымъ результатамъ, но она очень хорошо понимала, что въ будущемъ новый законъ можетъ дать иные результаты, для нея, реакціи, весьма невыгодные. Понимая, что отмѣнить новый законъ невозмо-

жно, реакція рѣшилась обрѣзать и измѣнить его такъ, чтобы и въ будущемъ онъ служилъ исключительно на пользу реакціонныхъ партій. Монталамберъ, взявшій на себя починъ въ этомъ дѣлѣ, съ іезуитскимъ лицемѣріемъ объявилъ, что предлагаемыя измѣненія необходимы въ видахъ „избавленія интелигентныхъ классовъ отъ тираніи невѣжественной массы“.

Безъ сомнѣнія, если-бы дѣло шло объ отнятіи избирательнаго права у людей неграмотныхъ, которые не въ состояніи уяснить себѣ, почему они подаютъ голосъ за того, а не за этого кандидата, — такое дополненіе къ популярному закону не встрѣтило-бы, вѣроятно, особеннаго противодѣйствія. Но эти невѣжественные поселяне, подающіе голоса по приказанію своихъ патеровъ, составляли кладъ для реакціи, которая, напротивъ, желала оставить за ними избирательное право. Она требовала исключенія городскихъ рабочихъ и вообще такихъ избирателей, которые могли подавать свои голоса въ пользу республиканцевъ. Измѣненія къ закону были составлены именно въ этомъ смыслѣ. На этотъ разъ іезуиты перехитрили; гораздо ранѣе, чѣмъ новый законъ поступилъ изъ комиссіи на обсужденіе палаты, онъ уже успѣлъ возбудить противъ его авторовъ негодованіе въ цѣлой Франціи. Вездѣ громко осуждали его и избиратели объявляли, что на выборахъ 1 мая 1852 года (которые должны были послѣдовать на основаніи новаго закона) они забалотируютъ всѣхъ тѣхъ депутатовъ, которые подадутъ свой голосъ въ пользу новаго избирательнаго закона. Іезуиты, однакожъ, не устрашились и рѣшили довести дѣло до конца.

Президентъ республики вначалѣ поддерживалъ новый законъ, когда-же убѣдился, что измѣненіе избирательнаго закона въ реакціонномъ духѣ возбуждаетъ негодованіе во всей странѣ, онъ мгновенно измѣнилъ свою тактику. Онъ сталъ кричать о насиліи законодательной власти, которой въ силу закона обязана подчиняться исполнительная, объ измѣнѣ депутатовъ, осмѣливающихся посягать на основное право французскаго гражданина, и пр. Онъ дѣлалъ очень прозрачные намеки, что намѣренъ защищать права народа противъ его

депутатовъ до послѣдней крайности, что онъ готовъ „прибѣгнуть даже къ насилію для защиты права".

Съ своей стороны, клубъ улицы Пуатье, разсчитывавшій, что состоится, наконецъ, сліяніе орлеанистовъ съ легитимистами, поручилъ извѣстному генералу Шангарнье произвести тоже насильственный переворотъ, когда представится къ тому удобный случай. На сторонѣ орлеанистовъ и легитимистовъ было большинство національнаго собранія, въ свою очередь, имѣвшее за себя всю крупную буржуазію. На сторонѣ бонапартистовъ были миліоны сельскихъ жителей и армія. Для людей не близорукихъ не могло быть сомнѣнія, что побѣда останется на сторонѣ бонапартистовъ, если противъ нихъ не соединятся дружно всѣ прочія партіи.

Задумавъ измѣнить избирательный законъ, президентъ республики снова предложилъ Бюффе министерскій портфель. Бонапартъ хорошо зналъ, на-сколько онъ можетъ полагаться на искренность и вѣрность Бюффе, уже разъ отвернувшагося онъ него, но считалъ его вполнѣ пригоднымъ для дѣла, которое ему поручалъ. Тьеръ далъ свое согласіе, снова разсчитывая, что Бюффе, находясь въ непріятельскомъ лагерѣ, будетъ предупреждать своихъ друзей о тайныхъ замыслахъ президента. Наполеонъ, въ свою очередь, надѣялся, что Бюффе будетъ оказывать ему ту-же услугу относительно партіи Тьера; Бюффе былъ полезенъ ему и въ другомъ отношеніи: большинство палаты, видя своего единомышленника въ числѣ министровъ, могло оставаться въ полной увѣренности, что президентъ республики не составляетъ противъ національнаго собранія никакого заговора. Изъ этого видно, что и Тьеръ, и Люи-Наполеонѣ не давали высокой цѣны нравственнымъ качествамъ Бюффе.

Кого-же на самомъ дѣлѣ обманывалъ Бюффе? Принца-президента, Руэра, Морни? Едва-ли. Онъ не былъ достаточно

хитеръ, чтобы провести этихъ архи-хитрецовъ. Тьера и своихъ товарищей большинства національнаго собранія? Подчасъ онъ дѣйствительно лукавилъ съ ними, однакожъ не переходилъ рѣшительно на сторону ихъ противниковъ. Можетъ быть, онъ самъ вдавался въ обманъ? Ну, нѣтъ, онъ былъ слишкомъ честолюбивъ и лукавъ, чтобы могъ попасть въ разставленную ему западню.

Пять мѣсяцевъ, съ 10 апрѣля по 14 октября 1871 года, Бюффе оставался министромъ принца-президента. За шесть недѣль до рѣшительнаго дня, избраннаго заговорщиками Елисейскаго дворца для нанесенія удара своимъ противникамъ, Бюффе подалъ въ отставку. Къ этому его понудило предположеніе, что бонапартисты затѣяли слишкомъ рискованное дѣло, которое должно окончиться ихъ пораженіемъ и гибелью. Нѣкоторые болтуны и болтуньи, преимущественно женщины легкаго поведенія, посвященныя въ тайну, выдали ее за стаканомъ шампанскаго. Открытіе этой тайны произвело сильнѣйшее впечатлѣніе въ рядахъ противниковъ бонапартизма. Свирѣпый Шангарнье неистово потрясалъ своей саблей, грозя уничтожить всѣхъ измѣнниковъ. Тьеръ хитро улыбался; онъ твердилъ, что ему давно все извѣстно и онъ не сомнѣвается въ неудачѣ заговора; онъ уже намѣтилъ членовъ будущаго верховнаго суда, который станетъ судить заговорщиковъ. „Посмотримъ, кто засмѣется послѣднимъ", говорилъ онъ. Бюффе, вѣроятно, слишкомъ довѣрялъ мудрости Тьера, если рѣшился разстаться съ министерскимъ портфелемъ. Этого ему никогда не могъ простить Руэръ.

Принцъ-президентъ составилъ новое министерство изъ людей готовыхъ на все, изъ авантюристовъ нежелавшихъ ничего видѣть дальше собственной выгоды: Сент-Арно, Мопа, Морни, Казабіанка и др. Послѣ назначенія такого министерства даже и сомнѣвающіеся въ существованіи заговора должны были повѣрить. Палата встревожилась; монархическая партія, предводимая Тьеромъ, рѣшилась соединиться съ республиканцами и внесла предложеніе о предоставленіи палатѣ чрезвычайныхъ полномочій для уничтоженія заговора. Но

недовѣріе партій другъ къ другу было такъ сильно, что республиканцы вотировали противъ предложенія.

Съ этого времени дѣло Бонапарта можно было считать выиграннымъ. Онъ заявилъ себя защитникомъ народныхъ правъ, прибѣгающимъ къ крайнимъ мѣрамъ для обузданія измѣнниковъ, пытающихся отнять у французскихъ граждалъ прирожденное право подачи голоса на выборахъ, и произвелъ переворотъ 2 декабря 1851 года.

Исторія государственнаго переворота 2 декабря слишкомъ хорошо извѣстна. Побѣдитель, Наполеонъ III, обратилъ свою месть противъ республиканцевъ, такъ-какъ они одни оказали ему серьезное сопротивленіе; ихъ казнили и ссылали въ колоніи безъ суда. Что касается главныхъ предводителей орлеано-легитимистской партіи, ихъ также схватили и засадили въ тюрьмы, но это было сдѣлано въ видахъ предосторожности, чтобы они, въ свою очередь, не произвели государственнаго переворота. Послѣ окончательнаго пораженія парижанъ, Наполеонъ III выпустилъ заключенныхъ изъ тюремъ и предложилъ имъ на время отправиться въ путешествіе за границы Франціи.

Что касается Бюффе, онъ присоединился къ депутатамъ, заявившимъ свой протестъ въ мэріи десятаго округа, однакожъ не пошелъ вслѣдъ за Викторомъ Гюго, Боденомъ и другими на баррикады, а, въ качествѣ добраго буржуа, заперся въ своей квартирѣ. Бонапартисты, помня, что онъ былъ ихъ товарищемъ по министерству, въ тюрьму его не бросили, а, привезя въ ботаническій садъ, объявили ему, что для него теперь всего благоразумнѣе удалиться изъ Франціи. Бюффе тотчасъ-же воспользовался дружескимъ совѣтомъ. Онъ узналъ, что Тьеръ фланируетъ въ Италіи, и присоединился къ нему. Конечно, Бюффе не замедлилъ громко и торжественно высказать свое негодованіе противъ совершившагося во Франціи насилія, противъ попранія закона и оскорбленія всей страны въ лицѣ ея представителей. При этомъ онъ выставлялъ себя мученикомъ за убѣжденія, за свободу. Одно его огорчало, что онъ не могъ, подобно Тьеру, говорить о стра-

даніяхъ, испытанныхъ имъ въ ужасной тюрьмѣ, на гнилой соломѣ. Тьера, какъ опаснаго человѣка, жандармы проводили за границу. Ему-же, Бюффе, бонапартисты на прощаньи жали руки и подчивали превосходными гаванскими сигарами. „Ну, не насмѣшка-ли это!" твердилъ онъ про себя, въ особенности когда вспоминалъ, что размѣнъ любезностей происходилъ какъ-разъ у домика обезьянъ.

Вмѣстѣ съ Тьеромъ Бюффе побывалъ въ Римѣ и во Флоренціи, осматривалъ музеи и всякія другія достопримѣчательности. Тьеръ продолжалъ говорить съ нимъ покровительственнымъ тономъ, но Бюффе, выслушивая съ уваженіемъ объясненія своего бывшаго покровителя, выражалъ иногда собственное мнѣніе. Это происходило потому, что Бюффе путешествовалъ уже на свой счетъ и не нуждался въ матеріяльной помощи, какъ другіе изгнанники. Побывъ два раза министромъ, онъ не былъ уже тѣмъ бѣднякомъ, какимъ онъ вступилъ на политическое поприще. Онъ обладалъ теперь порядочнымъ состояніемъ и могъ уже пользоваться довольствомъ и уваженіемъ людей достаточныхъ. Otium cum dignitate. Горацій не требовалъ большаго.

IV.

Когда прекратилась политическая лихорадка и, по крайней мѣрѣ по наружности, водворилось спокойствіе, Бюффе возвратился къ своимъ пенатамъ. Онъ по-прежнему негодовалъ противъ Руэра и Морни, поступившихъ съ нимъ такъ неделикатно, и сталъ выставлять себя жертвой государственнаго переворота. Эпинальскіе простаки снова готовы были считать его героемъ Плутарха; слушая его сѣтованія на новые порядки, они порѣшили, что бывшій ихъ представитель по доблестямъ своимъ равенъ Аристиду справедливому, такъ-какъ, подобно греческому герою, пострадалъ за то, что требовалъ справедливости. Онъ живетъ теперь въ изгнаніи, а его враги

наслаждаются жизненными благами на награбленныя ими богатства. Посмотрите на Бюффе, говорили они,—вотъ истинно доблестный гражданинъ; онъ былъ два раза министромъ, а теперь живетъ въ изгнаніи, потому что отказался участвовать въ возмутительномъ насиліи. О! онъ принадлежитъ къ числу способнѣйшихъ людей во Франціи! Онъ слишкомъ честенъ и непоколебимъ въ убѣжденіяхъ. Бонапартисты стараются теперь залучить его къ себѣ, но онъ остается твердъ; онъ готовъ пойти на эшафотъ, подобно Верньо и Ролану, за принципы 1789 года.

Ведя жизнь частнаго человѣка, Бюффе, дѣйствительно снова обратился къ либерализму. Въ своихъ письмахъ, рѣчахъ и бесѣдахъ онъ являлся теперь защитникомъ всѣхъ „необходимыхъ свободъ", по выраженію Тьера. Бюффе снова преобразился въ пылкаго республиканца 1847 года, съ тою разницею, что теперь рѣчи его стали солиднѣе, дѣловитѣе, на нихъ лежала печать государственнаго человѣка. Теперь онъ ратовалъ за свободу сходокъ, ассоціацій и прессы, хотя самъ въ національномъ собраніи говорилъ противъ нея, требовалъ или отмѣны, или ограниченія этихъ „необходимыхъ свободъ". Теперь онъ защищалъ не только свободу какого-нибудь булочнаго или стеариноваго промысла, но свободу дѣйствительную—свободу гражданина и мыслителя. Такимъ образомъ, онъ сдѣлался героемъ парламентаризма, докторомъ доктринаризма, однимъ изъ тѣхъ республиканцевъ, которые своимъ идеаломъ считаютъ конституціонную монархію Великобританіи; однимъ изъ тѣхъ монархистовъ, которые принимаютъ за образецъ республику Соединенныхъ Штатовъ Америки.

Зная, какъ легко мѣняетъ Бюффе свои убѣжденія, искренно убѣжденные люди задавали себѣ вопросъ: „представляясь ревностнымъ либераломъ, не играетъ-ли Бюффе комедію?" Въ самомъ дѣлѣ, трудно вѣрилось, чтобы Бюффе, одинъ изъ авторовъ закона 31 мая, такъ внезапно преобразился въ защитника свободы и народныхъ правъ. Однакожь, сомнѣвающихся было очень мало; большинство вѣрило искренности

Бюффе. Не надо забывать, что онъ жилъ во Франціи, а у французовъ, какъ извѣстно, память коротка. Ихъ болѣе всего занимаютъ текущія событія, новости дня; вспоминать о прошломъ они не большіе охотники. Къ тому-же, либералы, довольные, что число ихъ увеличивалось постоянно, не желали припоминать грѣшковъ, водившихся за новообращенными. Либералы извиняли Бюффе его прежнее отступничество, или, какъ они деликатно выражались, его ошибки. И когда самъ Бюффе, на вопросъ одного республиканца, почему въ 1859 году онъ говоритъ противоположное тому, что высказывалъ въ 1849 году, отвѣчалъ, что теперь обстоятельства иныя, что тогда надобно было бороться съ разнузданностью страстей и пр. и пр.—этотъ отвѣтъ былъ признанъ самымъ обстоятельнымъ объясненіемъ недоразумѣнія и Бюффе былъ совершенно оправданъ.

~~~~~~~~

Бюффе былъ правъ, сказавъ, что въ 1859 году обстоятельства измѣнились. Въ періодъ времени съ 1849—51 годъ каждая партія дѣйствовала только за себя и враждовала со всѣми остальными. Теперь-же всѣ партіи соединились противъ господствующей — бонапартистской и враждовали съ нею одною. „Соединимся противъ общаго врага, забудемъ наши споры. Прежде одержимъ побѣду, а послѣ мы можемъ разойтись и каждый займется своимъ собственнымъ дѣломъ. Насъ одинаково преслѣдуютъ; было-бы глупо, если-бы мы стали по-прежнему грызть другъ друга“.

Коалиція враждебныхъ бонапартизму партій имѣла своимъ органомъ газету „Courrier du Dimanche“. Въ этой газетѣ уживались рядомъ самыя разнообразныя мнѣнія. Подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ неразумныхъ бонапартистовъ, незнавшихъ, чего они хотятъ, которыхъ восторжествовавшая коалиція непремѣнно выгнала-бы изъ своей среды, писали представители всѣхъ остальныхъ партій. Здѣсь парижская богема
~~~~~~~~

жала руки крупнымъ фабрикантамъ; будущіе коммунары мѣнялись сигарами и каламбурами съ бывшими пэрами, съ герцогами и графами; какой-нибудь всклокоченный малый, махнувшій рукой на всякія удобства жизни, а тѣмъ болѣе на свѣтскій этикетъ, размѣнивался любезностями съ педантичнымъ академикомъ. Въ этой коалиціи, впрочемъ, преобладали двѣ группы: республиканцевъ и орлеанистовъ. Каждая изъ нихъ была увѣрена, что эксплоатируетъ свою соперницу; каждая надѣялась получить на свой пай всю выгоду отъ временнаго союза. И та, и другая группа старалась привлечь, исключительно на свою сторону массу колеблющихся, неимѣвшихъ положительныхъ убѣжденій, которые пристали къ коалиціи только въ качествѣ людей, находящихся въ оппозиціи существующему порядку, но не принадлежавшихъ ни къ какой партіи. Многіе пристали къ оппозиціи потому только, что вмѣстѣ съ этимъ они пріобрѣтали нѣкоторый авторитетъ въ своемъ кружкѣ, становились интересными личностями. Оппозиція съ каждымъ днемъ разросталась, въ ея составѣ было много тайныхъ участниковъ, которые не могли или не желали открыто высказывать свои убѣжденія. Создалось нѣчто въ родѣ анти-бонапартистскаго франкъ-масонства. Члены узнавали другъ друга по извѣстному вращанію глазъ, пожиманію плечъ, по взгляду, бросаемому на городскихъ сержантовъ, по манерѣ чтенія офиціальной газеты „Moniteur“ и т. п.

Бюффе игралъ довольно видную роль въ этой парадоксальной группѣ, главными ораторами которой были: Шоди, Оссонвиль, Ланглуа, Дюшенъ, Казиміръ Перье, Альтонъ Шэ, Абу, Сарсэ, Ассоланъ, Вейсъ, Шассенъ, Лабулэ, Ганеско, Одифре-Пакье, Прево-Парадоль, любимецъ Тьера, „главный секретарь старыхъ партій“, какъ остроумно назвалъ его Сенъ-Бевъ, и другіе. Все это копошилось и хлопотало изо всѣхъ силъ, чтобы подточить вторую имперію; это былъ авангардный батальонъ арміи муравьевъ. Они не представляли собой никакой опредѣленной группы; точно безполые муравьи, они не были ни мужчинами, ни женщинами; они не исповѣды-

вали никакихъ опредѣленныхъ убѣжденій: ни республиканцы, ни орлеанисты, ни ханжи, ни свободные мыслители, ни революціонеры, ни консерваторы, ни примиряющіеся, ни непримиримые, ни искренніе, ни лукавые, ни честные, ни безчестные, они были только либералами. Какими-же либералами? Либералы бываютъ разныхъ сортовъ. Да просто либералы. Въ общемъ хорѣ каждый тянулъ на свой ладъ: одинъ визжалъ, другой свистѣлъ, третій оралъ во всю глотку,— однимъ словомъ, выходила страшная безтолковщина, какофонія, въ которой ничего нельзя было разобрать. Ничего не понимали и тѣ, противъ которыхъ былъ направленъ весь этотъ либерализмъ.

~~~~~~

Пять или шесть лѣтъ къ ряду пѣлъ этотъ нестройный хоръ, не помышляя объ организаціи собственной партіи. Наконецъ, главные ораторы оппозиціи рѣшили, что надобно-же выбрать какое-нибудь имя и тѣмъ дать очевидное доказательство, что партія существуетъ, какъ компактное цѣлое. Составился „*Либеральный союзъ*". Имя было найдено, но положеніе дѣла нисколько не измѣнилось; осталась та-же разноголосица, то-же отсутствіе опредѣленныхъ принциповъ. Успѣхъ знаменитыхъ *пяти*, Симона, Генона, Даримона, Фавра и Пикара, вскружилъ всѣмъ голову. Прежде никто изъ принадлежавшихъ къ оппозиціи не желалъ приносить присягу второй имперіи и потому не могъ попасть въ палату. Суровый авторъ „Права", Жюль Симонъ, показалъ примѣръ, давъ ложную присягу имперіи. Этого только и ждали честолюбцы, которыхъ томила жажда попасть въ законодательное собраніе, въ сенатъ, въ государственный совѣтъ, на службу въ посольствахъ и проч. Они смѣло записывались теперь въ „Либеральный союзъ", надѣясь, что принадлежность къ оппозиціи откроетъ имъ путь къ устройству карьеры.

„Либеральный союзъ" точно былъ созданъ для такихъ лю-
~~~~~~

дей, какъ Бюффе. Въ 1857 году онъ вздумалъ выступить снова на политическую арену. Онъ явился кандидатомъ на общихъ выборахъ въ законодательное собраніе въ качествѣ друга второй имперіи, но друга безпристрастнаго и независимаго. Однакожъ, онъ потерпѣлъ пораженіе; выборъ палъ на офиціальнаго кандидата, котораго поддерживали префектъ и вся администрація. Бюффе былъ изумленъ, зная, что префектъ своимъ мѣстомъ былъ обязанъ ему, былъ его собственной креатурой. Да и какъ было не изумиться, когда префектъ обозвалъ своего покровителя „разрушителемъ порядка, неисправимымъ революціонеромъ и республиканцемъ", онъ напоминалъ избирателямъ, что Бюффе былъ „секретаремъ Ледрю-Роллена" и пр., и пр.

На выборахъ 1863 года Бюффе снова выступилъ кандидатомъ. Въ это время звѣзда второй имперіи начала тускнуть, а звѣзда „Либеральнаго союза" блестѣла яркимъ свѣтомъ. Бюффе объявилъ себя либераломъ, исключительно либераломъ, кандидатомъ всѣхъ соединенныхъ оппозицій. Несмотря на желаніе мѣстной администраціи, префекта и самого министра внутреннихъ дѣлъ помѣшать избранію Бюффе, онъ былъ выбранъ огромнымъ большинствомъ голосовъ.

Вообще на этихъ выборахъ „Либеральный союзъ" успѣлъ провести въ палату сравнительно значительное число своихъ кандидатовъ. Ободренный успѣхомъ, онъ рѣшился выставить свою собственную програму преобразованія государственнаго строя Франціи, извѣстную подъ именемъ *нансійской програмы*. По этой програмѣ личное тюльерійское правительство должно было уступить мѣсто децентрализаціи административной и политической. Какъ военный маневръ въ борьбѣ съ бонапартистской имперіей, програма была недурна; что-же касается ея внутреннихъ достоинствъ, то мнѣнія на этотъ счетъ сильно расходились; одни находили, что авторы програмы въ своей погонѣ за децентрализаціей зашли слишкомъ далеко; другіе-же, напротивъ, утверждали, что ей сдѣлано слишкомъ мало уступокъ, — однимъ словомъ, эта програма никого вполнѣ не удовлетворила. Она была составлена подъ вліяніемъ самыхъ

разнообразныхъ тенденцій: прудоновскія идеи встрѣчались здѣсь съ клерикальными, буржуазныя—съ аристократическими. Програма вселяла недовѣріе во всѣхъ партіяхъ, такъ-какъ каждая изъ нихъ опасалась, что ея соперница оставила для себя много лазеекъ. Это можно было заключить изъ того, что каждая партія старалась увѣрить, что програма составлена исключительно въ пользу ея союзника. „Вамъ открывается полная возможность пересоздать Францію по образцу швейцарской и сѣверо-американской демократій", твердили монархисты республиканцамъ. Республиканцы, въ свою очередь, убѣждали монархистовъ, что, „проведя програму, они, монархисты, легко могутъ ввести во Францію англійскія учрежденія, дать силу и авторитетъ провинціальной аристократіи". Одни клерикалы были вполнѣ довольны; потирая руки, они мечтали о томъ, какъ, пользуясь большимъ вліяніемъ въ сельскихъ общинахъ, заберутъ въ свои руки всю власть, когда осуществится столь желанная для нихъ административная децентрализація.

Впрочемъ, сами авторы нансійской програмы смотрѣли на нее только какъ на маневръ въ борьбѣ съ бонапартизмомъ, не болѣе, и едва-ли желали ея осуществленія. По крайней мѣрѣ, впослѣдствіи, когда Парижъ, во время своей борьбы съ версальскимъ національнымъ собраніемъ, вздумалъ осуществить децентрализацію, они, авторы нансійской програмы, первыми потребовали признать Парижъ возмутившимся и для усмиренія его отправить войска. Брольи, Бюффе и имъ подобные защитники децентрализаціи произносили теперь пышныя рѣчи въ пользу централизаціи, въ которой они видѣли не гибель, какъ прежде, а спасеніе для Франціи; теперь они требовали употребленія пушекъ и штыковъ противъ людей, вздумавшихъ осуществить на практикѣ ихъ-же излюбленную програму. Не показываетъ-ли ясно этотъ случай, что Брольи, Бюффе и имъ подобные государственные люди не имѣютъ опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій, что они измышляютъ разныя програмы только для поддержанія затѣянной ими интриги и готовы всегда разбить эти-же самыя про-

грамы, когда онѣ становятся ненужными для ихъ цѣлей? Эти господа всегда теряются, когда ихъ обѣщаніямъ и предложеніямъ придаютъ серьезное значеніе, но они имѣютъ способность скоро оправляться, и тогда беццеремонно провозглашаютъ пагубными тѣ мѣры, которыя сами недавно считали панацеей отъ всѣхъ соціальныхъ бѣдствій и неустройствъ.

V.

Правительство второй имперіи видѣло необходимость сдѣлать что-нибудь для успокоенія децентрализаторовъ, но такъ, чтобы реформы обратить въ свою личную пользу. Оно поспѣшило объявить о своемъ желаніи ввести административную децентрализацію, но реформа въ этомъ направленіи ограничилась усиленіемъ власти префектовъ. Либералы были въ недоумѣніи: причемъ-же тутъ мѣстная автономія и свобода? Офиціальная пресса не замедлила просвѣтить ихъ на этотъ счетъ. Громкими и пышными фразами о свободѣ и самоуправленіи она старалась убѣдить либераловъ, что „правительство вполнѣ удовлетворило ихъ требованію: центральное правительство, передавъ часть своей власти мѣстнымъ административнымъ органамъ, сдѣлало все, что было возможно, для полной административной децентрализаціи. Либераламъ остается теперь только выразить достойнымъ образомъ свою признательность попечительному правительству".

Однакожъ, Руэръ, авторъ новаго закона и его объясненія, ошибся въ своихъ разсчетахъ. Либералы не удовлетворились; напротивъ, неудовольствіе ихъ возрасло еще болѣе. Чтобы нѣсколько погладить ихъ, правительство дало законодательному корпусу право обсуждать бюджетъ по статьямъ: до сихъ поръ палата обсуждала его только въ цѣломъ составѣ. Видя, что и этого мало, бонапартисты согласились предоставить депутатамъ право дѣлать запросы министерству. Но и эти

уступки не удовлетворили либераловъ; апетитъ ихъ увеличивался по мѣрѣ того, какъ они поѣдали дарованныя имъ уступки. Чтобы развлечь чудовище, готовое поглотить саму вторую имперію, бонапартисты не прочь были натравить его двумя годами ранѣе на Пруссію; но, къ ихъ горю, митральезы еще не были сооружены, а маршалъ Лебефъ не успѣлъ еще восполнить колекціи мѣдныхъ пуговицъ. Между тѣмъ надоѣдалъ Рошфоръ; его „Фонарь" сталъ пугаломъ для всей администраціи; новые выборы ввели въ законодательный корпусъ отрядъ *непримиримыхъ* депутатовъ... Надо было что-нибудь дѣлать для устраненія опасныхъ элементовъ. Руэръ и его товарищи придумали мудрѣйшій планъ: они разрѣшили гласное и свободное обсужденіе соціальныхъ вопросовъ, разсчитывая, что крайности, которыя, навѣрное, дозволятъ себѣ ораторы-республиканцы, испугаютъ либеральную буржуазію и она поневолѣ снова кинется въ объятія второй имперіи, убѣдившись, что и она, и вторая имперія имѣютъ общаго врага въ населеніи Парижа и большихъ городовъ.

„Въ народныхъ собраніяхъ, читаемъ мы въ современной газетѣ „La Démocratie",—произносились рѣчи, въ которыхъ рѣзко выражалась ненависть одного класса общества къ другому. Полицейскіе комисары, присутствующіе на сходкахъ, не моргнувъ глазомъ, съ добродушною улыбкою, выслушивали эти рѣчи. Они болѣе всего заботились о томъ, чтобы стенографы точно записали все, что говорилось на сходкѣ, и отправляли свои отчеты въ редакцію газеты „Pays". Тамъ главныя рѣчи ораторовъ отпечатывались немедленно и черезъ министерство внутреннихъ дѣлъ разсылались во всѣ офиціозныя провинціальныя газеты для перепечатанія. Потомъ въ спеціальномъ отдѣленіи министерства составлялась выборка изъ этихъ рѣчей, и дѣлалась она такъ ловко, что получался сводъ самыхъ ужасныхъ требованій демагоговъ. Эти выборки въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ разсылались къ префектамъ и раздавались избирателямъ... Замѣтивъ, что порядокъ водворился въ народныхъ собраніяхъ и что рѣчи ораторовъ стали умѣреннѣе, правительство порѣшило, что оно въ нихъ болѣе

не имѣетъ нужды. Сходки были закрыты, а ораторы призваны въ судъ исправительной полиціи. Теперь только простаки поняли, что они послужили орудіемъ въ рукахъ хитрецовъ; что ими хотѣли запугать буржуазію и поселянъ; что, однимъ словомъ, они работали только на пользу правительства второй имперіи...."

Тѣмъ не менѣе этотъ бонапартистскій маневръ сопровождался весьма жалкимъ успѣхомъ. Официальные кандидаты, правда, получили миліономъ голосовъ болѣе, чѣмъ кандидаты независимые, но этимъ большинствомъ они были обязаны сельскимъ жителямъ, неумѣющимъ ни читать, ни писать; всѣ-же города, всѣ большіе центры населенія, дали огромное большинство кандидатамъ оппозиціи. Бонапартисты должны были сознаться, что если дѣла пойдутъ такъ дальше, т. е. будетъ возрастать успѣхъ оппозиціи, то вторая имперія можетъ быть низвергнута тѣмъ-же всеобщимъ голосованіемъ, которымъ она до сихъ поръ держалась, что легко могло случиться даже при слѣдующихъ общихъ выборахъ въ законодательный корпусъ. Чтобъ избѣжать печальной катастрофы, бонапартисты прибѣгли къ безнравственнымъ мѣрамъ; разсчитывая на успѣхъ, они надѣялись тѣмъ отдалить или даже совсѣмъ отстранить грозу. Полиція должна была изобрѣсти ложный заговоръ, ложное возмущеніе, что дало-бы поводъ къ принятію репресивныхъ мѣръ. Министръ внутреннихъ дѣлъ Пинаръ во главѣ тридцати-тысячной арміи отправился на площадь Клиши усмирять возстаніе. Однакожъ, несмотря на ловкость агентовъ-подстрекателей, простаковъ, долженствовавшихъ фигурировать въ роли бунтовщиковъ, явилось такъ мало и они оказались такими кроткими и безобидными, что употребленіе противъ нихъ штыковъ было совершенно безполезно. Тридцати-тысячная армія, прогулявшись по парижскимъ улицамъ, возвратилась въ свои казармы, а Пинаръ получилъ отставку. Говорятъ, что, получивъ ее, онъ произнесъ меланхолическимъ тономъ: „Да, послѣ сраженій при Кверетаро и Садовой, которыя слѣдуетъ считать пораженіемъ Франціи, наша армія потеряла прежнее обаяніе. Она

теперь непригодна даже для подавленія внутреннихъ безпорядковъ".

Это фантастическое возмущеніе произвело хохотъ во всей Франціи. Вторая имперія видимо дряхлѣла. Ея агенты удвоили свою дѣятельность, но ихъ старанія пропадали даромъ; все, что ни предпринимали они, сопровождалось плачевной неудачей. Чувствуя, что почва уходитъ изъ подъ его ногъ, Наполеонъ III рѣшился броситься въ объятія либераловъ, съ тѣмъ, конечно, чтобы избавиться отъ нихъ, когда успѣшная внѣшняя война возвратитъ прежній блескъ его правленію. Бонапарты, и дядюшка, и племянникъ, никогда не церемонились съ людьми: пока человѣкъ былъ нуженъ имъ, они ласкали его, но какъ только изъ него выжимали все, что можно было выжать, они избавлялись отъ него, не пренебрегая, въ иныхъ случаяхъ, даже насильственными мѣрами, тюрьмой и ссылкой. И тому и другому пришлось по-необходимости прибѣгнуть къ либераламъ, но отомстить имъ за невольное униженіе передъ ними дядюшкѣ помѣшало Ватерлоо и св. Елена, а племяннику—Седанъ и Вильгельмсгэе.

VI.

Такимъ образомъ, къ удивленію всей Франціи, произошла внезапная перемѣна декорацій и на сцену выступили новые актеры. Бонапартистская политика всегда отличалась привязанностью къ театральнымъ эфектамъ. 2 января 1870 года Франція съ изумленіемъ узнала, что отнынѣ она свободна, что ей дается право управляться самой, что съ нея снята опека и она признана совершеннолѣтней. Наполеонъ III уволилъ деспотическое министерство и замѣнилъ его либеральнымъ. „Теперь, когда во главѣ министерства поставлены такіе люди, какъ Эмиль Оливье и Люи Бюффе, пѣла официальная и официозная пресса,—и республиканцы, и орлеанисты могутъ считать себя вполнѣ удовлетворенными".

Да, Наполеонъ III, подобно утопающему, хватающемуся за соломенку, рѣшился ввѣрить судьбу своей имперіи тому самому Оливье, который клялся своимъ избирателямъ, что „будетъ вѣчнымъ врагомъ дѣятелей 2 декабря“,—ввѣрилъ ее Люи Бюффе, который своимъ крикливымъ голосомъ безпрестанно напоминалъ палатѣ о необходимости существенныхъ реформъ: свободы прессы, утвержденія парламентаризма, избирательной, суда присяжныхъ для сужденія политическихъ преступленій, избранія мэра гражданами общины и пр.

Теперь, когда опубликованы секретныя тюльерійскія бумаги, мы знаемъ, что вице-императоръ Руэръ сильно противился назначенію Бюффе, помня его министерскую дѣятельность въ 1849 и 1851 годахъ. „Бюффе, писалъ онъ,—доктринеръ и крайне-нерѣшительный человѣкъ. Онъ никогда не отдается вполнѣ ни тому дѣлу, ни той системѣ, которымъ онъ служитъ... Нѣтъ, онъ неспособенъ провести имперію чрезъ каудинское ущелье“. Руэръ правильно характеризировалъ своего бывшаго товарища. Онъ былъ правъ, противясь его назначенію. Но и Наполеонъ III, также хорошо знакомый съ Бюффе, зналъ, что онъ дѣлаетъ, настаивая на его назначеніи. Бюффе долженъ былъ играть роль благороднаго отца въ комедіи и сдерживать слишкомъ легкомысленнаго Оливье. Присутствіе Бюффе въ министерствѣ ручалось за то, что какъ само министерство, такъ и нація повѣрятъ комедіи либерализма, которую вздумала разыгрывать бонапартистская вторая имперія. Къ тому-же, зная эластичность нравственныхъ правилъ Бюффе, Наполеонъ надѣялся убѣдить его, когда придетъ къ тому время, въ необходимости новаго государственнаго переворота. Императоръ разсчитывалъ, что либерализмъ непремѣнно дойдетъ до крайностей, что несомнѣнно наведетъ панику на такого солиднаго и спокойнаго человѣка какимъ былъ Бюффе. Трудно сказать, былъ-ли правъ Наполеонъ въ своихъ заключеніяхъ. По всей вѣроятности, онъ ошибался. Слишкомъ осторожный Бюффе не рѣшился-бы содѣйствовать такому рискованному предпріятію, какъ государственный переворотъ, потому что онъ въ это время уже

сталъ сомнѣваться въ прочности самого Наполеона. Какъ и всегда, Бюффе поторопился покинуть своихъ новыхъ союзниковъ.

Руэръ предупреждалъ императора, что Бюффе непремѣнно поставитъ условія своего вступленія въ министерство, выполнить которыя будетъ не легко. Дѣйствительно, Бюффе соглашался войти въ министерство только въ сопровожденіи своихъ друзей, большею частію орлеанистовъ: Дарю, Сегри, Талуэ, Луве и Вальдрома—звѣздъ третьей величины, среди которыхъ онъ блестѣлъ-бы яркимъ свѣтомъ. Однакожъ, нельзя сказать, чтобы въ 1870 году имя Бюффе пользовалось громкой извѣстностью не только въ Европѣ, но даже и во Франціи. Очень многіе спрашивали: кто такой Бюффе?—и получали различные отвѣты, смотря по тому, кто отвѣчалъ. Одни говорили: „Бюффе послѣ Оливье самый замѣчательный человѣкъ въ новомъ министерствѣ. Оливье представляетъ собою талантъ и краснорѣчіе; Бюффе—сдержанность, серьезность и парламентарную традицію". Другіе—конечно, непримиримые,—утверждали, что „Оливье олицетворяетъ собою крикливое тщеславіе, что онъ похожъ на обезьяну съ барабаномъ; Бюффе же принадлежитъ къ породѣ хорьковыхъ". Но какъ-бы тамъ ни было, Бюффе слѣдовало признать вліятельнымъ министромъ въ новомъ либеральномъ министерствѣ. Болѣе или менѣе значительные административные посты онъ замѣстилъ своими друзьями или пріятелями и поклонниками Тьера. Оставивъ Оливье наслаждаться ораторствомъ, Бюффе забралъ въ свои руки существенное; сдѣлавшись министромъ финансовъ, онъ пріобрѣлъ вліяніе на биржѣ и сталъ играть на денежномъ рынкѣ роль почти диктатора.

Можно было полагать, что, усѣвшись такъ комфортабельно въ министерское кресло, Бюффе постарается какъ можно долѣе не сходить съ него. Но и въ 1870 году Бюффе оставался тѣмъ-же, какимъ онъ былъ въ 1850. Онъ продолжалъ держаться того мнѣнія, что министръ долженъ немедленно оставить свой постъ, если ему приходится себя скомпрометировать до такой степени, что предстоитъ опасность потерять

прежнія связи и прежнюю репутацію. Руэръ вѣрно предвидѣлъ, что Бюффе неспособенъ оказать бонапартизму серьезныхъ услугъ. Бюффе прекрасно понималъ, что кабинетъ 2-го января можетъ быть только переходнымъ кабинетомъ; что соединеніе личнаго правительства съ либерализмомъ не можетъ дать прочной смѣси. Онъ зналъ, что по своей натурѣ бонапартистское правительство ненавидитъ либерализмъ; а проведя четверть вѣка съ либералами, онъ не могъ сомнѣваться въ чувствахъ, какія, въ свою очередь, либералы питаютъ къ бонапартистскому правительству. Могли-ли простить либералы принцу-президенту, что онъ провелъ ихъ какъ школьниковъ въ 1851 году? Могъ-ли Наполеонъ III отдать свою судьбу въ руки людей, которымъ онъ не довѣрялъ и которые взаимно не довѣряли ему?

На основаніи такихъ соображеній, Бюффе рѣшилъ оставаться въ министерствѣ только до тѣхъ поръ, пока оно имѣетъ неопредѣленный характеръ, пока публика не успѣла еще окончательно разочароваться въ либерализмѣ второй имперіи. Но когда онъ увидѣлъ, что убійство принцемъ Пьеромъ Бонапартомъ Виктора Нуара произвело страшное раздраженіе въ массѣ парижскаго населенія; когда онъ убѣдился, что вторая имперія рѣшительно не можетъ выносить либерализма; когда онъ понялъ, что подготовляемый плебисцитъ изобрѣтенъ съ цѣлію освободиться отъ ига либераловъ, въ родѣ Вейса, Гизо, Брольи, Оссонвиля, Прево-Парадоля и Лабулэ, старавшихся ограничить власть императора,—Бюффе разсудилъ, что для него настало время удалиться, если онъ не хочетъ, чтобы его вышвырнули, какъ негодное къ употребленію орудіе. Подъ предлогомъ какихъ-то неисправностей въ финансовой администраціи, за которыя онъ не желалъ принимать на себя отвѣтственности, онъ подалъ въ отставку. На этотъ разъ онъ пробылъ министромъ всего сто дней. Послѣ отставки популярность его значительно возросла; его прославили искреннимъ человѣкомъ, экономнымъ министромъ и настоящимъ либераломъ. Никогда Бюффе не пользовался такой завидной репутаціей, какъ въ это время. Въ его ис-

кренность повѣрили даже нѣкоторые изъ тѣхъ, которые хорошо знали ея цѣну; ослѣпленіе французовъ бываетъ иногда по-истинѣ изумительное.

Всѣмъ, кто слѣдитъ за политикой памятна знаменитая, сфабрикованная бонапартистами депеша, послужившая поводомъ къ объявленію войны Пруссіи. Министры, говоря съ негодованіемъ объ оскорбленіяхъ, которыми наполнена эта депеша, завѣряли палату честнымъ словомъ, что депеша дѣйствительно получена. Когда-же Фавръ, Гамбета и Тьеръ пожелали ознакомиться съ этимъ оскорбительнымъ документомъ, министерство отказалось исполнить ихъ желаніе подъ тѣмъ предлогомъ, что война уже объявлена. Тогда всталъ Бюффе и сказалъ: „Но если все уже кончено, вамъ нечего опасаться сообщить намъ о всѣхъ переговорахъ, которые велись по этому поводу“.

Горчица послѣ обѣда! Съ какимъ-бы уваженіемъ отнеслась къ Бюффе Франція, если-бъ вмѣсто этихъ безполезныхъ словъ онъ заявилъ, что страна не утвердитъ объявленія войны до тѣхъ поръ, пока не будетъ показана знаменитая депеша. Разумѣется, его безполезныя слова пропали даромъ, потому что министерство не удостоило ихъ отвѣтомъ и пренія были закрыты.

Послѣ этой манифестаціи Бюффе совершенно умолкъ; въ первый разъ онъ открылъ ротъ 4 сентября, въ тотъ моментъ, когда народъ ворвался въ засѣданіе законодательнаго корпуса. Онъ протестовалъ противъ „насилія, совершеннаго надъ палатой“. Онъ былъ взбѣшенъ, что его въ первый разъ заставили удалиться, а не самъ онъ вышелъ въ отставку. Онъ уже хотѣлъ объявить измѣнниками правительство Трошю-Фавра-Симона, водворившееся въ городской ратушѣ, но Тьеръ удержалъ его. „Подождите, придетъ и ваше время“, замѣтилъ онъ своему расходившемуся ученику.

VII.

Шесть мѣсяцевъ спустя, Бюффе былъ избранъ департаментомъ Вогезовъ въ національное собраніе, засѣдавшее въ Бордо.

Катастрофа, унесшая въ своемъ вихрѣ Бонапарта и причинившая Франціи массу бѣдствій, возвысила Бюффе въ общественномъ мнѣніи. Онъ смѣло, смотря прямо въ глаза всѣмъ, могъ говорить: „не виновенъ въ этихъ несчастіяхъ!" Каждый невольно сравнивалъ его съ Оливье, прозваннымъ „Coeur leger", и восхищался поведеніемъ Бюффе, отказавшагося отъ выгоднаго положенія, когда ему пришлось вступить въ сдѣлку съ совѣстью. Бордосское собраніе съ распростертыми объятіями приняло Бюффе. Тьеръ, его старый другъ и покровитель, предложилъ ему портфель министра финансовъ. Но Бюффе былъ слишкомъ остороженъ, чтобы принять этотъ рискованный постъ. Пруссаки еще занимали треть Франціи. Нужно было отыскать источники для уплаты имъ пяти милліардовъ. Къ тому-же можно было опасаться гражданской войны, если монархическое собраніе вздумаетъ объявить возстановленіе орлеанской или бурбонской монархіи. Осторожный Бюффе рѣшился выжидать событій. Онъ вотировалъ съ большинствомъ, тайно руководя имъ; повидимому, его симпатіи всецѣло были отданы орлеанистамъ, но онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ очень любезенъ съ легитимистами. Не отворачивался онъ и отъ республиканцевъ, потому что не могъ навѣрное сказать, какая форма правленія будетъ утверждена во Франціи: монархическая или республиканская.

Впрочемъ, Бюффе сомнѣвался относительно республиканскихъ тенденцій французскаго народа только въ то время, когда представлялся своимъ избирателямъ. Въ своей кандидатской рѣчи онъ проводилъ идею, что „республика залечитъ раны, нанесенныя Франціи безумствомъ одного человѣка".

Рѣчь говорилъ онъ съ запинкой, однакожъ, избиратели снова повѣрили ему и подали голоса за него. Въ палатѣ Бюффе осмотрѣлся и присталъ къ монархическому большинству. Однакожъ, онъ дѣйствовалъ, по обыкновенію, очень осторожно и рѣшительно заявилъ свои монархическія тенденціи только послѣ побѣды надъ Парижемъ. Когда рѣшалась судьба побѣжденныхъ, Бюффе былъ съ тѣми, которые требовали примѣненія самыхъ жестокихъ мѣръ.

Пока Тьеръ лавировалъ и держался скорѣе монархистовъ, чѣмъ республиканцевъ, Бюффе дѣйствовалъ съ нимъ за-одно. Но какая разница была теперь въ отношеніяхъ ихъ другъ къ другу! Изъ простого исполнителя, адъютанта, Бюффе возвысился теперь до степени начальника дивизіи и получилъ мѣсто въ самомъ совѣтѣ.

Въ этотъ моментъ Франція жаждала только спокойствія; ей нужно было возродиться, ей необходимо было залечить свои раны. Она ждала отъ своего правительства самыхъ необходимыхъ реформъ: отдѣленія церкви отъ государства, дарового и обязательнаго обученія, всеобщей воинской повинности, преобразованія французскаго банка и податной системы и, наконецъ, учрежденія народнаго кредита. Но Тьеръ ощущалъ особенный страхъ ко всякимъ перемѣнамъ, онъ готовъ былъ обвинять самого Наполеона III за приверженность къ нововведеніямъ. Онъ остался вѣренъ принципамъ, которыми онъ руководствовался въ свое первое министерство при Люи-Филиппѣ. Бюффе помогалъ ему въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ шелъ о принятіи какой-нибудь реакціонной мѣры, и расходился съ нимъ при всякомъ намекѣ на реформу. Бюффе подалъ свой голосъ за всѣ непопулярные законы, измышленные версальскимъ собраніемъ. Онъ вотировалъ законъ о распущеніи національной гвардіи, что было равносильно признанію неспособности управляющихъ классовъ, провозглашенію несовершеннолѣтія буржуазіи. Бюффе подалъ свой голосъ противъ свободы торговли и за утвержденіе учредительныхъ правъ за національнымъ собраніемъ, избраннымъ спеціально для заключенія мира съ непріятелемъ, занимавшимъ

треть Франціи. Бюффе вотировалъ противъ уравненія военнаго налога между крестьяниномъ, пролетаріемъ и буржуа; противъ возвращенія національнаго собранія въ Парижъ и пр., и пр. Не стоитъ перечислять всѣ реакціонные законы, за которые Бюффе подавалъ свой голосъ; ихъ слишкомъ много, несравненно болѣе прогресивныхъ, вотированныхъ Бюффе по большей части не ради убѣжденія, а по разсчету.

Должно быть, его дѣятельность въ палатѣ не понравилась избирателямъ департамента Вогезовъ, потому что они отказались выбрать его въ генеральный совѣтъ ихъ департамента.

Между тѣмъ самъ Тьеръ, убѣдившись, что реставрація Генриха V или Люи-Филиппа II орлеанскаго рѣшительно немыслима, пришелъ къ заключенію, что для Франціи теперь возможна только республиканская форма правленія. Хотя республика Тьера, въ которой онъ былъ президентомъ, была собственно республикой безъ республиканцевъ съ монархическими учрежденіями, но монархическія партіи были недовольны такимъ оборотомъ и обвинили Тьера въ измѣнѣ. Бюффе явился въ числѣ заговорщиковъ противъ своего бывшаго покровителя. „Тьеръ отказался произвести государственный переворотъ въ пользу слиянія, мы свергнемъ его самого“, рѣшили заговорщики. Но предстоялъ вопросъ, кѣмъ замѣнить его?

— Герцогомъ Брольи, предложилъ одинъ изъ заговорщиковъ.

— О, нѣтъ; ему не довѣряютъ ни графъ Шамборъ, ни друзья принца, протестовали легитимисты.

— Возьмемъ герцога Одифре-Пакье.

— Его ненавидятъ бонапартисты.

— Ну, такъ маркиза Франлье.

— Какъ можно! Орлеанскіе принцы находятся къ нему въ натянутыхъ отношеніяхъ. Къ тому-же можно опасаться,

что его назначеніе вызоветъ восстаніе въ деревняхъ, новую жакерію.

— Тогда не взять-ли Бюффе?

— Бюффе? Но развѣ онъ принадлежитъ къ числу людей избранныхъ, самимъ Провидѣніемъ отмѣченныхъ для великихъ подвиговъ. Не твердилъ-ли намъ постоянно Руэръ, что Бюффе доктринеръ, человѣкъ нерѣшительный, способный ходить только по расчищеннымъ дорожкамъ, въ немъ нѣтъ необходимой смѣлости, нѣтъ той дерзости, для которой не существуетъ препятствій. Нѣтъ, Бюффе не пригоденъ для осуществленія высшихъ цѣлей.

— У насъ есть еще маршалъ Мак-Магонъ, предложилъ „Figaro".

— О, милѣйшій Вильмессанъ, вамъ пришла въ голову геніальнѣйшая идея. Никто лучше этого честнаго и храбраго солдата не способенъ успокоить умы. При его содѣйствіи намъ легко будетъ достигнуть осуществленія нашихъ плановъ.

Заговорщики порѣшили остановиться на Мак-Магонѣ. Бюффе, недавно еще отстаивавшій конституцію Риве и увѣрявшій Тьера въ своей неизмѣнной преданности къ нему, перешелъ на сторону заговорщиковъ. Мало того, онъ рѣзче другихъ нападалъ на человѣка, которому далъ слово не отдѣляться отъ него ни въ какомъ случаѣ. Кампанія заговорщиковъ продолжалась шесть мѣсяцевъ; Тьеръ, припертый со всѣхъ сторонъ, сдѣлалъ неправильный ходъ; воспользовавшись его оплошностью, заговорщики выиграли у него партію.

~~~~~~~~

Побѣдители подѣлили между собою власть: Мак-Магонъ былъ назначенъ президентомъ республики, Брольи первымъ министромъ, Бэле министромъ внутреннихъ дѣлъ; на долю Бюффе досталось президентство въ національномъ собраніи. Составилось „правительство борьбы"... Исторія его управле-
~~~~~~~~

нія Франціею составляетъ эпопею... но здѣсь не мѣсто заниматься ею.

Отправленіе своей обязанности Бюффе началъ заявленіемъ, что онъ будетъ строго держаться „истиннаго безпристрастія“, которое вообще составляетъ главный принципъ „правительства нравственнаго порядка“. Однакожъ, это „истинное безпристрастіе“ президентъ національнаго собранія понималъ слишкомъ по-своему: для правой стороны онъ былъ медомъ и сахаромъ, для лѣвой—уксусомъ и сѣрной кислотой; по его мнѣнію, на одной сторонѣ сидѣли все честные люди, на другой—безчестные; на одной кроткія овцы, на другой—свирѣпыя козлища. Онъ наслѣдовалъ Греви, который былъ лишенъ таланта внезапно прекращать пренія требованіемъ голосованія. Спокойно сидя въ своемъ президентскомъ креслѣ, добродушный Греви всегда давалъ оратору высказываться до конца, но прерывалъ его безпрестанно напоминаніемъ не уклоняться отъ вопроса. Греви не былъ предводителемъ клякм, который знаками и жестами показываетъ, когда нужно аплодировать, а когда слѣдуетъ производить перерывъ или шумъ. Бюффе принялъ за образецъ не Греви, дѣйствительно вполнѣ безпристрастнаго предсѣдателя палаты, а предсѣдателей законодательнаго корпуса, Шнейдера, Морни и въ особенности знаменитаго Жерома Давида. Въ самомъ дѣлѣ такого искусника въ дѣлѣ президентства, какъ Жеромъ Давидъ, надо поискать; онъ умѣлъ служить своей партіи, и въ этомъ отношеніи едва-ли имѣетъ соперника. Какъ-то разъ Пельтанъ, въ одной изъ лучшихъ своихъ рѣчей, опираясь на массу неопровержимыхъ фактовъ, такъ ярко выставлялъ злоупотребленія бонапартистскаго правительства, что поколебалъ даже самихъ оффиціальныхъ депутатовъ. Давидъ вѣжливо, самымъ мягкимъ тономъ пригласилъ оратора оставить щекотливый сюжетъ. Расходившійся ораторъ не обратилъ вниманія на предостереженіе президента. Давидъ предложилъ ему сойти съ кафедры. Пельтанъ все-таки продолжалъ свою рѣчь. Тогда президентъ подозвалъ къ себѣ пристава и что-то сказалъ ему на ухо. Черезъ нѣсколько секундъ газъ былъ поту-

шенъ. Давидъ надѣлъ шляпу и вышелъ изъ залы засѣданія; за нимъ поплелось все собраніе, кромѣ оппозиціи, оставшейся въ темнотѣ дослушивать рѣчь своего оратора.

Конечно, Бюффе было далеко до Жерома Давида, дерзость котораго не знала границъ; онъ также никогда не осмѣливался рискнуть на цинизмъ Морни; но онъ мало терялъ при сравненіи съ Руэромъ и Шнейдеромъ, искусниками по части своевременнаго прерыванія и заключенія преній. И своими небольшими талантами Бюффе умѣлъ приносить пользу своимъ друзьямъ. Когда онъ замѣчалъ, что рѣчь оппозиціоннаго депутата опасна для его друзей, онъ подавалъ знакъ и раздавался крикъ: „заключить пренія!“ Бюффе немедленно предлагалъ голосованіе вопроса и, разумѣется, получалось большинство, утверждающее закрытіе преній. Бюффе обвиняли въ томъ, что онъ постоянно вызывалъ лѣвую сторону на какую-нибудь крайность. И это была правда. Правительство борьбы желало, чтобы сама палата подала поводъ къ вмѣшательству военной силы. Наполеонъ I и Наполеонъ III подали заразительный примѣръ такого вмѣшательства, сопровождавшагося для нихъ полнымъ успѣхомъ. Самые крайніе изъ партіи „моральнаго порядка“, устами своего органа, газеты „Figaro“, твердили: „Чего думаетъ маршалъ Мак-Магонъ? Все готово. Ему надо только осмѣлиться — и судьба страны будетъ находиться въ его рукахъ. Удалось-же Павіи совершить государственный переворотъ въ Мадридѣ! Слѣдуетъ рискнуть и намъ!“

Но, побуждаемый съ одной стороны бонапартистами, съ другой—легитимистами, маршалъ Мак-Магонъ вовсе не желалъ рисковать. Онъ, вѣроятно, держался того правила, что отъ вѣрнаго невыгодно идти къ невѣрному: онъ получалъ очень хорошее содержаніе, чего-же ему было искать при помощи государственнаго переворота.

Благодаря нежеланію Мак-Магона рискнуть на переворотъ, черезъ сорокъ мѣсяцевъ послѣ низверженія Тьера и водворенія „правительства борьбы“ Франція по-прежнему оставалась республикой. Мало того, республиканская форма пра-

вленія была теперь утверждена самимъ національнымъ собраніемъ. Къ удивленію людей, непосвященныхъ въ тайну, Бюффе подалъ свой голосъ за утвержденіе республики. Онъ говорилъ, что сдѣлалъ это не по собственному убѣжденію, а по желанію принцевъ Орлеанскихъ. Такіе политики, какъ Брольи и Бюффе, часто поражаютъ неожиданностью. Въ ихъ дѣйствіяхъ личный разсчетъ всегда преобладаетъ надъ всякими другими соображеніями. Партія къ которой они принадлежать въ извѣстный моментъ, никогда не можетъ вѣрно разсчитывать на ихъ содѣйствіе.

Партія „правительства борьбы" рѣшительно была убѣждена, что національное собраніе никогда не согласится на утвержденіе республиканской формы правленія. Брольи и его товарищи, повидимому, совершили все, чтобы сдѣлать такой исходъ невозможнымъ. Не только на высшія, но даже и на многія второстепенныя административныя должности они усадили бонапартистовъ, легитимистовъ и орлеанистовъ; очень немногія мѣста остались за республиканцами. Не будетъ парадоксомъ сказать, что въ управленіе Брольи французская администрація стала болѣе бонапартистской, чѣмъ даже во время второй имперіи; получили мѣста многіе изъ такихъ дѣятелей, которыхъ отвергала вторая имперія изъ боязни непопулярности. Такимъ образомъ въ администраціи три четверти чиновниковъ были явными или тайными бонапартистами; большинство въ остальной четверти принадлежало къ клерикаламъ; четыре пятыхъ офицеровъ арміи были тоже бонапартисты и клерикалы, одна пятая—республиканцы. Парижская полиція, три четверти которой состояло изъ бонапартистовъ, тайно помогала распространенію слуховъ о предстоящемъ провозглашеніи императоромъ Наполеона IV. Эти толки продолжались такъ настойчиво, что произвели панику въ Парижѣ. Предводители бонапартистской партіи подняли голову. Руэръ получалъ донесенія отъ префектовъ, въ которыхъ его величали г. министромъ и „ваше высокопревосходительство". Казалось, все было готово къ произведенію го-

сударственнаго переворота; обитатели Чизльгерста уложили свои пожитки для путешествія во Францію...

И все это произошло по винѣ Тьера и Дюфора, нерѣшившихся очистить администрацію отъ бонапартистовъ; по винѣ Брольи, Бэле и Бюффе, переполнившихъ ее бонапартистами, т.-е. давшихъ имъ средство на казенный счетъ вести свою интригу, успѣхъ которой несомнѣнно повлекъ-бы за собой арестъ и изгнаніе и Тьера, и Дюфора, и Брольи, и Бюффе; не поздоровилось-бы, вѣроятно, и самому маршалу Мак-Магону...

Замѣчательно, что объ этой бонапартистской интригѣ, извѣстной хорошо даже парижскимъ уличнымъ мальчишкамъ, не знало только „правительство борьбы". Если ему докладывали о ней, оно не хотѣло вѣрить и продолжало дѣйствовать въ прежнемъ направленіи, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе запутывая дѣла.

Впрочемъ, не надо забывать, что со времени назначенія либеральнаго министерства Оливье-Бюффе орлеанисты примирились съ Наполеономъ III; имъ очень не трудно было примириться съ Наполеономъ IV и взять на свою долю все, что онъ могъ дать имъ въ благодарность за то, что они не противодѣйствовали интригамъ его партіи. Слѣдовательно, орлеанисты не имѣли особенно сильныхъ побужденій противиться утвержденію третьей имперіи. Но принцы Орлеанскіе не могли смотрѣть хладнокровно на успѣхъ бонапартизма. Въ случаѣ утвержденія третьей имперіи имъ предстояли: значительная денежная потеря и скучная ссылка въ Твикэнгемъ Впродолженіи четырехъ лѣтъ со времени возвращенія своего во Францію принцы дѣятельно, но безуспѣшно работали для реставраціи Орлеановъ; однакожь врожденная скупость заставляла ихъ часто останавливаться предъ расходами. Не помогъ имъ даже процесъ Базена, на который они сильно разсчитывали. 24 февраля 1875 года дѣло орлеанской реставраціи находилось въ болѣе безотрадномъ положеніи, чѣмъ 24 февраля 1871 года. Между тѣмъ успѣхъ бонапартистской интриги съ каждымъ днемъ становился все болѣе и болѣе очевиднымъ и

можно уже было опасаться крайняго шага отъ этихъ людей, доказавшихъ не разъ, что они для достиженія своей цѣли готовы ухватиться за всякое средство, какъ-бы безнравственно оно ни было. Принцамъ ничего болѣе не оставалось теперь, какъ сойтись съ гамбетистами. Начались переговоры. Орлеанисты согласились на утвержденіе республики, но выговорили монархическія учрежденія. Говорятъ даже, будто былъ порѣшенъ вопросъ и о штаттальтерствѣ принца Омальскаго. Такъ или иначе, но гамбетисты согласились подать руку орлеанистамъ; результатомъ этого союза было признаніе 25 февраля 1875 года республиканской формы правленія. Признаніе это совершилось большинствомъ одного голоса, и голосъ этотъ подалъ никто иной, какъ Бюффе.

Многіе выразили Бюффе свое удивленіе. Какъ-же это, работая 40 мѣсяцевъ для утвержденія монархіи, онъ въ самый рѣшительный моментъ отвернулся отъ нея? Онъ извинялъ себя тѣмъ, что не можетъ-же быть болѣе монархистомъ, чѣмъ принцы Орлеанскіе, естественные предводители той партіи, къ которой онъ принадлежалъ. Но, конечно, не эти соображенія руководили Бюффе, который всегда дѣйствовалъ только подъ вліяніемъ своихъ личныхъ чувствъ. Онъ видѣлъ ясно, что, несмотря на самую энергическую дѣятельность „правительства борьбы“, Франція при каждомъ удобномъ случаѣ выражала свое желаніе, чтобы была утверждена республиканская форма правленія. Ему оставалось только извлечь всю пользу изъ своего новаго положенія. Двадцать пять лѣтъ онъ мечталъ быть главой кабинета, руководителемъ французской внѣшней и внутренней политики, и случай осуществить эту мечту представился. А тамъ—кто знаетъ—можно попасть и въ президенты республики. „Недурно распоряжаться судьбой 36-миліоннаго населенія“, думалъ Бюффе, и поспѣшилъ подать свой голосъ. Такимъ образомъ Бюффе разрушилъ интригу бонапартистовъ, которой самъ покровительство-

валъ; Бюффе помогъ осуществленію програмы Тьера, противъ которой онъ боролся и которая послужила причиной низверженія Тьера; Бюффе уничтожилъ надежды монархистовъ хотя самъ поддерживалъ ихъ и употреблялъ всѣ усилія для ихъ осуществленія. Какъ посмѣялся надъ нимъ старый хитрецъ Тьеръ, имѣющій право сказать, что онъ вполнѣ отомщенъ!

Надобно отдать справедливость Бюффе, что онъ на каждомъ шагу старался показать, съ какой досадой онъ поклонялся тому, что сжигалъ. Съ самаго момента назначенія его президентомъ кабинета республики, „премьеромъ", какъ говорятъ англичане, онъ дѣлалъ все возможное, чтобы помѣшать мирному и спокойному утвержденію республиканской формы правленія. Можно было предполагать, что, достигнувъ высокаго поста, о которомъ онъ мечталъ, Бюффе сдѣлается добрѣе и сообщительнѣе. Но такъ могъ думать только тотъ, кто мало знаетъ Бюффе. Сдѣлавшись первымъ министромъ, Бюффе сталъ еще требовательнѣе; онъ вѣчно былъ не въ духѣ, вѣчно сердился. Его бѣсило, что ему приходилось осуществить тьеровскую програму. Хотя въ администраціи не оставалось почти ни одного республиканца, но республиканскій духъ былъ еще силенъ въ палатѣ; еще рѣшительнѣе проявлялся онъ въ прессѣ. Если-бъ еще дѣйствовала правительственная система, которой ознаменовала себя вторая имперія, Бюффе съумѣлъ-бы быстро покончить съ элементами, недававшими ему покою. Но приходилось дѣлать все гласно, обращаться къ помощи прокуроровъ, адвокатовъ... А тутъ еще запросы въ палатѣ... тяжело, ужасно тяжело; какъ не сказать вмѣстѣ съ пѣсней Пандора:

C'est un métier difficile
Garantir la propriété,
Défendre les champs et la ville
Du vol et de l'iniquité".

т. е. трудное ремесло охранителя собственности, защитника полей и городовъ отъ грабежа и несправедливости.

Да, не легко приходилось Бюффе. Дальнѣйшія событія показали, что, при всей его изворотливости и способности къ интригѣ, онъ кончилъ тѣмъ, что сломалъ себѣ шею.

VIII.

Исторія президентства Мак-Магона и управленія Бюффе впослѣдствіи, вѣроятно, будетъ издана въ объемистомъ томѣ, подъ заглавіемъ: „Невѣроятные разсказы". Здѣсь, не касаясь подробностей управленія Бюффе, мы сообщимъ лишь нѣкоторые выдающіеся факты его дѣятельности. Замѣтимъ только, что либералы, творцы нансійской програмы, обезпечили клерикаламъ такой успѣхъ, какого тѣ не имѣли даже во время ихъ господства при реставраціи. Эти доктринеры, тщеславившіеся, что только они обладаютъ тайной парламентаризма и квинт-эссенціей конституціонализма, доказали, что они могутъ управлять страной только при условіи осаднаго положенія. Они топчутъ ногами тѣ виды свободы, которые сами считали абсолютно-необходимыми. Во время министерства Бюффе, какъ и во время управленія Брольи, прессу могли карать три вѣдомства: судъ, вчиная судебное преслѣдованіе; гражданская администрація, запрещая розничную продажу, и военная, въ силу осаднаго положенія, имѣющая право или пріостановить или совсѣмъ запретить выходъ періодическаго изданія, притомъ ничемъ не мотивируя свое распоряженіе. Подъ конецъ своей министерской дѣятельности Бюффе, находя недостаточно строгими существовавшія узаконенія о прессѣ, внесъ въ палату новый законъ о прессѣ, который своей суровостью затмѣвалъ всѣ существовавшіе и существующіе законы о печати.

Бюффе, вступая въ отправленіе своей новой обязанности, заявилъ, что онъ не намѣренъ измѣнять ничего, что онъ не произведетъ никакой перемѣны въ администраціи; между тѣмъ многіе изъ членовъ этой администраціи компрометировали

себя участіемъ въ бонапартисткой интригѣ. Объявляя это, Бюффе тѣмъ самымъ давалъ понять, что голосованіе 25 февраля не имѣетъ никакого практическаго смысла. Франція надѣялась, что новое министерство начнетъ свое управленіе съ того, что совершенно очиститъ администрацію отъ бонапартистовъ и тѣмъ водворитъ спокойствіе, въ которомъ сильно нуждалась страна. Сами орлеанисты совѣтовали Бюффе уволить ліонскаго префекта Дюкро, возбудившаго противъ себя всѣ партіи, конечно, кромѣ бонапартистовъ, которымъ онъ явно покровительствовалъ. „Я не измѣню ни одного слова въ моей програмѣ, не смѣщу ни одного чиновника", рѣзко отвѣтилъ Бюффе.

Вторымъ выдающимся фактомъ дѣятельности премьера Бюффе было взятіе подъ свое покровительство Руэра и бонапартистовъ. Рѣчь его, произнесенная въ палатѣ по этому поводу, въ переводѣ на обыкновенный разговорный языкъ можетъ быть изложена слѣдующими словами: „Вы увѣряете, что существуетъ бонапартистскій заговоръ противъ моего правительства. Я не хочу знать этого. Вы мнѣ даете доказательства; они меня нисколько не интересуютъ. Опасность съ другой стороны. И если мнѣ приходится дѣлать выборъ между республиканцами, давшими мнѣ свои голоса и вручившими министерскій портфель, и бонапартистами, подкапывающимися подъ мое правительство, не колеблясь ни минуты, я объявляю, что сердце мое лежитъ къ бонапартистамъ... Между республиканцами есть нѣкто Гамбета, который для меня рѣшительно невыносимъ. Вмѣсто того, чтобы вотировать противъ Руэра, вотируйте противъ Гамбеты. Если вы не сдѣлаете этого, я тотчасъ-же выйду въ отставку. А если я выйду въ отставку, маршалъ-президентъ положитъ конецъ парламентарной системѣ, составляющей залогъ нашего благополучія".

Кажется невѣроятно, а между тѣмъ нельзя было дать другого смысла рѣчи перваго министра французской республики. Палата такъ и поняла эту рѣчь, потому что поспѣшилаисполнить желаніе Бюффе.

Затѣмъ послѣдовалъ законъ о свободѣ высшаго образованія, развязывающій руки іезуитамъ. Всѣ французы, свободные отъ клерикальнаго вліянія, смотрятъ на принятіе этого закона собраніемъ, какъ на пораженіе, болѣе пагубное, чѣмъ пораженіе при Седанѣ. Принятіе этого закона было пораженіемъ управляющихъ классовъ; буржуазія собственными руками нанесла себѣ ударъ. Если этому закону дадутъ существовать двадцать лѣтъ, то можно навѣрное предсказать, что буржуазія въ смыслѣ политическомъ исчезнетъ во Франціи. Чего не удалось клерикаламъ во время реставраціи, того добились они при республикѣ, при управленіи министерства Бюффе.

Что касается снятія осаднаго положенія, чего давно требуетъ Франція, Бюффе, на вопросъ, когда-же онъ покончитъ съ этимъ ненормальнымъ положеніемъ,—отвѣчалъ: „Положеніе дѣйствительно ненормальное, но министерство не можетъ разстаться съ нимъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ принятъ новый законъ о прессѣ. Выходки журналистики мѣшаютъ намъ спокойно управлять страною". Бюффе не договорилъ, что осадное положеніе ему необходимо противъ республиканцевъ.

Повидимому, все мѣшаетъ спокойному управленію министерства Бюффе: журналистика, школа, если она не находится подъ вѣденіемъ іезуитовъ, даже самая наука. Химикъ Накэ, депутатъ національнаго собранія, желалъ прочесть въ Парижѣ нѣсколько публичныхъ лекцій о спектральномъ анализѣ. Администрація Бюффе усмотрѣла какую-то опасность въ этомъ чтеніи и не дала своего разрѣшенія. Накэ замѣчательный химикъ, но по своимъ политическимъ убѣжденіямъ принадлежитъ къ республиканской партіи,—этого было достаточно для того, чтобы запретить ему читать публичныя лекціи.

Спрашивается теперь, для чего Бюффе подавалъ свой голосъ за утвержденіе республиканской формы правленія? Одинъ изъ сатирическихъ листковъ отвѣчаетъ: для того, чтобы, олицетворивъ въ своей особѣ республиканскую форму правленія,

сдѣлать ее ненавистной большинству французовъ. И въ самомъ дѣлѣ, министерство Бюффе-Дюфора дѣйствовало такимъ образомъ, что можно признать истину въ приведенномъ выводѣ сатирическаго листка.

„Быть можетъ, Франціи предстоятъ новыя бѣдствія и не живемъ-ли мы наканунѣ ихъ“? спрашивалъ извѣстный французскій публицистъ, чрезъ нѣсколько дней послѣ назначенія Бюффе главой министерства. Отвѣтъ его на этотъ мучительный вопросъ мы приводимъ ниже, въ извлеченіи:

„Конституція 1848 года имѣла недолговѣчное существованіе. Ребенку не было еще трехъ лѣтъ, какъ въ одну декабрьскую ночь на него напала толпа авантюристовъ и убила его. Его мать, Францію, эти авантюристы скрутили веревками, положили кляпъ въ ротъ; потомъ, помѣстившись въ ея домѣ и завладѣвъ всѣмъ ея имуществомъ, сдѣлали ее своей служанкой.

„Время отъ времени авантюристы уходили на фуражировку, какъ въ окрестности, такъ и въ „отдаленныя экспедиціи“. Время отъ времени къ несчастной плѣнницѣ приходилъ ея возлюбленный „Геній вѣковъ“. Своими нѣжными ласками онъ утѣшалъ ее, приголубивалъ, на время облегчалъ ея горе... Плѣнница забеременѣла; по свойственной всѣмъ матерямъ слабости, она ранѣе рожденія ребенка мечтала, какой онъ выйдетъ здоровый и хорошій; она уже не сомнѣвалась, что придетъ день, ея дитя подростетъ, освободитъ ее отъ неволи и обезпечитъ ей счастье и благосостояніе.

„Пока она такъ мечтала и надѣялась, авантюристы вздумали напасть на сосѣдній домъ, принадлежавшій тевтонамъ, съ цѣлью поживиться. Тевтоны, давно уже не довѣрявшіе сосѣду, были готовы отразить нападеніе. Они не только отразили хищныхъ авантюристовъ, но еще погнали ихъ передъ собой, знатно исколотили и преслѣдовали ихъ до ихъ собственнаго дома. Здѣсь они нашли несчастную плѣнницу;

тщетно кричала она: „они ваши враги, а не я", — тевтоны въ гнѣвѣ побили ее, поволокли за волосы и своими огромными шпорами разорвали животъ. Несчастная, почти умирающая, была брошена на землю. Послѣдовали преждевременные роды. Къ удивленію всѣхъ, ребенокъ родился живымъ.

„Мать, несмотря на множество ранъ, ею полученныхъ, начала мало-по-малу поправляться. Лежа въ своей постели, съ трудомъ поворачиваясь отъ неутихнувшей еще боли, цѣлыми часами она любовалась своей дочерью, которой дала имя „Республика". Свѣженькое, розовенькое дитя улыбалось своей матери; въ его черныхъ глазахъ горѣлъ огонь; ребенокъ былъ веселъ и здоровъ. Еще неоправившаяся отъ своихъ страданій мать наконецъ устала и задремала. Во снѣ она видѣла себя уже совершенно здоровой, наслаждающейся спокойной жизнью...

„И вотъ она проснулась. Отдернувъ занавѣски колыбели своей дочери, она отшатнулась назадъ. Она протираетъ свои глаза, чтобы увѣриться, что не спитъ. Ея дитя исчезло, а на мѣсто его лежитъ какой-то пузанъ, съ вывороченными руками, съ кривыми ногами, съ старческимъ личикомъ... Что это такое?

„Во время ея сна въ комнату вошла колдунья, схватила дочь Генія вѣковъ и замѣнила ее уродцемъ. Бѣдная мать, убѣдясь, что она не спитъ и что, дѣйствительно, ея дитя замѣнено другимъ, зарыдала. „Гдѣ мое дитя?" спрашивала она.

„— Я здѣсь, въ колыбели, кричалъ пронзительнымъ голосомъ уродецъ.—Посмотри на меня, мама, это я, твой маленькій Бюбюффе, твой розовенькій бебе, меня зовутъ Республикой, ты-же дала мнѣ это имя.

„— Ваше дитя здѣсь, твердили одна за другой служанки, кумушки и знакомыя, прибѣжавшія къ постели роженицы, услыхавъ ея рыданія.

„— Сударыня, это ваше дитя! увѣряли ее професоръ Лабулэ, докторъ Шереръ (изъ „Temps"), пасторъ Пресансе, инженеръ Сэзанъ, адвокатъ Рикаръ и Лефебръ-Понталисъ.

„— Могу васъ увѣрить, сударыня, что этотъ мальчуганъ

дѣйствительно ваша дочь! говорилъ Гамбета, другъ дома. — Вы должны беречь и лелѣять ваше дитя.

„Но мать не хотѣла вѣрить ни одному изъ нихъ и продолжала кричать: „Гдѣ мое дитя? Куда дѣвали мою дочь?"

„Тогда пришелъ Валлонъ, взялъ руку больной, пощупалъ пульсъ и авторитетнымъ тономъ произнесъ:

„— Вы находитесь подъ дѣйствіемъ кошмара! Ваше разстроенное воображеніе, сударыня, мѣшаетъ вамъ видѣть предметы въ настоящемъ свѣтѣ. Этотъ мальчикъ — наша Республика. Кому-же знать это лучше, какъ не мнѣ, его отцу? Впадая въ галюцинаціи, вы увѣряете, что отцомъ вашего ребенка былъ какой-то Геній вѣковъ, какой-то сказочный принцъ. Вы больны, сударыня, и видите нелѣпые сны. Но мы васъ вылечимъ, сударыня; пустимъ вамъ кровь, сударыня; дадимъ вамъ слабительнаго, при нуждѣ поставимъ клестиръ, и повѣрьте, сударыня, вы встанете на ноги и будете...

„Но бѣдная мать не хотѣла слушать его долѣе; она прервала его слѣдующими словами:

„— Неужели я сошла съума! Всѣ они говорятъ одно и то-же. И этотъ Валлонъ, этотъ педантъ, академикъ, называетъ себя моимъ мужемъ. И этотъ Люи Бюффе, доктринеръ, переметная сума, увѣряетъ меня тоже, что это моя дочь, Республика. Право, я могу дѣйствительно помѣшаться!"

IX.

Мы очень мало говорили о наружности Бюффе. Начертимъ теперь портретъ его; постараемся, чтобы въ нашемъ описаніи онъ былъ вѣренъ, какъ лучшая фотографія. Бюффе не похожъ на Аполлона, его фигура не изъ красивыхъ, но ее нельзя назвать безобразной, она только непріятна. Если, не зная его, вы встрѣтите его на улицѣ, вы непремѣнно скажете: „онъ довольно приличенъ; вѣроятно, это столоначальникъ, можетъ быть, даже начальникъ отдѣленія въ какой-

нибудь канцеляріи, пожалуй, это стряпчій или секретарь въ канцеляріи генералъ-прокурора". Бюффе всегда одѣтъ въ черный фракъ, онъ вѣчно носитъ бѣлый галстукъ; платье на немъ сидитъ хорошо и тщательно вычищено, сапоги блестятъ. Онъ небольшого, даже малаго роста, но вѣчно вытягивается и потому кажется выше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Онъ коротконогъ, но съ длинной таліей; въ сидячемъ положеніи и на трибунѣ онъ можетъ показаться человѣкомъ средняго роста. На худомъ тѣлѣ у него поставлена нѣсколько наискось большая костлявая голова; скулы у него выдающіяся, носъ длинный, ноздри ущемленныя; длинный и острый подбородокъ; кожа сухая, вялая, сморщенная; губы тонкія; произноситъ онъ явственно, но голосъ у него грубый и рѣзкій; въ патетическіе моменты онъ издаетъ звуки, похожіе на шумъ трещотки или скрипъ телѣги. Облическіе, неподвижные глаза Бюффе совершенно лишены бровей, Бюффе постоянно носитъ пенснэ.

Бюффе никогда не смотритъ прямо въ глаза своему собесѣднику; онъ оглядываетъ его съ боку; онъ такъ внимательно осматриваетъ васъ и слѣдитъ за каждымъ вашимъ движеніемъ, что вамъ становится, наконецъ, непріятно и неловко. Когда онъ заговоритъ, его рѣзкій, грубый голосъ, улыбка его тонкихъ губъ возбуждаютъ непріятное впечатлѣніе. Отъ всей фигуры его вѣетъ гордостью, тщеславіемъ, насмѣшкой и презрѣніемъ къ людямъ. Онъ какъ-бы говоритъ вамъ: „Всѣ окружающіе меня — глупцы, какъ легко мнѣ употреблять въ свою пользу ихъ тупость! Я слишкомъ хитеръ для нихъ!"

Бюффе, однакожь, не совсѣмъ правъ, думая, что его не понимаютъ окружающіе. Правда, онъ занималъ положеніе несравненно высшее того, которое онъ заслуживалъ своими талантами и знаніями. Но онъ вовсе не такъ опасенъ, какъ самъ предполагаетъ. Опасными могутъ быть только люди, возбуждающіе сильный энтузіазмъ въ массѣ. Но ни въ фигурѣ, ни въ манерахъ, ни въ рѣчахъ, ни въ дѣятельности Бюффе нѣтъ ничего такого, что-бы могло возбуждать симпатію. Съ своимъ острымъ и длиннымъ подбородкомъ, съ презрительнымъ взглядомъ, который онъ бросаетъ вокругъ

себя, Бюффе очень походитъ на воспитательницу-англичанку методистской секты, на старую дѣву, неимѣвшую никогда красоты, но гордую своей недоступностью и знаніемъ приличій, нѣсколько злую и несносную для окружающихъ, медъ для себя самой, уксусъ для всѣхъ другихъ. Бюффе былъ-бы совершенно на своемъ мѣстѣ въ купеческой или банкирской конторѣ. Но судьба вознесла его и онъ достигъ даже должности перваго министра французской республики. Его вездѣ выручалъ случай. Случайно онъ попалъ въ колегію Карла Великаго; случайно онъ понравился Тьеру, который полагалъ сдѣлать изъ него преданнаго ему второстепеннаго агента. Онъ могъ обмануть Тьера, но не обманулъ народа; если онъ не такъ непопуляренъ, какъ Брольи, то это потому, что онъ менѣе на виду.

„Г. Бюффе имѣетъ много недостатковъ, говоритъ газета „Temps",—онъ сухъ, подчасъ очень грубъ; онъ боится имѣть слишкомъ много друзей; онъ дѣлаетъ все возможное, чтобы вырвать съ корнемъ возрождающуюся къ нему симпатію..."

„Сколько стѣснительно имѣть Бюффе за себя, столько-же опасно имѣть его противъ себя, говоритъ „Journal des Débats".—Гдѣ не существуетъ никакихъ затрудненій, онъ старается ихъ создать; въ этомъ отношеніи онъ чрезвычайно изобрѣтателенъ... У него убѣжденія вѣчно колеблющіяся; неизмѣнна въ немъ только язвительность. Тщеславіе составляетъ отличительную черту его характера. Онъ тщеславится тѣмъ, что у него очень дурной характеръ.

„—Я знаю, что у меня дурной характеръ, говоритъ онъ,—но это составляетъ одно изъ лучшихъ моихъ качествъ".

Но если дурной характеръ извѣстнаго лица не составляетъ еще худшаго изъ его качествъ, то каковы-же должны быть другіе недостатки, еще болѣе невыносимые?

Подобно покойному Гизо, Бюффе хвалится тѣмъ, что онъ презираетъ общественное мнѣніе. Какой-то острякъ, услышавъ отъ него эту похвальбу, весьма резонно замѣтилъ ему:

— Вы вправѣ это дѣлать, потому что оно платитъ вамъ той-же монетой.

Презирая общественное мнѣніе, Бюффе не сердится и не огорчается, когда услышитъ, что его ненавидятъ. Какъ-то разъ онъ промолвился, что его нисколько не тронуло-бы, еслибъ онъ прочелъ въ одной изъ газетъ оппозиціи, что его считаютъ великимъ преступникомъ. Но этого ему не придется прочесть; его не признаютъ такимъ страшилищемъ какимъ онъ самъ себя выставляетъ.

Слишкомъ занятый своей собственной особой Бюффе очень мало озабочивался судьбой французской націи, когда власть находилась у него въ рукахъ; заботы его, главнымъ образомъ, сосредоточивались на собственной особѣ. Онъ даже мало заботился о своей партіи и готовъ былъ измѣнить ей во всякую минуту, если-бъ такая измѣна была выгодна для его личныхъ цѣлей. Политика, которой онъ слѣдовалъ въ бытность его первымъ министромъ имѣетъ большое сходство съ ловкостью лавочника, который заботится только о томъ, какъ-бы получить побольше барыша. Бюффе ловокъ, умѣетъ пользоваться обстоятельствами, знаетъ, чѣмъ можно завлечь въ данное время своихъ слушателей. При всемъ этомъ онъ мастеръ казаться человѣкомъ вполнѣ респектабельнымъ. Какъ онъ гордо держитъ голову, когда говоритъ о своей вѣрности либерализму, о своей непоколебимой преданности парламентскимъ принципамъ и обычаямъ! При небольшомъ умѣ, онъ очень хитеръ и имѣетъ твердый характеръ; онъ упрямъ. Онъ вполнѣ вульгаренъ, однакожъ, его успѣхи нельзя приписывать исключительно случаю; своимъ возвышеніемъ онъ много обязанъ самому себѣ. Доктринеръ и эгоистъ, онъ удивительно умѣетъ сохранять благопристойную внѣшность.

Другой, будучи на мѣстѣ Бюффе, съ такимъ политическимъ прошедшимъ, навѣрное прослылъ-бы за пустого человѣка, пожалуй даже за гаера, между тѣмъ онъ считается въ числѣ серьезныхъ политиковъ. Онъ умѣетъ казаться важнымъ, онъ нѣсколько скученъ; онъ неспособенъ въ погонѣ за популярностію прибѣгать къ школьничеству, какъ это дѣлалъ Тьеръ; онъ также неспособенъ, подобно Тьеру, сыграть дурную шутку ради собственнаго развлеченія: если онъ измѣняетъ, то

дѣлаетъ это не для забавы, а для полученія солидной выгоды. Онъ способенъ всегда найтись въ трудныхъ обстоятельствахъ. Онъ говоритъ медленно, торжественно, отчетливо подчеркиваетъ фразы, съ особеннымъ пафосомъ произноситъ извѣстныя слова. Онъ мастеръ говорить обиняками, а такое достоинство чрезвычайно цѣнится во времена парадоксальныхъ сліяній: вчера между орлеанистами и легитимистами; сегодня между республиканцами и орлеанистами; завтра между бонапартистами и легитимистами. Въ такія тревожныя эпохи, какъ наша, люди, подобные Бюффе, всегда могутъ разсчитывать на успѣхъ. Посмотрите, съ какимъ пафосомъ онъ говоритъ о законности, какъ онъ умѣетъ придать наружный лоскъ самымъ анормальнымъ учрежденіямъ и объяснить всякія обстоятельства въ пользу дѣла, которое ему выгодно защищать. За Бюффе есть одно важное достоинство: онъ не причастенъ къ государственному перевороту, но едва-ли найдется человѣкъ, болѣе его способный регулировать положеніе тотчасъ послѣ совершенія переворота. Никакая выгода не соблазнитъ его броситься въ предпріятіе, сопряженное съ рискомъ жизни; онъ избралъ болѣе спокойное орудіе для обезпеченія себѣ успѣха: сводъ законовъ—вотъ поле его дѣятельности. Для того, кто умѣетъ пользоваться имъ, сводъ законовъ даетъ больше, чѣмъ помѣстье, чѣмъ эксплоатація золотыхъ рудниковъ. Бюффе съумѣлъ выжать изъ свода много, очень много: два президентства въ національномъ собраніи и четыре министерства.

~~~~~~~~

Добившись министерскаго портфеля (перваго, второго, третьяго и четвертаго), что дѣлалъ Бюффе? Прежде всего онъ устраивалъ свое личное положеніе. А далѣе? Что дѣлалъ онъ для страны, думалъ-ли онъ о нелицепріятномъ судѣ исторіи? Но здѣсь мы касаемся слабой стороны Бюффе. Для устройства собственнаго благосостоянія у него хватало и
~~~~~~~~

искуства, и способностей, но не хватило ихъ на то, чтобы сдѣлаться государственнымъ человѣкомъ.

Изучая политику Бюффе, недавно еще министра внутреннихъ дѣлъ, вице-президента совѣта, дѣйствительнаго президента республики, потому что Мак-Магонъ только номинальный президентъ, нельзя не придти къ заключенію, что у него нѣтъ ни одного качества, отличающаго настоящаго государственнаго человѣка. Вѣчно занятый своими личными интересами, онъ не имѣлъ досуга заняться общественными. Главную задачу своей государственной дѣятельности онъ видѣлъ въ строгой формалистикѣ; онъ былъ скорѣе чиновникомъ, искусившимся въ ловкомъ составленіи отношеній, предписаній и пр., чѣмъ министромъ. Эту часть онъ знаетъ въ совершенствѣ. Онъ изучалъ права, но усвоилъ себѣ только крючкотворство, подобно тому римскому Бюффе, о которомъ говоритъ Цицеронъ. Вопросы, волнующіе въ наше время интелигенцію, ему неизвѣстны и, что еще хуже, онъ относится къ нимъ совершенно безучастно. Его нисколько не интересуютъ великія задачи, составляющія славу и мученія XIX вѣка; онъ не даетъ себѣ труда изучить ихъ. Да и къ чему? Онъ составилъ себѣ сводъ политическихъ и соціальныхъ воззрѣній, составилъ ихъ по узкому буржуазному масштабу; все, что выходитъ за рамку этихъ воззрѣній, онъ провозглашаетъ утопіей, съ которой слѣдуетъ бороться. При своемъ дебютѣ въ качествѣ законодателя, онъ заимствовался политической мудростью въ клубѣ улицы Пуатье, потомъ въ „картофельномъ клубѣ“, теперь въ домѣ герцога Брольи. Религіозныя и философскія доктрины онъ почерпаетъ изъ газеты „Français“ и изъ журнала „Revue contemporaine“. На всѣ событія во Франціи и Европѣ со времени первой революціи онъ смотритъ глазами той котеріи, къ которой онъ принадлежитъ въ данный моментъ (ни къ какой партіи онъ никогда не принадлежалъ). Котеріи безпрерывно мѣняютъ свои убѣжденія: что вчера онѣ считали подвигомъ, сегодня признаютъ измѣной. Вотъ почему Бюффе безпрестанно колеблется: онъ другъ и врагъ республики; другъ и врагъ второй имперіи;

другъ и врагъ конституціонной монархіи; другъ и врагъ Тьера; онъ участвовалъ во всевозможныхъ комбинаціяхъ и не стоялъ ни за одну изъ нихъ. Онъ лишенъ политической индивидуальности, потому что у него нѣтъ моральной индивидуальности, нѣтъ убѣжденій. Желая достигнуть карьеры, онъ постарался обратить на себя вниманіе революціонеровъ, когда-же достигъ ея, онъ тотчасъ-же перешелъ къ консерваторамъ. Онъ черпаетъ свою систему въ „Constitutionel'ѣ", ищетъ доказательствъ въ „Pays"; его секретарь Дюфейль за тысячу франковъ въ мѣсяцъ подаетъ ему политическіе совѣты. Настоящій его господинъ — герцогъ Брольи; ему онъ повинуется безпрекословно, не разсуждая. Къ нему бросился Бюффе послѣ своего неделикатнаго поведенія въ отношеніи Тьера. Бюффе слѣпо подчиняется Брольи. Это слѣпое подчиненіе подало поводъ одной сатирической газетѣ къ сочиненію слѣдующаго разговора между ними:

„— Люи, говоритъ Брольи, обращаясь къ Бюффе, — ты увѣренъ, что будетъ лучше ввести избраніе по округамъ...

„— Будетъ поступлено по вашему желанію, какъ вы прикажете.

„— Люи, отдай университетъ іезуитамъ.

„— Исполню немедленно.

„— Люи, подай свой голосъ за республику; бонапартисты вынуждаютъ насъ признать ее и такъ будетъ выгоднѣе для принцевъ Орлеанскихъ. Возьми управленіе ею въ свои руки и постарайся сдѣлать ее смѣшной и невозможной. Не гладь по головкѣ республиканцевъ; что-же касается Руэра и его банды, обращайся съ ними поласковѣе.

„— Не премину исполнить такъ, какъ вы приказываете.

„— Помни, Люи, что назначая тебя комендантомъ крѣпости, мы увѣрены, что ты отдашь намъ ея ключи, когда явится возможность намъ занять ее.

„— Постараюсь оправдать ваше довѣріе".

Человѣкъ, неимѣющій собственныхъ убѣжденій и слѣпо слѣдующій за другими, всегда старается показать свое значеніе, рисуясь грубымъ и непреклоннымъ. Такой человѣкъ обыкновенно капризничаетъ, разчитывая, что его капризы будутъ приняты за признакъ сильной воли; онъ является угрюмымъ, чтобы его приняли за человѣка серьезнаго; несговорчивымъ, чтобы прослыть за Катона парламентаризма. Таковъ именно Бюффе. Мѣтя въ министры, онъ держитъ себя строго и торжественно; получивъ портфель, онъ становится высокомѣрнымъ, неприступнымъ, невыносимымъ для окружающихъ. И все это для того, чтобы не могли подумать, что онъ собственной воли не имѣетъ, а дѣйствуетъ по чьему-то внушенію. Онъ считаетъ, что для него выгоднѣе прослыть плохо воспитаннымъ, чѣмъ неискуснымъ человѣкомъ; лучше быть въ глазахъ другихъ невыносимымъ, чѣмъ неспособнымъ. У него существуетъ запасъ пригодныхъ въ случаю фразъ и латинскихъ изрѣченій, выученныхъ еще въ лицеѣ Карла Великаго. Когда онъ истощитъ этотъ запасъ, ему остается только удалиться изъ министерства и сѣсть подъ сѣнь большинства. Бюффе напоминаетъ тѣхъ актеровъ, единственный талантъ которыхъ заключается въ умѣньи съ важностію входить на сцену и сходить съ нея съ величіемъ; въ промежуткѣ же между входомъ и выходомъ они бормочатъ фразы при пособіи суфлера.

Въ отношеніи Бюффе пригодно также и другое сравненіе. Это обыкновенный офицеръ, который, благодаря или своей счастливой наружности, или интригѣ, назначенъ главнокомандующимъ. Получивъ жезлъ главнокомандующаго, онъ, подобно генералу Буму (въ „Герцогинѣ Герольштейнской“), становится суровымъ поборникомъ дисциплины; онъ не выноситъ ни критики, ни замѣчанія, ни оправданія; его выводитъ изъ себя, если пуговица на солдатскомъ мундирѣ пришита неправильно. За день или за два до сраженія онъ внезапно подаетъ въ отставку. „Вы дурные солдаты, говоритъ онъ, — я не желаю компрометировать себя, командуя такой дрянью.

Выкручивайтесь изъ своего положенія, какъ знаете сами, я-же не намѣренъ вмѣшиваться".

Невольно приходится сказать, что прошли славные дни французской буржуазіи, имѣвшей въ своей средѣ многихъ великихъ людей, если она прибѣгаетъ къ такимъ людямъ, какъ Бюффе, человѣкъ съ ограниченнымъ умомъ и съ способностями весьма обыкновеннаго стряпчаго. Надо полагать, что внуки Мирабо, Дантона и Лафайета далеко отстали отъ своихъ дѣдовъ!

Бюффе, своей министерской дѣятельностью, вызвалъ такую всеобщую ненависть къ себѣ, что торжественно провалился на выборахъ въ новое національное собраніе. Нечего и говорить, что послѣ такого пораженія, онъ не могъ уже оставаться министромъ.

V

ГАНРИ-АЛЕКСАНДРЪ ВАЛЛОНЪ.

Право Ганри Валлона на біографію.—Располагающая наружность Валлона.—Примѣрный ученикъ.—Философскія упражненія.—Награды за посредственность.—Валлонъ въ роли политическаго орудія Гизо.—Вопросъ объ освобожденіи невольниковъ во французскихъ колоніяхъ.—«Исторія рабства въ древнемъ мірѣ».—Секретарь общества уничтоженія невольничества.—Валлонъ депутатъ законодательнаго собранія.—Героическій подвигъ.—Настоящее мѣсто Валлона.—Теологическіе труды Валлона.—«Исторія Жанны д'Аркъ.—Соперница-медіумъ.—Увѣнчаніе преміей.—Валлонъ секретарь академіи.—„Біографія Людвика IX".—Волненіе возбужденное сочиненіемъ Ренана «Жизнь Іисуса Христа».—Неудачная вылазка Валлона противъ Ренана.—Вліяніе на Валлона произведеній Боссюета.—Посредственность Валлона какъ историка.—Соперничество съ Маномъ и К°.—Валлонъ снова депутатъ.—Творецъ республики.—Недостатки конституціи Валлона.—Завѣтный планъ клерикаловъ.—Свобода высшаго образованія во Франціи.—Іезуиты торжествуютъ.—Закладка церкви св. Сердцу.

„Поторопитесь принять это лекарство, пока оно еще можетъ помочь вамъ", говорилъ обыкновенно знаменитый французскій медикъ Дюпюитренъ. Поторопимся и мы разсказать исторію Ганри-Александра Валлона, бывшаго министра народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій во Франціи, которымъ нѣсколько недѣль къ ряду интересовался всякій, кто слѣдитъ за ходомъ политическихъ событій. Именемъ Валлона (валлонатъ) названа одна изъ самыхъ любопытныхъ и въ то

же время одна изъ самыхъ фантастическихъ конституцій, проектированныхъ или принятыхъ во второй половинѣ XIX вѣка. Кто такой Валлонъ? Ни болѣе ни менѣе какъ творецъ новой конституціи. А еще кто? Создатель республики, которой онъ далъ свое имя. Далѣе? вмѣстѣ съ Ниной, Семирамидой, Ромуломъ, Шун-Тши и др. онъ будетъ считаться въ числѣ основателей государствъ. Какими-же качествами и способностями располагаетъ г. Валлонъ—это мы поясним ниже.

I.

Мы не безъ удовольствія принимаемся за выполненіе этой задачи, такъ-какъ имѣемъ полное право сказать, что Валлонъ принадлежитъ къ числу людей дѣйствительно честныхъ. Эта оригинальность своего рода даетъ ему право на вниманіе, по крайней мѣрѣ, современниковъ. Правду сказать, между политическими дѣятелями обоихъ полушарій въ послѣднее время встрѣчается не такъ много честныхъ людей, чтобы нельзя было считать ихъ исключеніями, а всякое исключеніе, потому уже, что оно исключеніе, составляетъ оригинальность. Съ облегченнымъ сердцемъ останавливаешься на такомъ дѣятелѣ, который заслуживаетъ полнаго уваженія, котораго можно назвать хорошимъ отцомъ, хорошимъ сыномъ, хорошимъ супругомъ, искренно привязаннымъ къ своей професіи, честно исполняющимъ свои обязанности, котораго нельзя заподозрить ни въ подземныхъ интригахъ, ни въ биржевыхъ спекуляціяхъ темнаго свойства, ни въ подтасовкахъ всякаго рода, ни въ измѣнѣ своей партіи или дѣлу прогреса. Среди такихъ французскихъ дѣятелей, изощрившихся въ интригахъ, неуважающихъ убѣжденія, невѣрныхъ въ своемъ словѣ, сварливыхъ, лукавыхъ, какъ Гизо, Бюффе, Брольи, Симонъ, Фавръ, пріятно имѣть дѣло съ Валлономъ, глубоко убѣжденнымъ, хотя онъ нѣсколько ханжитъ, искреннимъ, хотя онъ янсенистъ, и доброжелательнымъ, хотя онъ филантропъ по про-

фесіи. Для описанія его жизни и поступковъ нѣтъ надобности обмакивать перо въ отваръ изъ жолчи, крови и сѣрной кислоты; можно довольствоваться самыми обыкновенными чернилами, даже если они нѣсколько блѣдны.

II.

Наружность Ганри Валлона располагаетъ въ его пользу. Ясный взглядъ, мужественная осанка, довольно высокая талія, почтенная дородность, высокій лобъ, правильныя черты, хотя носъ нѣсколько толстъ, а глаза нѣсколько малы; благосостояніе, здоровье, довольство и спокойствіе, выражающіяся во всемъ его существѣ, даже круглый, лунообразный обликъ его добродушнаго лица,—все производитъ пріятное впечатлѣніе. Одѣвается онъ изящно, безъ всякой изысканности, носитъ тонкое, безукоризненно-чистое бѣлье, обладаетъ хорошими манерами, красиво говоритъ, ходитъ, держится, встаетъ и садится, пріятный собесѣдникъ, утонченно вѣжливъ, сдержанъ, находчивъ, знаетъ съ кѣмъ какъ говорить,—однимъ словомъ, человѣкъ пріятный во всѣхъ отношеніяхъ, котораго съ перваго знакомства можно назвать „особой". Приличныхъ размѣровъ брюшко, маленькіе свѣтло-сѣрые глаза, большія очки въ золотой оправѣ, большая голова, обрамленная высокими стоячими воротничками рубашки, невольно заставляютъ назвать Валлона французскимъ Пиквикомъ. Читатели Диккенса, конечно, хорошо знакомы съ этимъ типомъ, весьма популярнымъ въ Англіи. Почитателямъ Поль де-Кока мы напомнимъ о типѣ добродушнаго французскаго буржуа, который очень часто встрѣчается въ романахъ этого писателя, напримѣръ въ „Монфермельской молочницѣ", въ „Семействѣ Бедульяръ" и во многихъ другихъ. Валлонъ представляетъ довольно полное олицетвореніе этого типа.

III.

Валлонъ, какъ показываетъ его фамилія, фламандецъ по происхожденію. Онъ родился въ Валансьенѣ въ 1812 году. Восемнадцати-лѣтнимъ юношей онъ присталъ къ либерально-буржуазному движенію 1830 года и вполнѣ увлекся имъ, — увлекся до того, что закостенѣлъ въ тогдашнихъ идеяхъ и теперь представляетъ уже рѣдкій въ наше время образчикъ типа буржуазнаго революціонера 1830 года. Изъ лекцій Кузена, Жуфруа, Вилѣмена и Гизо онъ усвоилъ себѣ чистый спиритуализмъ и вынесъ убѣжденіе въ возможности полнаго соглашенія человѣческаго разума съ католицизмомъ. Въ политикѣ онъ явился поклонникомъ конституціонной монархіи и повѣрилъ на слово, безъ всякаго критическаго изслѣдованія, что эта монархія беретъ свое начало въ отдаленныхъ среднихъ вѣкахъ и что зачатки ея положены германскими вторженіями во Францію; онъ повѣрилъ на слово, что эта монархія, развивавшаяся втеченіи тысячи лѣтъ, можетъ разсчитывать на продолжительное, тысячелѣтнее существованіе въ будущемъ. Онъ счелъ іюльскую монархію послѣднимъ словомъ либерализма, окончательнымъ торжествомъ буржуазіи, которая будто-бы ничѣмъ не обязана первой революціи. Выдѣлившійся изъ революціонной партіи, чисто-буржуазный отдѣлъ, къ которому примкнулъ Валлонъ, стремился всѣми силами отрицать какую-нибудь связь между первой революціей (произведенной во имя и на пользу буржуазіи) и революціей 1830 года. Эта партія подражала главѣ іюльской монархіи, королю Люи-Филиппу, который какъ-бы отступался отъ своего отца Филиппа Эгалите и помнилъ только о своемъ прадѣдѣ Людовикѣ XIV и предкѣ Людовикѣ святомъ. Философія исторіи Гизо, его научные принципы, блестящіе, но по большей части въ своемъ основаніи ложные, надѣлали много вреда тогдашней молодежи, которая, подобно Валлону, слѣпо

вѣрила своему учителю и съ жадностью усвоивала его идеи. Валлонъ какъ-будто не желалъ дѣйствовать самостоятельно и на всю жизнь остался образцовымъ ученикомъ нормальной школы. Въ школѣ энтузіазмъ къ ученію, способность усвоивать трудно переваримыя идеи туманной философіи, точность и прилежаніе обезпечили Валлону расположеніе его учителей, которые ставили его въ образецъ прочимъ его товарищамъ. Въ то-же время Валлонъ умѣлъ ладить съ товарищами, которые любили его и называли „добрымъ малымъ". Въ школѣ Валлонъ былъ изумительно точенъ въ своихъ занятіяхъ: три четверти часа онъ употреблялъ па составленіе алкаическихъ стиховъ; три четверти на внимательное чтеніе произведеній Григорія турскаго; три четверти на изученіе психологіи, по методу, бывшему тогда въ употребленіи: онъ садился на стулъ, закладывалъ большіе пальцы своихъ рукъ въ жилетные карманы, смотрѣлъ въ потолокъ, и, мысленно раздваиваясь, различалъ между явленіемъ и сущностью вещи; половина его интелектуальнаго существа наблюдала другую половину; онъ обдумывалъ свою думу, чувствовалъ свое чувство; дергалъ языкъ, чтобы лучше освоиться съ механизмомъ „хотѣнія"; кусалъ губы, желая вникнуть въ проблемы „зла" и „боли"; плевалъ налѣво, потомъ направо, чтобы измѣрить глубину тайнъ „свободной воли"; онъ становился передъ зеркаломъ и вставлялъ стеклышко въ одинъ глазъ, потомъ перемѣщалъ его въ другой,—однимъ словомъ, онъ подвергалъ себя всѣмъ упражненіямъ, какія въ то время считались необходимыми для того, чтобы вполнѣ проникнуться философскимъ духомъ. Вообще Валлонъ былъ примѣрнымъ воспитанникомъ во всѣхъ отношеніяхъ; въ свое время онъ прочитывалъ молитву; праздники онъ проводилъ совершенно такъ, какъ предписывала католическая церковь. Все это онъ исполнялъ съ изумительной въ его лѣта точностью, но не потому, что былъ склоненъ къ ханжеству. О, нѣтъ! развѣ онъ не былъ либераломъ; развѣ онъ не вѣрилъ, что существуетъ полная гармонія между требованіями человѣческаго разума и стремленіями папскаго католицизма? Онъ поступалъ такъ,

а не иначе, потому только, что обладалъ въ очень слабой степени инициативой, мало склоненъ былъ къ критическому анализу и лишенъ всякой оригинальности. Выражаясь метафорически, мы можемъ сказать, что въ его венахъ текла слишкомъ блѣдная кровь, въ немъ отсутствовали энергія и стремленіе къ самостоятельности. Онъ принадлежалъ къ натурамъ пассивнымъ и сталъ тѣмъ, чѣмъ его сдѣлали другіе. Но какъ натура пассивная, онъ былъ совершенство. Онъ не архитекторъ, но хорошій работникъ, штукатуръ или лѣпщикъ. Онъ работаетъ превосходно подъ чужимъ руководствомъ, самъ-же руководить другими не можетъ.

Въ нормальной школѣ онъ заслужилъ дружбу и уваженіе своихъ професоровъ и старшихъ товарищей, окончившихъ курсъ ранѣе его, какъ Низаръ, Патенъ, Жененъ, Дюбуа и Сен-Маркъ-Жирарденъ. „Macte anmio generose puer, напутствовали они его.—Tu Marcellus eris!

IV.

По выходѣ изъ школы нашъ Marcellus былъ назначенъ професоромъ въ одинъ изъ провинціяльныхъ лицеевъ. Въ началѣ карьеры повышеніе рѣдко идетъ быстрыми шагами, однакожъ Валлона скоро перемѣстили изъ маленькаго городка въ крупный провинціяльный центръ. Черезъ шесть лѣтъ службы Валлонъ получилъ кафедру въ нормальной школѣ и былъ назначенъ секретаремъ конференціи. Валлонъ, такимъ образомъ, получилъ завидное положеніе, о которомъ мечтаютъ молодые университетскіе професора: секретарю конференціи открыта широкая дорога къ устройству карьеры.

Едва успѣлъ Валлонъ освоиться съ своимъ новымъ положеніемъ, министръ народнаго просвѣщенія Гизо снова выказалъ ему привязанность, назначивъ его своимъ помощникомъ въ „Collége de France“.

Валлонъ, какъ мы уже говорили, не обладалъ исключитель-

ными способностями или замѣчательнымъ талантомъ, но онъ былъ молодъ (тогда ему было 28 лѣтъ), веселъ, возбуждалъ симпатію своей наружностью, своимъ голосомъ, а эти качества тоже имѣютъ свою цѣну, если професоръ исторіи притомъ не невѣжда и излагаетъ свой предметъ толково и довольно занимательно. Съ первыхъ-же лекцій молодой професоръ возбудилъ надежды, а извѣстно, что широкій кредитъ стоитъ капитала. Гизо, назначая Валлона на кафедру въ „Collége de France", желалъ этимъ вознаградить своего прилежнаго ученика, своего ревностнаго поклонника и человѣка вполнѣ благонамѣреннаго, выражаясь офиціальнымъ языкомъ. Скромность, нѣкоторая застѣнчивость и посредственность Валлона ручались за то, что онъ не затмитъ своего покровителя Гизо. Конечно, посредственность Валлона не была вульгарной посредственностью; благодаря своей изумительной памяти, Валлонъ обладалъ множествомъ знаній; его голова была наполнена именами, фактами, числами; въ ней помѣщались правила и выводы граматики, синтаксиса, орфографіи, лексикологіи, просодіи, реторики — французскихъ, греческихъ и латинскихъ; здѣсь были заключены плоды непрестанной и прилежной двадцати-лѣтней работы (Валлонъ началъ учиться восьми лѣтъ). Но и посредственность иногда бываетъ опасной, когда она блеститъ ярко; къ счастью для Валлона блескъ, имъ производимый, горѣлъ блѣднымъ фосфорическимъ, свѣтомъ. Гизо могъ спать спокойно: помощникъ не въ силахъ былъ затмить его и отнять у него частицы блеска. Учителя, подобные Гизо, могутъ покровительствовать только тѣмъ изъ своихъ учениковъ, которые и не помышляютъ сдѣлаться ихъ соперниками, они требуютъ, чтобы ученики точно повторяли ихъ уроки и не рѣшались-бы выдумывать ничего своего. Молодой помощникъ Гизо, Валлонъ представлялъ изъ себя кроткаго, послушнаго, но сильнаго вола, который безъ понуканія тянулъ и плугъ, и телѣгу; на него можно было смѣло положиться: онъ не боднетъ, не сломаетъ своего ярма, подобно эниргичному быку, неподчиняющемуся дисциплинѣ и порой наводящему ужасъ своей свирѣпостью.

Одни люди почти при самомъ рожденіи еретики, другіе съ колыбели привыкаютъ слѣдовать точно установившимся мнѣніямъ. Если общественными дѣлами руководятъ люди, питающіе боязнь или отвращеніе къ нововведеніямъ, естественно, что они, усмотрѣвъ въ дѣтяхъ приверженность къ установившимся идеямъ, намѣчаютъ ихъ какъ своихъ будущихъ помощниковъ. Ганри-Александръ Валлонъ принадлежалъ къ числу такихъ дѣтей. Послѣ революціи 1830 года университетскіе професора и студенты были далеки отъ того, чтобы преклоняться предъ католицизмомъ; они скорѣе относились къ нему враждебно и каждый изъ нихъ спѣшилъ заявить о своихъ убѣжденіяхъ, повторяя, что ханжество отжило свой вѣкъ. Но люди, державшіе власть въ своихъ рукахъ, думали иначе и давали ходъ только тѣмъ изъ своихъ подчиненныхъ администраторовъ, которые умѣли ладить съ клерикалами или явно высказывали свои симпатіи къ католицизму. Самъ Гизо, протестантъ, получилъ портфель министра народнаго просвѣщенія отъ Люи-Филиппа, потому что король считалъ его способнымъ пріостановить рвеніе ультра-католиковъ. Гизо обратился къ услугамъ искренняго католика Валлона въ надеждѣ, что рьяные католики будутъ обезоружены возвышеніемъ „своего" и пріостановятъ свои враждебныя нападенія на еретика-гугенота, получившаго министерскій портфель и удержавшаго за собой професорскую кафедру.

Конечно, Гизо втайнѣ предавался такимъ соображеніямъ и ихъ прозрѣвали только люди опытные и умѣющіе дѣлать истинную оцѣнку событіямъ. Но ни публика, ни самъ Валлонъ не подозрѣвали, какая причина побудила министра такъ быстро возвысить молодого професора. Наивный и добродушный Валлонъ счелъ свое возвышеніе наградой за ревностное исполненіе имъ своихъ професорскихъ обязанностей. Ему и въ голову не приходило, что онъ можетъ играть роль политическаго орудія.

V.

Возмутительное рабство негровъ, уже уничтоженное въ англійскихъ колоніяхъ на Антильскихъ островахъ, продолжало существовать въ колоніяхъ французскихъ. Знаменитый „Актъ освобожденія", по всей справедливости, долженъ считаться лучшимъ изъ дѣлъ, совершеннымъ средними классами Великобританіи. Что-бы ни говорила зависть и низкая клевета, но великобританскіе реформаторы, ставшіе подъ знамя Фрея, Кларка и Вильберфорса, руководились въ своихъ дѣйствіяхъ не какой-нибудь корыстью, а только страстнымъ желаніемъ облегчить участь страждущихъ и угнетенныхъ людей. Много употребили они усилій, много принесли жертвъ, пока успѣли преодолѣть упрямое сопротивленіе крупной поземельной аристократіи, епископовъ и колонистовъ. Французская буржуазія, отказавшись слѣдовать примѣру, поданному сосѣдями, торжественно доказала, что уже пережила свое лучшее время и стала клониться къ упадку. Между тѣмъ ей было легче, чѣмъ англійской буржуазіи, оказать справедливость угнетеннымъ рабамъ, потому что національный конвентъ въ 1793 году уже издалъ декретъ объ ихъ освобожденіи, отмѣненный Наполеономъ I. Само правительство Люи-Филиппа, на этотъ разъ вдохновенное болѣе гуманными убѣжденіями, чѣмъ просвѣщеннѣйшая часть французской буржуазіи, желало послѣдовать примѣру сент-джемскаго кабинета. Но консервативная партія такъ дѣятельно ратовала противъ освобожденія, что успѣла составить себѣ большинство въ обѣихъ палатахъ. Она не щадила никакихъ издержекъ, чтобы привлечь на свою сторону большую часть прессы, въ чемъ успѣла, благодаря энергической дѣятельности Касаньяка-отца, который кричалъ, что освобожденіе рабовъ въ колоніяхъ, составляющее уже прямое нарушеніе правъ собственности, будетъ сопровождаться самыми гибельными послѣдствіями для

самой Франціи; разоривъ колоніи, оно нанесетъ огромный ущербъ всѣмъ финансовымъ предпріятіямъ метрополіи. Онъ дошелъ до обвиненія правительства въ комунизмѣ, когда оно представило палатамъ проектъ выкупа невольниковъ у владѣльцевъ, на что требовалось около 200,000,000 франковъ. Конечно, Гизо могъ-бы пристращать свою собственную партію, какъ онъ это дѣлалъ во многихъ другихъ случаяхъ, и добился-бы своего. Но къ такимъ крайнимъ мѣрамъ онъ прибѣгалъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось ратовать противъ республиканцевъ или останавливать порыванія къ реформамъ либеральной буржуазіи. Боясь возстановить противъ себя консерваторовъ, Гизо согласился удовольствоваться полумѣрой: онъ заключилъ съ Великобританіей трактатъ „о правѣ осмотра судовъ"; точное исполненіе этого трактата стоило Франціи заботъ и денегъ не менѣе, если еще не болѣе, чѣмъ стоило-бы немедленное и прямое освобожденіе рабовъ.

По вопросу объ освобожденіи невольниковъ Гизо пришлось бороться съ самой смѣшанной оппозиціей, составившейся изъ болѣе искреннихъ либераловъ, соціалистовъ, республиканцевъ, католиковъ, протестантовъ и евреевъ, болѣе видными представителями которой служили: Викторъ де-Брольи, Делессеръ, Лютеро, Кошенъ, Ламартинъ, де-Фелисъ, Ледрю-Ролленъ и Викторъ Шельхеръ.

Пока шла борьба на политической аренѣ, академія нравственныхъ наукъ и политики назначила конкурсъ, избравъ темой сочиненія слѣдующій вопросъ: „Какая причина вызвала уничтоженіе древняго рабства?" Премія была присуждена Валлону. Представленную имъ въ академію записку онъ впослѣдствіи развилъ въ трехтомное сочиненіе, озаглавленное „Исторія рабства въ древнемъ мірѣ". На обработку этого сочиненія онъ втеченіи десяти лѣтъ употреблялъ досугъ, остававшійся ему отъ професорскихъ занятій въ „Collége de France".

Сочиненіе это безспорно лучшее изъ всего, что написалъ Валлонъ; одно оно уже давало-бы ему право на почетное мѣ-

сто въ ряду писателей. Оно представляетъ собою чрезвычайно добросовѣстное и полное изслѣдованіе положенія рабовъ у грековъ и римлянъ. Ту часть, которая касается Греціи можно, пожалуй, упрекнуть мѣстами въ неясности; но, если принять во вниманіе запутанность отношеній, существовавшую между республиками ахейскаго союза, недостаточность точныхъ свѣденій о разнообразныхъ учрежденіяхъ греческаго міра,—нельзя не согласиться, что и въ этой части своего труда Валлонъ далъ все, что могъ дать изъ тѣхъ матеріаловъ, которыми онъ располагалъ.

Что касается второй половины труда Валлона,—о рабствѣ у римлянъ,—то она поражаетъ какъ своей логикой, такъ и мѣткостью выводовъ. Она удовлетворяетъ и историка, и философа, и экономиста, и даже моралиста. Она запечатлѣна глубокимъ убѣжденіемъ и искренностью; въ ней есть страницы, отъ которыхъ трудно оторваться. Съ необыкновенной симпатіей относится авторъ къ Гракхамъ и ихъ аграрнымъ законамъ; онъ беретъ сторону Спартака, Сальвія, Атеніона и другихъ борцовъ за свободу. Зная послѣдующую дѣятельность Валлона на политическомъ поприщѣ, нельзя не задать себѣ вопроса: почему-же практическій дѣятель въ немъ такъ расходится съ теоретикомъ-ученымъ? Но не надо забывать, что сочиненіе Валлона издано до 1848 года, когда его партія съ меньшимъ ужасомъ, чѣмъ впослѣдствіи, смотрѣла на соціальныя реформы.

Доказавъ несправедливость и невыгоду существованія рабства въ древности, Валлонъ доказалъ тѣмъ самымъ непригодность его и въ наше время. Назвавъ институтъ рабства въ древнемъ мірѣ преступленіемъ противъ человѣчества, Валлонъ косвенно обвинялъ въ немъ христіанскіе народы, не рѣшающіеся покончить съ наслѣдіемъ, полученнымъ ими отъ язычниковъ. Онъ требовалъ, чтобы они немедленно прекратили возмутительную эксплуатацію черного племени бѣлымъ, безвозвратно уничтожили позорящее христіанскіе народы учрежденіе. Повторяемъ, книга Валлона превосходна и долго еще будетъ пользоваться значеніемъ, кромѣ, однакожъ, заключи-

тельныхъ главъ ея, въ которыхъ Валлонъ съ чисто-католической точки зрѣнія смотритъ на значеніе христіанства въ дѣлѣ освобожденія рабовъ. Здѣсь Валлонъ безъ всякаго критическаго анализа повторяетъ мнѣнія католическихъ писателей. Впрочемъ, въ его время по этому предмету не имѣлось никакихъ точныхъ изслѣдованій. Теперь, когда существуетъ скромный, но чрезвычайно обстоятельный трудъ Патриса Ларока, подкрѣпляемый массой неопровержимыхъ фактовъ, намъ нетрудно видѣть ошибки, въ которыя впалъ Валлонъ, основавшій свои выводы только на тенденціозныхъ трудахъ католическихъ писателей. При всемъ томъ нельзя не поставить въ заслугу Валлону, что онъ выписалъ изъ Новаго Завѣта рѣшительно всѣ мѣста, которыя прямо или косвенно осуждали рабство. Эти выписки несомнѣнно должны были произвести и производили сильное впечатлѣніе на читателей. За такую практическую пользу можно простить Валлону, что онъ упустилъ изъ вида, что католическое духовенство, во имя христіанства, являлось защитникомъ института рабства всегда, кромѣ тѣхъ только случаевъ, когда въ его личныхъ выгодахъ было осуждать это учрежденіе; что даже протестантское духовенство въ южныхъ штатахъ сѣверной Америки спокойно владѣло черными невольниками и обращалось съ ними, какъ съ вьючнымъ скотомъ; наконецъ, что въ то время рабство существовало еще во многихъ христіанскихъ государствахъ и его уничтоженію съ особенной силой противились именно тамъ, гдѣ правительственная власть находилась въ рукахъ клерикаловъ.

Книга Валлона произвела сильное впечатлѣніе во всѣхъ общественныхъ слояхъ. Шельхеръ, пламенный противникъ рабства, по его собственнымъ словамъ, захлебывался, читая ее. Цѣлыми тюками онъ отправлялъ ее въ Мартинику и Гваделупу, гдѣ распространялъ ее всѣми возможными средствами. По настоянію-же Шельхера, предсѣдательствующаго въ обществѣ уничтоженія рабства, Валлонъ былъ избранъ секретаремъ этого общества и, надо отдать ему справедливость, ревностно исполнялъ свою новую обязанность, выказывая пре-

данность дѣлу освобожденія. Тѣмъ не менѣе нельзя не улыбнуться при чтеніи слѣдующаго комплимента, приподнесеннаго Валлону:

— Послѣ Бога свѣтъ болѣе всѣхъ обязанъ вамъ уничтоженіемъ рабства во французскихъ колоніяхъ.

Этотъ комплиментъ высказалъ Валлону другъ его Огюстенъ Кошенъ, такой-же, какъ онъ, аболиціонистъ, католикъ и филантропъ, менѣе его ученый, но обладавшій большей практичностію и способностью къ инціативѣ. Кошенъ, однакожъ, не достигъ высшихъ степеней: онъ умеръ, занимая второстепенную должность; онъ слишкомъ твердо держался своихъ убѣжденій, что не могло нравиться клерикаламъ, и они старались держать его въ тѣни. Ультрамонтане не прочь оказывать покровительство либеральнымъ и просвѣщеннымъ католикамъ, но не допустятъ ихъ занять высшія должности, если замѣтятъ, что они осмѣливаются имѣть собственныя убѣжденія по серьезнымъ практическимъ вопросамъ, не вполнѣ согласныя съ основными воззрѣніями ультрамонтанства. Кошенъ былъ изъ тѣхъ людей, которые дѣлали уступки только до извѣстнаго предѣла, а ультрамонтанство прежде всего требуетъ безпрекословнаго повиновенія.

VI.

Какъ только пала іюльская монархія и временное правительство заступило ея мѣсто, Шельхеръ вырвалъ у него декретъ за подписью Ламартина и Ледрю-Роллена о немедленномъ уничтоженіи рабства во французскихъ колоніяхъ. Прокламація объ учрежденіи республики и декретъ объ освожденіи рабовъ были отправлены въ колоніи одновременно.

Вслѣдъ за этимъ Валлонъ былъ избранъ вице-президентомъ общества освобожденія невольниковъ, замѣщающимъ Шельхера въ тѣхъ случаяхъ, когда тотъ не могъ присутствовать въ засѣданіи.

Въ 1849 году Валлонъ былъ избранъ въ законодательное собраніе депутатомъ отъ сѣвернаго департамента. Въ то время уже торжествовала буржуазная реакція, и Валлонъ былъ избранъ скорѣе какъ послѣдователь Гизо, чѣмъ какъ ревностный аболиціонистъ. Человѣкъ честный и скромный, ученый професоръ, католикъ, республиканецъ, филантропъ, другъ негровъ, но мало симпатизирующій французскимъ рабочимъ, ревностный реформаторъ для заморскихъ странъ, но робкій консерваторъ у себя дома, Валлонъ принадлежалъ къ тѣмъ среднимъ людямъ, которые нравятся только нѣкоторымъ, но за то не найдется никого, кто-бы ихъ ненавидѣлъ, — къ тѣмъ личностямъ, которыхъ каждый, и нераздѣляющій ихъ мнѣній, охотно предпочитаетъ своимъ болѣе твердо убѣжденнымъ противникамъ. Клерикалы вотировали за него, говоря: лучше этотъ либеральный, но набожный добрякъ, чѣмъ какой-нибудь радикалъ. Радикалы, въ свою очередь, твердили: предпочтемъ этого добряка, ратовавшаго за освобожденіе негровъ, а то, пожалуй, пройдетъ какой-нибудь завзятый клерикалъ. Красные и синіе, черные и бѣлые, не чувствуя особенной привязанности къ Валлону, не имѣли никакого основанія питать къ нему вражду. Когда партіи находятся въ равновѣсіи, успѣхъ непремѣнно долженъ выпасть на долю людей съ неопредѣленными убѣжденіями и за ними всегда остается рѣшающій голосъ.

Если революція 1848 года привела чисто къ отрицательнымъ результатамъ, то это случилось потому, что она выдвинула на сцену дѣйствія преимущественно людей съ неопредѣленными убѣжденіями, нерѣшительныхъ, бросающихся то въ ту, то въ другую сторону. Къ числу ихъ принадлежалъ и Валлонъ. Все это были люди просвѣщенные, одушевленные самыми прекрасными намѣреніями, но большая часть изъ нихъ, держась радикальныхъ убѣжденій по многимъ вопросамъ, въ тоже время не рѣшалась разстаться съ принципами, навѣянными

католицизмомъ, и готова была дѣлать всевозможныя уступки клерикаламъ; безпрестанно коментируя Руссо и преклоняясь передъ нимъ, эти люди открещивались отъ Вольтера. Была-ли революція 1848 г. соціальной или просто политической, была-ли она произведена противъ или въ пользу буржуазіи?— можно было отвѣчать и утвердительно, и отрицательно на каждый изъ противоположныхъ вопросовъ. Ее произвели вмѣстѣ рабочіе и національные гвардейцы, т. е. рать буржуазіи. Эта коалиція, отъ которой ждали чудесъ, привела только къ многочисленнымъ бѣдствіямъ. Послѣ легкой побѣды побѣдители не знали какъ, не хотѣли и не могли раздѣлить между собою власть. Между ними не существовало однородности убѣжденій; путаница была невообразимая. Споръ шелъ не только между людьми, расходящимися въ основныхъ убѣжденіяхъ, но враждовали между собою изъ-за неважныхъ въ сущности подробностей дѣятели, принадлежащіе къ одному лагерю. Люи Бланъ, Пьеръ Леру, послѣдователи Фурье, ученики Кабе нападали другъ на друга, а противъ нихъ всѣхъ ополчился Прудонъ съ своей безпощадной ироніей. Всякій тянулъ въ свою сторону; вышелъ самый нескладный концертъ: лѣзли кто въ лѣсъ, кто по дрова. Гюго и Монталамберъ, оба пэры Франціи, оба романтики, смертельно возненавидѣли другъ друга. Въ лагерѣ реакціонеровъ тоже было мало согласія; самымъ ужаснымъ противникомъ Фаллу явился Ламене. Волтерьянецъ Тьеръ добился, что его назначили церковнымъ старостой въ его приходскую церковь. Аббатъ Констанъ сбросилъ съ себя монашеское званіе. Арно изъ Арьежа, ревностный католикъ, ратовалъ противъ свѣтской власти папы. Ламорисьеръ арестовалъ сына плотника на баррикадѣ въ тампльскомъ предмѣстьѣ, посреди возставшаго народонаселенія, и Кавеньякъ за это отправилъ его въ ссылку въ Алжиръ. Многіе наивные люди вѣрили, что папа Пій IX стоитъ во главѣ европейскаго либерализма. Въ то время, какъ патеры окропляли святой водой воздвигнутыя населеніемъ деревья свободы, іезуиты работали въ тиши, подготовляя римскую военную экспедицію и клерикальное владычество. Господствовало смѣшеніе идей еще

болѣе поразительное, чѣмъ смѣшеніе языковъ. Самые искренніе люди не могли-бы опредѣлить навѣрное, что они будутъ поддерживать черезъ часъ. Сегодняшніе друзья завтра становились врагами и сражались другъ съ другомъ. Изъ вчерашнихъ друзей одни сидѣли за судейскимъ столомъ, другіе располагались на скамьѣ обвиняемыхъ. Люди двадцать лѣтъ рука объ руку дѣйствовали въ оппозиціи и вдругъ одни изъ нихъ получили министерскіе портфели, а другіе подверглись тюремному заключенію. Дѣла не могли долго находиться въ подобномъ положеніи; должна была разразиться катастрофа, и она явилась въ самой бѣдственной формѣ — въ формѣ декабрьскаго государственнаго переворота. Неопредѣленная система необходимо должна погибнуть. При тогдашнемъ составѣ законодательнаго собранія нельзя было провести ни одной разумной мѣры. Въ немъ засѣдали по-преимуществу люди средніе, съ неопредѣленными убѣжденіями, болѣе честнымъ и просвѣщеннымъ представителемъ которыхъ можно считать Валлона. Но если-бы и всѣ они были такъ-же искренни, какъ Валлонъ, все-таки ничего-бы не вышло изъ ихъ дѣятельности, такъ-какъ они, люди пассивные и нерѣшительные по своему характеру, никогда не могли-бы придти ни къ какому опредѣленному рѣшенію, не могли-бы согласиться ни на одну радикальную мѣру.

Отдавая должное Валлону, упомянемъ о героическомъ подвигѣ, совершенномъ имъ въ законодательномъ собраніи. Вотируя постоянно съ большинствомъ, Валлонъ отсталъ отъ него, когда былъ пущенъ на голосованіе законъ 31 мая, ограничивающій всеобщую подачу голосовъ. Мало того, Валлонъ сложилъ съ себя депутатскія полномочія, не желая, какъ онъ выражался, „налагать руки на самое существенное изъ правъ французскаго народа, выбравшаго его, Валлона, своимъ представителемъ“. Валлонъ пошелъ еще далѣе: онъ объявилъ, что, по его мнѣнію, палата, принявъ законъ 31 мая, совершила безчестный поступокъ.

Много ошибокъ надѣлалъ Валлонъ, многое въ его политической и общественной дѣятельности достойно порицанія, но

честная защита имъ всеобщей подачи голосовъ заслуживаетъ всякой похвалы; она обезоруживаетъ критику и біографъ невольно извиняетъ своему герою многіе его промахи. Къ еще большей чести Валлона слѣдуетъ прибавить, что только онъ одинъ изъ всей палаты выходомъ въ отставку рѣшился протестовать противъ мѣры, повлекшей за собой самыя плачевныя послѣдствія для Франціи. Если-бы примѣру Валлона послѣдовала вся оппозиція, то законъ 31 мая не могъ-бы быть принятъ и Наполеонъ III. не имѣлъ-бы благовиднаго предлога къ совершенію государственнаго переворота. А безъ этого предлога едва-ли-бы онъ осмѣлился на крайне-рискованное предпріятіе!

VII.

Сложивъ съ себя депутатскія полномочія, Валлонъ надолго отказался отъ политики. По нашему мнѣнію, ему не слѣдовало и соваться въ нее, потому что онъ какъ-бы созданъ исключительно для карьеры французскаго професора. Тихая и спокойная жизнь университетскаго ученаго, полунезависимаго отъ правительства, была по душѣ Валлону и вполнѣ соотвѣтствовала его мягкой, пассивной натурѣ. Мало заботъ, возможность при довольно-значительномъ содержаніи устроить себѣ комфортабельно жизнь—это было все, чего могъ желать человѣкъ, подобный Валлону. Для полученія этихъ благъ не требовалось ни особенной энергіи, ни значительнаго расходованія труда. Работа, правда, однообразная, но за девятимѣсячнымъ легкимъ трудомъ слѣдовали трехмѣсячныя вакаціи, которыя професоръ могъ употреблять какъ ему заблагоразсудится. Особенныхъ талантовъ отъ французскаго професора тоже не требуется: хорошая память и умѣнье говорить достаточны для того, чтобы пріобрѣсти славу дѣльнаго професора. Обязанностей за стѣнами университета тогдашній професоръ не несъ почти никакихъ: ему приходилось иногда

надѣвать парадный фракъ и являться въ Тюльери на выходы или для присутствованія на торжественныхъ засѣданіяхъ въ академіи. Жизнь професора протекала мирно, невозмутимо, подобно ручью, тихо струящемуся въ долинѣ. Утромъ на лекціи, вечеромъ кабинетная работа или какое-нибудь развлеченіе, и такъ каждый день; никакихъ особенныхъ заботъ, никакихъ треволненій. Професоръ такъ привыкалъ къ монотонности и однообразію своей жизни, такъ уединялся въ своей скорлупѣ, что совершенно отрѣшался отъ жизни прочаго общества и свысока смотрѣлъ на волненіе, безпрестанно колебавшее житейское море. Валлонъ можетъ считаться характеристичнымъ представителемъ типа французскаго професора.

Удалившись снова въ университетъ, Валлонъ еще съ большимъ рвеніемъ, чѣмъ прежде, принялся за изученіе теологіи и вскорѣ имѣлъ право считаться однимъ изъ самыхъ ученѣйшихъ теологовъ, хотя и не имѣлъ офиціальнаго титула доктора теологіи. Послѣдовательно, одно за другимъ, онъ издалъ слѣдующія четыре теологическія сочиненія: 1) De la croyance due à l'Eglise; 2) Un abrégé d'histoire sainte; 3) Des Paraphrases de la Sainte Bible и 4) Des extraits des Saint Evangiles. Всѣ эти сочиненія были на-столько учены и на столько проникнуты католическими тенденціями, что ихъ могъ-бы подписать любой сельскій патеръ. Филантропія привела Валлона къ католицизму, а католицизмъ—къ галиканству. Но отъ галиканства прямой шагъ къ ультрамонтанству. Сдѣлаетъ-ли его окончательно Валлонъ? Мудренаго ничего нѣтъ, такъ-какъ онъ очень близко подошелъ къ чертѣ, отдѣляющей либеральный католицизмъ отъ іезуитскаго.

Валлонъ сдѣлался галиканомъ изъ страстной привязанности къ Боссюету. Онъ изучилъ Боссюета въ совершенствѣ и безпрестанно коментируетъ его. Въ своей страстной привязанности къ своему герою, Валлонъ не хочетъ допустить въ немъ никакихъ слабостей, никакихъ ошибокъ. Онъ до сихъ поръ считаетъ образцовой громаднѣйшую рѣчь Боссюета „о величіи римской имперіи“, хотя не можетъ-же онъ не знать,

что эта рѣчь полна намѣренныхъ ошибокъ и анахронизмовъ. Въ своемъ экстазѣ Валлонъ доходитъ до защиты Боссюета отъ нападокъ на далеко не-монашескую жизнь, какую велъ знаменитый архіепископъ, отличавшійся любовными похожденіями почти столько-же, какъ и своимъ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ, хотя приводимые въ доказательство этой жизни факты неоспоримо вѣрны и, конечно, Валлону хорошо извѣстны. Увлеченіе Валлона Боссюетомъ такъ наивно, что его безъ всякой натяжки можно сравнить съ привязанностью какую питаетъ юная монашенка бенедиктинскаго ордена къ своему духовному отцу. И та, и другая привязанность считаетъ предметъ своего обожанія стоящимъ выше человѣческихъ слабостей, одареннымъ всевозможными добродѣтелями и достоинствами; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ предметъ поклоненія признается скорѣе полубогомъ, чѣмъ простымъ смертнымъ.

VIII.

Однакожъ помощникъ Гизо долженъ былъ, наконецъ, вспомнить, что онъ въ университетскихъ спискахъ числится профессоромъ исторіи. Онъ написалъ и издалъ „Исторію Жанны Д'Аркъ", которая по своимъ достоинствамъ не можетъ выдержать никакого сравненія съ однородными трудами Мишле и Кине. Но офиціальные судьи французской литературы думали иначе. Академія присудила Валлону гобертовскую премію, выдаваемую за сочиненія, выходящія изъ ряду, составляющія эпоху въ наукѣ. Произведеніе Валлона понравилось и академикамъ, и конгрегаціи; Валлонъ съумѣлъ угодить однимъ — своею ученостію, другимъ — набожностью, которою проникнута вся книга. Надо полагать, что немногіе изъ тѣхъ и другихъ дочитывали книгу до конца, но на первыхъ-же страницахъ они находили то, что имъ было нужно, а этого было вполнѣ достаточно для признанія за сочиненіемъ тѣхъ

качествъ, какія давали ему право на признательность той или другой стороны. Въ литературѣ, какъ и въ политикѣ, болѣе всего успѣваютъ тѣ, которые умѣютъ льстить преобладающимъ въ обществѣ инстинктамъ. Человѣкъ ловкій всегда съумѣетъ отгадать ихъ, но для отгадыванія ихъ не требуется ни особеннаго таланта, ни особеннаго ума. По теченію плыть гораздо легче, чѣмъ противъ теченія.

Между судьями на конкурсѣ нашелся, однакожъ, человѣкъ, сдѣлавшій правильную оцѣнку труду Валлона. Несмотря на измѣнчивость политическихъ убѣжденій, лучшій французскій критикъ Сен-Бевъ въ дѣлѣ критическаго анализа искуства никогда не кривилъ душой. Съ безпощадной логикой онъ разбивалъ всякое бездарное или посредственное произведеніе, хотя-бы оно принадлежало лицу, пользующемуся большимъ значеніемъ въ политическомъ мірѣ. Такъ поступилъ онъ и съ сочиненіемъ Валлона. Онъ протестовалъ противъ приговора академіи, недѣлающаго чести ея вкусу. Въ своей статьѣ, посвященной этому произведенію и напечатанной въ 1862 году, онъ, между прочимъ, говоритъ: „Исторія Жанны Д'Аркъ, съ изумительной снисходительностію увѣнчанная академіей, принадлежитъ къ числу самыхъ слабыхъ произведеній этого рода и къ тому-же вся проникнута самымъ непозволительнымъ для ученаго суевѣріемъ".

На конкурсѣ Валлонъ имѣлъ опаснаго соперника въ лицѣ дѣвицы Германсы Дюфо, написавшей также біографію Жанны Д'Аркъ. Валлонъ для своего сочиненія пользовался почти исключительно старинными хрониками, а дѣвица Германса, въ качествѣ замѣчательнаго медіума, писала подъ диктовку самой орлеанской дѣвственницы. Поэтому въ ея сочиненіи явилось множество анекдотическихъ подробностей, до той поры неизвѣстныхъ. Но какъ ни цѣненъ былъ вкладъ, принесенный спириткою въ ученую сокровищницу, суровые академики предпочли своего собрата и увѣнчали его.

Дѣвица Германса имѣла превосходство надъ своимъ соперникомъ Валлономъ въ стилѣ, въ логикѣ, въ методѣ изслѣдованія; наконецъ, она отличилась нѣсколькими историческими

открытіями. Валлонъ-же превосходилъ ее простотой и наивностью, а эти два качества, въ особенности послѣднее, по мнѣнію почтенныхъ академиковъ, составляли главное достоинство, котораго только можно требовать отъ писателя, изслѣдующаго возвышенный предметъ.

Кстати о наивности Валлона. Онъ до сихъ поръ еще наивенъ, какъ въ былое время, когда онъ походилъ болѣе на дѣвочку, чѣмъ на юношу. Онъ до сихъ поръ опускаетъ глаза съ цѣломудренной скромностью, ищетъ словъ, путается въ фразахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда епископу орлеанскому, Дюпанлу, вздумалось доказать несправедливость приговора епископа бовескаго, постановленнаго при осужденіи Жанны д'Аркъ, для чего онъ рѣшился произвести самое точное разслѣдованіе, онъ объявилъ, что главнымъ свидѣтелемъ явится Валлонъ. Какъ вы думаете, что долженъ былъ засвидѣтельствовать почтенный професоръ? Ни болѣе, ни менѣе, какъ дѣвственность Жанны д'Аркъ... Даже нѣкоторыя клерикальныя газеты нашли, что хитроумный епископъ орлеанскій въ своей ревности хватилъ черезъ край. Оппозиціонныя газеты совѣтовали монсиньеру Дюпанлу обратиться лучше къ дѣвицѣ Германсъ, имѣвшей привилегію бесѣдовать съ духомъ Жанны, а нѣкоторые шутники прозвали Валлона акушеркой.

Гобертовскую премію за свое весьма посредственное сочиненіе Валлонъ получилъ благодаря настоянію двухъ своихъ покровителей: Гизо и герцога Брольи. Послѣднему, какъ „самому мудрому и мужественному защитнику правъ человѣка на свободу", Валлонъ посвятилъ свою „Исторію рабства". Въ это время академія была не ученымъ учрежденіемъ, а скорѣе салономъ, куда собирались старыя дѣвы мужескаго пола потолковать о своихъ оппозиціонныхъ планахъ, лучше сказать—поиграть въ оппозицію. Съ своего академическаго кресла, точно съ какого-нибудь трона, Гизо раздавалъ при-

казанія. Глава академіи, папа протестантизма, диктаторъ нравственнаго порядка, Гизо правилъ своими единомышленниками тиранически и въ своемъ муравейникѣ былъ большимъ деспотомъ, чѣмъ Наполеонъ III на огромной политической аренѣ.

Желая осыпать почестями своего помощника, который болѣе всего гордился честью считаться только ученикомъ своего великаго учителя, Гизо потребовалъ, чтобы Валлона избрали безсмѣннымъ секретаремъ академіи надписей и литературы.

Гдѣ находилась эта академія? Не въ Аркадіи-ли? О, нѣтъ, въ Парижѣ, и считалась самымъ замѣчательнымъ изъ ученыхъ учрежденій Франціи. Безсмѣнными секретарями въ ней перебывали: Франсуа Араго, Флюрансъ, Эли де-Бомонъ, Вильменъ, т. е. люди, прославившіеся своими учеными трудами, своими талантами, дѣлавшими честь академіи ихъ избравшей. Валлонъ, несмотря на нѣкоторыя дѣйствительныя заслуги, все-таки не могъ считаться свѣтиломъ науки и далеко не заслуживалъ права на такое высокое отличіе. Однакожъ, онъ не отказался.

IX.

Получивъ такъ много отъ Гизо и академиковъ и желая совершенно попасть имъ въ тонъ, Валлонъ выпустилъ книгу, направленную противъ 1793 года, подъ заглавіемъ „La Terreur“. Мы не станемъ разбирать достоинствъ и недостатковъ этого сочиненія Валлона; замѣтимъ только, что даже тогдашняя критика отнеслась къ этой книгѣ очень строго и нашла, что въ ней несравненно болѣе недостатковъ, чѣмъ достоинствъ. Она рѣшила, что сочиненіе почтеннаго професора, секретаря академіи, почти ничѣмъ не отличается отъ бездарныхъ сочиненій въ томъ-же родѣ, написанныхъ Мортимеромъ Терно, Лескюромъ и Тюро Дангономъ, и гораздо ниже произведеній Капфига, котораго тоже нельзя счесть за мудреца. Въ этомъ жалкомъ сочиненіи Валлона замѣчается полнѣйшее

отсутствіе эрудиціи и критическаго анализа; авторъ валитъ въ кучу всякій фактъ, о которомъ ему пришлось случайно слышать, разсказываетъ безъ всякой провѣрки самыя неправдоподобныя сплетни. Одниъ словомъ, по выраженію одного критика, Валлонъ, подобно трусливому человѣку, ночью заблудившемуся въ лѣсу, повѣствуетъ о всѣхъ ужасахъ, пригрезившихся ему въ то время, когда онъ, дрожа отъ страха, прислушивался къ свисту вѣтра и принималъ его за крикъ и визгъ лѣсныхъ чудовищъ.

Издавъ этотъ историческій трудъ, Валлонъ снова обратился къ теологіи, задумавъ написать исторію христіанства. Припоминая, что Боссюэтъ считалъ провозвѣстниками новой исторической жизни человѣчества двухъ героевъ: Карла великаго и св. Людовика, Валлонъ началъ съ Людовика IX, объяснивъ въ предисловіи, что „назидательная жизнь этого святого короля должна показать вольнодумцамъ всю силу христіанства. Біографія героя и христіаннѣйшаго короля, по словамъ самого автора, должна была служить подкрѣпленіемъ тѣмъ выводамъ, какіе естественно вытекаютъ изъ біографіи орлеанской дѣвственницы, героини и крестьянки. И святой король, и героиня, спасшая Францію, были мучениками; ихъ біографіи какъ-бы дополняютъ одна другую“.

Приведемъ отрывокъ изъ предисловія автора къ біографіи св. Людовика.

„Людовикъ IX былъ святымъ на тронѣ, говоритъ Валлонъ.— Какое вліяніе характеръ святости оказалъ на дѣятельность короля? Какое изъ правительственныхъ дѣйствій этого короля оказало рѣшительное вліяніе на судьбы Франціи? Втеченіи нѣсколькихъ столѣтій жизни Франціи ею управляли нѣсколько послѣдовательныхъ династій. Ея правители были люди съ различными характерами; оставляя въ сторонѣ дурныхъ королей, мы видимъ, что остальные отличались великодушіемъ, преданностью своему дѣлу; между ними были даже геніи. Но святой король на престолѣ былъ только одинъ. Поэтому интересно прослѣдить въ подробностяхъ его жизнь и опредѣлить мѣсто, какое онъ занималъ въ ряду своихъ предше-

ственниковъ и преемниковъ. Его жизнь представляетъ не только великій примѣръ, достойный подражанія, для всякаго христіанина, но и предметъ размышленія для политика. Изъ нея можно вывести вѣрное заключеніе, въ чемъ именно заключаются величіе, сила и слава націи".

X.

Между тѣмъ появилось въ продажѣ сочиненіе Ренана „Жизнь Іисуса Христа". Эта книга произвела страшный переполохъ въ клерикальномъ лагерѣ. Посыпалась масса возраженій ученому професору. Нѣкоторые патеры предписали своимъ прихожанамъ постъ и покаяніе, чтобы умилостивить небо; другіе стали предсказывать, что скоро на Францію упадетъ огнь и дождь, приказывали звонить въ колокола для изгнанія демона невѣрія. Самъ папа велѣлъ сжечь въ своемъ присутствіи нѣсколько экземпляровъ книги Ренана. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ епископы разрѣшили собирать пожертвованія для того, чтобы на собранныя деньги покупать еретическое сочиненіе и жечь его. Даже нѣкоторые изъ либеральныхъ протестантовъ присоединились къ числу негодующихъ противъ Ренана. Несмотря на особенное благоволеніе (впрочемъ, выказываемое тайно) императора Наполеона III къ Ренану, самъ покорный сенатъ громко осудилъ надѣлавшее шумъ сочиненіе.

Университетъ, по недоразумѣнію считавшійся либеральнымъ, потому что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда въ немъ читали еще Мишле и Кинэ, онъ дѣйствительно былъ либераленъ,—университетъ, устрашенный волненіемъ, вызваннымъ книгой Ренана, рѣшился остаться нейтральнымъ, держась въ сторонѣ отъ возникшей борьбы. Министръ народнаго просвѣщенія Дюрюи (самый либеральный администраторъ второй имперіи послѣ императора) уволилъ въ отставку Ренана, когда послѣдній отказался самъ подать ее, точно сочиненіе Ренана имѣло какую-нибудь связь съ преподаваніемъ семитиче-

скихъ языковъ (кафедра Ренана); между тѣмъ Ренанъ, безспорно, первый знатокъ этихъ языковъ во Франціи. Увольненіе Ренана нисколько не обезоружило его враговъ. Напротивъ, они накинулись на него съ еще большимъ ожесточеніемъ. Нѣкоторыя газеты въ этомъ случаѣ вели себя, точно школьники, показывающіе языкъ противнику, совладать съ которымъ были не въ состояніи. „Union", „Gazette de France" и „Univers" подняли такой оглушительный лай противъ уволеннаго професора, что людямъ нервнымъ приходилось затыкать уши. Но болѣе всѣхъ свистѣла и шипѣла знаменитая „Фигаро",—газета, въ то время занимавшаяся почти исключительно составленіемъ репутацій женщинамъ легкаго поведенія, что, впрочемъ, она дѣлаетъ и теперь. Нѣсколько дней къ ряду въ этой газетѣ помѣщались статьи противъ Ренана, возбудившіе презрѣніе во всѣхъ маломальски уважающихъ себя людяхъ. Эти статьи были наполнены самыми возмутительными клеветами и площадными ругательствами, точно Вильмессанъ желалъ превзойти Вельо, который тоже большой мастеръ ругаться. Вильмессанъ имѣлъ право торжествовать побѣду: онъ превзошелъ всѣхъ; болѣе омерзительнаго отношенія къ человѣку, извѣстному въ ученомъ мірѣ дѣйствительно замѣчательными трудами, представить себѣ невозможно, далѣе идти было нельзя.

Успѣхъ противниковъ Ренана—Кокиля, Бубра, аббата Гратри, Гранье де-Кассаньяка, Эженя Шапю, Кретино Жоли, графини Реневиль и маркизы Сегюръ—возбудилъ соревнованіе въ Валлонѣ. Какъ професоръ университета, какъ ученый онъ не счелъ себя вправѣ выступать съ полемическими статьями; онъ захотѣлъ поразить Ренана эрудиціей, ученымъ трактатомъ. Долго онъ приготовлялся къ борьбѣ, долго рылся въ произведеніяхъ Боссюэта, желая свалить филистимлянина такъ, чтобы онъ не могъ подняться. И вотъ трактатъ его явился, но, увы! оказалось, что это ученое сочиненіе очень маленькое, очень слабенькое; что при помощи одного Боссюэта немыслимо бороться съ такимъ знатокомъ семитическаго Востока, какимъ былъ Ренанъ. Вылазка Валлона, такимъ

образомъ, потерпѣла совершенное пораженіе. Ренанъ не обратилъ на нее никакого вниманія; онъ не удостоилъ ея даже самымъ краткимъ отвѣтомъ. Такая неудача сильно опечалила Валлона, собиравшаго матеріалы для второй вылазки, которая, разумѣется, не состоялась.

Да не подумаетъ читатель, что мы принадлежимъ къ числу поклонниковъ Ренана; какъ мало мы симпатизируемъ его политическимъ убѣжденіямъ, такъ-же мало придаемъ значенія и этому его труду, вызвавшему между тѣмъ яростныя нападки; въ самомъ своемъ основаніи это сочиненіе парадоксально; но мы не можемъ не признать, что въ литературномъ отношеніи оно безукоризненно; есть страницы, удивительныя по своему слогу, по изяществу изложенія. Что-же касается научной стороны, т. е. описанія жизни и обычаевъ обитателей Палестины, что касается эрудиціи, то сила и глубина ихъ неоспоримы; психологическая сторона тоже не оставляетъ желать многаго. Ренанъ, какъ литераторъ, ученый и мыслитель—мастеръ своего дѣла. Между тѣмъ его противники отрицали въ немъ всѣ эти неоспоримыя достоинства и на его ученые тезисы отвѣчали или площадной бранью, или моральными сентенціями, извлеченными изъ прописей. И Валлонъ, при всей его добросовѣстности, увлекся общимъ настроеніемъ всѣхъ противниковъ Ренана и выступилъ противъ его сильныхъ батарей съ холостымъ оружіемъ. Онъ, вѣроятно, полагалъ, что ему будетъ такъ-же легко справиться съ Ренаномъ, какъ онъ справился съ дѣвицей Германсой Дюфо, и какъ жалокъ показался его трудъ въ сравненіи съ блестящимъ хотя-бы и пародоксальнымъ произведеніемъ Ренана! Изложеніе Валлона вяло, рѣчь нерѣшительна; изъ каждаго его слова замѣтно, что онъ чувствуетъ превосходство надъ собой своего противника, но изъ ложной гордости не рѣшается въ этомъ признаться. Почти совершенно незнакомый съ исторіей и жизнью Востока, Валлонъ упрекаетъ Ренана, первѣйшаго знатока, въ недостаточномъ знакомствѣ и съ той и съ другой. Положеніе Валлона было по-истинѣ комическое и онъ заслуживаетъ скорѣе сожалѣнія, чѣмъ рѣз-

каго упрека. На этотъ разъ къ нему удобно примѣнить выраженіе, что онъ самъ не зналъ, что творилъ. Желая сдѣлать угодное своимъ друзьямъ и покровителямъ, онъ поставилъ себя въ самое неловкое положеніе, изъ котораго выйти съ честью оказалось невозможнымъ.

Искренній католикъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ можетъ согласовать свои католическія убѣжденія съ научными принципами. Католицизмъ—противникъ всякаго прогреса; онъ враждебно относится ко всякому научному открытію. Валлонъ, какъ искренній католикъ, въ качествѣ ученаго нерѣдко долженъ былъ видѣть противорѣчіе научныхъ фактовъ съ его основными католическими убѣжденіями. Долго онъ колебался, наконецъ католицизмъ одержалъ въ немъ верхъ, и онъ, обладавшій всѣми данными, чтобы сдѣлаться хорошимъ историческимъ писателемъ, кончилъ тѣмъ, что поступилъ въ число заурядныхъ историковъ и самыхъ посредственныхъ писателей. По мѣрѣ того, какъ укрѣплялись въ немъ католическія тенденціи, онъ все болѣе и болѣе терялъ способность правильной оцѣнки историческихъ фактовъ. Послѣ обнародованія его полемическаго трактата, направленнаго противъ Ренана, многіе изъ числа людей, уважавшихъ въ немъ автора „Исторіи рабства“, спрашивали себя, тотъ-ли это Валлонъ? И какимъ образомъ случилось, что онъ потерялъ способность реальнаго отношенія къ дѣлу, что онъ разучился понимать смыслъ историческихъ событій?

Изученіе произведеній Боссюэта подѣйствовало очень неблагопріятно на Валлона, заставивъ его почти враждебно относиться къ критикѣ событій, безъ которой исторія, несомнѣнно, обращается въ романъ или въ реторическую болтовню. Боссюэтъ терпѣть не могъ критики и называлъ ее „опаснымъ нововведеніемъ вольнодумцевъ“. Дѣло въ томъ, что критика всегда основывается на фактахъ, а фанатики и даже просто идеалисты чувствуютъ какое-то отвращеніе къ фактамъ. Между католиками находятся такіе закоренѣлые фанатики, которые на факты исторіи человѣчества смотрятъ, какъ на дѣянія, порожденныя внушеніемъ дьявола („gesta

diaboli", пишетъ одинъ изъ нихъ), какъ на собраніе самыхъ возмутительныхъ событій, какъ на сплошный грѣхъ. Боссюэтъ порицалъ философа Малебранша именно за то, что тотъ занимался исторіей. Ройе-Коляръ, покровитель Гизо, въ одной изъ своихъ рѣчей провозгласилъ, что исторія ни къ чему непригодна. Вообще, даже умѣренные католики держатся мнѣнія, что папскій силлабусъ заключаетъ въ себѣ всякую мудрость, всякую истину, что для объясненія того или другого факта или событія незачѣмъ обращаться къ исторіи, которая можетъ сбить съ толку, затемнить слабый, колеблющійся умъ человѣческій; впрочемъ, они готовы допустить занятія исторіей, но какъ забаву, пригодную для недостаточно развитаго ума, неспособнаго понимать глубокомысленные трактаты католическихъ богослововъ. Конечно, вѣрный католикъ можетъ пользоваться исторіей на пользу теологіи; онъ долженъ выискивать факты, подтверждающіе теологическіе выводы, но не больше. Валлонъ, разумѣется, не смотрѣлъ такъ узко на значеніе исторіи, но, во всякомъ случаѣ, подчинялся въ извѣстной степени католическому взгляду. Находясь подъ вліяніемъ произведеній Боссюэта, Валлонъ почти черезъ два вѣка вздумалъ развивать историческіе взгляды знаменитаго проповѣдника. Не говоря уже о томъ, что взгляды эти и въ свое время были парадоскальны, они сдѣлались уже совершенно немыслимыми въ XIX вѣкѣ. Валлонъ былъ лишенъ той вѣры, которая служила побудительной причиной дѣятельности Боссюэта. Знаменитый проповѣдникъ вѣрилъ въ справедливость своихъ выводовъ; Валлонъ, загроможденный массой фактовъ, противорѣчащихъ этимъ выводамъ, не могъ имѣть такой вѣры. Приверженецъ философіи Кузена и Жуфруа, Валлонъ пытался быть независимымъ, но католическія доктрины, въ свою очередь, вліяли на него до того сильно, что онъ уставалъ отъ борьбы и сдавался побѣжденнымъ; оттого во всѣхъ его произведеніяхъ замѣчается сильное противорѣчіе между сущностью и формой. Въ его историческихъ сочиненіяхъ рядомъ съ прекрасными страницами, достойными серьезнаго и талантливаго историка,

идетъ такая схоластика, что пропадаетъ всякая охота читать далѣе. Выбросьте всѣ эти туманности, составляющія, впрочемъ добрую половину въ произведеніяхъ Валлона, и явится довольно талантливый историкъ, читать котораго можно не безъ удовольствія. Наоборотъ, соберите вмѣстѣ туманности, и вы можете подписать подъ ними имя котораго угодно изъ сотрудниковъ „Monde" и „Univers". Что особенно портитъ историческіе труды Валлона, это—болтливость, и именно въ тѣхъ частяхъ ихъ, гдѣ онъ напускаетъ тумана. Послѣ этого имѣетъ-ли право Валлонъ называться историкомъ въ настоящемъ значеніи этого слова? Едва-ли. Онъ, конечно, обладаетъ знаніемъ множества фактовъ, онъ знаетъ имя того каменьщика, которому король Филиппъ-Августъ поручилъ устроить первую мостовую въ Парижѣ; мы не сомнѣваемся, что ему извѣстно, какъ звали сыромятника, выдѣлавшаго пергаментъ, на которомъ была написана „прагматическая санкція", послужившая краеугольнымъ камнемъ для галиканской церкви; Валлонъ знакомъ съ хронологіей и, пожалуй, не сдѣлаетъ ни одной ошибки въ именахъ и числахъ. Но этихъ знаній еще слишкомъ недостаточно для настоящаго историка. Историческія компиляціи Валлона могутъ имѣть цѣну, какъ прилежный, усидчивый трудъ, но это не наука. Въ его произведеніяхъ недостаетъ критическаго анализа событій и фактовъ и болѣе всего бросается въ глаза узкая тенденціозность въ клерикальномъ направленіи и, во имя этой тенденціозности, намѣренное умолчаніе о нѣкоторыхъ событіяхъ или искаженіе другихъ событій, можетъ быть, не намѣренное, но совершенное подъ вліяніемъ той-же тенденціозности.

XI.

Торговый домъ Мама и К° въ Турѣ спеціально торгуетъ учебными книгами и доставляетъ книги для раздачи въ награду ученикамъ и ученицамъ школъ общественныхъ и част-

ныхъ, свѣтскихъ и конгрегаціонныхъ, даже колегій и лицеевъ. Торговый домъ держитъ у себя на жалованьи разныхъ мелкихъ литераторовъ, которые не могутъ пристроиться при какомъ-нибудь періодическомъ изданіи и не на-столько талантливы или обезпечены, чтобы ихъ произведенія могли являться въ печати и помимо журналовъ и газетъ. Они обязаны писать на всякую тему, какую предложитъ имъ Мамъ и К°. Чаще всего имъ заказываювъ романы съ католическимъ направленіемъ или дѣтскія повѣстушки, наполненныя моральными сентенціями. Эти-то книжонки идутъ въ конгрегаціонныя школы и въ такія свѣтскія школы, которыя находятся подъ вліяніемъ мѣстнаго духовенства. Въ предпріятіи Мама заинтересованъ архіепископъ турскій; немудрено, что все католическое духовенство Франціи старается распространять въ школахъ всѣ книги, изданныя фирмой Мамъ и К°. Книжки эти издаются съ картинками и продаются въ переплетахъ съ золоченымъ бордюромъ; книжечки печатаются обыкновенно въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ и расходятся очень успѣшно.

Валлонъ нѣкоторыми изъ своихъ сочиненій соперничаетъ съ Мамомъ. Клерикалы старательно распространяютъ слѣдующія его книги, рекомендуя ихъ для подарковъ въ школахъ: 1) La Vie de Jeanne D'Arc; 2) La vie de Saint Louis; 3) Richard II; 4) La Terreur и 5) La Geographie des Temps Modernes. Такимъ образомъ, Мамъ и Валлонъ являются между собою конкурентами, хотя и неравными по своему значенію. Произведенія Валлона представляютъ собою болѣе пространное и болѣе серьезное изложеніе произведеній Мама, а изданія Мама составляютъ сокращеніе трудовъ Валлона. Объ ихъ пропорціональномъ значеніи можно судить по тому мѣсту какое дается ихъ произведеніямъ, назначеннымъ въ награду лучшимъ ученицамъ и ученикамъ и раздаваемымъ съ торжествомъ въ присутствіи властей изъ мѣстной администраціи. Самымъ прилежнымъ воспитанникамъ высшихъ классовъ обыкновенно назначаются въ награду избранныя произведенія французской литературы. Толпѣ посредственныхъ учениковъ

даютъ то, что она заслуживаетъ: Мама, вообще бездарность облаченную въ золоченые переплеты. Что касается Валлона, его произведенія занимаютъ еще менѣе почетное мѣсто въ ряду книгъ, даваемыхъ въ награду; ихъ помѣщаютъ въ срединѣ между превосходными произведеніями французской литературы и конгломератомъ тряпичниковъ литературы. Дѣвочки въ пансіонахъ и мальчуганы въ буржуазныхъ школахъ, награждаемые сказками канониссы Шмидтъ, розовенькими, желтыми и иными бездѣлушками, сочиненными графиней Сегюръ и т. п. при полученіи награды удостоиваются офиціальнаго поцѣлуя отъ простого муниципальнаго совѣтника; ученицы и ученики, получившіе въ награду произведенія Мама, принимаютъ поцѣлуй отъ помощника мэра или табачнаго смотрителя или-же сборщика податей; награжденные сочиненіями Валлона подставляютъ свои губы для поцѣлуя мэра или даже совѣтника префектуры. Честь, правда, не малая. но почтенный Валлонъ непремѣнно вздыхаетъ горько при размышленіи, что удостоенные награды французскими классиками получаютъ поцѣлуй отъ самого префекта и даже отъ дивизіоннаго генерала.

XII.

Потихоньку, полегонечку, постепенно теряя въ своемъ значеніи какъ ученый, Валлонъ выигрывалъ въ жизненной карьерѣ и все тѣснѣе и тѣснѣе сближался съ клерикалами. Насталъ, наконецъ, бѣдственный для Франціи 1870 годъ; затѣмъ наступила революція 4 сентября. Клерикалы стушевались, притаился и Валлонъ. Но недолго они прятались. Поразсмотрѣвъ поближе правительство 4 сентября и увѣрившись, что Трошю, пріятель клерикаловъ, засѣдаетъ въ составѣ правительства не для одного только счета, что остальные члены правительства народной обороны вовсе не были такъ страшны, какими ихъ представляли противники,—клерикалы встрепенулись и во все время осады Парижа нѣмцами состав-

ляли планы, какъ-бы обезпечить себѣ будущее торжество. Искусившіеся въ интригахъ и хорошо понимавшіе сердце человѣческое, они не сомнѣвались, что сдача Парижа, а слѣдовательно пораженіе Франціи, принесетъ имъ пользу; что реакція, которая непремѣнно должна будетъ обнаружиться снова выдвинетъ ихъ на политическую арену и обезпечитъ за ними власть. Они не сомнѣвались, что провинціальная буржуазія и сельское населеніе ждутъ мира, и на этой жаждѣ болѣе всего основали свои надежды. Какъ только Парижъ сдался нѣмцамъ, всѣ главные дѣятели клерикальной партіи выставили въ провинціяхъ свои кандидатуры въ національное собраніе. Всѣ они явились поборниками мира во что-бы то ни стало. Поѣхалъ въ провинцію и Валлонъ. Онъ заявилъ кандидатуру въ сѣверномъ департаментѣ; онъ обѣщалъ своимъ избирателямъ настоятельно требовать заключенія мира, и былъ избранъ значительнымъ большинствомъ.

Такимъ образомъ, послѣ двадцатилѣтняго удаленія отъ политики Валлонъ снова захотѣлъ попробовать свои силы на политическомъ поприщѣ. Нельзя сказать, что возвращеніе его сопровождалось блистательнымъ успѣхомъ. Онъ тотчасъже затерялся въ большинствѣ, его никто не замѣчалъ, да и самъ онъ едва-ли смѣлъ мечтать о своемъ будущемъ торжествѣ. Заурядный ученый, онъ еще болѣе заурядный ораторъ, стоящій даже ниже средняго уровня посредственности. Въ его сочиненіяхъ, по крайней мѣрѣ, встрѣчаются хорошія страницы; слогъ ихъ довольно изящный, чисто-академическій; онъ ихъ отдѣлывалъ тщательно, хотя это и стоило ему значительнаго труда. Но говоритъ онъ вяло, отрывисто, короткими фразами, онъ видимо желаетъ отдѣлывать свои рѣчи; но такъкакъ для этого ему необходимо время, значительная подготовка, что невозможно въ парламентѣ, гдѣ говорить иногда приходится экспромтомъ, то рѣчи Валлона отличаются чопорностью, сбивчивостью и темнотой.

Мы не станемъ перечислять, за какія мѣры вотировалъ Валлонъ,—это не стоитъ труда, да и къ тому-же тогда это будетъ не біографія Валлона, а исторія версальскаго національнаго собранія. Замѣтимъ только, что главная вина его состоитъ въ томъ, что онъ, жившій безвыѣздно 30 лѣтъ въ Парижѣ, не замолвилъ ни слова въ защиту Парижа, когда началась борьба его съ версальскимъ правительствомъ. Въ началѣ борьбы примиреніе еще было возможно; если-бы люди, подобные Валлону, поддержали предложеніе парижскихъ мэровъ, очень вѣроятно, что была-бы устранена междоусобная война. Но Валлонъ молчалъ; не произнесъ онъ ни слова и въ то время, когда началась расправа съ побѣжденнымъ Парижемъ. Опять-таки воззваніе къ милосердію такихъ людей, какъ Валлонъ, могло-бы смягчить суровость возмездія. Но филантропъ Валлонъ, взывавшій къ гуманности, когда шло дѣло о черныхъ и желтыхъ, проливавшій слезы надъ несчастной участью рабовъ въ древности, показывалъ видъ, что онъ оглохъ, когда къ нему обращались съ просьбой замолвить слово за побѣжденныхъ. Въ это печальное время, какъ и вообще во всѣ первые четыре года засѣданія своего въ палатѣ, Валлонъ открывалъ ротъ только за тѣмъ, чтобы требовать у палаты уменьшенія содержанія астроному, который въ маленькой обсерваторіи въ люксамбургскомъ дворцѣ производилъ метеорологическія наблюденія. Каждый разъ, какъ обсуждался бюджетъ, Валлонъ вставалъ и требовалъ сокращенія двухъ съ половиною миліарднаго бюджета уменшеніемъ содержанія астроному Кулонъ-Гравье. Если онъ такъ жаждалъ сократить государственный бюджетъ, то не проще-ли было ему самому отказаться отъ части получаемаго имъ отъ государства содержанія? Какъ депутатъ, онъ получалъ 9,000 франковъ и, кромѣ того, ему были сохранены содержанія професора и по другимъ занимаемымъ имъ должностямъ. Почему-же онъ такъ привязался къ бѣдному астроному, почему его такъ безпокоили звѣзды, кометы и планеты—это осталось для всѣхъ тайной.

Путая дѣло все болѣе и болѣе, версальское собраніе, наконецъ, пришло къ необходимости вотировать какую-нибудь конституцію. Наступило 25 февраля 1875 года. Валлонъ, вчера еще едва примѣтная для глазъ точка, въ этотъ день сталъ знаменитостью, великимъ человѣкомъ, первымъ гражданиномъ Франціи; въ этотъ день онъ учредилъ республику во Франціи, по новому образцу, почему ее и прозвали „валлонатъ". Добрякъ-професоръ, который безъ очковъ не видитъ дальше своего носа, внезапно обратился въ представителя и объяснителя желаній 36-миліоннаго народа.

Чудныя дѣла творятся на свѣтѣ! Въ первое время никто не могъ понять, какъ это случилось, что членъ большинства, свергнувшаго Тьера за то, что онъ вознамѣрился утвердить республиканскую форму правленія во Франціи,—явился учредителемъ республики, очень мало чѣмъ отличавшейся отъ тьеровской. Дѣло, впрочемъ, разъяснилось очень просто. Коалиція монархическихъ партій была не въ состояніи реставрировать монархію, между тѣмъ бонапартисты на-столько усилились, что можно было опасаться захвата ими власти. Къ тому-же съ Гамбетой было гораздо легче войти въ соглашеніе, чѣмъ съ Руэромъ. Составилась коалиція республиканцевъ съ орлеанистами и республиканская форма правленія была вотирована, благодаря поправкѣ, предложенной Валлономъ. Онъ предложилъ отождествить республику съ диктатурой маршала Мак-Магона, который не питаетъ никакого расположенія къ этой формѣ правленія. Поправка поправилась республиканцамъ, ихъ сообщники тоже не находили въ ней ничего непріятнаго для себя. Предложеніе Валлона принято большинствомъ одного голоса, т. е. его самого. Муза исторіи Кліо открыла Франціи новую страницу.

Конституція Валлона (благодаря его поправкѣ она получила это имя) страдаетъ многими противорѣчіями. Въ силу ея Мак-Магонъ, президентъ республики, пользуется королевскими правами, почти равными тѣмъ, какими пользовались Людовикъ XIV и Наполеонъ I, большими, чѣмъ пользуются обыкновенно короли въ конституціонныхъ государствахъ. Пре-

зидентъ имѣетъ право созывать и распускать палату, онъ можетъ продлить и отсрочить ея засѣданія. Хотѣли даже дать ему право объявленія войны по его произволу, однакожъ, вовремя спохватились, кто-то напомнилъ объ императрицѣ Евгеніи, вызвавшей войну 1870 года, и предложеніе не прошло. Творцы конституціи вздумали примирять непримиримое, согласовать несогласуемое. Подчиняя палаты исполнительной власти, они мечтали, что вмѣстѣ съ тѣмъ подчиняютъ исполнительную власть палатамъ. Но какъ-же согласовать такую очевидную невозможность? спросите вы. Очень просто, отвѣчаютъ творцы конституціи: законодательная власть все-таки у насъ поставлена выше исполнительной, потому что въ случаѣ измѣны исполнительной власти она можетъ ее свергнуть... Но, подождите, прерываете вы, исполнительная власть разгонитъ законодательную раньше, чѣмъ та вздумаетъ составить обвинительный актъ... Это возраженіе ваше не удостоивается отвѣта; творцы конституціи пожимаютъ плечами и удаляются.

Люди наивные, въ родѣ Валлона, готовы вѣрить, что президентъ республики, облеченный правомъ во всякое время отдѣлываться отъ надоѣдающей ему палаты, будетъ на-столько деликатенъ, что, въ случаѣ обвиненія его палатой, явится передъ законодателями и скажетъ имъ: господа! вы мной недовольны, я готовъ подчиниться вашему суду; судите меня! Чудаки, право, не менѣе наивные, какъ и законодатели 1851 года, которые воображали, что стоитъ имъ прикрикнуть на принца Наполеона и онъ смирится, самъ пойдетъ въ тюрьму и будетъ тамъ ожидать суда надъ собою. Вмѣсто того, чтобы гарантировать страну отъ возможности государственнаго переворота, они дѣлали все возможное, чтобы онъ удался. Достойнѣйшій Одиллонъ Барро 20 февраля 1848 года закричалъ Гизо: „Ваши оправданія наглы и доказываютъ ваши неблаговидныя намѣренія. Я предложу палатѣ судить васъ за измѣну! Да, я требую, чтобы она составила противъ васъ обвинительный актъ!..“ Но глаза его и жесты говорили: я

дѣйствительно совершу все это только въ такомъ случаѣ, если вы позволите... Но Гизо, конечно, не позволилъ.

Замѣчательно, что творцы новой французской республиканской конституціи много толковали о томъ, чтобы на будущее время сдѣлать невозможными государственные перевороты, отъ которыхъ такъ сильно страдала страна. И они нашли только одно средство: въ нѣкоторомъ родѣ узаконить насильственный переворотъ. Пока будетъ дѣйствовать настоящая конституція, насильственные перевороты будутъ совершаться легальнымъ путемъ. Президентъ, въ силу конституціи, имѣетъ право распустить всякую палату, которая не захочетъ дѣйствовать согласно его волѣ. А развѣ это не тотъ-же государственный переворотъ, только легальный, произведенный подъ прикрытіемъ законности?

Многіе республиканцы пробовали возражать; они находили, что новая конституція совершенно расходится съ республиканскими традиціями, съ чѣмъ согласился самъ Лабулэ, много способствовавшій тому, что версальскому національному собранію не предстояло другого выбора, кромѣ конституціи Валлона. Однакожъ, несмотря на то, что несостоятельность новой конституціи была для всѣхъ очевидна, даже крайняя лѣвая присоединилась къ лѣвому центру, переманившему на свою сторону часть праваго, и вмѣстѣ съ нимъ подала свой голосъ за эту конституцію. Несомнѣнно, что большинство, принявшее новую конституцію, за исключеніемъ, можетъ быть, десяти, двадцати человѣкъ, приняло ее очень неохотно и уже на другой день шли толки о томъ, что едва-ли она приведетъ къ чему-нибудь хорошему; она скорѣе вызоветъ новыя затрудненія, устранить которыя будетъ еще тяжеле, чѣмъ существовавшія. Но натянутость и неопредѣленность положенія до такой степени всѣмъ опротивѣли, что пришлось примириться даже и съ такой конституціей, которая была все-таки чѣмъ-нибудь.

Валлонъ торжествовалъ. Скромный професоръ новой исторіи и географіи въ Сорбонѣ внезапно превратился въ политическаго реформатора, въ героя дня. Если-бы старый Гизо

могъ отдернуть завѣсу будущаго, если-бы онъ могъ предвидѣть, что молодой человѣкъ, которому онъ покровительствовалъ, въ одинъ прекрасный день сдѣлается отцомъ республиканской Горгоны; что его протеже пойдетъ рука объ руку съ Гамбетой и даже съ Люи Бланомъ; что его помощникъ будетъ наслѣдникомъ дѣятелей первой революціи, — съ какимъ-бы негодованіемъ онъ отвернулся отъ него! Да, невозможное стало возможнымъ, неправдоподобное совершилось. Кто-бы могъ думать, что спокойный, толстенькій, невозмутимый профессоръ и добродушный буржуа Ганри-Александръ Валлонъ сдѣлается основателемъ республики, законодателемъ, подобно Солону и Ликургу? Рядомъ съ эрой Ликурга, съ геджрой Магомета, мы должны поставить циклъ Валлона. Новому порядку вещей дано и новое имя: „валлонатъ". Съ 25 февраля 1875 года Франціи суждено идти по новой дорогѣ..

Какъ любопытна исторія! Современная намъ исторія, можетъ быть, самая любопытная изъ всѣхъ эпохъ, какія переживало человѣчество! Кто понимаетъ ее немного (говоримъ „немного" потому, что даже между руководителями едва-ли кто можетъ похвалиться, что понимаетъ ее вполнѣ), тотъ непремѣнно теряетъ охоту къ чтенію романовъ, ибо онъ чувствуетъ, онъ видитъ, что самое богато-одаренное воображеніе не въ силахъ измыслить того, что представляетъ сама дѣйствительность по части неожиданностей, запутанностей интриги и непредвидѣнныхъ развязокъ. Фантазія произвольна и потому часто ошибается, но дѣйствительность всегда беретъ свое основаніе въ природѣ вещей. Какъ-бы ни нелѣпы и неправдоподобны казались факты, но они всегда дѣйствительно существуютъ.

Республика, созданная Валлономъ, стала существующимъ фактомъ. Авторъ (какъ назвала Валлона „Gazette de France"), давшій ей свое имя, призванъ управлять ею вмѣстѣ съ маршаломъ Мак-Магономъ. Знаменитый Бюффе, неожиданная помощь котораго утвердила побѣду за республиканцами, получилъ портфель министра внутреннихъ дѣлъ. Валлонъ былъ

назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія; онъ рѣшился сдѣлать опытъ, можетъ-ли онъ держать власть въ своихъ рукахъ,—опытъ весьма щекотливый, потому что „высокій постъ дѣлаетъ великаго человѣка болѣе великимъ, а маленькаго совсѣмъ принижаетъ“, говоритъ Лабрюйеръ.

XIII.

Іезуиты и клерикалы на первыхъ порахъ были очень недовольны Валлономъ; не говоря уже о томъ, что ихъ непріятно поразила его поправка, способствовавшая принятію конституціи, что противорѣчило ихъ планамъ, имъ не нравилось, что Валлонъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія. Клерикалы опасались его, какъ приверженца галликанской церкви, какъ поклонника Боссюэта, который во мнѣніи клерикаловъ слылъ почти за еретика.

„Но постойте, прерываетъ насъ читатель,—развѣ Валлонъ не клерикалъ?“

Онъ клерикалъ, но вѣдь клерикалы бываютъ разные. Въ этой партіи существуетъ раздвоеніе. Обѣ фракціи взаимно ненавидятъ и недовѣряютъ одна другой. Клерикалы-ультрамонтане смотрятъ съ недовѣріемъ на клерикаловъ-галликанъ и считаютъ ихъ либералами. Клерикалы-галликане, въ свою очередь, считаютъ ультрамонтанъ изступленными фанатиками. Обѣ эти большія фракціи подраздѣляются на меньшія, тоже препирающіяся и враждующія другъ съ другомъ; мы, впрочемъ, не находимъ нужнымъ поименно перечислять ихъ. Замѣтимъ только, что газета „Monde“ готова уничтожить газету „Français“, хотя, повидимому, обѣ онѣ держатся одного толка. Фаллу ненавидѣлъ Монталамбера; Монталамберъ ненавидѣлъ Фаллу. Полемика между Вельо и Дюпанлу всѣмъ извѣстна и пріобрѣла знаменитость, особенно благодаря тѣмъ средствамъ, къ какимъ прибѣгали полемизаторы; споръ между ними принималъ размѣры самаго крупнаго скандала, такъ

что папа, наконецъ, долженъ былъ вмѣшаться и своей властью прекратить полемику.

Этотъ монсеньеръ Дюпанлу, какъ предводитель клерикаловъ въ версальскомъ національномъ собраніи, взялъ на себя проведеніе клерикальнаго проекта, постепенно подготовляемаго втеченіи жизни трехъ поколѣній.

Утвердивъ за государствомъ монополію высшаго образованія, революція 1793 года нанесла клерикализму такой ударъ, отъ котораго ему трудно было оправиться. Но восторжествовавшая буржуазія, вмѣсто того, чтобы воспользоваться вполнѣ своею побѣдою, сама помогла клерикализму подняться и залечить свои раны. Буржуазія сдѣлала это вовсе не изъ великодушія, а изъ чистаго разсчета. Не желая ни съ кѣмъ дѣлиться плодами побѣды, она задумала управлять при пособіи католическаго духовенства, разсчитывая подчинить его совершенно своей власти. Конкордатъ Наполеона I былъ первой побѣдой французскаго католическаго духовенства, такъ-какъ имъ торжественно доказывалось, что оно существуетъ и снова пользуется извѣстными, довольно значительными сословными правами. Съ этого времени всѣ стремленія духовенства были направлены къ тому, чтобы возвратить себѣ потерянное во время революціи положеніе. Чѣмъ болѣе буржуазія расходилась съ демократіей, тѣмъ тѣснѣе она сближалась съ католическимъ духовенствомъ. Люи-Филиппъ, Гизо, герцогъ Брольи и Тьеръ всегда прибѣгали къ союзу съ клерикалами, когда предстояла имъ необходимость побороть демократическую оппозицію. Этотъ союзъ правительства іюльской монархіи съ клерикалами привелъ къ развитію неудовольствія въ народѣ, къ усиленію оппозиціи и, наконецъ, къ февральской революціи. Когда остылъ пылъ побѣды, буржуазія снова обратилась къ союзу съ клерикалами и снова водворилась реакція. Въ этомъ заколдованномъ кругу—изъ реакціи къ революціи, изъ революціи снова къ реакціи—Франція вертится болѣе трехъ четвертей столѣтія, вѣчно повторяя сказку о бѣломъ бычкѣ.

Монсеньеръ Дюпанлу очень опечалился назначеніемъ Валлона министромъ народнаго просвѣщенія. Орлеанскій епископъ сильно разсчитывалъ на содѣйствіе бывшаго министра Кюмона, вѣрнаго слуги клерикаловъ. Валлонъ, съ его ученой репутаціей, съ честностію и преданностью своимъ убѣжденіямъ, въ глазахъ достопочтенныхъ отцовъ іезуитовъ былъ личностью подозрительной. Однакожъ, поразмысливъ хорошенько, они пришли къ убѣжденію, что наивность Валлона представляетъ такія-же гарантіи успѣшности ихъ плановъ, какъ и податливость Кюмона. Ихъ успокоилъ въ этомъ отношеніи духовникъ Валлона, патеръ іезуитскаго ордена. На сомнѣнія своихъ товарищей онъ отвѣчалъ слѣдующими словами:

— У береговъ Средиземнаго моря водится молюскъ въ формѣ шара, утыканный кругомъ иглами; онъ называется морской ежъ. Дѣти боятся къ нему притронуться, но рыбаки изловчились ловить его, быстро запуская ноготь подъ его скорлупу. Валлонъ можетъ быть сравненъ съ этимъ ежомъ. Его нападки на ультрамонтанство возбуждають удивленіе въ простякахъ и наивныхъ. Но вмѣсто крови въ его венахъ течетъ молоко; онъ наивенъ и незлобивъ; если вы, подобно рыбакамъ, съумѣете запустить ноготь подъ его скорлупу, онъ вашъ. Слѣдовательно, нечего его бояться!

Достопочтенные отцы имѣли случай вскорѣ убѣдиться, что ихъ товарищъ правъ. Къ тому-же обстоятельства сложились совершенно въ ихъ пользу. Бо̀льшая половина Франціи находилась въ осадномъ положеніи; газеты, книги и брошюры безпрестанно задерживались; безпрепятственный ходъ давался только клерикальнымъ изданіямъ. Одинъ изъ подпрефектовъ въ своемъ рвеніи дошелъ до того, что арестовалъ ученаго дрозда, насвистывавшаго марсельезу. Бюффе запретилъ астроному Фламаріону прочесть рѣчь о небесной сферѣ, а химику Накэ лекцію о спектральномъ анализѣ; запретилъ продавать въ разносъ книгу англійскаго экс-премьера Гладстона о послѣднихъ папскихъ посланіяхъ. Многіе префекты и подпрефекты считали врагами общественнаго порядка всѣхъ, кто не принадлежалъ къ клерикальной или бонапартистской пар-

тіямъ. Время для осуществленія замысловъ клерикаловъ было самое подходящее. Дюпанлу рѣшился сдѣлать попытку. Онъ заговорилъ противъ монополіи, которой пользуется правительство относительно высшаго образованія, и требовалъ разрѣшенія открыть католическіе университеты (назвавъ ихъ для отвода глазъ свободными, потому что былъ убѣжденъ, что кромѣ католическихъ конгрегацій, найдется не много общинъ и частныхъ лицъ, которые будутъ въ состояніи открыть и содержать на свой счетъ университетъ) имѣющіе право выдавать своимъ воспитанникамъ дипломы, равнозначущіе правительственнымъ дипломамъ. Этимъ способомъ католическое духовенство разсчитывало захватить въ свои руки множество мѣстъ въ администраціи. Професоровъ въ католическіе университеты предполагалось выбирать только изъ людей, считающихъ силлабусъ высшимъ проявленіемъ человѣческаго ума и человѣческаго прогреса. Только такіе професора способны убѣдить своихъ учениковъ, что для міра одно спасеніе въ католицизмѣ, а еретиковъ слѣдуетъ жечь и убивать. Католическое духовенство, осуществивъ свой планъ захвата высшаго образованія въ свои руки, имѣетъ полное право разсчитывать, что поколѣніе юношей и дѣвицъ, вышедшее изъ католическихъ университетовъ и школъ, будетъ преданнѣйшимъ слугою клерикаловъ.

Такія мысли католическое духовенство оставляло про себя, въ публикѣ-же оно ратовало за свободу преподаванія, только за одну свободу. „Вы должны помочь намъ завоевать эту свободу, иначе вы будете дѣйствовать противъ собственныхъ принциповъ!“ твердило оно республиканцамъ и свободнымъ мыслителямъ. И мудрецы, въ родѣ Валлона, „Journal des Débats“ и Лабулэ, патріарха французскаго либерализма, согласились, что клерикалы правы. Точно туманъ застлалъ глаза либераламъ и они не замѣтили, что свободой, которую они желали дать всѣмъ, воспользуются одни іезуиты, что, давая клерикаламъ право открывать свои университеты, они пускаютъ лисицъ въ курятникъ. Одно время казалось, что либералы понимаютъ, какую западню устроили имъ клерикалы,

что они сознають, сколько бѣдствій вынесла Франція благодаря господству клерикаловъ, что силлабусъ столько-же опасенъ для Франціи, сколько опасна была для Испаніи инквизиція...

Въ рѣшительный моментъ всѣ взоры обратилнсь на Валлона, представителя государства, приверженца галликанства, противника ультрамонтанъ. Все, что есть интелигентнаго во Франціи и вообще въ Европѣ, съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдило за преніями въ версальской палатѣ по вопросу о высшемъ образованіи. По странной игрѣ случая, отъ Валлона снова зависѣло рѣшеніе вопроса: за какую сторону подастъ онъ свой голосъ, за той стороной обезпечивалась побѣда...

Валлонъ колебался; началъ онъ защитой университета отъ вторженія іезуитовъ... но его духовникъ, іезуитъ, подалъ ему знакъ—и Валлонъ кончилъ сдачей цитадели. Пробормоталъ онъ что-то невнятно, на его лицѣ появилась неопредѣленная, почти безсмысленная улыбка, и онъ отдалъ іезуитамъ Францію, государство, университетъ, либерализмъ, даже самое галликанство.

Какъ только фатальное слово сошло съ губъ Валлона, германскій посланникъ князь Гогенлоэ, телеграфировалъ князю Бисмарку: „Германія можетъ уменьшить свою армію на 500,000 человѣкъ. Ей нечего болѣе опасаться Франціи".

Пораженіе подъ Седаномъ, сдача Мэца были бѣдственными событіями для Франціи, но не на-столько пагубными, какъ отдача высшаго образованія въ руки іезуитовъ. На это событіе французская буржуазія должна смотрѣть, какъ на свое Ватерлоо. Валлонъ, какъ предводитель въ этомъ пораженіи, долженъ понести тяжкую отвѣтственность. Онъ долженъ страдать ужасно. Онъ отдалъ своимъ врагамъ не только отечество, но и свою религію... да, онъ предалъ религію Боссюэта, онъ пожертвовалъ галликанствомъ!

Бѣдный Валлонъ! пока онъ былъ только професоромъ, онъ могъ считать себя человѣкомъ справедливымъ, безкорыстно преданнымъ своимъ убѣжденіямъ. Теперь же! Ахъ, зачѣмъ онъ рискнулъ на инициативу!

XV.

Валлонъ получилъ награду за смиреніе. Іезуиты рѣшили, наконецъ, произвести закладку церкви, посвященной святому Сердцу. Соборъ будетъ воздвигнутъ на Монмартрѣ, господствующемъ надъ Парижемъ, что должно служить символомъ побѣды іезуитовъ надъ французской революціей, подчиненія человѣческой мысли принципамъ Лойолы. Іезуиты смѣло утверждаютъ теперь, что побѣда ихъ уже обезпечена.

Въ основаніи фундамента положена гранитная глыба въ 290 пудовъ вѣсомъ. Эта глыба посвящена св. Игнатію Лойолѣ. Въ центрѣ этой глыбы высѣчена камера, запирающаяся герметически. Въ ней поставленъ сундучекъ, а въ сундукѣ хрустальная трубка, покрытая толстымъ свинцовымъ листомъ, предназначенная для храненія протокока торжественной закладки, написаннаго на пергаментѣ. На мраморной доскѣ и на бронзовой пластинкѣ,—одной, прибитой къ глыбѣ, а другой, положенной въ сундучекъ, изображено слѣдующее:

XVI дня іюня MDCCCLXXV

Въ славное царствованіе его святѣйшества Пія IX
въ присутствіи
Президента республики маршала Мак-Магона
герцога Манджентскаго,
Министра народнаго просвѣщенія и исповѣданій
Г. Валлона
Сей камень,
служащій основаніемъ церкви національной,
посвященной святому Сердцу Іисусову,
благословенъ и положенъ
его эминенціей, кардиналомъ Гиберомъ
архіепископомъ парижскимъ.

Поставивъ имя Валлона рядомъ съ именемъ папы и мон-

сеньера Гибера, iезуиты этой честью думали вознаградить его вполнѣ за то, что онъ отдалъ въ ихъ руки французское юношество.

Но не превратится-ли эта высокая награда въ наказанiе Валлону? Это скажетъ ему его собственное сознанiе.

Дѣятельность Валлона по вопросу о высшемъ образованiи также быстро сдѣлала его непопулярнымъ, какъ предложенiе признанiя республики дало ему внезапную и неожиданную для него популярность. Въ виду этой непопулярности Дюфоръ, замѣстившiй Бюффе, не рѣшился дать Валлону мѣсто въ своемъ министерствѣ и почтенный профессоръ, сидя въ сенатѣ, можетъ размышлять о суетности величiя, о неблагодарности современниковъ.

VI

ФРАНСУА ГИЗО.

Гизо, одинъ изъ представителей идеи управляющей буржуазіи.—Діоскуры французской буржуазіи.—Оправдательная записка Гизо.—Гильотинированіе Гизо-отца. — Переселеніе въ Женеву.—Кальвинистское воспитаніе Франсуа Гизо.—Сюардъ.—Успѣшный дебютъ Гизо на житейской сценѣ.—Неутомимая дѣятельность Гизо.—Первые литературные труды Гизо.—Первая неудача Гизо.—Первый опытъ оппозиціи.—Женитьба Гизо.—Ройе-Коляръ.—Секретарь министерства внутреннихъ дѣлъ.—Законъ о печати.—Возвращеніе Наполеона съ Эльбы.—Отъѣздъ Гизо въ Гентъ.—Неудачи Гизо.—Участіе Гизо въ возстановленіи превотальныхъ судовъ.—Проявленія кроваваго фанатизма въ южной Франціи.—Бѣлый терроръ.—Золотая посредственность.—Избирательный законъ по проекту Гизо.—Безпрерывныя агитаціи по поводу законовъ объ избирательныхъ правахъ. Отличительная черта доктринерства заключается въ отсутствіи принциповъ.—Оппозиція Гизо.—Его замѣчательная профессорская дѣятельность.—Его литературные труды.—Вторая женитьба Гизо.—Участіе въ революціи.—Министерская дѣятельность Гизо.—Гизо въ парижской протестантской консисторіи.—Увѣренность Гизо въ своей непогрѣшимости.

Умершій два года тому назадъ Гизо принадлежалъ къ числу самыхъ вліятельныхъ и замѣчательныхъ людей нашего вѣка. Гизо получилъ извѣстность, какъ ораторъ, писатель и дипломатъ; его имя было замѣтнымъ и въ политикѣ, и въ наукѣ; онъ не изъ послѣднихъ и въ ряду замѣчательныхъ теологовъ. Много лѣтъ къ ряду онъ или самъ стоялъ у кормила правленія, или-же былъ довѣреннымъ лицомъ людей,

въ рукахъ которыхъ находилась власть. Долгое время онъ былъ признаннымъ главой буржуазной партіи во Франціи,— лучше сказать, того отдѣла этой партіи, который носилъ имя либеральныхъ консерваторовъ.

Общественное мнѣніе во Франціи олицетворяло въ трехъ дѣятеляхъ—Люи-Филиппѣ, Тьерѣ и Гизо—идею управляющей буржуазіи. По обѣимъ сторонамъ короля-гражданина стояли два замѣчательныхъ человѣка,—то соперники, то товарищи, то союзники, то враги—взаимно дополнявшіе одинъ другого, какъ правая рука дополняетъ лѣвую и наоборотъ; они оба были воплощеніемъ одного и того-же принципа, только проводимаго въ жизнь двумя различными направленіями: Гизо, буржуа по натурѣ, постоянно кидалъ свои взгляды въ сторону древней аристократіи и страстно желалъ вступить въ ея ряды; Тьеръ, тоже буржуа, смотрѣлъ въ глаза тому общественному слою, изъ котораго самъ вышелъ; болѣе всего заботился онъ дѣлать угодное той массѣ собственниковъ всякаго калибра, которыхъ создала революція 1789 г. Гизо вѣчно слонялся подлѣ маркизовъ и герцогинь, представляя собою образчикъ новѣйшаго типа „буржуа-жантильома", и если сходилъ въ болѣе низменныя сферы, то ограничивался только сферой либеральныхъ профессій, не спускаясь, впрочемъ, ниже профессоровъ и академиковъ. Тьеръ, напротивъ, стремился заслужить, по всей справедливости, титулъ „маленькаго буржуа"; онъ водился съ комерсантами, банкирами, промышленниками,—однимъ словомъ, съ представителями средняго сословія, внесенными въ цензовые избирательные списки. Гизо вѣчно толковалъ о пользѣ знанія, о непогрѣшимости теоріи; Тьеръ разсуждалъ болѣе о практикѣ, о практическомъ примѣненіи. Гизо былъ одержимъ непомѣрной гордостью, Тьеръ страдалъ тщеславіемъ; Гизо проявлялъ не разъ глубокую и горькую ненависть; Тьеръ—полнѣйшее безучастіе. Гизо и Тьеръ были Діоскурами французской буржуазіи; одна часть ея клялась Касторомъ, другая Полуксомъ. Тьеръ и Гизо олицетворяли въ себѣ французскую буржуазію, съ ея достоинствами и недостатками, съ ея добродѣтелями

и пороками. Одинъ почерпалъ свою силу въ страсти, другой—въ здравомъ смыслѣ; одинъ строгій протестантъ, другой—вольтерьянецъ,—оба они невольно подчинялись вліянію католическаго ультрамонтаиства и іезуитизма, которое обнаруживалось не только во внутреннемъ управленіи ихъ страною, но и во внѣшнихъ отношеніяхъ руководимаго ими правительства. Являясь представителями либерализма, они оба въ своемъ управленіи обнаружили самыя деспотическія замашки и наклонности. По правдѣ сказать, слово „либерализмъ", такъ пріятно звучащее для уха, во Франціи всегда было только поэтическимъ выраженіемъ; на практикѣ оно примѣнялось въ такой оболочкѣ, что всегда терялся его настоящій смыслъ. И Гизо и Тьеръ прославились какъ мастера скрывать истину, когда это было необходимо для ихъ плановъ; только одинъ въ такихъ случаяхъ всегда прибѣгалъ къ философіи исторіи и ею туманилъ глаза, а другой отдѣлывался остроумными шутками и ѣдкими сарказмами. И такъ ловко они умѣли вести дѣло, что даже такіе пройдохи, какъ Фаллу, искусившійся въ іезуитскихъ интригахъ, никогда не въ силахъ были поймать ихъ. И Гизо, и Тьеръ, каждый въ свою очередь, пользовались диктатурой, политической и интеллектуальной, и, однакожь, къ чему привела Францію диктатура этихъ дѣйствительно замѣчательныхъ людей? И тотъ, и другой вѣчно мечтали о сліяніи то того, то другого принципа, той или другой партіи; желали совмѣстить несовмѣстимое; Гизо хотѣлъ слить старую французскую монархію съ буржуазной іюльской, Тьеръ—буржуазную іюльскую монархію съ республикой. Кончилось тѣмъ, что еще очень недавно, во время управленія пресловутаго версальскаго національнаго собранія, ни одна французская партія не въ силахъ была проявить иниціативу; каждая изъ нихъ была на-столько слаба, что не могла взять первенства надъ другими партіями, и настолько сильна, что не допускала другихъ первенствовать надъ собой. Все перемѣшалось и перепуталось во Франціи; о принципахъ не было и помину. Что такое септеннатъ?

Чего хотѣли орлеанисты, представители либеральной буржуазіи? Едва-ли знали объ этомъ они сами.

Франсуа Гизо принадлежитъ большая доля отвѣтственности за неурядицу, существовавшую во Франціи, за неопредѣленность положенія, за трудность остановиться на какой-нибудь окончательной правительственной формѣ. О дѣятельности Гизо мы будемъ слѣдить, руководствуясь преимущественно его автобіографіей, которую онъ написалъ въ тиши уединенія; онъ самъ придалъ ей значеніе оправдательной записки, въ ней онъ отвѣчаетъ на многочисленные пункты обвиненія; съ которыми выступаетъ противъ него обвинительная власть, представляемая Франціей и исторіей. „Это исторія человѣка, который никогда никого не обманывалъ", говоритъ графъ Монталивье, разбирая книгу Гизо: „Memoires pour servir à l'histoire de mon temps". Конечно, нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ искренности Гизо, и очень вѣроятно, что въ своей книгѣ онъ намѣренно не исказилъ ни одного факта, никого не оклеветалъ; онъ даже въ иныхъ случаяхъ отнесся къ себѣ довольно строго. Но вопросъ не въ этомъ, а въ томъ, могъ-ли въ дѣйствительности Гизо отнестись правильно къ извѣстнымъ событіямъ, могъ-ли онъ безпристрастно оцѣнивать событія и факты, когда люди, помогавшіе ему совершать ихъ, находятся еще въ живыхъ, когда принципы, которыми онъ руководствовался всю свою жизнь, слишкомъ очевидно оказались несостоятельными? Могъ-ли поэтому Гизо относиться безпристрастно къ людямъ и событіямъ?

I.

„Я родился протестантомъ и буржуа", говоритъ Гизо въ своихъ „Запискахъ". Этими словами характеризуется вся его жизнь. Онъ родился въ Нимѣ,—городѣ, который всегда отличался рѣзкостью своихъ убѣжденій и былъ раздѣленъ на двѣ враждебныя партіи: католиковъ, питающихъ смертель-

ную ненависть къ протестантамъ, и протестантовъ, ненавидящихъ католиковъ; вражда между этими партіями тянется уже цѣлыхъ три столѣтія; споръ между ними часто доходилъ до ножей, о примиреніи-же никогда не было и помину. Католики и протестанты въ Нимѣ составляютъ какъбы двѣ различныя враждебныя расы, какъ-бы два народа, находящихся въ безпрерывной войнѣ. Каждая семья имѣетъ свои воспоминанія, въ которыхъ борьба, мужество, несчастіе и месть играютъ очень важную роль; эти воспоминанія передаются изъ рода въ родъ и, благодаря этому, въ Нимѣ соперничество и ненависть между враждующими партіями очень мало уменьшились даже въ настоящее время, а въ моментъ рожденія Гизо они были почти такъ-же сильны, какъ и при самомъ началѣ враждебныхъ столкновеній. Большинство населенія исповѣдуетъ, конечно, католицизмъ; протестантское меньшинство не разъ подвергалось опасности совершеннаго истребленія и, по всей вѣроятности, испытало бы эту участь, если-бы каждый разъ въ рѣшительную минуту не являлись къ нему на помощь обитатели поселеній въ севенскихъ горахъ, извѣстные своимъ геройскимъ сопротивленіемъ при Людовикѣ XIV, когда противъ нихъ были посланы массы войскъ для обращенія ихъ въ католичество. Каждый разъ, когда нимскіе католики угрожали своимъ согражданамъ-протестантамъ, поднимались горцы и объявляли, что если католики осмѣлятся тронуть ихъ нимскихъ единовѣрцевъ, они перебьютъ католиковъ. Увѣренность въ томъ, что они непремѣнно исполнятъ свою угрозу, была такъ сильна, что нимскіе католики смирялись. Благодаря такой рѣшительности горцевъ, нимскіе протестанты избѣжали поголовнаго истребленія; правда, ихъ все-таки нерѣдко убивали, но всегда по одиночкѣ; за то оскорбляли ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Протестанты тоже не оставались въ долгу и, въ свою очередь нападали на католиковъ, когда чувствовали себя сильнѣе ихъ. Понятно, что католики, пользуясь своею численностію, чаще одерживали верхъ надъ протестантами, чѣмъ протестанты надъ ними.

Населеніе Нима, такъ рѣзко раздѣленное по вопросамъ религіознымъ, каждый разъ, когда политическія тенденціи становились господствующими, раздѣлялось и въ политическомъ отношеніи, т. е. католики слѣдовали однимъ политическимъ убѣжденіямъ, протестанты держались другихъ. Такъ теперь въ Нимѣ существуютъ только легитимисты и республиканцы; тридцать лѣтъ тому назадъ населеніе принадлежало или къ партіи легитимистовъ или къ партіи орлеанистовъ; во время первой революціи одни причисляли себя къ роялистамъ, другіе заявляли, что они преданы душой національному конвенту; людей, примиряющихся съ тѣмъ или другимъ компромиссомъ, въ Нимѣ почти не существовало. Отецъ Гизо, замѣчательный адвокатъ, принадлежалъ къ старинной гугенотской фамиліи, вынесшей массу оскорбленій отъ католиковъ и имѣвшей много причинъ къ неудовольствію на правительство, которое, во всѣхъ столкновеніяхъ враждебныхъ партій, всегда поддерживало католиковъ, хотя-бы тѣ были кругомъ виноваты, и обвиняло и наказывало совершенно правыхъ протестантовъ. При такомъ настроеніи, Гизо, естественно, присталъ къ революціи. Но какъ истый уроженецъ Нима, онъ въ первый годъ революціи, принявъ новыя идеи и признавъ ихъ послѣднимъ словомъ, остановился на этомъ и знать не хотѣлъ дальнѣйшихъ событій. Между тѣмъ монтаньяры прислали въ Нимъ своего комиссара: Гизо на первыхъ-же порахъ столкнулся съ нимъ; несмотря на увѣщанія своихъ друзей, желавшихъ примирить его съ комиссаромъ, упрямый Гизо стоялъ на своемъ. Кончилось, конечно, тѣмъ, что побѣда осталась за сильнѣйшимъ; въ апрѣлѣ 1794 года Гизо былъ гильотинированъ.

Гизо-сынъ ничего не говоритъ о томъ, имѣлъ-ли на него вліяніе отецъ, однакожъ несомнѣнно, что вліяніе это существовало; Франсуа Гизо во всю свою жизнь старался слѣдовать той идеѣ, за которую погибъ его отецъ: онъ всегда желалъ примирить старую, до-революціонную французскую монархію съ парламентарной монархіей, составлявшей продуктъ революціи. Гизо-отецъ, много лѣтъ жившій при господствѣ ста-

раго порядка, желалъ, чтобы сохранились главныя основанія его; но, припоминая всѣ несчастія, которымъ подвергалась его семья и единовѣрцы, онъ требовалъ, чтобы нѣкоторыя идеи, выработанныя революціей и направленныя къ уничтоженію этихъ злоупотребленій, были приняты и примѣнены на практикѣ; онъ желалъ согласовать двѣ противоположныя идеи: это согласованіе стало исходнымъ пунктомъ его политическихъ убѣжденій и онъ такъ твердо слѣдовалъ имъ, что сложилъ за нихъ голову на эшафотѣ. Гизо-сынъ раздѣлялъ убѣжденія своего отца,—конечно, нѣсколько въ иной формѣ, потому что время, когда онъ дѣйствовалъ, было нѣсколько иное, но основаніе ихъ было то-же самое. Франсуа Гизо, правда, не погибъ за нихъ на эшафотѣ, но погубилъ ту самую буржуазную монархію, для утвержденія которой во Франціи онъ посвятилъ всю свою жизнь.

Франсуа было семь лѣтъ отъ роду, когда погибъ его отецъ. Въ этомъ возрастѣ впечатлѣнія довольно сильны, и неудивительно, что смерть отца глубоко врѣзалась въ память ребенка, и онъ тогда-же далъ слово слѣдовать убѣжденіямъ человѣка, котораго считалъ мученикомъ, пострадавшимъ за свои совершенно справедливыя и направленныя къ счастію родины убѣжденія. Мать Франсуа, женщина энергическая, развитая, съ сильнымъ характеромъ, оставшись вдовою, не упала духомъ. Она рѣшилась посвятить свою жизнь воспитанію дѣтей. Она уѣхала въ Женеву. Здѣсь она принялась за воспитаніе своихъ двухъ сыновей въ самомъ строгомъ кальвинистскомъ духѣ. Изъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій кальвинизмъ ближе всего подходитъ къ юдаизму по строгому и тщательному исполненію внѣшнихъ религіозныхъ обрядовъ. Кальвинистамъ предписывается нѣсколько разъ въ день молиться въ домахъ—и это предписаніе строго выполняется; каждый кальвинистъ обязанъ ежедневно читать библію—онъ неуклонно исполняетъ и это постановленіе; въ воскресные и праздничные дни онъ непремѣнно выслушиваетъ проповѣдь своего пастора. Мы какъ-бы видимъ передъ собой эту суровую женщину, когда она, одѣтая вся въ черномъ, раскры-

ваетъ библію и твердымъ, страстнымъ голосомъ, въ которомъ однакожь, по временамъ слышится дрожь, читаетъ изъ нея отрывки своему маленькому сыну. Какое поразительное вліяніе должна была производить на него эта сильная женщина, одержимая фанатизмомъ! Какъ глубоко должны были западать въ его умъ, полныя горькой ироніи, слова ея, когда она твердила ему, что они изгнаны изъ милаго отечества людьми, которые готовятъ своей странѣ гибель! Ея наставленія, ея совѣты пали не на безплодную почву, и мальчикъ, ставъ юношей, не забылъ ихъ; они не испарились изъ его памяти и тогда, когда юноша превратился въ сильнаго мужчину.

Хотя вдова Гизо, живя въ Женевѣ, и не терпѣла нищеты, однакожь ей приходилось иногда временно испытывать матеріяльныя затрудненія. Ея достатки были не велики, она не могла роскошничать и должна была жить очень экономно, чтобы имѣть возможность воспитывать въ школѣ двухъ своихъ дѣтей: Франсуа и Жанъ-Жака. Впрочемъ, Франсуа едва-ли былъ когда-нибудь ребенкомъ: въ десять лѣтъ его можно было уже считать весьма разсудительнымъ маленькимъ молодымъ человѣкомъ; по своей акуратности, ревности къ занятіямъ онъ служилъ примѣромъ для своихъ товарищей. Кромѣ общихъ предметовъ, входившихъ въ курсъ школы, въ которыхъ онъ оказалъ большіе успѣхи, Гизо съ жаромъ принялся за изученіе англійскаго и нѣмецкаго языковъ, которымъ въ то время обучались очень немногіе иностранцы. „Философія и нѣмецкій языкъ были моими любимыми предметами изученія, говоритъ Гизо:—Канта, Клопштока, Гердера и Шиллера я читалъ чаще, чѣмъ Кондильяка и Вольтера“. Вѣроятно, благодаря этому пристрастію къ нѣмецкой литературѣ, Гизо воспиталъ въ себѣ характеръ, манеры и вкусы, въ котрыхъ было очень мало французскаго: своими достоинствами и недостатками онъ скорѣе напоминалъ переселенца изъ какой-нибудь чужой страны. Протестантъ по рожденію, женевецъ по воспитанію, напитанный англійскими и нѣмецкими идеями онъ всегда казался иностранцемъ во Франціи, составляя кон-

трастъ съ Тьеромъ, безспорно олицетворяющимъ собою истинный французскій типъ.

Семнадцати лѣтъ Франсуа Гизо пріѣхалъ въ Парижъ для изученія права. Благодаря рекомендательнымъ письмамъ, которыми онъ запасся въ Женевѣ, Гизо былъ принятъ въ домъ швейцарскаго посла при французскомъ правительствѣ, Стапфера, въ качествѣ воспитателя дѣтей. Стапферъ полюбилъ юнаго наставника своихъ дѣтей и ввелъ его въ домъ академика Сюарда, у котораго два раза въ недѣлю собиралось большое избранное общество; здѣсь соединялись ученые, писатели и просто свѣтскіе люди, старики и молодые, французы и иностранцы, члены правительства и члены оппозиціи. По словамъ Гизо, ни одинъ изъ гостей, входя въ этотъ домъ, никогда не помышлялъ, что здѣсь онъ найдетъ себѣ протекцію, которая обезпечитъ ему успѣхъ на жизненномъ поприщѣ. Позволительно сомнѣваться въ этихъ словахъ, по крайней мѣрѣ, относительно самого Гизо, одержимаго страшнымъ честолюбіемъ. Въ этомъ домѣ онъ нашелъ сильную протекцію, обезпечившую ему успѣхъ въ его жизненной карьерѣ. Здѣсь онъ встрѣтился съ Фонтаномъ, ректоромъ университета, и Ройе-Коляромъ, будущимъ главою доктринеровъ, которые стали покровителями Гизо и устроили ему карьеру. Здѣсь-же Гизо познакомился съ своими будущими покровительницами, г-жами Римфоръ, Ремюза и Гудело; здѣсь онъ встрѣтился съ дѣвицей Полиной де-Меланъ, ставшей впослѣдствіи его первой женой. Въ домѣ Сюарда Гизо сошелся съ очень вліятельнымъ человѣкомъ того времени аббатомъ Мореле, а также съ Шатобріаномъ, Буфлеромъ и знаменитымъ Лагранжемъ.

Принявъ Гизо въ свой домъ, Сюардъ гостепріимно открылъ ему столбцы своей газеты „Publiciste"; онъ познакомилъ его съ избраннѣйшимъ парижскимъ обществомъ того времени; наконецъ, онъ всегда давалъ ему самые искренніе совѣты, благодаря которымъ Гизо избѣжалъ многихъ непріятностей и разочарованій, столь обыкновенныхъ въ началѣ дѣятельности каждаго молодого человѣка.

Въ литературѣ Гизо дебютировалъ восторженной апологіей

сочиненію Шатобріана „Les Martyrs“, которому онъ написалъ письмо въ стихахъ—его единственное стихотворное произведеніе, которое онъ самъ считалъ грѣхомъ своей юности.

Съ характеризующей его ревностью къ труду, Гизо очень много работалъ, не отказываясь даже отъ такихъ работъ, къ которымъ онъ былъ менѣе всего подготовленъ. Такъ онъ напечаталъ брошюру „Etudes sur les Beaux Arts“, въ которой отдаетъ отчетъ о художественной выставкѣ 1810 года. Видно было, что молодой критикъ хорошо подготовилъ себя чтеніемъ извѣстныхъ въ то время авторовъ къ написанію этого отчета, но точно также нельзя было не замѣтить, что самъ онъ мало понимаетъ толку въ живописи.

Вскорѣ послѣ этого одинъ издатель-книгопродавецъ предложилъ Гизо пересмотръ издаваемаго имъ „Лексикона французскихъ синонимовъ“, имѣвшаго уже своимъ предшественникомъ изданіе Жирара и Бозе, что чрезвычайно облегчало работу. Въ то-же время Гизо написалъ предисловіе къ переводу гибооновской „Исторіи упадка и гибели римской имперіи“, въ которомъ онъ первый разъ провелъ свои идеи насчетъ происхожденія цивилизаціи въ Европѣ, явившейся въ болѣе обработанномъ видѣ въ его послѣдующихъ сочиненіяхъ.

Гизо работалъ день и ночь, ни одного часа не проводилъ онъ въ бездѣйствіи; его поддерживало желаніе своими трудами заслужить извѣстность, получить мѣсто на ряду съ людьми, пользующими властью и вліяніемъ. Въ то-же время онъ не забывалъ посѣщать салоны своихъ покровителей и покровительницъ.

Мало-по-малу онъ сдѣлалъ себѣ имя, постепенно, шагъ-за-шагомъ, онъ пріобрѣталъ все большее и большее значеніе.

Когда ему исполнилось двадцать четыре года, Гизо рѣшился попытать счастія на служебномъ поприщѣ; онъ захотѣлъ получить мѣсто въ государственномъ совѣтѣ. Г-жа Ре-

мюза поѣхала сама просить министра иностранныхъ дѣлъ, герцога Бассано, объ опредѣленіи Гизо. Министръ обѣщалъ исполнить желаніе своей пріятельницы и представилъ императору къ подписи приказъ о зачисленіи Гизо на службу. Наполеонъ I съ большимъ разборомъ утверждалъ назначенія въ государственный совѣтъ. Онъ приказалъ, чтобы Гизо дали пробную работу, и только въ такомъ случаѣ, если она будетъ удовлетворительна, приняли-бы его на службу. Въ то время французское правительство завело длинную переписку съ Англіей о размѣнѣ плѣнныхъ. Наполеонъ приказалъ поручить Гизо составленіе записки по этому дѣлу. Гизо, предполагая, что французское правительство дѣйствительно желаетъ размѣняться плѣнными, именно въ этомъ смыслѣ написалъ свою записку; онъ выразилъ мнѣніе о необходимости скорѣйшаго обмѣна. Наполеонъ почему-то держался противоположнаго мнѣнія; онъ нашелъ записку Гизо мало обдуманной и плохо составленной. Конечно, послѣ такого заключенія императора, Гизо не былъ принятъ наслужбу.

Въ горѣ отъ этой первой неудачи его утѣшилъ Фонтанъ, ректоръ университета. Онъ назначилъ Гизо сначала доцентомъ, а потомъ профессоромъ на кафедру новой исторіи.

Въ своихъ „Запискахъ" Гизо приподноситъ себѣ похвальное слово за обнаруженный имъ примѣръ гражданской доблести, которая заключалась въ томъ, что свою первую лекцію онъ не обратилъ, по примѣру другихъ профессоровъ, въ похвальное слово тогдашнему могущественному повелителю Франціи. Но эта доблесть значительно умалится, если мы скажемъ, что лекція Гизо не была напечатана,—слѣдовательно, она была извѣстна очень немногимъ и на нее не обратили никакого вниманія. Къ тому-же императору и его правительству въ то время было не до лекцій. Наполеонъ только-что возвратился во Францію послѣ бѣдственнаго похода въ Россію, гдѣ погибла почти вся великая армія. Наполеонъ понималъ, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ ему придется сражаться со всей Европой, а для этого необходимо вновь организовать армію. Кромѣ этой заботы, Наполеона безпокоилъ

заговоръ Малье. При такихъ условіяхъ могъ-ли Наполеонъ обратить вниманіе, что несчастливый кандидатъ въ чиновники, юный професоръ не произнесъ офиціальной похвалы въ своей первой лекціи, которую онъ читалъ нѣсколькимъ десяткамъ студентовъ? И самъ Гизо позаботился гарантировать себя отъ могущей обрушиться на него офиціальной грозы. Онъ самъ говоритъ, что о своемъ смѣломъ проектѣ сообщилъ Фонтану, прося его совѣта. „Дѣлайте, какъ хотите, отвѣчалъ ректоръ.—Въ случаѣ надобности, я васъ защищу". Во время царствованія Людовика XVIII вспомнили объ этой лекціи; похваламъ мужеству Гизо не было конца и его друзья провозгласили, что „онъ выказалъ античную добродѣтель, достойную героевъ Плутарха".

Какъ только Гизо матеріяльно устроился, т. е. сталъ получать опредѣленное содержаніе изъ суммъ государственнаго казначейства, онъ началъ подумывать о женитьбѣ. Въ этомъ дѣлѣ онъ поступилъ съ изумительно-тонкимъ разсчетомъ, рѣшился на смѣлый шагъ,—прибавимъ, самый смѣлый и самый выгодный для него шагъ въ жизни. Хотя у него была уже значительная протекція, но онъ захотѣлъ обезпечить за собой еще болѣе значительную, и для того, имѣя двадцать пять лѣтъ отъ роду, женился на тридцати-девятилѣтней дѣвицѣ Полинѣ де-Меланъ. Она зарабатывала себѣ средства къ жизни участіемъ въ газетѣ „Publiciste" и изданіемъ крошечныхъ книжекъ для дѣтей. Гизо предчувствовалъ, что этотъ бракъ болѣе, чѣмъ что-либо другое, поможетъ ему въ будущемъ устроить свою карьеру. Дѣвица де-Меланъ, по праву своего происхожденія, имѣла входъ въ салоны роялистовъ, въ то время занимавшихся заговорами, впрочемъ совершенно невиннаго свойства. Введенный въ эти салоны своей супругой, молодой журналистъ и професоръ Гизо былъ принятъ съ распростертыми объятіями и посвященъ во всѣ планы и затѣи

невинной оппозиціи. Вскорѣ онъ сдѣлался самымъ виднымъ лицомъ въ главномъ штабѣ роялистской партіи, гдѣ, по его словамъ, было очень мало людей развитыхъ и еще меньше дѣловыхъ, способныхъ уяснить себѣ настоящее положеніе вещей; людей-же инициативы и вовсе не было.

Сходясь съ этой партіей тогдашней оппозиціи, составлявшей заговоры, Гизо очень хорошо зналъ, что не рискуетъ попасть въ немилость. Наполеонъ не трогалъ роялистовъ, которыхъ называлъ „идеологами". Онъ не опасался ихъ и своими дѣйствительными противниками, съ которыми приходилось ему считаться, онъ признавалъ искреннихъ республиканцевъ, въ особенности якобинцевъ, своихъ бывшихъ товарищей. Наполеонъ, напротивъ, даже ласкалъ роялистовъ, добиваясь, чтобы представители древнихъ фамилій окружали его тронъ. Попавъ въ салоны роялистовъ, находящихся въ оппозиціи, Гизо скорѣе могъ разсчитывать на полученіе виднаго мѣста въ администраціи; теперь отъ него уже не потребовали-бы представленія записки, чтобы изъ нея заключить о пригодности или негодности его для государственной службы. Можно утвердительно сказать, что если-бы Наполеонъ не былъ побѣжденъ и продолжалъ мирно царствовать, Гизо получилъ-бы при немъ министерскій портфель.

Сдѣлаемъ небольшое отступленіе и скажемъ нѣсколько словъ о главѣ партіи доктринеровъ, Ройе-Колярѣ, безспорно имѣвшемъ большое вліяніе на Гизо. Ройе-Коляръ принадлежитъ къ числу тѣхъ ложныхъ героевъ Плутарха, которымъ побѣдоносная партія воздвигаетъ статуи, а толпа въ своей простотѣ и наивности рукоплещетъ и увѣнчиваетъ лаврами. Искренній и прямой по наружности, но въ сущности скрытный, лукавый и эгоистъ, философъ и янсенистъ Ройэ-Коляръ, выказывая преданность директоріи и Наполеону I и получая отъ нихъ выгодныя и почетныя мѣста, втайнѣ строилъ про-

тивъ нихъ ковы и изъ-за угла подставлялъ имъ ногу. Онъ съумѣлъ на-столько войти въ милость къ Наполеону, что императоръ сдѣлалъ его деканомъ парижскаго факультета и нерѣдко совѣтовался съ нимъ. Между тѣмъ Ройе-Коляръ былъ душою агитаціи противъ Наполеона, хотя такъ ловко велъ дѣло, что ни Наполеонъ, ни его приближенные не могли подозрѣвать этого и постоянно считали Ройе-Коляра своимъ доброжелателемъ. Гизо, которому хорошо была извѣстна двойная игра его учителя, не находилъ въ его поведеніи ничего достойнаго порицанія. Напротивъ, онъ надѣляетъ его всѣми человѣческими добродѣтелями и находитъ въ немъ только одинъ недостатокъ—что онъ „слишкомъ занятъ собой".

И Ройе-Коляръ, въ свою очередь, цѣнилъ Гизо. Разъ, въ легитимистскомъ клубѣ въ улицѣ Клиши, Гизо слишкомъ горячо заспорилъ по какому-то политическому вопросу.

— Браво! мой юный другъ, сказалъ Ройе-Коляръ;—предрекаю вамъ, вы пойдете далеко! У васъ есть недостатки, несравненно болѣе пригодные для достиженія карьеры, чѣмъ самыя высокія достоинства; вы обладаете суровой, безпощадной логикой и честолюбіемъ, подстрекаемымъ гордостью; притомъ вы хладнокровны и спокойны. Повторяю, вы пойдете далеко.

— Долженъ-ли я принять вашъ комплиментъ за оскорбленіе? спросилъ Гизо.

— Что вы! я искренно хвалю васъ. Надобно желать, чтобы всѣ политическіе люди выливались по вашему образцу. Холодный разсудокъ и какъ можно меньше сердца!

Дѣйствительно, Ройе-Коляръ не шутилъ. Когда король Людовикъ XVIII съ помощью иностранцевъ взошелъ на французскій престолъ въ 1814 году, Ройе-Коляръ уговорилъ его назначить Гизо старшимъ секретаремъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Это было важное мѣсто въ то время—можетъ быть, самое трудное въ администраціи; отъ старшаго секретаря требовалось развитіе, инииціатива и знаніе дѣла; на немъ лежала большая отвѣтственность. Франсуа Гизо было всего 27 лѣтъ отъ роду, когда его поставили на этотъ трудный

постъ. Между королемъ и нимъ былъ только одинъ посредникъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, аббатъ Монтескью, простодушный добрякъ.

II.

„Когда Людовикъ XVIII вступилъ во Францію съ хартіей въ рукахъ, я, человѣкъ новый, не почувствовалъ ни раздраженія, ни униженія отъ того, что намъ приходилось пользоваться нашими правами и защищать нашу свободу подъ предводительствомъ старой расы французскихъ королей, при содѣйствіи всѣхъ французовъ, дворянъ и буржуа, хотя старинное соперничество между ними все еще нѣкоторое время составляло источникъ недовѣрія и агитаціи"...

Въ такихъ скромныхъ выраженіяхъ Гизо разсказываетъ въ своихъ „Запискахъ" о своемъ назначеніи на одинъ изъ отвѣтственнѣйшихъ административныхъ постовъ. Разсказъ его о важнѣйшихъ событіяхъ того времени холоденъ, точно Франція не пережила тогда массы бѣдствій, быстро смѣнявшихся одно другимъ, точно смѣна Наполеона I Людовикомъ XVIII произошла путемъ мирнымъ, преемственнымъ, точно отъ этой перемѣны не произошло никакихъ другихъ перемѣнъ. Далѣе, для Гизо вся французская нація заключалась только въ двухъ первенствующихъ сословіяхъ; огромную массу, большинство французской націи, нежелавшее примириться съ реставраціей, онъ считаетъ какъ-бы несуществующей; до ея нуждъ и желаній ему не было никакого дѣла. Между тѣмъ, онъ самъ-же проговаривается, что „только классы просвѣщенные и достаточные встрѣтили съ сочувствіемъ возвращеніе Бурбоновъ; остальная-же масса, подъ вліяніемъ революціонныхъ воспоминаній, оставалась холодна и относилась къ нему враждебно". И дальнѣйшая политическая дѣятельность Гизо очевидно доказала, что онъ взялъ себѣ за правило игнорировать народную массу, не обращать никакого вниманія на ея нужды и потребности.

Поэтому, пользуясь „Записками" Гизо, не надо забывать, что языкъ ихъ условный, вполнѣ понятный только для посвященныхъ; извѣстныя выраженія, имъ употребляемыя, надобно понимать не въ прямомъ смыслѣ, а придавать имъ то значеніе, какое придавалъ имъ самъ авторъ. Когда онъ говоритъ: „Франція", слѣдуетъ понимать только „извѣстные классы общества"; когда онъ употребляетъ слово „справедливость", знайте что оно означаетъ „интересы буржуазіи". Къ его сочиненію необходимо имѣть ключъ, какъ-бы къ шифрованной депешѣ. Только при такомъ способѣ чтенія, его „Записки" становятся поучительными, хотя въ сущности онѣ скучны и отличаются неполнотой. Впрочемъ „Записки", несмотря на ихъ недостатки, могутъ принести пользу тѣмъ, кто съумѣетъ ими пользоваться.

Гизо увѣренъ, что онъ принялъ предложенное ему мѣсто съ цѣлью „защищать права и свободу французскаго народа". И, дѣйствительно, первымъ шагомъ его на новомъ поприщѣ было представленіе проекта закона о свободѣ печати, по словамъ его, „самаго справедливаго и неотъемлемаго изъ всѣхъ видовъ свободы". Но въ то-же время онъ нашелъ нужнымъ сдѣлать дополненіе къ своему проекту, „въ видахъ гарантіи общества отъ неуспокоившихся еще раздраженій и волненій, произведенныхъ революціей". Этимъ дополненіемъ, правда, ограничивалась свобода прессы, но Гизо утѣшалъ, что эта мѣра временная, и когда страсти окончательно улягутся, можно будетъ уничтожить это дополненіе". Я всегда сочувствовалъ свободѣ прессы, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Гизо,—но обстоятельства вынуждали меня прибѣгать къ репрессивнымъ законамъ".

Пособникомъ и руководителемъ Гизо, при изданіи закона о печати, былъ его знаменитый учитель Ройе-Коляръ, въ то время главный директоръ прессы и книжной торговли. И Гизо, и Ройе-Коляръ засѣдали въ комитетѣ цензуры, въ которомъ предсѣдателемъ былъ монсеньеръ Фрейсино, епископъ Гермополиса.

Такимъ образомъ, первымъ актомъ правительственной дѣ-

ятельности журналиста Гизо былъ законъ, направленный противъ его бывшихъ товарищей; онъ какъ-бы оттолкнулъ лѣстницу, по которой самъ взобрался на вершину власти, изъ боязни, чтобы другіе его товарищи не послѣдовали его примѣру. Замѣчательно, что противникъ Гизо, Тьеръ также издалъ законъ для обузданія своихъ друзей-журналистовъ, принявшихъ сторону парламентской оппозиціи, которой не терпѣлъ Тьеръ.

Законъ Гизо о прессѣ и возстановленіе цензуры послужили началомъ множества мѣръ, принятыхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, душою котораго былъ Гизо, напримѣръ, циркуляръ о праздновании воскресенья, о вмѣшательствѣ полиціи, безнаказанность оскорбленій арміи, распоряженія объ отчужденіи имуществъ, принадлежавшихъ до революціи дворянству и духовенству и конфискованныхъ во время революціи и пр. Подобныя мѣры, конечно вызвали раздраженіе и неудовольствіе. Наполеонъ, съ острова Эльбы зорко слѣдилъ за всѣми дѣйствіями правительства, онъ высадился на французскій берегъ и черезъ двадцать дней занялъ тронъ, снова покинутый Бурбонами, при восторженныхъ восклицаніяхъ арміи и выраженіяхъ сочувствія всѣми недовольными бурбонскимъ правительствомъ. Либералы, такъ недавно еще разсчитывавшіе, что Бурбоны, наученные горькимъ опытомъ, поймутъ свою задачу, теперь преклонились передъ геніемъ солдата, который если и не поощрялъ свободу, то, по крайней мѣрѣ, не прибѣгалъ къ мѣрамъ, рѣшительно антипатичнымъ французамъ, которые пережили революцію. Либералы поняли теперь, что такіе люди, какъ Гизо и Ройе-Колляръ, мудрые на университетской кафедрѣ, могутъ оказываться несостоятельными, какъ политическіе дѣятели. Къ несчастью, они скоро забыли объ этомъ и впослѣдствіи снова отдали судьбу Франціи въ руки Гизо.

Масса французскаго народа, безучастно слѣдившая за реакціонными попытками Людовика XVIII, такъ-же безучастно встрѣтила и возвращеніе Наполеона, что несомнѣнно должно было привести къ пораженію при Ватерлоо. Самъ Наполеонъ

сказалъ: „съ какой легкостью Францiя допустила меня дойти до Парижа, съ такимъ-же хладнокровiемъ смотрѣла на удаленiе Бурбоновъ“. Эта-то легкость, которая происходила отъ безучастiя, и послужила причиной гибели Наполеона.

III.

По возвращенiи „тирана“ Гизо подалъ прошенiе объ увольненiи его отъ должности старшаго секретаря министерства внутреннихъ дѣлъ. Онъ занялъ прежнюю свою кафедру професора новой исторiи, такъ-какъ, занимая административную должность, онъ въ то-же время оставался въ университетѣ. Своей отставкой онъ хотѣлъ показать вѣрность Бурбонскому дому. Не такъ дѣйствовалъ его братъ Жанъ-Жакъ, принятый по протекцiи Франсуа, на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ начальникомъ отдѣленiя. Жанъ-Жакъ мужественно остался возсѣдать на своемъ креслѣ и при воцаренiи Наполеона. Дѣйствовалъ-ли онъ по совѣту брата или распорядился самостоятельно—неизвѣстно. Однакожъ, можно предполагать, что младшiй Гизо остался на службѣ императора на тотъ случай, что если-бы дѣло Наполеона выгорѣло, то старшiй Гизо черезъ нѣсколько времени могъ-бы снова занять мѣсто въ администрацiи, ссылаясь на то, что онъ вышелъ въ отставку по какимъ нибудь чисто-семейнымъ соображенiямъ, а не ради политическаго принципа. Доказательство представлялось въ ревностномъ исполненiи служебныхъ обязанностей младшимъ братомъ, какъ извѣстно, находившимся въ полномъ подчиненiи у старшаго. Но этотъ планъ не удался, потому-что Наполеонъ, не довѣряя вообще фамилiи Гизо, черезъ нѣсколько дней уволилъ отъ службы и Жанъ-Жака.

Вскорѣ послѣ увольненiя брата, Франсуа Гизо 23 мая оставилъ свою кафедру новой исторiи и Парижъ и отправился въ Гентъ къ Людовику XVIII, вокругъ котораго въ то время

собралось много французовъ, строгихъ легитимистовъ. Гизо разсчиталъ совершенно вѣрно. Наполеону почти невозможно было удержаться на тронѣ, хотя онъ достигъ его безъ всякихъ затрудненій, — слѣдовательно, реставрація была неизбѣжна, и тѣ, кто остался вѣренъ королю, могли смѣло разсчитывать на хорошія должности. Нѣкоторые изъ самыхъ ревностныхъ легитимистовъ, напримѣръ, Шатобріанъ, упрекнули Гизо, что онъ слишкомъ поздно засвидѣтельствовалъ свою вѣрность королю... Въ свою защиту Гизо наговорилъ очень много; онъ утверждалъ, что оставался въ Парижѣ съ цѣлью возбудить умы противъ похитителя престола, Бонапарта, что онъ продолжалъ служить своему законному монарху и уѣхалъ потому, что все уже готово для сверженія тирана. Ему повѣрили и поручили руководить офиціальной газетой легитимистской партіи—„Гентскимъ Монитеромъ". Газета заговорила такъ рѣзко и такимъ вызывающимъ тономъ, что благоразумнѣйшіе изъ роялистовъ стали опасаться, какъ-бы эти оскорбительныя статьи не повлекли за собой окончательнаго пораженія дѣла легитимизма и не сдѣлали-бы невозможнымъ возвращеніе Людовика XVIII во Францію даже послѣ побѣды войскъ союзниковъ. Благоразумные умолили Людовика XVIII передать завѣдываніе дѣломъ пропаганды во Франціи Талейрану, тѣмъ болѣе, что Гизо ручался въ вѣрности королю графа Молэ, „который поступилъ снова на службу къ Наполеону I только въ интересахъ Людовика XVIII; пользуясь довѣренностью императора, Молэ, естественно, могъ принести самую существенную пользу дѣлу возстановленія законной монархіи". Послѣ этого Гизо на время отошелъ на второй планъ.

Когда, во время знаменитаго засѣданія палаты 25 ноября 1840 года, сотня депутатовъ кричала: „онъ былъ въ Гентѣ... онъ былъ въ Гентѣ...", Гизо становившійся высокомѣрнѣе, чѣмъ болѣе его оскорбляли, поблѣднѣлъ отъ злости и, голосомъ, шипящимъ отъ гнѣва, отвѣтилъ: „Да, я былъ въ Гентѣ!.." На этотъ разъ гнѣвъ заглушилъ въ немъ всякую осторожность; не размышляя, какое оружіе онъ даетъ въ руки своимъ противникамъ, онъ продолжалъ: „да, я былъ въ Ген-

тѣ; я пріѣхалъ туда въ концѣ мая, когда для всякаго разумнаго человѣка уже не могло быть сомнѣнія... когда стало очевиднымъ, что домъ Бурбоновъ снова будетъ призванъ царствовать во Франціи..." Это неосторожное признаніе вызвало шумные ироническіе возгласы и рукоплесканія.

IV.

Пораженіе при Ватерло открыло путь союзникамъ во Францію. Вмѣстѣ съ ними вошли Людовикъ XVIII и его гентскій дворъ. Въ своихъ „Замѣткахъ" Гизо какъ-бы старается избѣжать необходимости говорить объ этомъ періодѣ своей жизни: онъ скупится на слова и излагаетъ крайне сухо, точно кромѣ интригъ, которыми занимались окружающіе короля и о которыхъ нѣсколько болѣе подробно повѣствуетъ Гизо, не было никакихъ другихъ событій. Можно подумать, что его нисколько не трогали несчастія страны, потерпѣвшей страшное пораженіе. Нельзя-же полагать, что Гизо вполнѣ соглашался съ отчетомъ о ватерлоскомъ сраженіи, напечатанномъ въ „Гентскомъ Монитерѣ", между тѣмъ онъ не рискнулъ сказать ни одного слова противъ этой статьи, вызвавшей негодованіе во Франціи. „Подонки націи возстали противъ достоинства, знатности, религіи, собственности... писали въ „Монитерѣ". — Но все склонилось предъ геніемъ Велингтона, предъ превосходствомъ истинной славы надъ гнусной извѣстностью. Армія Бонапарта, французская только по имени съ той поры, какъ она стала ужасомъ и бичомъ своей націи, теперь побѣждена и почти совершенно уничтожена... Эта рѣшительная, великая побѣда оканчиваетъ соціальную войну..." и т. д. Могли-ли, въ самомъ дѣлѣ, французы безъ негодованія читать такое описаніе битвы, помѣщенное во французской газетѣ—офиціальной новаго правительства, когда сами побѣдители-иностранцы отдавали должное мужеству, выказан-

ному французами въ этой битвѣ, и съ пафосомъ говорили, напримѣръ, о безпримѣрномъ отступленіи старой гвардіи.

Какъ ни старался Гизо подлаживаться подъ тонъ новаго правительства, но ему, видимо, не совсѣмъ довѣряли. Онъ не получилъ своего прежняго мѣста въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; его сдѣлали старшимъ секретаремъ министерства юстиціи,—слѣдовательно, вручили ему менѣе важный постъ. Это можно было счесть немилостію, возмездіемъ за то, что онъ нѣсколько поздно предпринялъ свое путешествіе въ Гентъ.

Прямое участіе Гизо въ мѣрахъ, принимаемыхъ реставраціей въ видахъ мести, достаточно для того, чтобы исторія отнеслась къ нему съ безпощадной строгостью и отвела ему мѣсто между людьми, лишенными всякаго гражданскаго мужества, которые, изъ боязни потерять хотя частицу выгодъ изъ своего вполнѣ обезпеченнаго положенія, готовы утверждать своимъ согласіемъ мѣры противъ которыхъ возмущается ихъ совѣсть и которыя противорѣчатъ ихъ собственнымъ убѣжденіямъ. Въ качествѣ фактотума въ министерствѣ юстиціи, Гизо не только не противился возстановленію „превотальныхъ судовъ", но, вмѣстѣ съ Ройэ-Коляромъ, былъ защитникомъ этого учрежденія, наполнившаго Францію ужасомъ и трауромъ. Палата, съ страстнымъ единодушіемъ, большинствомъ 290 голосовъ противъ 10, приняла представленный ей проектъ новаго закона. Мало того, опасаясь, что король, по мягкости своего характера, будетъ часто пользоваться предоставленнымъ ему правомъ помилованія, палата до крайности ограничила это право, несмотря на горячую защиту его однимъ изъ самыхъ крайныхъ роялистовъ, Гидомъ де-Невилемъ. Жажда мщенія до того была сильна, что всякое, даже самое осторожное напоминаніе о гуманности признавалось преступленіемъ, хотя-бы о ней напоминалъ одинъ

изъ самыхъ видныхъ представителей самой партіи побѣдителей.

Что-же представляли собой эти „превотальные суды", о возстановленіи которыхъ хлопотали такіе люди, какъ Гизо и Ройэ-Коляръ?—Поставленіе цѣлой націи внѣ закона и отдача судьбы каждаго гражданина на произволъ учрежденія, которое въ своихъ приговорахъ руководствовалось не закономъ, а только голосомъ мщенія и ненависти. Военныя комиссіи разъѣзжали по всей странѣ, творя судъ и расправу. Суда впрочемъ, не было, расправа-же примѣнялась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Всякій, кого считали подозрительнымъ, — а попасть въ этотъ разрядъ одинаково можно было и по указанію полиціи, и по навѣтамъ враговъ,—призывался въ комиссію; для формы его допрашивали иногда просто для того только, чтобы убѣдиться, что призванное лицо именно то, о комъ идетъ рѣчь, и затѣмъ произносили приговоръ, въ большей части случаевъ смертный; несчастнаго выводили на площадь и 12 пуль, выпущенныхъ изъ солдатскихъ ружей, кончали дѣло. Случалось что разстрѣливали разомъ нѣсколько десятковъ человѣкъ.

Главными пособниками военныхъ комиссій были іезуиты, работавшіе неутомимо для составленія списковъ подозрительныхъ. Когда-же пылавшіе жаждой мести католическіе патеры замѣчали, что комиссія дѣйствуетъ нерѣшительно или приходится долго ожидать прибытія ея въ извѣстный городъ, они возбуждали страсти населенія до того, что обезумѣвшая отъ фанатизма масса сама расправлялась съ подозрительными. На всемъ югѣ Франціи во всей силѣ дѣйствовалъ законъ Линча; толпа устраивала импровизированное судилище, судила всѣхъ подозрительныхъ, не разбирая, республиканцы они или бонапартисты, или даже роялисты, но только исповѣдующіе протестантскую вѣру. Во время этого такъ называемаго „бѣлаго террора" погибло множество протестантовъ которыхъ преслѣдовали не за политическія убѣжденія, а только за то, что они принадлежали не къ господствующей церкви. Мѣстныя власти не дѣлали ни шагу для прекращенія

этого безобразія; онѣ оставались глухи къ стонамъ жертвъ фанатической ярости; онѣ вѣчно отсуствовали въ то время, какъ совершалась дикая расправа. Оставался глухъ и самъ молодой секретарь министерства юстиціи, Гизо. На югѣ Франціи совершались ужасы, отъ которыхъ волоса становились дыбомъ: тамъ истребляли либераловъ и протестантовъ, а либералъ, протестантъ и филантропъ Гизо, въ уединеніи своего кабинета, въ это время размышлялъ надъ выводами Беккаріи, изучалъ Филанджіери; онъ занимался изслѣдованіемъ вопроса о смертной казни, исписывая массу бумаги и не рѣшаясь остановиться на какомъ-нибудь заключеніи; съ одной стороны, ему казалось, что наступило уже время отмѣнить смертную казнь за политическія вины, съ другой — его тянуло къ противоположному рѣшенію. На эти размышленія его навела казнь маршала Нея. Въ немъ боролся мыслитель съ государственнымъ человѣкомъ: на одну чашку вѣсовъ онъ клалъ гуманность, на другую — предполагаемое обезпеченіе благоденствія общества; вѣсы оставались въ равновѣсіи и трудившійся до поту Гизо, наконецъ, бросилъ свое произведеніе и махнулъ рукой. Онъ закрылъ глаза и на всѣ ужасы, которыми сопровождался „бѣлый терроръ". Уже погибло нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ, а жажда мести нисколько не ослаблялась.

Если поразмыслить, что Франція втеченіи послѣднихъ ста лѣтъ изъ-за политическихъ распрей умертвила, можетъ быть, вдвое болѣе жертвъ противъ числа погибшихъ во всей Европѣ, включая сюда и Испанію,—невольно является соображеніе, не правъ-ли князь Бисмаркъ, приравнивающій французовъ къ краснокожимъ,—къ сіу, скальпирующимъ гуроновъ и наоборотъ,—и утверждающій, что жестокость составляетъ одну изъ самыхъ видныхъ сторонъ характера французской націи?

Въ виду того, что Франція, начиная съ Варфоломеевской ночи, точно задалась желаніемъ истреблять своихъ лучшихъ, болѣе сильныхъ, болѣе замѣтныхъ, болѣе энергическихъ и твердо-убѣжденныхъ гражданъ, напрашивается также и дру-

гой вопросъ: не измельчала-ли вслѣдствіе этого нація и въ физическомъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ, не пораженъ-ли ея общественный организмъ безсиліемъ и англійской болѣзнью?

Нѣкогда испанцы всѣхъ классовъ, а теперь только жители селъ и деревень, по недомыслію, имѣли и имѣютъ привычку кажду весну пускать себѣ кровь. Точно также поступаетъ Франція: послѣ каждой революціи она выпускаетъ изъ себя артеріальную кровь и на ея счетъ увеличиваетъ венозную, чрезъ что болѣзненно ослабляетъ свой организмъ. Эти послѣдовательныя кровопусканія привели теперь къ тому, что ея общественный организмъ сдѣлался вялымъ и хилымъ и съ каждымъ годомъ въ ней уменьшается число людей съ сильнымъ умомъ и великодушнымъ сердцемъ и направленіе общественными дѣлами переходитъ въ руки золотой посредственности. Эта-то „посредственность" и довела Францію до того жалкаго положенія, въ которомъ она теперь находится. На всякое проявленіе самостоятельнаго мышленія, на твердость убѣжденій, на силу характера во Франціи смотрятъ теперь недовѣрчиво и „посредственность" всѣми силами старается имъ противодѣйствовать. Только себя считаетъ она способной управлять судьбами страны. И, конечно, если свѣжая, здоровая кровь не оживитъ организма Франціи, ей можетъ угрожать участь сосѣдней Испаніи.

V.

Историки буржуазнаго либерализма во Франціи, принадлежавшіе къ партіи буржуазныхъ либераловъ, до послѣдняго времени постоянно утверждали, что Гизо оставилъ министерство юстиціи потому, что постоянно высказывался противъ реакціонныхъ мѣръ, принимаемыхъ въ первые годы реставраціи. Желая спасти репутацію своего предводителя они заставляютъ его играть странную роль: врача своего

собственнаго дѣла. Но Гизо самъ въ своихъ „Запискахъ" признаетъ себя однимъ изъ главныхъ дѣятелей этого періода французской исторіи. Онъ говоритъ, что ни одна важная мѣра въ это время не была принята безъ его содѣйствія, что онъ былъ однимъ изъ двигателей дѣйствующей машины. Читая это мѣсто въ его „Запискахъ", кажется, что онъ между строкъ говоритъ: „изъ скромности я не хочу сказать всей истины; моя роль была еще значительнѣе", — до того онъ пишетъ сдержанно, такъ силится затушеваться. Но гордость беретъ свое и онъ, наконецъ, проговаривается, сообщая слѣдующій анекдотъ:

„Въ маѣ 1818 года кто-то просилъ президента министровъ, герцога Ришелье, принять одну необходимую, по его мнѣнію мѣру. „Невозможно, отвѣчалъ герцогъ съ колкостью,—гг. Ройе-Коляръ, де-Серръ, Камилъ Журданъ и Гизо не желаютъ этого".

Въ періодъ сильнѣйшей реакціи времени реставраціи, съ 1815 по 1818 годы, Гизо былъ сдѣланъ членомъ государственнаго совѣта и получалъ отъ правительства нѣсколько спеціальныхъ порученій. Именно во время дѣятельности „превотальныхъ судовъ" онъ пользовался особеннымъ расположеніемъ управляющей партіи и это расположеніе стало уменьшаться съ того времени, какъ эти суды были, наконецъ, распущены.

Съ особенной гордостью Гизо говоритъ о своемъ участіи въ обработкѣ проекта избирательнаго закона, ограничивающаго до крайняго минимума число избирателей. Въ силу этого закона, избирательнымъ правомъ могли пользоваться только богатые классы: крупные землевладѣльцы и буржуа. Цензъ былъ такъ высокъ, что одинъ избиратель приходился на двѣ тысячи жителей. Множество гражданъ съ большимъ развитіемъ были лишены избирательнаго права; много значительныхъ интересовъ не имѣло теперь возможности посылать своего

представителя въ законодательное собраніе страны; масса людей съ консервативными убѣжденіями этимъ закономъ исключалась изъ среды консерваторовъ; естественно, она перешла въ лагерь оппозиціи. Извѣстно, что іюльскую революцію 1830 года произвела буржуазія. Она постоянно требовала пониженія ценза и добилась этого послѣ своей побѣды. Однакожъ, когда новый избирательный законъ былъ представленъ палатѣ въ царствованіе Люи-Филиппа, Гизо, видя, что его дѣлу грозитъ гибель, составилъ такую сильную оппозицію противъ новаго закона, что хотя онъ и былъ принятъ, но съ значительными ограниченіями. Затѣмъ, во все царствованіе Люи-Филиппа буржуазія безпрерывно агитировала въ пользу закона, понижающаго избирательный цензъ. Она желала распространить избирательное право на всю мелкую буржуазію, на всѣхъ собственниковъ, такъ что число избирателей должно было дойти до трехъ миліоновъ, т. е. до одной трети взрослаго мужского населенія Франціи. Гизо считалъ и это сравнительно ограниченное число слишкомъ значительнымъ и согласился довести число избирателей только до полумиліона. Буржуазія отвѣчала на его упрямство революціей 1848 года. Послѣ побѣды революціи перестали разсуждать о высокомъ, ограниченномъ и низкомъ цензѣ; Ледрю-Ролленъ и его друзья добились принятія національнымъ собраніемъ закона, дающаго избирательное право всѣмъ безъ исключенія французскимъ гражданамъ, достигшимъ извѣстнаго возраста и нелишеннымъ гражданскихъ правъ по приговору суда.

Всеобщая подача голосовъ оказала самое рѣшительное вліяніе на послѣдующій ходъ исторіи Франціи. Она дала результаты весьма неопредѣленные и даже противоположные ожиданіямъ ея создателей, потому что масса французскихъ избирателей пребываетъ въ самомъ плачевномъ невѣжествѣ. Но французы сильно дорожатъ своимъ избирательнымъ правомъ и всякій благоразумный политическій дѣятель убѣжденъ теперь, что снова ввести цензъ уже невозможно. Реакціонное собраніе 1850 года сильно урѣзало это право. Люи-Наполеонъ Бонапартъ воспользовался этой ошибкой. Обви-

нивъ палату передъ націей и введя снова всеобщую подачу голосовъ, Наполеонъ завладѣлъ властью, которою пользовался почти 20 лѣтъ и, можетъ быть, пользовался-бы до самой смерти, если-бы не вовлекъ Францію въ бѣдственную войну. Рѣшился-же онъ на эту войну потому, что убѣдился въ желаніи французовъ разумнѣе пользоваться своимъ избирательнымъ правомъ и безъ разбора не кидаться на шею официальнымъ кандидатамъ.

Настоящее версальское собраніе непопулярно болѣе всего потому, что его считаютъ враждебно настроеннымъ противъ всеобщей подачи голосовъ. И если, несмотря на всѣ усилія „правительства борьбы", нація выказываетъ симпатіи къ республиканской формѣ правленія, то это слѣдуетъ приписать ея убѣжденію, что при этой формѣ сохранится во всей своей силѣ всеобщее избирательное право.

Изъ того, что мы сказали о дѣятельности Гизо во время реставраціи и о его стремленіи удержать какъ можно болѣе высокій избирательный цензъ, можно заключить, что идеаломъ правительственной формы для Гизо была олигархія, и при томъ, если возможно, самая ограниченная.

„Все для народа, ничего посредствомъ народа"—формула, особенно любимая Гизо. Вторая часть фразы имѣетъ чисто-олигархическій смыслъ и составляетъ эссенцію доктрины, выработанной Ройе-Колляромъ и развитой Гизо. Но и первая половина фразы считалась не болѣе, какъ красивой фразой, людьми, которые слывутъ подъ именемъ доктринеровъ. Перечитайте массу ихъ рѣчей, пересмотрите брошюры и книги, ими изданныя, и вы убѣдитесь, что дальше фразы они идти не хотѣли и слово „народъ" понимали въ самомъ ограниченномъ смыслѣ; они выдѣляли изъ него „толпу" и старались всегда игнорировать ее.

Но обратимся къ „Запискамъ" и пусть самъ Гизо объяс-

нить намъ, какъ слѣдуетъ понимать его правительственную систему, которая была самымъ точнымъ выраженіемъ доктринерства.

„Министерское большинство 1816 года, говоритъ Гизо въ своихъ „Запискахъ", — составилось изъ двухъ элементовъ: центра—главной арміи, на которую опиралась власть, и главнаго штаба этой арміи, вскорѣ получившаго имя „доктринеровъ". Ихъ вообще мало знали и клеветали на нихъ, говоря, что они раболѣпствуютъ изъ-за страстной жажды получать мѣста, въ чемъ и видѣли отличительную черту характера этой партіи. Между тѣмъ главная идея, одушевлявшая партію, была та, что въ наше время, послѣ многихъ революцій, народъ болѣе всего нуждается въ сильномъ правительствѣ... Эту твердую правительственную партію я охотно назову буржуазнымъ торизмомъ... Доктринеры противятся какъ возвращенію къ принципамъ стараго до-революціоннаго режима, такъ и принятію, даже чисто-умозрительному, революціонныхъ принциповъ... Они анти-революціонеры, не становясь въ то-же время ретроградами".—Темно и неопредѣленно; каждому предоставляется выводить какое угодно заключеніе.

Вообще отсутствіе какихъ-бы то ни было опредѣленныхъ принциповъ составляетъ основаніе доктринерства. Объ этомъ торжественно заявилъ доктринеръ изъ доктринеровъ, герцогъ Брольи (сынъ), знаменитый учредитель „правительства борьбы". Въ рѣчи своей, произнесенной въ Эврѣ, бывшій первый министръ перваго министерства септената промолвился слѣдующими словами:

„Пуще всего, молодые люди, избѣгайте принциповъ".

Доктринерство, отличающееся отсутствіемъ опредѣленныхъ принциповъ въ политикѣ, удивительно согласуется съ эклектизмомъ, т.-е. философіей, также считающей возможнымъ обходиться безъ принциповъ. Въ послѣдніе годы реставраціи оба они, и доктринерство, и эклектизмъ, имѣли двухъ талантливыхъ представителей въ Сорбоннѣ. На лекціи Гизо и Кузэна стекались массы слушателей. Оба они очаровывали и

увлекали юношество. Одинъ, Гизо, важный и строгій; другой, Кузэнъ, любезный, остроумный, мягкій, сдѣлались любимцами молодежи, которая на ихъ лекціи сходилась со всѣхъ концовъ Франціи. Какъ мало истинно-здоровыхъ элементовъ было въ умственной пищѣ, предлагаемой юнымъ, впечатлительнымъ умамъ этими обоими замѣчательными профессорами, доказали послѣдствія. Масса ихъ учениковъ, выйдя на практическую арену, начала съ того, что погубила іюльскую буржуазную монархію, въ пользу которой, повидимому, работали ихъ учителя; затѣмъ, или своимъ личнымъ участіемъ, или полнѣйшимъ индиферентизмомъ, способствовала государственному перевороту 2 декабря и, наконецъ, безъ особеннаго затрудненія примирилась со второй имперіей и стала прислужницей бонапартизма.

Гизо, выказавшій такъ много ревности въ преслѣдованіи всякаго либерализма, который не ограничивался одними словами, въ свою очередь, попалъ въ разрядъ людей опасныхъ. И его причислили къ революціонерамъ, потому что онъ былъ протестантъ, замѣчательный профессоръ и талантливый писатель. Въ то время парламентъ въ своемъ ретроградномъ усердіи перешелъ всякія границы; онъ жаждалъ вернуть Францію къ временамъ Меровинговъ и даже, пожалуй, къ эпохѣ мистическаго Фарамунда. Много разъ палата возставала самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ самаго короля, иногда напоминавшаго ей о существованіи конституціи. Людовикъ XVIII, вялый, безучастный, болѣе всего любящій хорошо пообѣдать, не былъ ни злымъ, ни жестокимъ человѣкомъ; при всемъ его эгоизмѣ, онъ былъ противникомъ крутыхъ мѣръ и нерѣдко выказывалъ добродушіе. Къ тому-же у него вовсе не было охоты отправиться въ третій разъ въ изгнаніе, чего онъ могъ опасаться, если не станетъ удерживать отъ бестактныхъ выходокъ крайнюю партію, во главѣ

которой стоялъ братъ его, герцогъ д'Артуа впослѣдствіи Карлъ X. Людовикъ XVIII часто сопротивлялся мѣрамъ, предлагаемымъ парламентомъ, но рѣдко ему удавалось поставить на своемъ. Его ободрялъ и поддерживалъ сынъ его, наслѣдникъ трона, герцогъ Беррійскій. Но съ того момента, какъ герцогъ былъ убитъ Лувелемъ, реакція окончательно восторжествовала и Людовикъ XVIII болѣе не рѣшался пользоваться своимъ правомъ вето. Парламентъ сталъ господствовать неограниченно.

Гизо, слѣдуетъ отдать ему справедливость, не былъ роялистомъ болѣе, чѣмъ самъ король. Далѣе тѣхъ уступокъ, которыя онъ сдѣлалъ реакціи, онъ идти не хотѣлъ. Видя, что высшія должности мало-по-малу переходятъ въ руки реакціонеровъ, которые не хотятъ и слышать о примиреніи съ кѣмъ или съ чѣмъ-бы то ни было, Гизо понялъ, что скоро настанетъ время, когда и ему придется снова ограничиться одной профессурой. Онъ позволялъ себѣ иногда выражать мнѣніе, противорѣчащее взглядамъ и желаніямъ правительства; его причислили къ подозрительнымъ, и когда было рѣшено очистить высшую администрацію отъ умѣренныхъ и боязливыхъ, Гизо попалъ въ эту категорію. Его уволили даже изъ государственнаго совѣта. „Жестокая враждебность, писалъ ему безъ всякой церемоніи министръ де-Серръ,—которую вы безъ всякаго основательнаго повода, въ настоящее время выказываете къ королевскому правительству, побудила его принять это рѣшеніе" (т. е. увольненіе Гизо).

Гизо снова перешелъ на профессорскую кафедру, которой но могли лишить его, и съ то-же время сталъ выказывать явную опозицію правительству, впрочемъ, весьма умѣренную, въ родѣ той, какой онъ прославился во время Наполеона I. Онъ постоянно твердилъ о своей преданности конституціи, говорилъ много, и даже очень много, оговариваясь всякій разъ, что онъ держится извѣстныхъ границъ, не выходитъ изъ рамокъ строгой законности и порицаетъ только прямое уклоненіе правительства отъ законовъ, которые оно само клялось защищать. И дѣйствительно, нельзя было не изум-

ляться ловкости, съ какой онъ велъ свое дѣло. Съ самой любезной улыбкой онъ вкладывалъ палку между ступицъ колесъ правительственной колесницы и останавливалъ ея ходъ. Ему легче, чѣмъ кому-нибудь другому, было нападать на промахи правительства: ему были извѣстны всѣ тайныя пружины главныхъ правительственныхъ дѣятелей, такъ-какъ еще недавно онъ самъ былъ ихъ товарищемъ, самъ дѣйствовалъ въ ихъ духѣ. И съ какимъ изумительнымъ краснорѣчіемъ, съ какой энергіей онъ защищалъ теперь свободу каждаго безпрепятственно выражать свое мнѣніе, — однимъ словомъ, требовалъ принятія тѣхъ мѣръ, которыя самъ-же еще недавно находилъ несвоевременнымъ принять на практикѣ. Съ особенной страстностью нападалъ онъ на министерство юстиціи, которому онъ-же самъ придалъ тотъ характеръ, противъ котораго теперь возставалъ, и на судей, изъ которыхъ большая часть ему-же была обязана своимъ назначеніемъ.

„Вотъ уже тридцать лѣтъ революціи и деспотизмъ господствуютъ въ нашей странѣ. Впродолженіи этихъ тридцати лѣтъ, во всемъ, что хотя сколько-нибудь было связано съ политикой, справедливости не было мѣсто. Правительства, безпрерывно смѣнявшія другъ друга, получали отъ своихъ предшественниковъ въ наслѣдство привычки и практику, отъ которыхъ никакъ не могли отдѣлаться. Дурная привычка примѣшивать политику въ судебное дѣло служитъ причиной того, что власть падаетъ при малѣйшемъ толчкѣ. Судебная власть доведена теперь до того, что стала покорнымъ слугою политики...“ Эти совершенно справедливыя слова Гизо приведены въ его памфлетѣ „Les conspirations et la Justice politique“. Выражая это сѣтованіе, Гизо забылъ, что самъ онъ, создавая „превотальные суды“, болѣе всего способствовалъ укорененію того вреднаго начала, противъ котораго онъ возстаетъ такъ энергически въ своей брошюрѣ.

Лекціи Гизо съ каждымъ днемъ становились все рѣзче и рѣзче; все большее и большее впечатлѣніе производили онѣ на юношество, такъ-что правительство, наконецъ, обезпокоилось и рѣшило прекратить ихъ. Гизо запретили читать лекціи, продолжая, кажется, выдавать профессорское содержаніе.

Гизо, располагая теперь свободнымъ временемъ, принялся за изданіе историческихъ трудовъ, составившихъ ему громкую репутацію въ наукѣ. Прежде всего онъ собралъ свои лекціи и издалъ ихъ подъ заглавіемъ: „L'Histoire du Gouvernement représentatif en France". Эта книга составляла развитіе изданной имъ въ 1816 году брошюры „Du Gouvernement représentatif en France", которая была написана по настоянію его тогдашнаго министра Барбе Марбуа и служила отвѣтомъ на брошюру Витроля, секретаря графа Артуа, направленную противъ графа Прованскаго, т. е. Людовика XVIII. Книга Гизо была первымъ офиціальнымъ манифестомъ доктринерства; здѣсь изложено ученіе этой политической секты, изумляющее всѣхъ своею гибкостію и изворотливостью; это точно перчатка, сшитая на обѣ руки: надѣнешь на правую руку — сидитъ какъ слѣдуетъ; надѣнешь на лѣвую—и такъ ладно; доктринерство носитъ саблю, заостренную съ обоихъ концовъ; сегодня одной стороной оно защищаетъ существующія учрежденія; завтра — оно нападаетъ на нихъ, дѣйствуя всегда какъ указываетъ ему личное эгоистическое чувство. Принциповъ-же оно боится хуже чорта.

Вслѣдъ за манифестомъ своей партіи Гизо издалъ быстро одно сочиненіе за другимъ: 1) „Les memoires relatifs à l'histoire de la revolution d'Angleterre", 2) „Les memoires relatifs à l'histoire de France", 3) „La Peine de Mort". Затѣмъ онъ написалъ предисловіе и сдѣлалъ примѣчаніе къ сочиненіямъ Шекспира, изданнымъ въ переводѣ Летурнера, исправленномъ и нѣсколько измѣненномъ Пишо, Ремюза, Барантомъ и г-жею Гизо. Впослѣдствіи, когда это первое изданіе все

разошлось, Гизо напечаталъ второе и, въ видахъ спекуляціи, подписалъ только однимъ своимъ именемъ.

Жена Гизо, имя которой мы только-что упомянули, умерла въ 1827 году. Почти на смертномъ одрѣ, по настоянію мужа, она приняла протестантскую вѣру и испустила свой духъ, слушая рѣчь Боссюэта о безсмертіи души, которую читалъ ей мужъ.

На слѣдующій годъ Гизо женился на красавицѣ-англичанкѣ Элизѣ Дилонъ, племянницѣ его покойной жены. Говорятъ, что первая жена сама хлопотала передъ своей смертью о второмъ бракѣ своего мужа. Къ несчастью, вторая жена Гизо вскорѣ умерла, въ 1833 году.

Отъ обоихъ супружествъ Гизо имѣлъ сына и двухъ дочерей, которыхъ воспиталъ самъ. Гизо былъ образцовый отецъ и безукоризненный супругъ. Въ этихъ отношеніяхъ ему невозможно сдѣлать ни одного упрека.

Но возвратимся къ прерванной исторіи Гизо, какъ политическаго и ученаго дѣятеля. Министерство Мартиньяка, получивъ власть, поставило себѣ задачей успокоить Францію. Оно постаралось сблизиться съ людьми, съ которыми окончательно разсорились его предшественники. Гизо снова получилъ мѣсто въ государственномъ совѣтѣ и дозволеніе читать лекціи въ Сорбонѣ. Это время было лучшимъ временемъ въ жизни Гизо; его популярность возросла до высшаго предѣла. Наивное юношество дѣлало ему самыя искреннія оваціи, чествуя въ немъ защитника либерализма. Лучшія сочиненія Гизо: 1) „Cours d'Histoire Moderne“, 2) „Histoire generale de la Civilisation en France“, 3) „Histoire generale de la Civilisation en Europe“,—составляютъ сводъ его лекцій, читанныхъ въ два послѣдніе года реставраціи. Конечно, теперь эти сочиненія значительно устарѣли и покупаются только для полноты библіотеки, но въ свое время, почти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, они были замѣчательнымъ историческимъ

трудомъ, добросовѣстно обработаннымъ. Въ свое время они сильно двинули впередъ историческую науку во Франціи.

VI.

Между тѣмъ Карлъ X пожелалъ произвести контръ-революцію. Онъ поручилъ составить министерство Полиньяку, надѣясь съ помощію государственнаго переворота избавиться отъ хартіи, которая ему досаждала, потому что онъ не умѣлъ обходиться съ нею съ такимъ удобствомъ, какъ обходилось предшествовавшее ему правительство. „Анти-революціонеръ" Гизо явился въ это время кандидатомъ въ палату отъ департамента Кальвадоса. Въ своемъ манифестѣ онъ объявилъ себя въ оппозиціи съ существовавшей правительственной системой. „Съ 1820 года, пишетъ онъ,—мои политическія сочиненія, мои лекціи достаточно популяризировали мое имя. Молодежь вездѣ горячо отстаивала меня. Умѣренные и рѣшительные либералы одинаково стояли за меня и относились ко мнѣ съ полнымъ довѣріемъ. Всѣ оттѣнки оппозиціи, Лафайетъ и Шатобріанъ, Аржансонъ и герцогъ Брольи, Дюпонъ и Бертэнъ, поддерживали мою кандидатуру. Я былъ избранъ 23 января 1830 года огромнымъ большинствомъ".

Съ депутатской скамьи Гизо уже не трудно было попасть на министерскую; вопросъ теперь шелъ только о времени когда ему вручатъ портфель. Свою парламентскую дѣятельность онъ началъ на скамьяхъ оппозиціи. Ни разу онъ не подалъ голоса за правительство и, наконецъ, подписалъ знаменитый адресъ 221-го, мѣстами измѣнивъ его редакцію въ болѣе рѣзкомъ тонѣ.

Іюльскіе „указы" короля вызвали революцію 1830 года. Гизо составилъ протестъ депутатовъ, въ которомъ, между прочимъ, заявлялось о преданности протестующихъ королю и его августѣйшей династіи. Это заявленіе Гизо помѣстилъ на всякій случай, если-бы затѣянное имъ и его товарищами дѣло окончилось для нихъ неудачно.

Возбужденный народъ вооружился чѣмъ попало и построилъ баррикады. Побѣда осталась за революціей. Республиканско-либеральная депутація, состоящая изъ Лафита, Лафайета, Дюпона и Одилона Барро предложила тронъ Люи-Филиппу, который, принявъ его, тотчасъ приблизилъ къ себѣ Тьера и Гизо. Замѣчательно, что Гизо, описывая въ своихъ „Запискахъ" это время, говоритъ, съ сдержаннымъ, правда, негодованіемъ, о толпѣ, забывая, что на этотъ разъ ей онъ былъ обязанъ министерскимъ портфелемъ, точно Гизо не могъ простить ей, что она одержала побѣду.

Затѣмъ цѣлыхъ восемнадцать лѣтъ Гизо былъ самымъ могущественнымъ человѣкомъ во Франціи; судьба 36 милліоновъ французовъ зависѣла отъ него и отъ Люи-Филиппа, который находился подъ его вліяніемъ. Правительственная система Гизо была проста, какъ и его геній: миръ во что бы то ни стало во внѣшнихъ сношеніяхъ; сосредоточеніе всѣхъ силъ для подавленія внутри страны всякихъ безпорядковъ и всякихъ проявленій неудовольствія. Науку, опытъ, свое громадное вліяніе Гизо употребилъ для того, чтобы управлять какъ можно хуже. Въ основаніи, все его управленіе было безтактно, иногда нелѣпо; особенно вредно оно было потому, что положительно портило общество подкупами и возбужденіемъ недовѣрія различныхъ классовъ другъ къ другу. Наконецъ, его выходки вывели изъ терпѣнія. Революція 1848 года, лишившая трона Люи-Филиппа, заставила Гизо бѣжать изъ Франціи. Онъ переодѣлся въ платье рабочаго и въ этомъ костюмѣ выѣхалъ изъ Парижа.

Мы не разсказываемъ длинной исторіи дѣятельности Гизо впродолженіи восемнадцатилѣтняго существованія буржуазной монархіи,—эта исторія слишкомъ хорошо извѣстна.

Безполезно также долго останавливаться и на томъ, что Гизо послѣ 1848 года тщетно пытался снова выступить на

политическую арену. Когда стало очевидно, что реакція начинаетъ усиливаться, Гизо заявилъ себя кандидатомъ въ депутаты въ Лизье, но получилъ такое ничтожное число голосовъ, что поспѣшилъ поскорѣе стушеваться.

Несмотря на это пораженіе, Гизо не упалъ духомъ. Онъ вскорѣ оправился. Человѣкъ, много лѣтъ къ ряду имѣвшій власть въ рукахъ, не можетъ примириться съ положеніемъ безучастнаго зрителя. Убѣдясь, что ему не пробраться въ законодательное собраніе, онъ избралъ ареной своей дѣятельности „Академію". Здѣсь онъ постоянно произносилъ оппозиціонныя рѣчи противъ второй бонапартистской имперіи; содержаніе этихъ рѣчей ясно доказывало, что онъ сердится на имперію главнымъ образомъ потому, что она находила возможнымъ обходиться безъ него. Гизо сталъ играть въ ту-же игру, въ какую игралъ во время первой имперіи, т. е. въ салонную оппозицію; онъ сыпалъ эпиграмами; говорилъ съ осторожностью рѣчи, обвиняющія имперію за то, за это, а больше за ничто; писалъ либеральныя статьи, но съ оглядкой, чтобы какъ-нибудь не подвергнуться опасности. Конечно, такая оппозиція самаго невиннаго свойства не могла сдѣлать никакого вреда. Наполеонъ III очень хорошо понималъ, что Гизо съ нетерпѣніемъ ждетъ случая, чтобы можно было, безъ особеннаго ущерба для своей оппозиціонной репутаціи, предложить свои услуги второй имперіи. Онъ не ошибся: какъ только онъ призвалъ въ министерство Оливье, т.-е. сдѣлалъ самый крошечный шагъ къ либерализму, Гизо и его друзья доктринеры поспѣшили примириться съ бонапартизмомъ. Но они разсчитали невѣрно: не воспользовавшись выгодами власти, они понесли на себѣ весь стыдъ пораженія второй имперіи.

Послѣ этой важной ошибки въ своей жизни Гизо совершилъ другую, не менѣе важную. Орлеанскіе принцы обратились къ нему за совѣтомъ, безъ сомнѣнія, забывъ, что онъ былъ злымъ геніемъ іюльской монархіи. Гизо убѣдилъ ихъ въ возможности и необходимости сліянія старшей линіи Бурбонскаго дома съ младшей. Извѣстно, чѣмъ окончилось это

дѣло слiянiя и какъ много потеряли Орлеаны, послушавъ совѣта Гизо. Однакожь, упрямый старикъ такъ и умеръ, не желая признать за собой ошибку; впрочемъ, Гизо всегда вѣрилъ въ свою непогрѣшимость.

~~~~~~

По мѣрѣ того, какъ Гизо старѣлъ, онъ все чаще и чаще обращался къ религiознымъ вопросамъ и подъ конецъ своей жизни сдѣлался самымъ ревностнымъ богословомъ-полемизаторомъ. Онъ былъ вполнѣ счастливъ, предсѣдательствуя въ парижской протестантской консисторiи. Здѣсь онъ произносилъ громовыя рѣчи противъ еретиковъ, выпускалъ манифесты, въ которыхъ разъяснялъ догматы протестантизма, доходилъ даже до отлученiя отъ церкви. Онъ, правда, не сжегъ на кострѣ ни одного еретика живьемъ, не сжегъ даже ни одного изображенiя отлученнаго отъ церкви, но былъ очень доволенъ, когда могъ читать длинныя наставленiя разнымъ простакамъ, по добродушiю своему выслушивавшимъ съ начала до конца его увѣщанiя. Мало-по-малу Гизо сталъ папою французскихъ протестантовъ. Онъ взбудоражилъ парижскую консисторiю, до него скромную и спокойную; онъ перенесъ воинственное настроенiе въ провинцiальные протестантскiе синоды и дѣйствовалъ съ такой ретивостью, что въ настоящее время французская протестантская церковь распалась на два враждебные отдѣла: либераловъ и ультрамонтановъ. И если они окончательно не раздѣлились, то этимъ обязаны министру исповѣданiй, католику по вѣрѣ, который удержалъ ихъ отъ такой мѣры, доказавъ имъ, что она приведетъ къ самымъ печальнымъ послѣдствiямъ.
~~~~~~

VII.

Гизо всегда былъ искрененъ; онъ никогда не замѣчалъ ошибки въ своихъ дѣйствіяхъ, но онъ искренно вѣрилъ, что все, что ни выходитъ изъ его рукъ, непремѣнно должно быть совершеннымъ. Отличительной чертой его характера была вѣра въ непогрѣшимость своего сужденія. Онъ былъ рѣшительно неспособенъ понимать и цѣнить мнѣнія своихъ противниковъ. „Я никакъ не могу понять, какъ это находятся люди, понимающіе Ламартина“, писалъ онъ почти наканунѣ 12 (24) февраля 1848 года. Что онъ говорилъ о наслѣдникѣ своей власти, то самое онъ могъ сказать обо всѣхъ, кто не раздѣлялъ его убѣжденій. Но и въ словахъ своихъ союзниковъ, друзей и послѣдователей онъ понималъ только свои собственныя идеи. Собственно говоря, всѣ его самыя знаменитыя рѣчи были скучными монологами, мѣстами приправленными оскорбленіями своихъ противниковъ. Профессоръ Берсо разсказываетъ очень милый анекдотъ объ одной глухой старухѣ, страшной спорщицѣ. Она слышала только черезъ слуховой рожокъ. Въ началѣ вечера она приставляла рожокъ къ уху и выслушивала своихъ собесѣдниковъ. Но какъ только начинался споръ, она говорила громко, живо и имѣла привычку во время своей рѣчи держать рожокъ у своего уха. Переставъ говорить, она обыкновенно приставляла рожокъ ко рту и, слѣдовательно, не слышала возраженій своего оппонента, что, однакожь, нисколько не мѣшало ей снова возражать. Такъ и Гизо; онъ никогда не слушалъ своихъ противниковъ и, возражая имъ, обыкновенно излагалъ только свои собственныя теоріи, оставляя безъ вниманія ихъ доводы и доказательства, игнорируя факты, очевидность которыхъ была для всѣхъ, кромѣ его одного, вполнѣ неоспорима.

Ламартинъ превосходно понималъ Гизо. „Увѣренность въ самомъ себѣ и презрѣніе къ толпѣ, говоритъ Ламартинъ, —

вотъ основныя качества Гизо. Онъ много читалъ, много занимался исторіей и питалъ пристрастіе къ сильнымъ драмамъ... Чѣмъ дольше онъ говорилъ, тѣмъ голосъ его становился громче и явственнѣе... Онъ любилъ возбуждать бурю въ палатѣ. Онъ дерзко и съ угрозами относился къ обвиненіямъ противниковъ, увѣренный, что въ палатѣ защититъ его большинство, слѣпо слѣдующее за нимъ, а внѣ палаты его покроютъ собой монархія и армія".

„Онъ погрузится въ морѣ съ камнемъ на шеѣ вполнѣ убѣжденный, что не потонетъ", говоритъ Корменень про Гизо.

„Записки" Гизо, скучныя, монотонныя, утомительныя, написанныя тяжелымъ слогомъ, чрезвычайно любопытны для изученія, какъ образецъ, до чего можетъ доходить культъ себѣ самому. Во всѣхъ восьми томахъ Гизо доказываетъ, что въ томъ и другомъ, и третьемъ, и во всякомъ случаѣ онъ былъ правъ, а всѣ прочіе виноваты; онъ приводитъ тому самыя пространныя доказательства. Доказывая, что онъ поступалъ благородно и разумно, оставаясь анти-революціонеромъ, а что бѣдный Карлъ X дѣйствовалъ весьма неразумно, сдѣлавшись контръ-революціонеромъ, Гизо не замѣчаетъ, въ какія онъ впадаетъ противорѣчія. Одно и то-же дѣйствіе знаменуетъ мудрость въ немъ и безуміе въ другомъ. И чѣмъ яснѣе противорѣчіе въ его дѣйствіяхъ, тѣмъ большую похвалу онъ воздаетъ самъ себѣ. Онъ придаетъ громадное значеніе своимъ „Запискамъ", онъ любуется ими, онъ какъ-бы хочетъ сказать: „здѣсь ищите мудрость". Въ каждой страницѣ его „Записокъ" виднѣется самодовольство, съ которымъ онъ какъ-бы хочетъ сказать: „я есть я, подобнаго мнѣ вы едва-ли найдете".

VII.

ЭДГАРЪ КИНЭ.

Родина Эдгара Кинэ.—Вліяніе мѣстной природы на характеръ произведеній Кинэ.—Его отецъ.—Воспитаніе Кинэ.—Увлеченіе нѣмецкою наукою.—Кинэ въ Германіи.—Путешествіе его въ Грецію.—Поэмы Кинэ.—Фанатическое поклоненіе Наполеону I.—Печальныя послѣдствія этого фанатизма для Франціи.—Успѣхи Кинэ на университетской кафедрѣ.—Благотворное вліяніе на него Мишле.—Борьба Кинэ съ іезуитами и ультрамонтанствомъ.—Кинэ депутатъ.—Кинэ полковникъ.—Кинэ изгнанникъ.—Эпопея „Мерленъ Чародѣй".—Ея достоинства.—Рыцарство.—Изнанка исторіи среднихъ вѣковъ.—Возрожденіе. — Пріемъ сдѣланный „Мерлену". — Историческіе труды Кинэ.—Участіе Кинэ въ женевскомъ конгресѣ „Мира и свободы".—Возвращеніе Кинэ во Францію.

I.

Эдгаръ Кинэ, безспорно одинъ изъ замѣчательныхъ французскихъ ученыхъ и публицистовъ. Онъ былъ извѣстенъ не въ одной Франціи. Большая часть его произведеній переведены на многіе изъ европейскихъ языковъ. Полное собраніе его сочиненій издано въ двадцати томахъ. Какъ професоръ онъ читалъ лекціи во Франціи и въ Швейцаріи. На его публичныя лекціи въ Лондонѣ стекались массы слушателей. Не говоря уже о французской литературѣ, въ англійской и нѣмецкой литературахъ существуютъ весьма обстоятельные разборы произведеній французскаго ученаго. Русская читающая

публика также знакома съ именемъ Кинэ, хотя, правду сказать, у насъ имѣется очень мало переводовъ его произведеній и еще менѣе статей, посвященныхъ ихъ анализу.

Эдгаръ Кинэ родился въ 1803 году въ Бургѣ, въ энскомъ департаментѣ, въ которомъ рядомъ съ довольно значительными возвышенностями лежатъ обширныя болотистыя пространства. Съ одной стороны тянется хребетъ Юры, съ другой идутъ топи; горныя долины смѣняются широкими равнинами, прорѣзанными большими прудами. Въ этой мѣстности путешественникъ на каждомъ шагу встрѣчаетъ великолѣпные пейзажи, составляющіе находку для поэтовъ и живописцевъ. Въ произведеніяхъ Кинэ отражается эта величественная, разнохарактерная природа, подъ впечатлѣніемъ которой онъ взросъ. Въ своей поэмѣ „Чародѣй Мерленъ", Кинэ въ слѣдующихъ выраженіяхъ описываетъ природу своей родины:

„Вообрази себѣ непроницаемые лѣса, перерѣзанные обширными прудами, въ которыхъ отражается пурпуромъ заходящее солнце. На востокѣ, черезъ лье виднѣется гора, правда, еще не очень высокая, но чѣмъ далѣе, гора становится все выше и выше и, наконецъ, открывается подножіе дѣвственныхъ Альпъ съ ихъ ледянымъ покровомъ. Между горой и лѣсомъ тянется равнина, усѣянная круглыми вышлифованными голышами, которыми играетъ Мерленъ съ своими товарищами на своемъ зеленомъ лужкѣ, на мѣстномъ деревенскомъ нарѣчіи и теперь еще зовущемся „Ора". Вокругъ миръ и тишина; все здѣсь спокойно и таинственно. Сколько разъ въ маѣ мѣсяцѣ я слышалъ въ кустахъ шиповника, дрока или дикаго желтофіоля разговоръ Мерлена и Вивіана, ведущійся шепотомъ. Я-бы могъ указать тебѣ тысячу тропинокъ, протоптанныхъ ихъ шагами, теперь оставленныхъ, заросшихъ мелкой травой и папоротникомъ"...

Нимфы горъ, нимфы прудовъ, демоны лихорадки—вотъ феи, окружавшіе колыбель новорожденнаго Эдгара Кинэ; онѣ постоянно носились въ его воображеніи, наполняли его фантазію. Сказки, слышанныя въ дѣтствѣ и дикій пейзажъ окружающей мѣстности произвели такое сильное впечатлѣніе на

умъ Кинэ, что они, какъ мы уже замѣтили, отразились въ его произведеніяхъ, и не только въ такихъ, какъ „Мерленъ", „Наполеонъ", „Агасверъ", въ созданіи которыхъ въ значительной долѣ участвовало воображеніе, но даже въ его историческихъ и философскихъ трудахъ. Всѣ лица, дѣйствующія въ его произведеніяхъ, нарисованы смѣло, широкой кистью, всѣ они одарены сильнымъ тѣлосложеніемъ, замѣчательными способностями; при всемъ томъ они какъ-бы застланы волнующимся туманомъ, который, разсѣеваясь и принимая различные размѣры и положенія, даетъ безпрестанно измѣняющіяся формы очертаніямъ фигуръ. Сквозь этотъ туманъ блеститъ временами солнце и лучи его то ослѣпляютъ и жгутъ, то нѣжатъ и ласкаютъ. Затѣмъ туманъ снова сгущается, но чрезъ его покровъ все-таки проскальзываетъ слабый свѣтъ, то сѣроватый, то окрашенный, смотря по обстоятельствамъ даннаго момента. Каски и оружіе блестятъ серебристымъ отливомъ; оранжевые лучи отражаются въ сѣроватой поверхности пруда и т. д. Вездѣ противоположеніе скалы и тумана; величественныя массы гранита рядомъ съ грязными, тинистыми топями. Неопредѣленныя воздушныя формы носятся безпорядочно вокругъ гигантовъ, изсѣченныхъ изъ гранита; они ласкаютъ ихъ, покрываютъ собой, пока въ безсиліи не разсѣеваются. Все запечатлѣно грандіозностью, прелестью, хотя не совсѣмъ здорово. При всемъ томъ все трогаетъ и волнуетъ сердце. Кто видѣлъ нимфу Домбъ, когда она, бѣлая и грандіозная, показывается среди зеленыхъ тростниковъ, тотъ никогда не полюбитъ никакой другой нимфы. Ея поцѣлуи жгутъ кровь, но когда ихъ болѣе не ощущаешь, душа сохнетъ.

„Histoire de mes idées", представляющая собой автобіографію Эдгара Кинэ, принадлежитъ къ числу самыхъ лучшихъ произведеній подобнаго рода, написанныхъ въ XIX столѣтіи; можно даже утвердительно сказать, что оно самое лучшее.

Въ немъ уясненъ ходъ постепеннаго развитія не одного какого-нибудь человѣка, не отдѣльной личности, а цѣлаго поколѣнія. Если-бы мы вздумали цитировать лучшія мѣста изъ этого произведенія, то пришлось-бы выписать почти всю книгу. По нашему мнѣнію, „Histoire de mes idées" самое глубокое, самое искреннее изъ всѣхъ произведеній талантливаго писателя. Нѣтъ сомнѣнія, что это произведеніе Эдгара Кинэ переживетъ всѣ остальные его труды.

И отецъ, и мать, каждый въ свою очередь, оказали значительное вліяніе на развитіе Эдгара Кинэ. Отъ отца онъ получилъ прямоту и непреклонность характера; отъ матери талантъ, нѣжность, чувствительность, воображеніе, замѣчательную память. Очень немногіе обладали такимъ изумительнымъ критическимъ анализомъ, какъ Кинэ; моральныя проблемы онъ разрѣшалъ съ точностью алгебраическихъ вычисленій.

Отецъ Эдгара Кинэ былъ человѣкъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательный. Онъ обладалъ античными добродѣтелями. Точно вылитый изъ бронзы во время отправленія своихъ общественныхъ обязанностей, онъ былъ чрезвычайно нѣженъ и деликатенъ въ своемъ семействѣ и въ своихъ сношеніяхъ съ друзьями. Онъ занималъ должность военнаго комисара и отличался безукоризненной исполнительностью и честностью. Съ своими начальниками онъ держалъ себя съ достоинствомъ, никогда не заискивалъ въ нихъ, никогда для выгоды не пожертвовалъ ни іотой своихъ убѣжденій. Блескъ и побѣды первой имперіи не ослѣпили его ни на одну минуту; онъ постоянно предсказывалъ ей недолговѣчность, основывая свое предсказаніе на отсутствіи раціональности въ бонапартовской системѣ и на ея непригодности для Франціи. Онъ не преклонялся предъ идоломъ, которому курили фиміамъ всѣ его соотечественники. Онъ жилъ вдали отъ славы, съ которой носилось большинство французовъ и всегда говорилъ, что за ней должно послѣдовать самое грустное разочарованіе, что за побѣдами придетъ страшное пораженіе, которое послужитъ возмездіемъ за всѣ несправедливости, какія

Францiя совершила противъ другихъ нацiй. Но хотя онъ предвидѣлъ печальный исходъ, пораженiе при Ватерлоо сильно поразило его, какъ горячаго патрiота. Тяжело и грустно было ему видѣть, какъ иностранцы распоряжаются въ его раззоренномъ войною отечествѣ.

Юный Эдгаръ Кинэ, во время этой катастрофы, былъ уже въ тѣхъ лѣтахъ, что могъ понять ея значенiе. На него, какъ и на его отца, она произвела сильное впечатлѣнiе. Ему, однакожъ, привелось дожить еще до болѣе ужаснаго пораженiя, еще до большаго униженiя. Ватерлоо было сильнымъ пораженiемъ, но тогда по крайней мѣрѣ честь была сохранена. Седанъ-же представляетъ такое униженiе, какого не было въ исторiи ни одной другой нацiи. Такимъ образомъ политическая, моральная и умственная жизнь Кинэ, протекла между Ватерлоо и Седаномъ, между двумя капитуляцiями Парижа. Его „Исторiя кампанiи 1815 года", написанная въ зенитѣ его жизни, во время высшаго проявленiя его интелектуальной силы, стоила ему несравненно болѣе труда и изысканiй, чѣмъ всѣ другiя его произведенiя. Въ него Кинэ вложилъ всю страстность своей натуры и эти чувства его всецѣло передаются развитому читателю, къ какой-бы партiи онъ ни принадлежалъ.

II.

Мы показали подъ какими впечатлѣнiями формировался въ Эдгарѣ Кинэ характеръ поэта, человѣка, гражданина и патрiота, обратимся теперь къ его бiографiи.

Эдгаръ Кинэ воспитывался въ лицеѣ въ Лiонѣ. Здѣсь онъ выказалъ такiя замѣчательныя способности и такую независимость характера, что его товарищи охотно признали его первенство надъ собою, а воспитатели пророчили ему блистательную карьеру. Эдгаръ самъ сознавалъ свои высшiя способности и не разъ говорилъ товарищамъ, что желаетъ добиться профессуры по высшей математикѣ. Въ 18 лѣтъ отъ

роду онъ былъ уже профессоромъ въ „College de France". Родители думали-было помѣстить его въ банкирскую контору; состояніе у нихъ было небольшое, но они никогда не знали нужды. Эдгаръ не согласился на ихъ желаніе, они и не настаивали, зная что при ихъ средствахъ, ихъ сыну не можетъ грозить ни нужда, ни голодъ. Обезпеченность въ дѣтствѣ и юности сильно повліяла на характеръ дѣятельности Эдгара Кинэ. Онъ никогда не интересовался экономическими вопросами, которые, напримѣръ, всю жизнь тревожили Прудона, испытавшаго нужду въ дѣтствѣ и юности, не достигшаго матеріальнаго обезпеченія даже въ зрѣлые годы. Если Прудонъ въ годы своей кипучей дѣятельности и не терпѣлъ полной нищеты, то, во всякомъ случаѣ, никогда не могъ сказать, что на всегда отъ нея застрахованъ.

Имѣя 20 лѣтъ отъ роду, Кинэ напечаталъ свой первый литературный трудъ „Les tablettes d'un Juif Errant". Оно было принято благосклонно и публикой, и критикой, хотя, по правдѣ сказать, оно не обладаетъ особенными достоинствами и не выходитъ изъ ряда посредственности.

Вскорѣ послѣ изданія своего перваго литературнаго труда. Эдгаръ Кинэ отправился въ Германію и записался студентомъ въ Гейдельбергѣ. Это случилось въ самый разгаръ реакціи, когда Франція поняла, что она сильно отстала въ научномъ отношеніи отъ своихъ сосѣдей. Въ чаду отъ побѣдъ имперіи, Франція ничему не училась, она забыла даже то, что знала. Теперь, при господствѣ реакціи, она рѣшительно отказалась отъ всего, что ей оставилъ XVIII вѣкъ, отъ философіи Кондильяка, Вольтера и Кондорсе, отъ науки энциклопедистовъ и обратила свои взоры на Германію, ожидая получить оттуда просвѣщеніе. Любимымъ чтеніемъ въ это время были сочиненія, въ которыхъ доказывалось, что истинная наука, религія, поэзія и философія процвѣтаютъ только въ Германіи. Викторъ Кузенъ, человѣкъ умный и ловкій, понялъ, какую выгоду для себя онъ можетъ извлечь изъ этого увлеченія Германіей. Онъ перешелъ Рейнъ, чтобы заимствоваться мудростію у Шеллинга и Гегеля, чтобы нагрузить

свою память „субъективнымъ и объективнымъ", „я и не я" и пр. Возвратясь оттуда, онъ сталъ преподавать французскому юношеству какую-то смѣсь спиритуализма и сенсуализма, смѣшивая Дугальда Стюарта съ св. Августиномъ, Платона съ Гегелемъ; предлагая отвѣдать блюдо, составленное изъ ананаса съ уксусомъ, амброзіей и соленой свининой и все это разведенное овсяной похлебкой. Предлагаемое имъ ученіе получило названіе „эклектизма", и въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій туманило головы французскихъ юношей.

Громадный успѣхъ Кузена вскружилъ голову юному профессору Кинэ. Онъ также отправился въ Германію изучать свойство тезъ и антитезъ. Онъ скоро освоился съ нѣмецкою премудростью и безъ затрудненія соединилъ мрачнымъ союзомъ туманы своего Домба съ туманами Некера, Изара и Шпре. Однакожъ, онъ не погрузился съ головой въ непроходимыя дебри неудобопонятной нѣмецкой философіи. Отъ такой бѣды спасли его прирожденная наивность и вкусъ. Въ полномъ смыслѣ этого слова добродѣтельный юноша, Эдгаръ Кинэ усердно посѣщалъ лекціи профессоровъ, добросовѣстно записывалъ ихъ, но въ то-же время страстно предавался изученію, дѣйствительно, замѣчательныхъ нѣмецкихъ философовъ Крейцера и Гердера, въ особенности послѣдняго. Знакомство съ этими менѣе туманными учеными спасло Кинэ и дало ему извѣстность во Франціи. Возвратившись во Францію, онъ издалъ свой переводъ болѣе извѣстнаго изъ сочиненій Гердера: „Мысли по поводу философіи исторіи человѣчества". Изложенная понятнымъ языкомъ эта книга встрѣчена была французской молодежью съ энтузіазмомъ. „Вотъ человѣкъ, какого намъ надо: онъ нахваталъ бездну премудрости въ нѣмецкихъ университетахъ и умѣетъ передавать ее понятнымъ для всѣхъ языкомъ". Едва-ли съ такимъ энтузіазмомъ принимали Данте во Флоренціи послѣ того, какъ онъ написалъ свою „Божественную комедію".

Пребываніе въ Германіи обезпечило за Кинэ славу серьезнаго ученаго, благодаря чему, имѣя только 25 лѣтъ отъ ро-

ду, онъ былъ назначенъ членомъ ученой комисіи, посланной въ Морею. Тамъ Кинэ собралъ много интересныхъ матеріаловъ и затѣмъ, въ 1830 году, издалъ книгу подъ заглавіемъ: „De la Grece Moderne et de ses rapports avec l'antiquité".

Вскорѣ послѣ изданія этого труда онъ получилъ приглашеніе участвовать въ журналѣ, „Revue des deux Mondes".

Изученіе Греціи нѣсколько отразилось на характерѣ развитія Кинэ; оно имѣло послѣдствіемъ ослабленіе энтузіазма, какой онъ высказывалъ въ отношеніи германской науки. Но должно было пройти еще 12 лѣтъ, пока онѣмеченному Кинэ удалось вполнѣ освободиться отъ германскаго вліянія и внести въ свои труды національный характеръ. До тѣхъ-же поръ на всѣхъ его произведеніяхъ замѣтно отражалось вліяніе нѣмецкой философіи. Они отличались излишней изысканностью, натянутостію и высокопарностью; въ нихъ еще замѣтенъ сантиментальный новичекъ, гоняющійся болѣе за словомъ, чѣмъ за мыслью. Кинэ чрезмѣрно заботится о музыкальности стиха, о красотѣ фразы, которая поэтому чаще выходитъ напыщенной, чѣмъ дѣйствительно красивой. Впрочемъ страсть къ отдѣлкѣ фразы сохранилась у него до конца жизни. И въ лучшій періодъ его дѣятельности, Кинэ всегда былъ больше поэтомъ и ораторомъ, чѣмъ мыслителемъ и ученымъ. Но при всѣхъ этихъ недостаткахъ, Кинэ всегда оставался вполнѣ искрененъ; если онъ позволялъ себѣ иногда прибѣгать къ излишествамъ, то дѣлалъ это не для того, чтобы рисоваться или изъ желанія произвести эфектъ, а только потому, что при своей поэтической натурѣ, онъ страстно любилъ красоту формы.

Эти недостатки особенно ярко выказались въ трехъ его поэмахъ, написанныхъ въ первый періодъ его дѣятельности. Онѣ изданы: „Агасверъ" въ 1833, „Наполеонъ" въ 1836 и „Прометей" въ 1837 годахъ. Кинэ мечталъ, что эта трилогія представитъ собою обращикъ новѣйшей французской эпопеи; его огорчало, что послѣ героическихъ пѣсенъ XII вѣка и поэмъ, описывающихъ вѣкъ Карла Великаго, Франція не имѣла настоящей эпопеи. „Прометея" нельзя назвать неудач-

нымъ произведеніемъ; онъ хорошъ, но былъ-бы еще лучше, если бы былъ понятнѣе изложенъ. „Агасверъ" написанъ съ тою цѣлію, чтобы французы позабыли „Генріаду". Говоря искренно, мы предпочитаемъ вольтеровскую „Генріаду". Въ ней, по крайней мѣрѣ, есть начало, средина и конецъ, тогда какъ „Агасверъ" безъ хвоста и головы. Теперь греческая мифологія вышла изъ моды, но во время Вольтера безъ нея немыслимо было никакое поэтическое произведеніе. Вольтеръ слишкомъ пестритъ свою поэму обращеніемъ къ греческимъ богинямъ и богамъ. Но вѣдь и пресловутый „Агасверъ" играетъ подобную-же роль съ тою только разницею, что онъ грубѣе. Намъ можетъ не нравиться, что Вольтеръ часто обращается къ греческой мифологіи, но мы знаемъ, что онъ относится къ ней шутливо и смотритъ на нее, какъ на необходимое формальное добавленіе. Кинэ точно также обращается къ мифологіи, дѣйствующей раздражительно на нервы, къ таинствамъ Вальпургіевой ночи и относится къ нимъ серьезно. Правда, его Агасверъ посѣщаетъ не только гору Брокенъ, ведетъ бесѣду не съ однѣми вѣдьмами, — онъ съ своимъ посохомъ вѣчнаго странника появляется вездѣ, во всемъ видимомъ и невидимомъ мірѣ. Онъ посѣщаетъ землю и другія планеты; онъ ведетъ разговоръ съ людьми и съ ангелами. Кинэ видимо хотѣлъ изобразить противоположности; низменное и отвратительное онъ помѣщаетъ рядомъ съ величественнымъ. Но все у него перемѣшано до крайности; все нагромождено безъ всякой системы, такъ что читатель, наконецъ перестаетъ обращать вниманіе на алмазы и проходитъ мимо нихъ съ такимъ-же равнодушіемъ, какъ бы передъ нимъ были не алмазы, а кусочки разбитаго стекла. Подъ конецъ всѣ эти несоразмѣрности утомляютъ читателя и онъ съ досадой оставляетъ книгу, такъ много обѣщавшую въ началѣ и ничего не дающую, кромѣ утомленія.

Что касается „Наполеона", то это произведеніе можно счесть величайшей ошибкой; можно было-бы даже назвать ее „преступленіемъ", еслибъ мы не были убѣждены въ честности и искренности Эдгара Кинэ. Въ этой поэмѣ Кинэ воз-

носитъ Наполеона на недосягаемый пьедесталъ, онъ дѣлаетъ его неподражаемымъ героемъ, его эгоизмъ возводитъ въ величіе, называетъ его мученикомъ самопожертвованія, пророкомъ новѣйшихъ временъ, Прометеемъ гуманитарной религіи, какъ тогда было принято называть Наполеона въ кружкѣ его почитателей. Въ силу поэтической вольности Кинэ поддѣлывалъ исторію. Кинэ отдалъ дань фанатическому поклоненію Наполеону и шовинизму, которые были болѣзненными проявленіями тогдашняго либерализма. Онъ вступилъ въ ряды такъ называемой тогда „юной Франціи". Между тѣмъ онъ скорѣе другихъ могъ избѣжать ошибокъ, которыя понадѣлали его талантливые друзья. Его отецъ всю свою жизнь оставался противникомъ Наполеона I и, какъ мы знаемъ, за много лѣтъ до катастрофы, предсказывалъ печальный конецъ первой имперіи.

Когда Кинэ издалъ своего „Наполеона", онъ уже успѣлъ составить себѣ литературное имя и былъ очень популяренъ между молодежью. Понятно, что она съ жадностью читала поэтическое произведеніе своего любимца и вѣрила ему на слово. Его герой Бонапартъ сталъ героемъ всей молодежи. Въ одинъ тонъ съ Кинэ пѣли Викторъ Гюго, Беранже, Лоранъ де-л'Ардешъ и Тьеръ. Эти талантливые писатели, вмѣстѣ съ Кинэ приготовили возстановленіе второй имперіи. Впослѣдствіи Кинэ сознавалъ свою ошибку и громко въ ней покаялся. Наполеонъ-президентъ охотно сдѣлалъ-бы его своимъ министромъ, но онъ отказался; Наполеонъ-императоръ изгналъ его изъ Франціи.

Да, великій грѣхъ совершилъ Кинэ, издавъ своего „Наполеона". Изъ пяти милліардовъ, которые Франція заплатила нѣмцамъ, много милліоновъ легли на душу Кинэ, своимъ „Наполеономъ" подготовившаго успѣхъ Наполеону III. Много деревень въ Эльзасѣ и Лотарингіи пошли въ уплату за изысканные александрійскіе стихи „Наполеона".

Въ литературномъ отношеніи „Наполеонъ" одно изъ слабѣйшихъ произведеній Кинэ. Теперь оно совершенно устарѣло и его почти невозможно читать. Нѣкоторые стихи прос-

то чудовищны. Можно подумать, что Кинэ нарочно употреблялъ ихъ, имѣя въ виду обезобразить какъ лица своего произведенія, такъ и событія. Полнѣйшее отсутствіе мѣры; точно онъ показываетъ намъ своихъ героевъ черезъ посеребренный шаръ, обыкновенно помѣщаемый въ садахъ на дачахъ для украшенія. Когда вы смотрите на этотъ шаръ, подойдя къ нему близко, вы видите свое лицо сплюснутымъ, широкимъ, обезображеннымъ. Въ такомъ видѣ представляются герои поэмы Кинэ. Есть, конечно, много людей, которыхъ забавляетъ это обезображиваніе и они хохочутъ отъ души. Но, по всей вѣроятности, и имъ подобныя карикатуры, изображенныя въ 24-хъ пѣсняхъ эпической поэмы, покажутся слишкомъ монотонными. Хуже всего то, что на каждомъ шагу приходится встрѣчать всѣмъ хорошо извѣстныя имена: Аркола, Риволи, Маренго, Аустерлицъ, Іена, Москва, Лейпцигъ, Шампоберъ, Монмираль, Парижъ, Ватерлоо, Фонтенебло, св. Елена... Эти имена напоминаютъ историческія событія, съ которыми, какъ думаетъ читатель, онъ давно уже знакомъ. Къ своему удивленію, читатель встрѣчаетъ въ эпопеѣ совсѣмъ не тотъ взглядъ на эти событія, къ которому онъ привыкъ, и невольно спрашиваетъ себя, не находится-ли онъ подъ вліяніемъ кошмара. Припоминается ему тогда, что существовалъ на свѣтѣ Фаустинъ I, владѣтель Гаити, который старался воспроизвести своей особой знаменитаго французскаго императора. Онъ началъ съ того, что всѣмъ своимъ генераламъ далъ имена наполеоновскихъ генераловъ: Ней, Массена и пр. Припомнивъ эти факты, читатель спрашиваетъ себя: ужь не ошибаюсь-ли я? Я полагалъ, что поэтъ Кинэ описываетъ Наполеона I французскаго, а онъ, можетъ быть, изображаетъ намъ Наполеона I сулукскаго.

III.

Въ 1839 году Кинэ издалъ книгу „Германія и Италія", въ которой поэтической прозой разсказываетъ о своемъ путешествіи по этимъ странамъ. Вскорѣ послѣ этого онъ былъ назначенъ професоромъ иностранной литературы въ ліонскій университетъ. Ему тогда было 36 лѣтъ отъ роду и во Франціи изъ числа современныхъ професоровъ не было болѣе способнаго человѣка для занятія этой кафедры. Первыя свои лекціи онъ издалъ особой книгой, озаглавивъ ее: „Unité morale des Peuples Modernes"". Эта книга была его торжествомъ. Студенты сдѣлали ему овацію. Съ этого времени между нимъ и студентами утвердилась тѣсная связь, взаимная любовь и уваженіе. Кинэ почувствовалъ свою силу и съ своей кафедры сталъ обращаться къ цѣлой націи. Онъ издалъ извѣстную брошюру: „Предостереженіе странѣ"; затѣмъ другую, энергическую и рѣшительную, въ смыслѣ воинственной политики Тьера: „1815 и 1840 годы". Благодаря постоянно возраставшей популярности, онъ сталъ силой, и правительство захотѣло привлечь его на свою сторону. Въ 1842 году Гизо открылъ въ College de France собственно для Кинэ кафедру языковъ и литературы южной Европы. Кинэ встрѣтился здѣсь съ Мишле и между ними завязалась дружба. Знаменитый авторъ „Исторіи Франціи" имѣлъ чрезвычайно здоровое и благотворное вліяніе на Кинэ. До тѣхъ поръ Кинэ, безспорно имѣвшій самыя благія намѣренія, производилъ вещи хорошія, но въ нихъ чего-то недоставало; много было словъ, и хорошихъ словъ, но содержанія мало. Его тогдашнія произведенія походили, напримѣръ, на извѣстную „Исторію Испаніи", написанную Кастеляромъ: въ ней прекрасный слогъ, но вся она наполнена общими мѣстами, либеральнаго и спиритуалистическаго характера. До знакомства съ Мишле, Эдгаръ Кинэ беззаботно наигрывалъ себѣ на лирѣ и гитарѣ; знаме-

нитый историкъ далъ ему лопату въ руки, и дружески посовѣтовалъ порыться, и поглубже, въ реальномъ историческомъ матеріялѣ. Мишле объяснилъ ему, что существуетъ французскій народъ; до тѣхъ поръ Кинэ видѣлъ только одну буржуазію. Мишле показалъ ему папство; Кинэ былъ знакомъ только съ эленизмомъ. Мишле развернулъ передъ нимъ изнанку исторіи; Кинэ обращался только съ ея казовымъ концомъ, съ политической поверхностью и съ артистической наружностью. Сдѣлавшись товарищемъ Мишле, Кинэ въ то-же время сталъ его лучшимъ и блестящимъ ученикомъ. До счастливой для него дружбы съ Мишле, Кинэ былъ новичкомъ, ученикомъ; благодаря ей, онъ самъ становился однимъ изъ самыхъ замѣтныхъ учителей.

Въ началѣ своего знакомства съ Мишле, Кинэ издалъ „Genie des Religions", въ которой онъ великолѣпнымъ языкомъ передалъ замѣтки, сдѣланныя имъ въ то время, какъ онъ слушалъ лекціи Крейцера; эта книга впрочемъ, слишкомъ переполнена философскими терминами. Вслѣдъ за ней появились: „Происхожденіе боговъ" и критика на сочиненіе Страуса „Жизнь Христа". Оба эти произведенія Кинэ скорѣе нарисовалъ, чѣмъ написалъ.

Совершенно иное значеніе и силу имѣютъ его произведенія, написанныя послѣ того, какъ укрѣпилась его дружба съ Мишле. Къ этой эпохѣ относятся: „Іезуиты", написанное въ сотрудничествѣ съ Мишле; „Ультрамонтанство"; „Объ инквизиціи и тайныхъ обществахъ въ Испаніи"; „Христіанство и французская революція". Кинэ понялъ и осмѣлился сказать то, что папа подтвердилъ впослѣдствіи „силабусомъ",—что между католицизмомъ и прогресомъ, между духомъ среднихъ вѣковъ и духомъ новаго времени нѣтъ точекъ соприкосновенія, а существуетъ постоянный разладъ. Оба друга, съ патріотическимъ увлеченіемъ, старались раскрыть глаза своимъ соотечественникамъ, преимущественно управляющей буржуазіи; они указывали ей на козни іезуитовъ, на то вредное вліяніе, какое имѣютъ іезуиты на женщину и семью. Но предостереженія двухъ свѣтлыхъ умовъ казались преувеличен-

ными беззаботной буржуазіи и она отвѣчала имъ: „Господа, вы преувеличиваете опасность, тѣмъ болѣе, что явныхъ іезуитовъ у насъ совсѣмъ нѣтъ, такъ-какъ французскіе законы запрещаютъ имъ жить во Франціи. Конечно, у насъ существуютъ дурные патеры, но есть много и очень хорошихъ"...

И, какъ-бы въ доказательство того, что ультрамонтанство и іезуитство не оказываютъ никакого вліянія, Мишле и Кинэ были уволены отъ службы приказомъ, подписаннымъ кальвинистомъ Гизо.

Парламентская оппозиція протестовала противъ этого увольненія; въ латинскомъ кварталѣ была сдѣлана демонстрація, но Гизо не перемѣнилъ своего рѣшенія.

Получивъ увольненіе Кинэ отправился путешествовать за Пиренеи; возвратившись во Францію онъ издалъ книгу: „Mes vacances en Espágne", которая значительно превышаетъ своими достоинствами его „Германію и Италію". Правда, и здѣсь еще онъ не отсталъ отъ прежней слабости: прикрашивать стиль; здѣсь еще отведено много мѣста общимъ разсужденіямъ и менѣе, чѣмъ слѣдовало-бы, фактамъ. Но, надо сказать, что въ то время къ подобнымъ произведеніямъ относились не такъ строго, какъ теперь, и требовали отъ нихъ гораздо меньше. Французы, вообще невѣжды въ географіи другихъ странъ, нашли въ книгѣ Кинэ много для себя новаго и прославили автора смѣлымъ и добросовѣстнымъ изслѣдователемъ иберійскаго полуострова.

Во время отсутствія Кинэ, его родному городу, Бургу, пришлось замѣстить вакансію выбывшаго депутата. Мѣстные избиратели, желая вознаградить своего знаменитаго земляка за потерю кафедры, избрали его депутатомъ въ палату. Кинэ сѣлъ на скамьи оппозиціи. Въ палатѣ онъ рѣзко нападалъ на внутреннюю политику Гизо. Первый министръ іюльской монархіи, вѣроятно, не разъ пожалѣлъ, что, лишивъ Кинэ кафедры, привелъ его въ палату.

IV.

Въ февралѣ 1848 года Кинэ присталъ къ революціонному движенію и высказалъ такое мужество, что буржуазія квартала, гдѣ онъ проживалъ, избрала его полковникомъ одиннадцатаго легіона національной гвардіи. Кинэ былъ очень обрадованъ этимъ назначеніемъ. Онъ пригласилъ сержанта линейныхъ войскъ и подъ его руководствомъ изучилъ всѣ тонкости военнаго артикула. Интересно было видѣть его въ ту минуту, какъ онъ бралъ уроки у своего учителя, какъ онъ маршировалъ отъ комода къ дивану и обратно, какъ онъ вскидывалъ ружье на плечо, дѣлалъ на-караулъ и пр. Еще любопытнѣе было смотрѣть, какъ онъ, научившись артикульной премудрости, сталъ самъ учить своихъ солдатъ. Немногіе генералы, отличившіеся въ бою, съ такой гордостью вынимали изъ ноженъ свою шпагу и, стоя впереди фронта своихъ солдатъ, яснымъ и звучнымъ голосомъ произносили команду.

Во время іюньскихъ дней Кинэ явился сторонникомъ буржуазіи; его легіонъ разрушалъ барикады, воздвигнутыя возставшими рабочими. Кинэ принадлежалъ къ той части республиканской партіи, которая требовала политическихъ реформъ, экономическія-же реформы совершенно игнорировала. Въ это время Кинэ сильно нападалъ на соціалистовъ, называя ихъ партіей, невидящей ничего дальше удовлетворенія матеріяльныхъ потребностей. Въ экономическихъ вопросахъ онъ признавалъ только одинъ принципъ: „laisser faire, laisser passer“ и возставалъ на соціалистовъ болѣе всего за то, что они требовали правительственнаго вмѣшательства по вопросамъ объ установленіи болѣе правильныхъ отношеній между хозяевами и рабочими, объ организаціи труда и пр.

Въ это время ближайшими совѣтниками и пріятелями Кинэ были: дипломатъ Убриль и Ней, получившій извѣстность потому, что Люи-Наполеонъ Бонапартъ написалъ ему письмо,

въ которомъ излагалъ свои убѣжденія, а также и потому, что онъ былъ братомъ знаменитой герцогини Персиньи. Оба они имѣли несомнѣнное вліяніе на Кинэ, который, получая со всѣхъ сторонъ знаки величайшаго уваженія и поклоненія, увѣровалъ въ то, что онъ великій человѣкъ. Если поразмыслить хорошенько, трудно обвинить его въ суетности и тщеславіи. Кинэ былъ дѣйствительно человѣкъ высоко-талантливый и какъ разнообразна была его дѣятельность! Професоръ въ „College de France“, гдѣ онъ снова занялъ кафедру послѣ побѣды революціи, и былъ встрѣченъ съ энтузіазмомъ своими слушателями. Законодатель и государственный человѣкъ; онъ былъ выбранъ въ конституціонное собраніе единогласно избирателями своего округа. Замѣчательный лингвистъ, талантливый литераторъ, извѣстный путешественникъ, философъ, теологъ, артистъ, археологъ, блистательный историкъ, обладающій необыкновенной эрудиціей, полковникъ національной гвардіи, достигшій этого поста своимъ мужествомъ. И всему этому онъ былъ обязанъ не проискамъ, не протекціи, а самому себѣ; всего этого онъ достигъ силой своего таланта и знаніями. Ему извинительно было выказывать нѣкоторое тщеславіе, тѣмъ болѣе, что онъ при всякихъ обстоятельствахъ оставался вполнѣ искреннимъ, вполнѣ честнымъ человѣкомъ. Онъ не желалъ и никогда не дѣлалъ никому зла; онъ самъ никому не завидовалъ и не возбуждалъ къ себѣ зависти. Его нельзя было не любить; онъ такъ обаятельно дѣйствовалъ даже на своихъ враговъ, что они никогда не питали къ нему злобы. Если Кинэ позировалъ иногда передъ публикой въ качествѣ великаго человѣка, то и въ этомъ случаѣ онъ не рисовался; въ такой-же позѣ онъ являлся и передъ собственнымъ сознаніемъ; онъ былъ убѣжденъ въ своихъ достоинствахъ; онъ уважалъ самого себя и это нельзя не признать достоинствомъ, онъ вѣрилъ въ себя, а это признакъ силы. Гордость убила многихъ героевъ; тщеславіе погубило многихъ великихъ людей. Кинэ спасся отъ паденія и гибели своею честностью и искренностью. Чистосердечіе было его добрымъ геніемъ.

Какъ въ конституціонномъ, такъ и въ законодательномъ собраніяхъ Кинэ, конечно, дѣлалъ ошибки, но онъ всегда дѣйствовалъ, какъ искренній другъ свободы. Если въ конституціонномъ собраніи онъ не всегда, какъ говорится, стоялъ на высотѣ событій, за то въ законодательномъ собраніи онъ высказалъ замѣчательную энергію и проницательность, когда разоблачалъ планы фузіонистовъ, интриги клерикаловъ и лицемѣріе партіи, сгрупировавшейся вокругъ принца-президента. Кинэ указывалъ странѣ на грозящія ей опасности не только въ рѣчахъ, произносимыхъ въ палатѣ, но также и въ трехъ замѣчательныхъ брошюрахъ: „Пересмотръ конституціи", „Осадное положеніе", „Австрійскій, неаполитанскій, испанскій и французскій походъ противъ римской республики..." Къ сожалѣнію, французская буржуазія была поражена слѣпотой; ее такъ напугали соціалисты, что она готова была броситься въ объятія всякаго честолюбца, только-бы онъ обѣщалъ ей сохранить неприкосновенными ея привилегіи. Въ послѣдней рѣчи своей въ собраніи, Кинэ предсказывалъ, что скоро совершится государственный переворотъ, если не будутъ приняты дѣйствительныя мѣры противъ бонапартистской клики. На это предостереженіе тоже не было обращено никакого вниманія. „По крайней мѣрѣ, я исполнилъ свой долгъ"! сказалъ Кинэ послѣ того, какъ его рѣчь была встрѣчена съ недовѣріемъ.

Совершители государственнаго переворота, не могли разумѣется чувствовать къ Кинэ никакой симпатіи. Они ненавидѣли его уже потому, что раньше онъ отказался отъ лестныхъ предложеній, ему сдѣланныхъ: взять министерскій портфель въ одномъ изъ кабинетовъ, составлявшихся во время управленія принца-президента. 9 января 1852 г. былъ изданъ декретъ объ изгнаніи нѣсколькихъ человѣкъ изъ Франціи; въ числѣ ихъ былъ Кинэ.

Кинэ гордо удалился въ изгнаніе и поселился въ Швейцаріи. Вмѣстѣ съ Викторомъ Гюго онъ безпрестанно протестовалъ противъ совершившагося государственнаго переворота. Онъ не уставалъ указывать Франціи на ея заблужденія. Онъ

не прощалъ ни Наполеону, ни его помощникамъ ни одного промаха и постоянно твердилъ, что нельзя безнаказанно нарушать право, что возмездіе должно послѣдовать рано или поздно и что совершителямъ насилія придется самимъ испытать горечь изгнанія. Ни Кинэ, ни Гюго не воспользовались амнистіями 1859 и 1869 годовъ. Они объявили, что до тѣхъ поръ останутся въ изгнаніи, пока власть находится въ рукахъ Наполеона III. Почти всѣ другіе изгнанники воротились во Францію и сдѣлали хорошо. Кинэ и Гюго остались на чужбинѣ и тоже поступили хорошо. И тѣ, и другіе были правы съ своей точки зрѣнія.

V.

Находясь въ изгнаніи, живя въ уединеніи, Кинэ возвратился къ плану, который онъ лелѣялъ еще во времена своей юности: дать Франціи истинную эпопею. Съ этой цѣлью онъ написалъ большую поэму въ прозѣ: „Чародѣй Мерленъ".

Написать подобное произведеніе могъ только такой человѣкъ, какъ Кинэ, соединявшій въ себѣ историческую и философскую эрудицію съ поэтическимъ и романическимъ талантомъ. „Мерленъ" представляетъ собою сложное олицетвореніе: характера кельтической расы, французской націи и новѣйшей гуманности, опирающейся на идеяхъ справедливости и свободы. Для выраженія двойственнаго характера новаго міра, вышедшаго изъ стараго, Кинэ воспользовался народной легендой о Мерленѣ, составляющемъ нѣкоторое подобіе съ антихристомъ, какъ его представляетъ себѣ французскій народъ по испорченному преданію, полученному въ наслѣдіе отъ среднихъ вѣковъ. Мерленъ родился отъ дѣвушки, которая забеременѣла отъ сна, навѣяннаго на нее дьяволомъ. Мать хотѣла сдѣлать изъ него монаха; отецъ подготовлялъ ему какую-то практическую дѣятельность. Мерленъ не пошелъ ни по той, ни по другой дорогѣ; онъ захотѣлъ сдѣ-

латься чародѣемъ и отправился изучать 25,000 правилъ бѣлой магіи къ Талезину, послѣднему представителю друидской науки, т. е. кельтической расы, которой наслѣдовали теперешніе французы.

Но всѣ рецепты, извлеченные Мерленомъ изъ волшебной книги, оказывались безсильными; всѣ тайны бѣлой магіи оставались пустой мистификаціей, пока они долженствовали служить только для удовлетворенія суетной гордыни, потому что наука для одной науки безплодна. Только послѣ встрѣчи съ Вивіаной, Мерленъ получилъ чародѣйскую способность. Вивіана—восхитительная дѣвушка, быстроногая охотница, нѣчто въ родѣ Діаны. Полюбивъ Вивіану, Мерленъ полюбилъ женщину, природу и красоту. Любуясь глазами Вивіаны „фіолетоваго цвѣта полей“, чувствуя смерть и возрожденіе, Мерленъ получилъ способность очаровывать другихъ, потому что самъ былъ очарованъ.

Очарованія юности и любви! Читатель или читательница, если вы не были любимы, закройте книгу Кинэ: она писана не для васъ. Если-же вы были любимы, вспомните часы, проведенные съ *нею*, или съ *нимъ*, когда вы были одни, на свободѣ, въ огромномъ лѣсу. Одни! Нѣтъ, вы были окружены множествомъ существъ, смотрѣвшихъ на васъ съ любовію. Вамъ казалось, что вы слышите шопотъ бѣлаго или краснаго шиповника, освѣщенныхъ солнечными лучами, которые играли съ ними и ласкали ихъ. Вамъ казался понятнымъ языкъ цвѣтовъ, состоящій изъ игры оттѣнковъ цвѣта и запаха. Припомните, что говорили вамъ эти лѣсныя розы, наивныя и цѣломудренно-сладострастныя. Припомните разговоры маргаритокъ, лилій, меланхолическихъ анемоновъ, скабіозъ и другихъ цвѣтовъ...

Такой-то шопотъ, такія рѣчи слышали Мерленъ и Вивіана, сидя вдвоемъ въ цвѣтущемъ саду. Мерленъ, однакожъ, не отдался совершенно праздности въ саду новой Армиды. Юный чародѣй и восхитительная фея получили могучій даръ очаровывать и дѣлать чудеса не за эгоистическую любовь вдвоемъ, но за то самопожертвованіе, которое должно было по-

будитъ ихъ добиваться осуществленія высокаго идеала золотого вѣка: всемірнаго братства. Они задумали создать городъ Будущаго. Вивіана выбрала для него то мѣсто, на которомъ былъ построенъ городокъ Лютеція. Описаніе происхожденія Парижа одно изъ самыхъ лучшихъ мѣстъ въ поэмѣ Кинэ. Мерленъ поселилъ въ Парижѣ: благороднаго Артуса, короля Справедливости, его супругу бѣлокурую Женьевру, затѣмъ златокудрую Изельту, Гоэля бретонскаго, Тристана леонскаго и всю ихъ свиту, состоящую изъ бароновъ и рыцарей.

На развалинахъ стараго міра Мерленъ основалъ рыцарство, которое представляло собою идеалъ индивидуальной свободы; рыцарь преклонялся только передъ Богомъ и дамой своего сердца; обязанъ былъ нѣкоторой подчиненностью только своему императору или королю, которые были первыми изъ рыцарей. Рыцарь защищалъ вдову и сироту, сражался съ чудовищами, совершалъ массу подвиговъ, о которыхъ мечталъ бѣдный дон-Кихотъ, явившійся слишкомъ поздно, какъ нѣкоторые являются слишкомъ рано.

Фантастическая и идеальная сторона рыцарства въ поэмѣ Кинэ очерчены съ изумительнымъ мастерствомъ. Читая, чувствуешь, что авторъ влюбленъ въ свой сюжетъ. Кинэ, вмѣстѣ съ Мишле и Викторомъ Гюго, водворили во Франціи и затѣмъ въ Европѣ вкусъ къ готическому искуству, къ его фантастическимъ и страннымъ созданіямъ, иногда трогательнымъ, но чаще грубымъ.

Чары Мерлена въ созданномъ имъ городѣ дѣйствовали не долго. Короли и сильные міра не сдержали клятвы, данной ими Мерлену—любить подчиненный имъ народъ такъ, какъ Мерленъ любитъ Вивіану. Оказалось, что романтическое время, которымъ мы восхищались и которое брали себѣ въ образецъ заключало въ себѣ всѣ признаки упадка и разложенія. Оно сопровождалось кровью, убійствами, измѣною, подлостями, преступленіями, чумой, голодомъ, безконечными войнами. Рыцарство было обольстительно только по наружности. Мужественный рыцарь часто ничѣмъ не отличался отъ разбойника, грабящаго по большимъ дорогамъ. Католицизмъ

пріобрѣталъ все большее и большее значеніе; онъ обратился въ учрежденіе свѣтское; папа захотѣлъ сдѣлаться государемъ цѣлаго міра и едва не сдѣлался имъ, когда римскіе императоры приходили вымаливать на колѣняхъ прощенія у него. Папа сжигалъ на кострѣ великихъ борцовъ за свободу мысли, какъ Гуссъ и Арнольдъ брешіанскій. Мало-по-малу водворился густой мракъ и надъ средними вѣками встала постоянная полярная ночь, освѣщаемая изрѣдка фосфорическимъ свѣтомъ сѣвернаго сіянія, проблески котораго были послѣдними вздохами греко-романскаго міра...

Между тѣмъ Мерленъ лишился пріобрѣтенной имъ силы очарованія. Почему-же онъ потерялъ ее? Въ одинъ несчастный день онъ поссорился съ своею нѣжно любимою Вивіаною. За что? Неизвѣстно. Можетъ быть, прелестная Вивіана была слишкомъ недоступна, Мерленъ былъ слишкомъ гордъ и несговорчивъ. Какъ-бы тамъ ни было, но нагубное слово: „разстанемся“ было произнесено и они разстались, чтобы жить въ горѣ и слезахъ.

Мерленъ переходилъ изъ одной страны въ другую, отыскивая свою исчезнувшую подругу Вивіану. Онъ доходилъ даже до таинственной страны, лежащей въ вѣчныхъ снѣгахъ, выше ледниковъ Альпъ. Въ этой странѣ, служащей какъ-бы преддверіемъ рая, гдѣ царитъ вѣчное спокойствіе, онъ видѣлъ души, которыя ожидали здѣсь той поры, когда имъ суждено вселиться во вновь народившіяся человѣческія существа. Передъ Мерленомъ развертывалось будущее и онъ могъ видѣть, что суждено совершить этимъ душамъ. Наконецъ, онъ сходилъ въ адъ, гдѣ негодяй его отецъ, низкій сатана, хотѣлъ, воспользовавшись его горестью, соблазнить его и заставить совершить самые неблаговидные поступки.

Въ своемъ несчастіи Мерленъ имѣлъ одно утѣшеніе: бесѣду съ Жакомъ Бономомъ, котораго онъ случайно встрѣтилъ Жакъ Бономъ изображаетъ собою типъ французскаго простого народа, имѣющій сходство съ подобнымъ-же типомъ другихъ націй. Жакъ наивенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ хитеръ; зубоскалъ, попадающійся въ просакъ; то трусъ, то удивительный храб-

рецъ; то разсуждающій здраво, то поражающій своей непроходимой тупостью. Таковъ былъ товарищъ Мерлена, иногда преданный до самозабвенія, иногда-же низко неблагодарный, съ которымъ онъ отправился въ дальнѣйшій путь, отыскивая Вивіану. Оба они вмѣстѣ представляли собою нѣчто похожее на дон-Кихота, сопровождаемаго своимъ вѣрнымъ оруженосцемъ Санхо Панчею.

Всякій разъ, какъ Мерленъ встрѣчалъ дѣвушку, нѣсколько похожую характеромъ или наружностью съ Вивіаной, онъ влюблялся въ нее, чтя въ ней память о своей обожаемой подругѣ. Въ этихъ случаяхъ прекрасная Вивіана сильно ревновала его къ своимъ соперницамъ. Въ Италіи Мерленъ встрѣтилъ Неллу, влюбился въ нее и построилъ для нея Буцентавра, церковь св. Марка, Ріальто, однимъ словомъ, Венецію. Онъ спасъ жизнь прелестной гречанкѣ Мариннѣ. Онъ просвѣтилъ андалузянку Долоресъ и выказалъ ей много любви, что не помѣшало ей вскорѣ измѣнить своему учителю, страстно влюбившись въ дон-Жуана де-Теноріо.

Мерленъ посѣтилъ византійскую имперію, бывшую въ это время въ полномъ упадкѣ. Было очевидно, что это могущественное государство уже разлагается: софизмъ замѣнилъ истину, религіозность обратилась въ лицемѣріе; вездѣ низость, коварство, измѣна, недостойное раболѣпіе, ложь. На всемъ лежалъ отпечатокъ порчи и гнили.

Но вслѣдъ за этой картиной разложенія государственнаго организма, умъ отдыхаетъ на описаніи фантастическаго монаха Жана, обитающаго въ Абиссиніи. Этотъ наивный проповѣдникъ христіанства первыхъ вѣковъ, постоянно говорящій о Богѣ милосердомъ, прощающемъ людямъ ихъ слабости, описанъ поразительно хорошо. Мерленъ тѣмъ съ большимъ увлеченіемъ слушалъ проповѣдь кроткаго Жана, полную любви къ ближнему и вѣротерпимости, что онъ очень недавно вырвался изъ когтей римской клерикальной юстиціи, которая морила его въ тюрьмѣ, мучила пытками и намѣревалась сжечь его живого, какъ еретика и злого колдуна. Въ это тяжелое для него время Мерленъ былъ покинутъ всѣми, даже

Жакомъ Бономомъ и если онъ не погибъ на кострѣ, подобно Жаннѣ д'Аркъ, Ванини, Саванаролѣ и альбигойцамъ, то этимъ обязанъ только тому, что олицетворялъ собою геній человѣчества.

Послѣ двѣнадцати-вѣкового мрака среднихъ вѣковъ взошла заря Возрожденія. Мерленъ и Вивіана наконецъ снова соединились. Въ этотъ счастливый день геній человѣка снова приблизился къ природѣ, отъ которой было отступился. Онъ возобновилъ свои сношенія съ греческимъ міромъ, сталъ изучать Гомера и Платона; пересталъ отворачиваться отъ изящныхъ произведеній искуства, наполнявшихъ Парфенонъ.

Возрожденіе пустило свои корни; съ нимъ рядомъ шла Реформа, выражающая собой прогрессъ Сѣвера, въ то время, какъ сама она была вдохновеніемъ Юга. Реформа, однакожъ, достигла только половинныхъ результатовъ: прошедшее было разбито, рыцарство исчезло, феодализмъ потерпѣлъ жестокое пораженіе, король Артусъ былъ въ послѣдней агоніи; короля Справедливости погубили преступленіяего правительства; но послѣ нѣсколькихъ лѣтъ героическихъ усилій къ полной эмансипаціи отъ преградъ, останавливавшихъ его развитіе, человѣческій умъ подпалъ подъ сдавливавшій контроль инквизиціи и снова сталъ водворяться мракъ. Тогда, изъ опасенія опять потерять своего возлюбленнаго, Вивіана заперла Мерлена въ гробницу вмѣстѣ съ погрузившимся въ летаргію Артусомъ.

Героическія усилія къ возрожденію не пропали даромъ. Хотя снова наступила зима, но корни, окрѣпшіе осенью, продолжали свою работу произростанія подъ землей, покрытой снѣжной пеленой. Запертые въ гробницѣ Вивіана и Мерленъ продолжали любить другъ друга, подобно Ромео и Джульетѣ, Элоизѣ и Абеляру. Тамъ они произвели дитя подъ именемъ „Первая французская революція". Дитя выходило на свѣтъ, но родители все еще остаются въ гробницѣ. Кинэ увѣряетъ насъ, что придетъ время когда и они, веселые и радостные, выйдутъ изъ своей добровольной тюрьмы; они выйдутъ только тогда, когда человѣчество пойметъ, на-

конецъ, что его спасеніе заключается во всеобщемъ братствѣ людей, въ мирѣ и взаимномъ содѣйствіи другъ другу. Тогда самъ ужасный злодѣй Сатана покается... Геберская легенда утверждаетъ, что въ концѣ вѣковъ злой Ариманъ преобразится посредствомъ огня и перейдетъ въ доброе начало.

Эта пѣснь о Мерленѣ, очень интересная для поэта, философа и психолога, не можетъ дѣйствовать обаятельно на публику въ широкомъ значеніи этого слова. Публикѣ нѣтъ охоты возиться съ многочисленными символами, которые не легко переводить на обыкновенный языкъ; у нея нѣтъ времени отгадывать загадки, которыми наполнена вся поэма. Поэтическій языкъ, котораго придерживался Кинэ до самой своей смерти, не особенно нравится въ нашу позитивную эпоху, требующую языка точнаго и не расплывчатаго. Теперь любятъ такой стиль, какимъ напримѣръ, пишетъ Рошфоръ: короткій, ѣдкій, саркастическій. Рошфоръ часто однимъ ловкимъ выраженіемъ забиваетъ противника. Наше тревожное время нуждается въ силѣ выраженія и ироніи; ему нечего дѣлать съ идилліями и весенними пѣснями.

Франція, пожалуй, съ благодарностію, но безъ всякаго увлеченія приняла новѣйшую эпическую поэму, которую Кинэ приподнесъ ей, какъ дорогой подарокъ.

VI.

Въ своемъ изгнаніи Кинэ также много работалъ надъ исторіей, которая была его истиннымъ призваніемъ.

Событія 1848—1851 годовъ внушили Кинэ желаніе найти въ исторіи человѣчества факты, аналогичные съ ними. Онъ написалъ „Итальянскія революціи,“ по мнѣнію многихъ критиковъ, лучшее изъ его произведеній. На нашъ взглядъ это дѣйствительно талантливое произведеніе Кинэ не заслуживаетъ такого предпочтенія предъ его другими историческими трудами. Въ обширномъ собраніи его сочиненій можно ука-

зать на нѣкоторыя произведенія, безспорно лучшія, чѣмъ „Итальянскія революціи". Съ большимъ талантомъ у него очерчена борьба между патриціями и плебеями во Флоренціи, окончившаяся тѣмъ, что плебеи пожрали патриціевъ и сами умерли отъ несваренія желудка, проглотивъ такую неудобоваримую пищу. Такой именно выводъ долженъ сдѣлать читатель изъ произведенія Кинэ.

Между тѣмъ наступила Крымская война, хотя совершители государственнаго переворота во Франціи не переставали утверждать, что „Имперія есть миръ". Но дѣло не въ томъ; во Франціи, подъ вліяніемъ воинственнаго настроенія, появилась куча писателей, изо всѣхъ силъ старавшихся доказать, что все совершившееся въ ихъ отечествѣ (т. е. государственный переворотъ) должно было совершиться, и потому оно законно и справедливо. Негодующій Кинэ протестовалъ противъ такого страннаго умозаключенія своей поэмой „Рабы," напечатанной въ Брюсселѣ, и „Письмами о французской исторіи," печатавшимися въ журналѣ „Revue des deux Mondes". Въ этихъ своихъ трудахъ онъ предлагалъ Франціи оглядѣться и не давать слѣпо свои голоса въ оправданіе дѣйствій людей, которые неминуемо приведутъ страну къ гибели и позору.

Въ это-же время онъ написалъ и издалъ книгу „Кампанія 1815 года", въ которой шагъ за шагомъ разбиваетъ наполеоновскую легенду. Онъ доказываетъ, что Наполеонъ I потерялъ сраженіе подъ Ватерлоо по своей собственной ошибкѣ, а не по ошибкѣ Нея или Груши, а тѣмъ болѣе не вслѣдствіе измѣны, какъ утверждаетъ бонапартистская легенда. Это произведеніе, написанное съ самымъ ледянымъ спокойствіемъ, чрезвычайно интересно съ психологической точки зрѣнія, такъ-какъ оно прочувствовано съ самой пылкой страстностію. Это припоминаетъ намъ легенду, по которой колдунья, обладающая тайнами черной магіи, даетъ слѣдующій совѣтъ ревнивой женѣ:

„Ночью, при полнѣйшей темнотѣ въ комнатѣ, когда вашъ мужъ заснетъ, ласкайте его нѣжно рукою его умершей любовницы. Прикосновеніе холодныхъ пальцевъ зажгетъ въ его

венахъ огонь, который его пожретъ, и лихорадку, отъ которой онъ лопнетъ".

Что касается извѣстнаго сочиненія Кинэ „Революція", то даже его лучшіе друзья согласны въ томъ, что знаменитый писатель лучше-бы сдѣлалъ, если-бы совсѣмъ не выпускалъ ее въ свѣтъ или, по крайней мѣрѣ, прежде сдѣлалъ въ ней многія исправленія и тогда уже отдалъ-бы ее на судъ публики. Въ этомъ произведеніи Кинэ много противорѣчій и недомолвокъ. Напримѣръ, отношеніе автора къ „Террору". Назвавъ его кровавымъ и сказавъ, что онъ былъ преступленіемъ, Кинэ считалъ свою задачу оконченной. Онъ какъ-будто не желалъ знать причинъ, обусловливавшихъ существованіе террора. Такое отношеніе къ важному историческому явленію непростительно со стороны талантливаго историка, обладавшаго громадной эрудиціей. Тѣмъ болѣе, что въ другихъ своихъ произведеніяхъ, напримѣръ, „Ультрамонтанство" и „Іезуиты", Кинэ отличается самымъ строгимъ анализомъ и не позволяетъ себѣ оставить необъясненнымъ ни одного болѣе или менѣе выдающагося факта.

Мы уже говорили въ началѣ статьи о лучшемъ, на нашъ взглядъ, произведеніи Кинэ „Histoire de mès Idées". Здѣсь прибавимъ только, что оно не вызвало противъ себя ни одного неблагопріятнаго критическаго отзыва. Напротивъ, всѣ рецензенты безусловно его расхваливали.

Въ концѣ своей литературной карьеры, Кинэ захотѣлъ дать своимъ символамъ и своимъ космическимъ теоріямъ научное основаніе. Это ему удалось какъ нельзя лучше. Сочиненіе его „De la Creation" принадлежитъ къ числу удачнѣйшихъ его произведеній. Вскорѣ послѣ появленія его въ свѣтъ оно было переведено на нѣмецкій языкъ знаменитымъ нѣмецкимъ геологомъ Бернгардомъ Коттою.

Франція изгнала Кинэ; Молдаво-Валахія его усыновила. Избранный румынскимъ гражданиномъ, Кинэ заплатилъ долгъ

признательности своимъ новымъ согражданамъ интересной книгой, посвященной румынской исторіи. Здѣсь будетъ кстати сказать, что Кинэ женился во второй разъ на румынкѣ, женщинѣ очень развитой, принадлежащей къ тѣмъ богатоодареннымъ нѣжнымъ организаціямъ, которые не рѣдко встрѣчаются въ смѣшанной румынской расѣ, принадлежавшей и востоку и западу, — расѣ, которая произошла отъ смѣшенія турокъ, славянъ, грековъ и римлянъ.

Первой женой Кинэ была сентиментальная, поэтическая красавица-нѣмка, дочь пастора, швабская Форнарина, нѣжная и меланхолическая, идеальная и лимфатическая.

VII.

Прекрасна и благородна была старость Кинэ. Къ неутомимому работнику мысли, къ герою знанія сходились массы людей за совѣтомъ. Въ скромной квартирѣ Кинэ постоянно бывали гости, преимущественно французы, приходившіе насладиться бесѣдой этого умнаго и честнаго человѣка. Въ его домикъ, стоящій на берегу озера Лемена въ Швейцаріи, входили не только люди, раздѣлявшіе убѣжденія Кинэ; его посѣщали всѣ извѣстные и замѣчательные ученые, хотя и не раздѣлявшіе политическихъ симпатій Кинэ, которымъ приходилось проѣзжать черезъ Швейцарію или путешествовать по ней.

Когда открылась въ Женевѣ первая сессія конгреса „Мира и Свободы“, Кинэ былъ избранъ президентомъ собранія. Онъ произнесъ краснорѣчивую, грандіозную рѣчь, но въ ней слышались грустныя и меланхолическія ноты; видно было, что онъ мало вѣрилъ, чтобы гуманныя затѣи, лежавшія въ основаніи работъ конгресса, могли осуществиться. Его утѣшало, однакожь, то, что вторая бонапартистская имперія, по всѣмъ признакамъ, начала уже склоняться къ паденію. Поя-

вились знаменія, что скоро должно наступить представленіе великой трагедіи съ страшной, кровавой развязкой...

Вторая имперія пала. Кинэ возвратился въ Парижъ. Онъ вдохновлялъ мужествомъ осажденныхъ парижанъ и самъ мужественно переносилъ страданія и лишенія. Онъ напечаталъ извѣстное воззваніе, въ которомъ, во имя братства всѣхъ народовъ, приглашалъ Германію заключить миръ съ французской республикой, не сдѣлавшей ей никакого зла.

Въ ноябрѣ 1870 года Кинэ былъ возстановленъ въ своемъ званіи професора „Collége de France".

Въ февралѣ 1871 года онъ былъ избранъ 200,000 голосовъ представителемъ департамента Сены. Онъ энергически протестовалъ противъ отдѣленія отъ Франціи Эльзаса и Лотарингіи, причемъ окончилъ свою рѣчь слѣдующими словами: „подъ маской мира намъ навязываютъ вѣчную войну".

Послѣ подписанія предварительныхъ условій мира въ Версали, Кинэ не вышелъ изъ палаты, но впродолженіи долгаго времени онъ не произнесъ тамъ ни одного слова. Онъ не рискнулъ взять на себя иниціативу предложенія о примиреніи съ возставшими парижанами; онъ молчалъ и въ то время, когда началось возмездіе и восторжествовавшее правительство казнило и ссылало мятежниковъ массами, Кинэ не вымолвилъ ни слова въ защиту побѣжденныхъ и не сдѣлалъ воззванія къ милосердію все по тѣмъ-же причинамъ, по которымъ онъ не возставалъ противъ рѣзни въ іюнѣ 1848 года; онъ не любилъ соціалистовъ, а главное, боялся, что ихъ возстаніе можетъ погубить республику, которая еще не установилась и имѣетъ массу враговъ. Вообще, какъ мы уже замѣтили раньше, Кинэ обращалъ очень мало вниманія на экономическіе вопросы и не сознавалъ ихъ важности. Но если ораторъ и законодатель молчалъ въ Кинэ, когда совершалась расправа съ Парижемъ, человѣкъ въ немъ говорилъ всегда. Какъ частный человѣкъ, Кинэ дѣлалъ все возможное для об-

легченія несчастной участи побѣжденныхъ. Онъ также не требовалъ кровавыхъ мѣръ, что въ тотъ моментъ раздраженія и разнузданности страстей, можно поставить ему въ большую заслугу. Онъ перевязалъ столько ранъ и отеръ столько слезъ, сколько могъ. Онъ не утѣшился до самого послѣдняго своего часа; онъ постоянно грустилъ и страдалъ, припоминая сколько крови было пролито, сколько ужасовъ было совершено въ это печальное время. Онъ имѣлъ нѣжное сердце и кроткій нравъ; какъ всѣ люди сильные, онъ любилъ дѣлать добро; какъ человѣкъ строгій къ самому себѣ, онъ былъ снисходителенъ къ другимъ.

Кинэ не былъ, можетъ быть, всѣмъ тѣмъ, чѣмъ мы желали-бы его видѣть, но онъ былъ великъ во многомъ; „онъ принадлежалъ, говоритъ о немъ Викторъ Гюго въ своемъ прощальномъ словѣ, — къ числу людей вполнѣ справедливыхъ, которые дѣлаютъ свободными цѣлые народы“.

VIII.

БЕЛЭ.

Революціонный задоръ Белэ. — Эксцентричный префектъ полиціи, Коссидьеръ.—Инсурекціонная экспедиція въ Бельгію, устроенная парижскимъ префектомъ.—Белэ и Делеклюзъ.—Характеръ Белэ.—Успѣхи Белэ.—Оппозиція второй имперіи.—Месть Рошфору.—Министерская дѣятельность Белэ.—Нападки на альманахи.—Компанія противъ газетъ.—Чтеніе газетъ дѣлаетъ жандарма неблагонамѣреннымъ въ глазахъ Белэ. — Мѣра противъ подозрительныхъ. — Гоненіе на фарандоль.—Гражданскія похороны.—Выходка Белэ въ отвѣтъ на запросъ объ осадномъ положеніи.—Отставка Белэ.

I.

Наименѣе популярнымъ и наиболѣе антипатичнымъ изъ всѣхъ министровъ „министерства борьбы", составленнаго герцогомъ Брольи 13 (25) мая 1873 года, былъ, безспорно, Белэ.

Наружность этого, уже умершаго, политическаго дѣятеля была крайне несимпатичная, вульгарная; онъ держался прямо, всегда былъ одѣтъ въ черное. Длинный, сухощавый, худой въ лицѣ, Белэ носилъ бакенбарды котлетами, что еще болѣе придавало его лицу непріятное выраженіе; губы у него были сжатыя, кожа на лицѣ желтая; взглядъ холодный, педантическій; каждымъ движеніемъ своимъ онъ какъ-бы желалъ показать, что онъ человѣкъ, обладающій громадными

талантами и вполнѣ достойный уваженія. Извѣстнаго рода меланхолическое высокомѣріе, которымъ онъ дарилъ каждаго, кто имѣлъ съ нимъ дѣло, показывало ясно, что Белэ былъ увѣренъ въ томъ, что никто его не понимаетъ и неблагодарное отечество не съумѣло вознаградить его по достоинству. Между тѣмъ отечество даже черезчуръ щедро вознаградило его, оно дало ему значеніе далеко не по заслугамъ. Вмѣсто того, чтобы совершенно отринуть его и оставить въ тѣни, какъ человѣка самаго зауряднаго, отечество постоянно расточало ему благосклонныя улыбки и награждало его весьма вѣскими матерьяльными выгодами. Белэ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ „кабинетѣ борьбы", т. е. располагалъ самымъ важнымъ портфелемъ. Въ то-же самое время онъ былъ членомъ института, членомъ литературной академіи, непремѣннымъ секретаремъ академіи художествъ и професоромъ археологіи. Занимая эти должности, онъ имѣлъ казенную квартиру и получалъ по каждой изъ нихъ весьма приличное жалованье. Сверхъ того, онъ засѣдалъ въ національномъ собраніи въ качествѣ представителя отъ департамента Мэны и Лауры, и, разумѣется, получалъ свое депутатское содержаніе. Кажется, и желать человѣку ужь было нечего, но Белэ всетаки продолжалъ считать, что его не оцѣнили по достоинству.

Белэ началъ свою политическую дѣятельность не въ той партіи, къ которой онъ принадлежалъ въ то время, какъ попалъ въ министры. Окончивъ отлично курсъ въ нормальной школѣ, онъ мечталъ получить кафедру, когда вспыхнула революція 1848 года. Белэ привѣтствовалъ ее съ энтузіазмомъ, который, по всей вѣроятности, въ то время былъ еще искреннимъ. Ему захотѣлось принять личное участіе въ революціонномъ движеніи и онъ бросился въ потокъ революціи съ такой энергіей и съ такой наивностью, какими всегда проявляется энтузіазмъ очень молодыхъ людей. Во главѣ правительства былъ поставленъ Ламартинъ, сложившій свою лиру, которую онъ еще недавно настраивалъ на хвалебный тонъ и сочинялъ торжественныя оды; теперь Ламартинъ явился

распорядителемъ судебъ юной республики. Но и въ своей административной дѣятельности Ламартинъ оставался поэтомъ; онъ только пересталъ писать оды и замѣнилъ ихъ лирическими излiянiями на греческiй образецъ. Уже съ самыхъ первыхъ шаговъ своихъ республиканская администрацiя, съ Ламартиномъ во главѣ, показала свою слабость и несостоятельность; но парижане, увлеченные первыми успѣхами революцiи, вѣрили, что республика окончательно установилась во Францiи и на столько сильна, что должна имѣть первенствующее значенiе въ средѣ европейскихъ государствъ. Пылкiя головы, которымъ и на мыслъ не приходило, что существуютъ международныя права и отношенiя, стали заявлять свои симпатiи Польшѣ и требовать войны съ Россiей, Австрiей и Пруссiей. Самымъ горячимъ ораторомъ въ этомъ духѣ былъ Белэ, изъ головы котораго еще не успѣли испариться выученныя имъ наизусть въ школѣ рѣчи Демосфена, и онъ сыпалъ цитатами изъ нихъ, упоминалъ имена греческихъ героевъ и ораторовъ, которыхъ многiе изъ его слушателей никогда и не слыхивали.

Во время этихъ ораторскихъ дебютовъ Белэ префектомъ парижской полицiи былъ Коссидьеръ, человѣкъ умный и съ характеромъ, но весьма безцеремонный при исполненiи своей офицiальной обязанности. По ночамъ, съ толпою веселыхъ товарищей, онъ посѣщалъ трактиры и увеселительныя заведенiя и кутилъ тамъ напропалую, а по утрамъ важно принималъ донесенiя отъ своихъ подчиненныхъ чиновниковъ о ночныхъ кутежахъ и безпорядкахъ въ этихъ заведенiяхъ. Вотъ этотъ самый Коссидьеръ, желая сдѣлать угодное Ламартину и Ледрю-Роллену, которымъ не нравилась вѣчная демонстрацiя въ пользу Польши, рѣшилъ, что лучше всего горячихъ ораторовъ отправить самихъ освобождать Польшу и производить революцiю въ Бельгiи. Подъ рукою онъ организовалъ изъ нихъ отрядъ, который вооружилъ старыми ружьями, добытыми изъ стараго арсенала, и заржавѣлыми саблями и пустилъ ихъ на всѣ четыре стороны. Въ Польшу,

конечно, идти имъ было невозможно; они отправились въ Бельгію.

Желая избѣжать непріятной переписки съ бельгійскимъ правительствомъ, хитрый Коссидьеръ сообщилъ брюссельскому префекту полиціи о готовящейся экспедиціи. Онъ пошелъ еще далѣе и такъ ловко подвелъ дѣло, что часть оружія экспедиціоннаго отряда была на одномъ ночлегѣ похищена неизвѣстными людьми, конечно, переодѣтыми полицейскими агентами, посланными самимъ Коссидьеромъ. На бельгійской границѣ инсурекціонный четырехсотенный отрядъ, состоявшій изъ рабочихъ и учениковъ, какъ французовъ, такъ и бельгійцевъ, былъ встрѣченъ королевскими войсками, имѣвшими пушки, хорошія ружья и неподмоченный порохъ, какъ у инсургентовъ. О серьезномъ сопротивленіи, конечно, нечего было и думать, но пылкіе инсургенты попытались сразиться и были обращены въ бѣгство. Черезъ часъ послѣ начала битвы командующій королевскими войсками донесъ королю Леопольду I, что при Муссеронѣ онъ разбилъ инсургентовъ и отбросилъ ихъ за французскую границу.

Такъ окончилась эта инсурекціонная экспедиція, въ которой принималъ дѣятельное участіе Белэ. Первая неудача, однакожъ, не охладила его совершенно. Въ качествѣ рѣшительнаго демократическаго оратора и краснаго республиканца, онъ предложилъ свои услуги префекту сѣвернаго департамента, Делеклюзу, другу Ледрю-Роллена. Белэ, конечно, предполагалъ, что республика окончательно утвердилась во Франціи, но онъ скоро убѣдился, что ошибался въ своихъ разсчетахъ: революціонный и республиканскій жаръ французской буржуазіи началъ уже остывать. Она стала опасаться, что дѣла зашли слишкомъ далеко, и, по своему обыкновенію, рѣшилась попридержать движеніе. Что-же дѣлалъ въ это время Белэ? Яростный демократъ и архи-радикальный ораторъ мало-по-малу смирился, стихъ и превратился въ самое скромное существо, заботящееся только о томъ, какъ-бы выйти здравымъ и невредимымъ изъ переполоха. Онъ пріютился въ Муленѣ, занявъ въ университетѣ кафедру реторики, и съ

этой минуты разошелся съ своей партіей. Белэ былъ командированъ во французскую школу въ Афинахъ; здѣсь онъ занялся изысканіями, результатомъ которыхъ явился отчетъ его о настоящемъ мѣстѣ Пропилей. Христофоръ Колумбъ открылъ Америку и былъ за это заключенъ въ тюрьму; молодой Белэ за открытіе Пропилей получилъ крестъ почетнаго легіона и доступъ въ институтъ и во всевозможныя академіи. Послѣ этого Белэ успѣвалъ все болѣе и болѣе.

II.

Было-бы несправедливо утверждать, что Белэ своими успѣхами одолженъ только угодливости и умѣнью найти себѣ протекцію. Нѣтъ, Белэ былъ человѣкъ талантливый, обладавшій большимъ запасомъ знаній. Онъ всегда былъ угодливъ въ мѣру, онъ льстилъ, когда было нужно, но, случалось, показывалъ зубы; онъ ловко умѣлъ говорить комплименты, но не менѣе ловко хулилъ, онъ даже кусался, — впрочемъ, только въ такомъ случаѣ, если это дѣйствіе не могло повлечь за собой для него серьезныхъ непріятностей. Онъ былъ слишкомъ уменъ для того, чтобы сдѣлать рѣзкій переходъ изъ одной партіи въ другую. Какъ замѣчательный стилистъ, онъ всегда чрезвычайно ловко умѣлъ обращаться съ письменнымъ и устнымъ словомъ. Такъ, онъ покинулъ партію Ледрю-Роллена безъ всякаго скандала. Въ первое время граница между прежними его политическими убѣжденіями и новыми была такъ тонка, что ее могли замѣтить развѣ только слишкомъ проницательные люди. Онъ постепенно, полегоньку, едва замѣтно отодвигалъ эту границу все ближе и ближе къ реакціи, но постоянно считался замѣчательнымъ и смѣлымъ либераломъ, даже и въ то время, когда онъ присоединился къ іезуитской реакціонной партіи, къ такъ-называемымъ либеральнымъ католикамъ.

Во время второй имперіи Белэ принадлежалъ къ академи-

ческой оппозиціи и прослылъ умнѣйшимъ и рѣшительнѣйшимъ изъ членовъ партіи. Не унижая нисколько умственныхъ качествъ Белэ, надо сознаться, что въ то время очень нетрудно было прослыть умнѣйшимъ человѣкомъ. Для этого требовалась извѣстная манера говорить: состроитъ человѣкъ серьезную мину, внушительно покачаетъ головой, сожметъ губы въ презрительную, ироническую улыбку, скажетъ эпиграму,—впрочемъ, отполированную на манеръ Фаллу или г-жи Свѣчиной, русской по происхожденію, (игравшей видную роль во французскихъ салонахъ во время второй имперіи)— и репутація „умнѣйшаго" человѣка готова, и все сен-жерменское предмѣстье начинаетъ гладить его по головкѣ. Белэ получилъ доступъ въ оппозиціонные салоны Оссонвиля, Перье и Паскье. Его остроты, его холодныя, но ловко отдѣланныя рѣчи противъ второй имперіи очень нравились герцогинямъ, маркизамъ и виконтесамъ и наивнѣйшія изъ нихъ твердили: „о, какъ это зло, какъ это сильно! Еще нѣсколько такихъ ударовъ—и вторая имперія рушится!" Успѣхи Белэ въ сен-жерменскомъ предмѣстіи дали ему протекцію г-жъ Ремюза и Гизо, которыя своимъ вліяніемъ доставили ему доступъ въ институтъ, а также мѣсто непремѣннаго секретаря въ академіи художествъ, которое онъ получилъ послѣ того, какъ его прославили героемъ либерализма, такъ-какъ въ дѣлѣ, въ то время занимавшемъ сен-жерменское предмѣстье, онъ оказался горячимъ сторонникомъ директора академіи, требовавшимъ реформъ въ академіи, которыя гг. академики считали слишкомъ радикальными. Вслѣдъ за этимъ Белэ сталъ читать публичныя лекціи изъ римской исторіи и этимъ еще болѣе усилилъ свое значеніе, какъ представителя оппозиціи. Онъ прочелъ лекцію объ Августѣ, Тиверіѣ и Неронѣ и дѣлалъ въ нихъ такіе прозрачные намеки, что его чтенія показались очень непріятными въ Тюльери. Въ свою очередь, и ему намекнули, что не желали-бы ихъ продолженія. Онъ не унялся и прочелъ лекцію объ императрицѣ Ливіи—и снова его обвиненіе дошло по адресу. Успѣхъ чтеній Белэ былъ поразительный; онъ быстро пріобрѣлъ популярность, даже и за

границами сен-жерменскаго предмѣстья. Въ аристократическихъ-же салонахъ его стали просто носить на рукахъ. Репутація рѣшительнаго противника второй имперіи утвердилась за нимъ окончательно. Но и его торжеству насталъ конецъ.

Явился Генрихъ Рошфоръ и смутилъ покой Белэ. Вооруженный только своимъ стальнымъ перомъ, не имѣя ни въ комъ изъ вліятельныхъ лицъ поддержки, Рошфоръ смѣло и рѣшительно напалъ на бонапартизмъ, на самого императора, императрицу, императорскаго принца, на толстаго Руэра, на худощаваго Пинара... Первые нумера его „Фонаря“ поразили всѣхъ и его популярность сразу затмила собою всѣ дешевыя популярности, какими пользовались люди, въ родѣ Белэ. Но никто изъ самихъ бонапартистовъ не бѣсился такъ на Рошфора, какъ прославленный представитель оппозиціи Белэ. Белэ никогда не могъ простить Рошфору; онъ возненавидѣлъ Рошфора за то, что тотъ своимъ „Фонаремъ“ заставилъ вѣтреную аристократическую публику забыть даже о самомъ существованіи своего недавняго любимца. И какъ только Белэ получилъ портфель министра внутреннихъ дѣлъ; его первой заботой было приказать, чтобы Рошфора немедленно отправили въ ссылку, хотя онъ отлично зналъ, что правительство Тьера задержало Рошфора во Франціи только въ виду его болѣзненнаго состоянія и еще потому, что перевозка въ колоніи грозила опасностью самой его жизни.

Эти факты достаточно опредѣляютъ характеръ Белэ, отличительными качествами котораго служатъ пронырство и изворотливость подъ маской исполнительности, интрига подъ прикрытіемъ принциповъ. Онъ обладалъ удивительнымъ искуствомъ заставить науку служить его собственнымъ интересамъ. Его хладнокровіе и умѣнье выходить изъ затруднительныхъ положеній по-истинѣ были изумительны. Коварству его не было границъ. Въ то самое время, когда онъ поддразнивалъ вторую имперію и изподтишка кусалъ ее, онъ имѣлъ смѣлость увѣрять императора Наполеона III въ своей преданности, въ своемъ глубокомъ уваженіи къ нему и его

правительству: „онъ только защищалъ академію художествъ отъ придирчивыхъ нападокъ администраціи... Но онъ никогда не затрогивалъ и не затронетъ просвѣщенное и справедливое правительство второй имперіи, и если въ этомъ его обвиняютъ, то это клевета его враговъ"... Наполеонъ показывалъ видъ, что вѣритъ ему, и послѣ изданія своей „Исторіи Юлія Цезаря" послалъ экземпляръ ея Белэ, какъ собрату по литературѣ. Польщенный этимъ вниманіемъ, Бэле написалъ императору письмо, въ которомъ, между прочимъ, говорилъ: „Чувства мои къ вашему величеству остаются неизмѣнными; они имѣютъ своимъ источникомъ глубокую преданность къ вамъ и признательность"...

Не удивительно, что Белэ обманывалъ императора Наполеона III, обмануть котораго было вовсе нетрудно, такъ-какъ его обманывали очень многіе. Несравненно удивительнѣе, что ему удалось обмануть и столкнуть директора академіи художествъ, Ньюкерке, человѣка очень ловкаго, который находился въ самыхъ интимныхъ сношеніяхъ съ принцесой Матильдой, тоже очень ловкой женщиной, надуть которую было нелегко. Мало того, что Белэ столкнулъ Ньюкерке съ директорства, онъ вошелъ въ милость къ принцесѣ Матильдѣ и сталъ однимъ изъ постоянныхъ и интимныхъ посѣтителей ея дворца.

III.

Обратимся теперь къ административной дѣятельности Белэ и посмотримъ, что совершилъ этотъ великій человѣкъ, когда въ его руки попалъ портфель министра внутреннихъ дѣлъ. По плодамъ нетрудно опредѣлить дерево, ихъ выростившее; по дѣламъ познается человѣкъ.

Выше мы сообщили, какимъ актомъ Белэ началъ свою министерскую дѣятельность. Послѣдующія его дѣйствія съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе усиливали его непопулярность, которая значительно превзошла непопулярность про-

чихъ его товарищей по „министерству борьбы“. Мы не намѣрены здѣсь дѣлать оцѣнку этого министерства. Исторія воздастъ ему должное. Мы-же ограничимся сообщеніемъ фактовъ, которые весьма краснорѣчиво говорятъ сами за себя. Начнемъ съ факта, въ сущности мелкаго, но который характеризуетъ Белэ такъ-же отлично, какъ и месть его Рошфору.

Въ одно изъ первыхъ засѣданій послѣ того, какъ Белэ занялъ министерскую скамью въ національномъ собраніи, къ нему подошелъ Пьеръ Лефранъ, республиканскій депутатъ департамента Пиренеевъ, по политическимъ убѣжденіямъ человѣкъ весьма умѣренный, и сказалъ ему:

— Г. министръ, моя дочь чрезъ нѣсколько дней выходитъ замужъ за X, подпрефекта въ Z. Вы крайне меня обяжете, если разрѣшите вашему подчиненному отпускъ на нѣсколько дней.

— Очень радъ, дорогой товарищъ, что X, подпрефектъ въ Z, женится на вашей дочери! Могу васъ увѣрить, что онъ непремѣнно получитъ желаемый отпускъ, потому что съ сегодняшняго дня я его увольняю отъ службы.

И, дѣйствительно, уволилъ. Съ самаго перваго дня своей министерской дѣятельности Белэ сталъ подписывать многочисленные приказы объ увольненіи префектовъ и подпрефектовъ и даже второстепенныхъ чиновниковъ префектуры. Остракизму подвергались не только искренніе республиканцы, которыхъ въ сущности было очень немного, но также умѣренные, люди безъ всякихъ политическихъ убѣжденій, однакожъ такіе, которыхъ можно было подозрѣвать въ неумѣньѣ „обрабатывать избирательный матеріалъ“, т. е. устроивать дѣло такъ, чтобы во время выборовъ не прошелъ ни одинъ оппозиціонный депутатъ, какъ въ національное собраніе, такъ и въ департаментскіе совѣты. Но, видно, трудно идти противъ теченія: во все время министерства Белэ на выборахъ вездѣ одерживали верхъ республиканскіе кандидаты.

Однакожъ, префекты, назначенные Белэ, ревностно исполняли свою обязанность. Вотъ поразительный примѣръ. Одинъ

изъ новыхъ префектовъ, фабрикаціи Белэ, вступивъ въ должность, потребовалъ отъ инспектора училищъ, чтобы онъ уволилъ одного школьнаго учителя.

— Съ какой стати увольнять его? отвѣчалъ инспекторъ.— Какъ я, такъ и вся община и ученики очень довольны имъ. Онъ прекрасный учитель.

— А все-таки его слѣдуетъ уволить, настаивалъ префектъ.— Развѣ вы не знаете, что Белэ прислалъ меня сюда собственно за тѣмъ, чтобы вышвырнуть всѣхъ революціонеровъ за дверь.

Такъ-какъ мы заговорили объ учителяхъ, то приведемъ здѣсь кстати одинъ фактъ, касающійся народнаго образованія, отвѣтственность за который вмѣстѣ съ Белэ раздѣляетъ бывшій въ то время министромъ народнаго просвѣщенія Батби и, конечно, также пресловутый президентъ совѣта министровъ, Брольи.

Одинъ богатый промышленникъ, желая сдѣлать что-нибудь въ пользу первоначальнаго образованія во Франціи, внесъ въ кассу „лиги обученія“ (которая существовала во время второй имперіи и не подвергалась преслѣдованію) 10,000 франковъ и предложилъ раздѣлить эту сумму между свѣтскими учителями сельскихъ школъ, которые имѣли наибольшее число учениковъ въ послѣдній семестръ. Казалось-бы, въ такомъ предложеніи невозможно найти ничего вреднаго и опаснаго. Но Белэ и Батби посмотрѣли на дѣло иначе и предписали префектамъ и инспекторамъ принять мѣры, чтобы распредѣленіе не состоялось. Они запретили учителямъ принимать деньги отъ „лиги обученія“, и если-бы лига вздумала вмѣсто денегъ выдавать книги или что-нибудь другое, не принимать и ихъ. Изъ чего-же сыръ боръ загорѣлся? Изъ-за небольшого словца *свѣтскій*. При раздѣлѣ награды лига должна была обойти достопочтенныхъ отцовъ іезуитовъ и другихъ патеровъ, которыхъ Белэ и Батби, конечно, предпочитали свѣтскимъ учителямъ.

Но оставимъ тѣ факты, за которые Белэ раздѣляетъ отвѣтственность съ другими лицами и займемся только тѣми, инціатива которыхъ принадлежитъ ему одному. Только

одинъ перечень ихъ могъ-бы занять собой огромный томъ. Въ него вошли-бы всевозможныя продѣлки знаменитаго министра, но мы будемъ останавливаться только на такихъ, которыя болѣе другихъ возбуждаютъ смѣхъ; мы полагаемъ, что относиться серьезно къ дѣяніямъ Белэ почти невозможно.

Белэ запретилъ купцамъ, торгующимъ въ разносъ, продавать „Альманахъ Франклина". Между тѣмъ этотъ альманахъ составляетъ точную и весьма умѣренную компиляцію сочиненій, изданныхъ противъ соціализма. Этотъ альманахъ пришелся по душѣ буржуазіи, которая и раскупала его. Онъ содержитъ въ себѣ цитаты и извлеченія изъ сочиненій Франклина, Бастіи, Чаннинга, Фредерика Пасси, Лабулэ и Тьера.

Если-бы Белэ не объяснилъ любезно причины, вызвавшей съ его стороны такое странное распоряженіе, то не было-бы никакой возможности угадать, какими мотивами онъ руководствовался, мѣшая распространенію такой невинной въ политическомъ отношеніи книги. Пунктовъ обвиненія три и виновными оказываются: Бастіа и Франклинъ. Бастіа, провозвѣстникъ буржуазной политической экономіи, виноватъ въ томъ, что онъ толкуетъ о свободѣ совѣсти, прессы, обученія и ассоціацій. Франклинъ проступился разсужденіемъ о томъ, что собранія, заключающія въ себѣ болѣе 700 членовъ, не могутъ успѣшно вести дѣла... Главнѣйшее-же преступленіе Франклина заключается въ слѣдующихъ — судите сами — ужасныхъ словахъ: „безпечный богачъ впадаетъ въ бѣдность; экономный работникъ обогащается". Подобная фраза, по мнѣнію Белэ, можетъ повлечь за собою самыя пагубныя толкованія.

Белэ напалъ также на „Альманахъ Матье Ландсберга", который существуетъ уже болѣе 150 лѣтъ и никому никогда не приходило въ голову отыскивать въ немъ вредныя политическія тенденціи. Матье Ландсберъ съ давнихъ поръ пользуется славой знаменитаго астролога; онъ предсказываетъ дождь и хорошую погоду за цѣлый годъ впередъ. Вина его

заключалась въ томъ, что, говоря объ очищеніи французской територіи отъ нѣмецкаго занятія, онъ приписалъ честь этого дѣла Тьеру.

Вообще Белэ съ особеннымъ рвеніемъ преслѣдовалъ альманахи. Въ одномъ илюстрированномъ альманахѣ ему не понравилась одна совершенно невинная карикатура и онъ настоялъ, чтобы ее замѣнили другою. Карикатура изображала іезуита въ непривлекательномъ видѣ, а Белэ былъ ревностнымъ поклонникомъ достопочтенныхъ патеровъ, отвсюду изгоняемыхъ, какъ люди вредные и опасные!

Отъ альманаховъ естественно перейти къ книгамъ. Белэ запретилъ публикацію о книгѣ: „Кампанія въ восточной Франціи и армія Бурбаки", сочиненіе генерала Кремера и полковника Пуле. Онъ запретилъ ее потому, что генералъ Кремеръ искренній республиканецъ и въ своемъ сочиненіи говоритъ съ похвалой о Гарибальди и о военныхъ дѣйствіяхъ въ окрестностяхъ Дижона.

Офиціальный предлогъ запрещенія публикаціи былъ, конечно, иной. Видите-ли, публикація была иллюстрирована портретомъ Кремера въ генеральской формѣ. Ну такъ что-жъ? скажете вы, читатель. Но въ этомъ-то и заключается вся суть. Белэ нашелъ, что хотя Кремеръ во время кампаніи, описываемой въ его книгѣ, и былъ генераломъ, но теперь онъ подалъ въ отставку, слѣдовательно... выходитъ, что онъ генераломъ не былъ...

Все это было-бы смѣшно, когда-бы не было такъ грустно.

Съ спектаклями подобныя-же исторіи. Въ Ліонѣ, префектъ Дюкро, другъ Белэ, запретилъ представленіе пьесъ Мольера (ради Тартюфа), Виктора Гюго и даже—почти невѣроятно—Сарду, пьесу котораго „Рабагасъ" марсельскій префектъ Кератри заставлялъ играть силой, чтобы шикальщиковъ сажать въ тюрьму... Невѣроятно, но факты эти не подлежатъ сомнѣнію.

Скучно выписывать рядъ запрещеній различныхъ брошюръ, написанныхъ противъ богомольныхъ путешествій, повлекшихъ за собою массу скандаловъ. Всѣ эти брошюры подвергались

преслѣдованію безъ суда и слѣдствія, послѣ того, какъ газета „Univers“ объявляла ихъ оскорбительными для католицизма.

Съ другой стороны, Белэ всѣми зависящими отъ него средствами помогалъ распространенію множества полуграмотныхъ, полудикихъ сочиненій, написанныхъ въ защиту, будто-бы, попранныхъ правъ католицизма и въ особенности католическаго духовенства... А еще Белэ слылъ за умнаго человѣка!

IV.

Кампанія экс-героя либерализма Белэ противъ республиканскихъ газетъ составляетъ цѣлую эпопею. Онъ такъ много запрещалъ, останавливалъ, конфисковалъ, что къ этому всѣ привыкли на-столько, что, наконецъ, на его набѣги стали обращать вниманіе только однѣ жертвы его административной ревности...

Белэ преслѣдовалъ не только издателей, редакторовъ и писателей,—онъ шелъ далѣе—онъ каралъ даже самихъ читателей.

— Ну, любезный другъ, говоритъ одинъ почтенный буржуа жандарму, который не разъ отличался при исполненіи своихъ обязанностей,—скоро-ли мы дождемся, что вамъ дадутъ повышеніе, котораго вы давно заслуживаете.

— Увы! отвѣчалъ меланхолически жандармъ; — при нынѣшней администраціи я не могу ожидать никакого повышенія. Меня включили въ разрядъ неблагонамѣренныхъ, за то, что *я читаю газеты*.

Если Белэ такъ подозрительно относился къ жандармамъ, отличавшимся ревностнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, то еще подозрительнѣе онъ смотрѣлъ на каждаго гражданина, на каждаго прохожаго, на каждаго проѣзжаго. Ему вездѣ чудились революціонеры и революція, заговоры и заговорщики. Чтобы обезопасить себя отъ ужасовъ, какіе но-

сились въ его воспаленномъ воображеніи, онъ прибѣгъ къ весьма остроумному средству: собрать въ большихъ городахъ тайно свѣденія о всѣхъ подозрительныхъ (а такими въ глазахъ Белэ были всѣ, которыхъ не одобряли іезуиты, т. е. девять десятыхъ городскаго населенія) гражданахъ и свѣденія эти представить въ префектуру и къ нему. Для собранія этихъ свѣденій понадобился цѣлый полкъ новыхъ тайныхъ агентовъ, которымъ предписано было узнать о каждомъ гражданинѣ слѣдующее: 1) чѣмъ занимается онъ? 2) въ которомъ часу уходитъ изъ дому? 3) когда возвращается домой? 4) описаніе его примѣтъ и его лѣта; 5) гдѣ онъ обѣдаетъ и въ которомъ часу? 6) уходитъ-ли онъ изъ дому вечеромъ? 7) не возвращается-ли домой очень поздно? 8) куда уходитъ онъ или, если неизвѣстно, то по какому направленію? 9) если уѣзжалъ изъ Парижа (или другаго города), то на долго-ли? 10) давно-ли онъ живетъ на этой квартирѣ? 11) женатъ-ли онъ? 12) кто бываетъ у него? 13) католикъ-ли онъ или другого исповѣданія? и пр. и пр... Чѣмъ окончилась эта шпіонская экспедиція—неизвѣстно.

Фарандоль, провансальская хороводная пляска, послужившая образцомъ для котильона, въ большомъ ходу въ департаментахъ: воклюзскомъ, устьевъ Роны, варскомъ и пиренейскихъ. Танецъ этотъ, веселый, живой, сопровождается хоровымъ пѣніемъ, подъ которое пары сходятся и расходятся, становятся въ кругъ, размыкаютъ его и пр.; мѣстные жители большіе охотники танцовать, и свой національный танецъ танцуютъ буквально до упаду.

Ученые утверждаютъ, что Тезей изобрѣлъ танецъ, въ которомъ танцоры подражаютъ движеніямъ журавля во время перелета. Судя по описаніямъ этого танца, несомнѣнно, что фарандоль составляетъ его вѣрную копію, очень мало измѣ-

ненную. Преданіе гласитъ, что фарандоль занесенъ изъ Малой Азіи во Францію фокейцами, основавшими Марсель.

Ни одинъ семейный или народный праздникъ въ Провансѣ и Лангедокѣ нѣсколько столѣтій къ ряду не обходится безъ фарандоля. Вдругъ, въ одинъ прекрасный день населеніе департамента восточныхъ Пиренеевъ было озадачено слѣдующимъ декретомъ своего префекта:

„Префектъ и т. д.

„Принимая во вниманіе, что часть населенія департамента восточныхъ Пиренеевъ находитъ, что танецъ, называемый фарандоль, возбуждаетъ революціонныя воспоминанія;

„Принимая въ соображеніе, кромѣ того, что буйность самаго танца и пѣсни, его сопровождающія, нерѣдко причиняютъ безпорядки, что и оправдываетъ вышеупомянутое мнѣніе населенія,—

„Постановляетъ:

„Ст. I. Танецъ фарандоль запрещается во всемъ департаментѣ восточныхъ Пиринеевъ.

„Ст. II. Подлежащія власти обязываются наблюсти за исполненіемъ настоящаго декрета, который внесенъ въ Сводъ административныхъ распоряженій.

„Перпиньянъ, 3 сентября 1873 года. Префектъ департамента восточныхъ Пиренеевъ Жизольмъ".

Добродушные люди обратились къ министру Белэ съ просьбой объ отмѣнѣ этого декрета, но онъ утвердилъ распоряженіе своего префекта. Разъ давъ слово префектамъ, что онъ во всѣхъ случаяхъ станетъ защищать ихъ противъ населенія, онъ сдерживалъ его вполнѣ и дѣйствительно всегда покрывалъ префектовъ. Въ данномъ случаѣ его не тронуло даже имя Тезея, изобрѣтателя танца, хотя главнымъ образомъ грекамъ онъ былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ: первый толчокъ его карьерѣ дали его изслѣдованія о „Пропилеяхъ".

Право, читая декреты, подобные вышепреведенному, можно было-бы подумать, что Белэ и его префекты спятили съ ума; но, нѣтъ, они и послѣ подобныхъ декретовъ продолжали получать, жалованье, присвоенное ихъ мѣстамъ, и подписывать

такія-же курьезныя распоряженія, какъ декретъ о фарандолѣ.

Белэ, желавшій обнять своимъ административнымъ вмѣшательствомъ все, не оставилъ въ покоѣ даже похоронъ. Ему не нравилось, что гражданскія похороны (т. е. безъ сопровожденія священниковъ) совершаются во всякое время дня. Желая избавить ревностныхъ католичекъ отъ соблазна, онъ постановилъ, что гражданскія похороны должны происходить рано утромъ, пока любезные сыны и дщери католической церкви спятъ спокойнымъ сномъ.

Но, къ прискорбію Белэ и его префектовъ, результатомъ этой мѣры было не уменьшеніе гражданскихъ похоронъ, какъ они разсчитывали, а, напротивъ, значительное увеличеніе ихъ числа, такъ что отъ точнаго исполненія декрета произошли серьезныя практическія затрудненія. Пришлось издать дополнительную статью, которой разрѣшалось гражданскія похороны совершать также и въ три часа пополудни— ни минутой раньше, ни минутой позже.

Далѣе. Черезъ двѣ недѣли послѣ вступленія своего въ должность министра французской республики, Белэ разослалъ префектамъ циркуляръ, предлагая имъ сдѣлать извѣстнымъ населенію, что „республикѣ ни въ какомъ случаѣ не суждено сдѣлаться легальнымъ и постояннымъ правительствомъ страны. Настоящая республика только временная, и всякій можетъ высказывать свое предпочтеніе другой правительственной формѣ...“

Получивъ такой странный циркуляръ отъ министра республики, болѣе ретивые префекты стали уничтожать бюсты республики, запрещать пѣніе марсельезы, закрывать республиканскіе клубы и пр. Одинъ префектъ даже рискнулъ запретить трехцвѣтное знамя, но, въ виду сильнѣйшаго протеста населенія, къ которому присоединилась сама полиція, вынужденъ былъ отказаться отъ преслѣдованія національнаго знамени.

Мы-бы никогда не кончили, если-бъ вздумали продолжать перечень административныхъ подвиговъ Белэ. Между тѣмъ

мы не сказали еще ни слова о самомъ главномъ его подвигѣ: о незнаніи, которые именно изъ французскихъ департаментовъ находятся въ осадномъ положеніи, а которые нѣтъ. Правда, цѣлыхъ 51 департаментъ Франціи испытывалъ въ то время на себѣ удобства осаднаго положенія—гдѣ-же, въ самомъ дѣлѣ, запомнить такую массу именъ! Бѣдный Белэ растерялся, когда ему въ палатѣ сдѣлали запросъ объ одномъ департаментѣ. Онъ обѣщалъ отвѣтить на другой день— и отвѣтилъ. Оказалось, по его словамъ, что этотъ департаментъ предполагала объявить въ осадномъ положеніи императрица Евгенія, но декретъ не успѣли опубликовать въ „Мониторѣ", поэтому онъ, Белэ, и нашелъ лучшимъ счесть этотъ департаментъ въ числѣ состоящихъ въ осадномъ положеніи. И это министръ!

V.

Министерство „борьбы" употребляло всѣ усилія, чтобы вызвать гдѣ-нибудь во Франціи возмущеніе и, пользуясь имъ, еще крѣпче натянуть реакціонныя возжи. Ему казалось, что достигнуть этого не трудно, такъ какъ 43 французскихъ департамента находились въ осадномъ положеніи. Белэ разсчитывалъ, что Марсель и Ліонъ попадутся скорѣе другихъ городовъ на удочку. Здѣсь хозяйничали генералы Бурбаки и Эспиванъ; здѣсь префекты Траси и Дюкро подсылали агентовъ-подстрекателей не только на улицы, но даже и въ дома гражданъ. Но ихъ усилія пропали даромъ. Какъ ни сильно было негодованіе, возбужденное въ странѣ недостойными дѣйствіями правительства „борьбы", но она оставалась спокойной; ропотъ слышался со всѣхъ сторонъ, но до насильственнаго возстанія дѣло не дошло.

Въ то время какъ правительство изощрялось въ недостойныхъ интригахъ, торговля съ каждымъ днемъ все больше и больше падала; на многихъ фабрикахъ пріостановились ра-

боты. Возроптали даже крупнѣйшіе изъ представителей буржуазіи, денежныя дѣла которыхъ шли далеко не такъ, какъ имъ хотѣлось. Они стали обвинять правительство „борьбы", ими же созданное. „Если вы не можете устроить сліяніе между партіей Шамбора и орлеанистской, говорили они герцогу Брольи,—то обратитесь къ тьеровской программѣ—дайте странѣ что-нибудь опредѣленное".

Брольи, видя необходимость сдѣлать что-нибудь для смягченія ропота, рѣшился пожертвовать своимъ товарищемъ Белэ. Воспользовавшись тѣмъ, что рѣчь Белэ въ палатѣ, на которую сильно разсчитывало министерство, произвела весьма сомнительное впечатлѣніе, Брольи объявилъ министру внутреннихъ дѣлъ, что маршалъ Мак-Магонъ, къ своему сожалѣнію, вынужденъ отказаться отъ его содѣйствія. Белэ былъ пораженъ; онъ считалъ себя слишкомъ необходимымъ человѣкомъ и полагалъ, что онъ именно составляетъ „душу" правительства „борьбы". Нѣсколько секундъ онъ не могъ промолвить ни слова, между тѣмъ его коварный другъ Брольи утѣшалъ его въ такихъ выраженіяхъ:

— „Вѣрьте, любезный другъ, что мы съ величайшей горестью рѣшились исполнить желаніе маршала. Мы всегда будемъ сохранять признательное воспоминаніе о вашей дѣятельности, о вашей твердости, вашемъ мужествѣ, о вашей искренней преданности...

— „О да! искренней преданности! прервалъ его съ гнѣвомъ Белэ. — Да, искренней до глупости. Я пожертвовалъ всѣмъ для вашей политики „борьбы". Вы-же сами постоянно настаивали на крайностяхъ; работая въ вашу пользу я вызвалъ ненависть и презрѣніе къ себѣ. А теперь вы струсили и бросаете меня толпѣ, какъ искупительную жертву... Я этого никогда не забуду.

Отставка страшно подѣйствовала на Белэ. Профессоръ, литераторъ, пользовавшійся извѣстностью, онъ свысока третировалъ своихъ товарищей по министерству „борьбы". Онъ видѣлъ ихъ насквозь и чувствовалъ къ нимъ самое искреннее презрѣніе. И дѣйствительно, по сравненію съ ними, пол-

нѣйшими бездарностями, Белэ могъ считаться человѣкомъ умнымъ и талантливымъ.

Паденіе Белэ было неожиданное. Къ тому-же онъ упалъ не на твердую землю, а шлепнулся въ грязное болото. Онъ сошелъ со сцены подъ давленіемъ всеобщаго презрѣнія. Въ глазахъ страны онъ былъ только іезуитъ, неловко интриговавшій; нѣкогда бывшій либералъ Белэ давно уже превратился въ покорнаго слугу іезуитовъ и очень немногіе еще помнили его лекціи по римской исторіи. Появилось нѣсколько исторій его управленія, всплыли на чистую воду нѣкоторые его секретные циркуляры. Презрѣніе къ нему росло съ каждымъ днемъ. Еслибъ еще онъ могъ сказать, подобно Гизо, что его ненавидятъ, но все-же уважаютъ въ немъ сильнаго человѣка; но нѣтъ, съ нимъ обращались, какъ съ лицомъ комическимъ, его поднимали на смѣхъ. А такого оскорбленія не могло вынести его самолюбіе; его гордость была унижена. Онъ обратился было снова къ профессорской кафедрѣ, которая вывела его въ люди, но его чтеніе было встрѣчено свистками, насмѣшливыми пѣсенками, въ которыхъ говорилось о Белэ, юномъ волонтерѣ всемірной республики. Видя, что и здѣсь онъ сталъ невозможенъ, Белэ заперся въ своемъ кабинетѣ. Онъ присмирѣлъ, былая наглость исчезла въ немъ, онъ пересталъ видѣться даже съ своими искренними друзьями, которыхъ, впрочемъ, у него было очень немного.

Въ одно утро, лакей, войдя въ спальню Белэ, засталъ его, полуодѣтаго, лежащимъ на полу, подлѣ кровати, въ крови; въ груди у него былъ ножъ. „Онъ нанесъ себѣ нѣсколько ударовъ прежде, чѣмъ отыскалъ свое сердце“, сказалъ Пельтанъ. Онъ не оставилъ никакой записки, разъяснявшей мотивы самоубійства; не оставилъ духовнаго завѣщанія. За нѣсколько дней до своей смерти онъ отправилъ въ деревню свою молодую жену съ двумя дѣтьми, изъ которыхъ младшему было всего нѣсколько недѣлъ отъ роду.

Такъ умеръ Белэ. Онъ жилъ для удовлетворенія своего самолюбія; самолюбіе убило его. Его первый покровитель Делеклюзъ умеръ на барикадѣ, ища смерти. Видя, что бари-

када неминуемо должна быть взята версальскими войсками, онъ сказалъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ окружающимъ его инсургентамъ, пожалъ нѣкоторымъ изъ нихъ руки и взошелъ на барикаду со знаменемъ въ рукахъ; вскорѣ онъ получилъ въ грудь двѣ пули и упалъ мертвый такимъ образомъ, что знамя совершенно прикрыло его.

Хотя Белэ окончилъ жизнь самоубійствомъ, духовенство хоронило его съ большой пышностью. На похоронахъ присутствовалъ Брольи и на могилѣ сказалъ рѣчь, въ которой прославлялъ добродѣтели покойнаго. Онъ увѣрялъ, что Белэ постигла внезапная смерть отъ разрыва сердца и что Франція погружена въ трауръ и горе. Брольи особенно прославлялъ своего бывшаго товарища за отсутствіе въ немъ политическаго честолюбія и за его безкорыстіе.

IX.

МАРШАЛЪ СЕРРАНО.

Происхожденіе Серрано.—Его характеръ.—Возстаніе Ріего.—Вредъ для Испаніи отъ пронунціаменто.—Невыгодное положеніе арміи въ государствѣ.—Уничтоженіе салическаго закона.—Регенство королевы Христины.—Первая карлистская война.—Конституція 1836 года.—Вергарская конвенція.—Регенство Эспартеро.—Успѣхи Серрано.—Возстаніе Нарваэца.—Бракъ королевы Изабеллы.—Разладъ въ королевской семьѣ.—Возвышеніе Серрано.—Его отставка.—Клерикальная политика Нарваэца.—Участіе Серрано въ пронунціаменто.—Возстаніе 1854 года.—Ошибки Эспартеро.—Контръ-революція 1856 года.—Назначеніе Серрано генералъ-губернаторомъ Кубы.—Его обогащеніе и женитьба.—Мехиканская экспедиція.—Ударъ, нанесенный честолюбію Серрано.—Борьба изъ-за министерскаго портфеля.—Вѣчные министры.—Альколейская побѣда.—Бездѣятельность Серрано.—Господство Прима.—Кандидатуры на испанскій престолъ.—Убійство Прима.—Министерство Серрано.—Аморовіетская конвенція.—Планъ государственнаго переворота.—Отреченіе Амедея.

I.

Франциско Серрано-и-Домингецъ родился 17 октября 1810 года, въ Андалузіи, въ Кадиксѣ, или, еще точнѣе, на островкѣ Леоне, въ предмѣстьѣ Кадикса. Его семья не пользовалась особенно хорошей репутаціей. Глава семьи былъ не изъ богатыхъ и занимался мелкой торговлей. Франциско получилъ самое обыкновенное воспитаніе, но рано понялъ, что съ деньгами живется легче, чѣмъ безъ денегъ, и въ самомъ

раннемъ возрастѣ далъ очевидныя доказательства своимъ родственникамъ, что его пожираетъ честолюбіе. Едва исполнилось ему пятнадцать лѣтъ, какъ онъ поступилъ въ армію, а чрезъ двѣнадцать мѣсяцевъ своей службы пріѣхалъ въ отпускъ къ своимъ восхищеннымъ родителямъ въ мундирѣ капрала. Юный капралъ съумѣлъ пріобрѣсти себѣ покровителей, и въ полку на него смотрѣли уже, какъ на человѣка, который рано или поздно составитъ блистательную карьеру.

Серрано началъ свою службу въ одну изъ печальнѣйшихъ эпохъ испанской исторіи. Іезуиты управляли государствомъ, они вмѣшивались во все, даже въ семейную жизнь, и руководили всѣмъ. Больной, и умственно, и физически, король Фердинандъ VII былъ совершенно въ ихъ власти. По ихъ желанію, онъ возстановилъ инквизицію, отдалъ имъ въ руки народное образованіе, и черезъ нѣсколько лѣтъ нельзя было узнать Испанію, которой такъ еще недавно удивлялась и симпатизировала вся Европа, съ страстнымъ интересомъ слѣдившая за ея героической борьбой съ Наполеономъ I. Іезуиты и инквизиція не щадили никого, въ комъ только подозрѣвали противника ихъ исключительнаго господства: они преслѣдовали не только либераловъ, защитниковъ конституціи 1812 года, но и вообще всѣхъ, кто составилъ себѣ извѣстность, участвуя въ войнѣ за независимость; многіе изъ героевъ этой войны оставили отечество, нѣкоторые попали въ ссылку, заключены въ тюрьмы или скрывались въ глуши провинціальныхъ городковъ и въ деревняхъ.

Шесть лѣтъ (1814—1820) уже тяготѣла надъ Испаніей мертвящая власть іезуитовъ, когда у правительства явилась мысль снова завоевать отпавшія американскія колоніи. Въ Кадиксѣ былъ собранъ экспедиціонный отрядъ, которому предназначено было высадиться въ Монтевидео и Буэносъ-Айресѣ. 1-го января 1820 года эта армія взбунтовалась; главой инсурекціи былъ объявленъ Ріего.

Это возмущеніе, извѣстное подъ именемъ возмущенія на островѣ Леоне, совершилось на глазахъ маленькаго Франциска и, по его словамъ, произвело на него сильное впеча-

тлѣніе; оно оказало рѣшительное вліяніе на его послѣдующую жизнь. Это возмущеніе было первымъ пронунціаменто, которыя стали характеристическимъ явленіемъ испанской политической жизни; съ этой поры они повторяются въ испанской исторіи почти періодически и составляютъ язву, причиняющую сильныя страданія организму Испаніи. Возстаніе Ріего стало образцомъ подобныхъ движеній, честолюбцы—а ими кишитъ родина дон-Кихота—всегда прибѣгали къ пронунціаменто для осуществленія своихъ замысловъ. Возмущеніе Ріего сопровождалось успѣхомъ и, благодаря этому, возбудило сильнѣйшій энтузіазмъ въ странѣ; о немъ и теперь еще говорятъ съ восторгомъ и придаютъ ему легендарные размѣры. „Маршъ Ріего" сталъ народной пѣснью, пользующейся въ Испаніи такимъ-же значеніемъ, какъ „марсельеза" во Франціи. Ріего, дѣйствительно, былъ горячій патріотъ; совершая пронунціаменто, онъ нисколько не думалъ о собственномъ честолюбіи. Его послѣдователи Примъ, Нарваэцъ, О'Доннель, Серрано и другіе всегда выше всего ставили собственное честолюбіе и, совершая пронунціаменто, очень мало заботились о благѣ страны, хотя, конечно, въ своихъ прокламаціяхъ всегда ставили его на первомъ планѣ. Всѣ эти пронунціаменто причинили Испаніи множество потерь; выгоды-же отъ нихъ, полученныя страной, были самыя микроскопическія. Они держатъ страну въ вѣчномъ неопредѣленномъ положеніи; испанцы уже не вѣрятъ никакимъ обѣщаніямъ, даже совершившіеся факты возбуждаютъ въ нихъ сомнѣніе, потому что реформы, явившіяся результатомъ одного пронунціаменто, немедленно уничтожаются послѣ совершенія другого; такимъ образомъ, послѣдующее пронунціаменто всегда отмѣняетъ то, что было послѣдствіемъ предъидущаго. Всѣ партіи безъ исключенія привыкли опираться не на легальную оппозицію, не на прессу, не на общественное мнѣніе, а на грубую силу, на удачу военнаго возмущенія. Всякій честолюбецъ сталъ избирать себѣ непремѣнно военную карьеру. Армія стала орудіемъ въ рукахъ честолюбцевъ и рѣшительницей политическихъ вопросовъ; она свергала тѣ самыя правительства, ко-

торымъ давала власть въ руки. Арміи вѣчно приходилось дѣлиться на двѣ части и одной половинѣ сражаться противъ другой. Для полученія приверженцевъ между офицерами, правительству приходилось щедрою рукой разсыпать награды; оттого въ испанской арміи одинъ генералъ приходится менѣе, чѣмъ на триста солдатъ. Легкость повышенія въ чинахъ и полученія наградъ привела къ тому печальному факту, что испанская армія намѣренно затягиваетъ гражданскія войны: первая карлистская война продолжалась семь лѣтъ; вторая тянется уже нѣсколько лѣтъ и ей не предвидится конца. Выгоду въ затягиваніи войны понимаетъ каждый начальникъ отдѣльной части, и если является какой-нибудь наивный полковникъ или капитанъ, который, принимая войну за серьезное дѣло, стремительно нападаетъ на непріятеля и разбиваетъ его на-голову, онъ не только не удостоивается, какъ-бы слѣдовало, награды, но его непремѣнно посылаютъ въ аріергардъ.

Такое странное положеніе арміи въ государствѣ, естественно, побуждаетъ каждаго передового испанца заявлять требованіе о ея преобразованіи. Всякое либеральное министерство въ Испаніи во главѣ своей программы непремѣнно ставитъ военную реформу, но ни одному изъ нихъ не удалось совершить ничего существеннаго въ этомъ отношеніи; каждое изъ такихъ министерствъ, въ концѣ концовъ, бывало вынуждено или брать назадъ свое предложеніе, или выходить въ отставку. Противниками министерства въ такомъ случаѣ являлись многіе изъ самихъ либераловъ, которые, по странному заблужденію, считали необходимымъ создавать себѣ поддержку въ арміи, отдавая командованіе генераламъ и офицерамъ, принадлежащимъ къ либеральной партіи. Страсть къ пронунціаменто такъ сильно обуяла испанцевъ, что нужно сдѣлать еще очень многое для ослабленія ея, и едва-ли этого достигнетъ настоящее поколѣніе.

Мы уже сказали, что военное возстаніе Ріего сопровождалось успѣхомъ. Оно отразилось въ цѣлой странѣ. Правительство увидѣло невозможность бороться съ нимъ и Ферди-

нандъ VII издалъ манифестъ, которымъ обязывался строго держаться конституціи. Хотя онъ давалъ это обѣщаніе при своемъ вступленіи на престолъ и, несмотря на то, іезуитское правительство постоянно нарушало конституцію, однакожь, и на этотъ разъ испанцы повѣрили слову короля и успокоились.

Клерикальная партія въ Испаніи, конечно, стала думать о возмездіи. Она убѣдила французскихъ клерикаловъ помочь ей. Французская армія, подъ начальствомъ герцога Ангулемскаго, вторглась въ Испанію, и вскорѣ іезуиты снова овладѣли властью въ Испаніи и жестоко отомстили своимъ противникамъ.

Между тѣмъ Фердинандъ VII овдовѣлъ въ третій разъ и вздумалъ жениться въ четвертой. Принцессѣ Луизѣ, женѣ дон-Карлоса, брата короля, пришла идея выдать за Фердинанда свою родную сестру. Принцесса Христина, однакожь, не хотѣла выходить за такого ужаснаго мужа, какимъ былъ Фердинандъ для своихъ первыхъ трехъ женъ, но на ея протестъ не обратили вниманія и свадьба состоялась. Вслѣдъ за этимъ возгорѣлась ожесточенная борьба между сестрами: младшей, королевой, и старшей, надѣявшейся сдѣлаться королевой по смерти Фердинанда, такъ-какъ онъ не имѣлъ дѣтей и престолъ долженъ былъ перейти къ его брату. Вражда эта еще болѣе усилилась, когда у королевы Христины родилась дочь. Въ Испаніи существовалъ салическій законъ, утверждающій право на престолъ только въ мужскомъ поколѣніи. Дочь Фердинанда, такимъ образомъ, не имѣла правъ на него и престолъ по наслѣдству долженъ былъ перейти къ дон-Карлосу. Но Христина съумѣла на-столько повлiять на своего мужа, что онъ отмѣнилъ существующій законъ о престолонаслѣдіи и объявилъ своей наслѣдницей дочь свою Изабеллу.

II.

Фердинандъ VII умеръ въ 1833 году и въ Испаніи тотчасъ-же возгорѣлась гражданская война. Его преемницѣ, королевѣ Изабеллѣ, было всего три года. Регентство было отдано королевѣ Христинѣ, женщинѣ капризной, легкомысленной, скупой и даже жестокой. До идіотичности тупая и совершенно незнакомая съ государственными дѣлами, она постоянно нарушала конституцію, на вѣрность которой присягала. Содѣйствуя уничтоженію основнаго закона о престолонаслѣдіи, она вооружила противъ себя дворянство, ставшее теперь на защиту нарушенныхъ правъ дон-Карлоса. Христина вынуждена была опереться на либеральную буржуазію, но, опираясь на нее, королева нисколько не желала соблюдать ея интересы и уважать ея права. Однакожь, соблюдая внѣшнія приличія, она назначила своимъ первымъ министромъ либерала, пострадавшаго въ 1814 году за свой либерализмъ, Мартинеца-де-ла-Розу, долгое время жившаго изгнанникомъ на чужбинѣ. Испанцы сравниваютъ Мартинеца съ Ламартиномъ. Дѣйствительно, между ними существуетъ нѣкоторое сходство. Мартинецъ, плодовитый писатель, увлекательный ораторъ, блестящій поэтъ, сантиментальный романистъ, обладалъ благородными побужденіями, быстрымъ соображеніемъ, острымъ умомъ и нѣсколько легкомысленнымъ характеромъ. Въ своей молодости онъ былъ пылокъ и искрененъ, но въ то время, какъ его призвала Христина, онъ уже потерялъ энергію и сдѣлался человѣкомъ скрытнымъ. Въ 1812 году онъ былъ страстнымъ и энергическимъ защитникомъ конституціи; въ 1834 году онъ помогъ королевѣ Христинѣ ее урѣзать, а въ 1844 самъ-же уничтожилъ дѣло своихъ рукъ. Онъ считался главой радикаловъ или „экзальтированныхъ", какъ ихъ называли въ Испаніи въ то время, когда Христина поручила ему составить министерство. Вмѣстѣ они выработали „Королев-

скій статутъ", который былъ измѣненной и сильно урѣзанной конституціей 1812 г. Въ то-же время онъ заключилъ четверной союзъ между Испаніей, Франціей, Англіей и Португаліей; договаривающіяся стороны обязались поддерживать конституціонализмъ, представляемый въ трехъ изъ этихъ государствъ младшими линіями династій.

Старшая линія Бурбоновъ въ Испаніи не захотѣла уступить своихъ правъ безъ сопротивленія. Она подняла знамя гражданской войны, которая семь лѣтъ къ ряду разоряла страну. Серрано, конечно, не замедлилъ воспользоваться благопріятными шансами для возвышенія. Онъ заявилъ себя горячимъ сторонникомъ либеральной партіи и скоро попалъ въ адъютанты къ знаменитому Эспозъ-и-Минѣ, командовавшему войсками въ Каталоніи. Мина, храбрый генералъ, отличался суровостью нрава и грубостью манеръ; Серрано также былъ храбръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ обладалъ природной граціей, изысканностью манеръ, веселостью и вѣчно хорошимъ расположеніемъ духа; вскорѣ онъ сдѣлался любимцемъ всего штаба; онъ охотно бралъ на себя всякое опасное порученіе, разсчитывая, что военныя отличія непремѣнно доставятъ ему генеральскіе эполеты.

Однакожь, карлисты были такими врагами, съ которыми нельзя было не считаться. У нихъ были замѣчательные генералы, Кабрера и Цумалакареги, командующіе басками— можетъ быть, первыми солдатами въ мірѣ по ихъ изумительной выносливости и храбрости; баски, правда, люди невѣжественные, но даровитые; они превосходно ведутъ горную войну, и чтобы ихъ побѣдить, необходимо выставлять противъ нихъ тройную силу.

Эта долгая гражданская война была зототымъ вѣкомъ для такихъ честолюбцевъ, какъ Эспартеро, О'Доннель, Примъ, Конха; Честе, Новалихесъ, Серрано и нѣкоторыя другія испанскія извѣстности обязаны своимъ возвышеніемъ этой войнѣ; она привела ихъ къ генеральскимъ, министерскимъ и посланническимъ постамъ.

Въ первый періодъ этой войны успѣхъ чаще склонялся на

сторону карлистовъ. Регентша, наконецъ, увидѣла необходимость тѣснѣе сблизиться съ либеральной партіей. Но провинціальныя юнты объявили, что онѣ не сдѣлаютъ никакихъ чрезвычайныхъ усилій, пока не будетъ отмѣненъ „Королевскій статутъ" и правительство не введетъ снова конституцію 1812 года. Во время этихъ переговоровъ карлисты приблизились къ Мадриду, что произвело сильное волненіе въ столицѣ, гдѣ господствовала либеральная партія. Можно было опасаться открытаго возстанія; Христина поспѣшила заявить кортесамъ, что она согласна на провозглашеніе конституціи 1812 года. Эта конституція была провозглашена 15 августа 1836 года и съ этого времени дѣла карлистовъ пошли несравненно хуже. Нарваэцъ, принадлежавшій къ партіи „экзальтированныхъ", сталъ преслѣдовать по пятамъ карлистскаго предводителя Гомеца, подступавшаго-было къ Мадриду, а теперь показавшаго тылъ. Нарваэцъ настигъ своего противника въ Макасейтѣ, вблизи Аркоса, и разбилъ его на голову. Утративъ надежду овладѣть столицей, карлисты сильно потеряли во мнѣніи сомнѣвающихся, которые теперь стали смотрѣть на ихъ дѣло, какъ на обыкновенное провинціальное возстаніе. Въ то-же самое время О'Доннель заставилъ Кабреру снять осаду Люцены; этотъ успѣхъ приблизилъ его къ Христинѣ и онъ сдѣлался опаснымъ соперникомъ главнокомандующему Эспартеро, на котораго либералы возлагали всѣ свои надежды. Карлистская война, однакожъ, окончилась не генеральнымъ сраженіемъ, а партіей въ карты. Эспартеро предложилъ карлистскому генералу Марото сыграть въ карты, и кто проиграетъ, тотъ отдастся на волю побѣдителя. Марото проигралъ и подписалъ вергарскую конвенцію, окончившую междоусобную войну. Впрочемъ, война эта, въ дѣйствительности, окончилась въ слѣдующемъ году взятіемъ Мореллы. Самъ донъ-Карлосъ оставилъ Испанію тотчасъ послѣ вергарской конвенціи и поселился въ Буржѣ.

Эспартеро съ энтузіазмомъ принимали во всей Испаніи, ему данъ былъ титулъ „герцога побѣды". Между тѣмъ Христина успѣла снова поссориться съ либералами и возбудить

противъ себя всѣ партіи, упрекавшія ее въ скупости и частой смѣнѣ своихъ фаворитовъ. Ея министръ Перецъ-де-Кастро провелъ въ кортесахъ законъ, ограничивающій муниципальныя права. Пользуясь тѣмъ, что испанцы съ особенной ревностью оберегаютъ свои мѣстныя провинціальныя права, прогрессисты, предводимые Эспартеро, возстали противъ Христины; вскорѣ они заставили ее отречься отъ регентства и провозгласили регентомъ государства и опекуномъ одиннадцатилѣтней принцессы Изабеллы своего предводителя, маршала Эспартеро.

Христина удалилась во Францію и поручила своему эксфавориту О'Доннелю организовать возстаніе противъ новаго регента. О'Доннель вмѣстѣ съ генераломъ Діэго Леономъ рѣшились сдѣлать попытку овладѣть принцессой Изабеллой и затѣмъ разстрѣлять Эспартеро, но ихъ заговоръ былъ открытъ и Леонъ приговоренъ къ разстрѣлянію.

Все это время Серрано быстро шелъ впередъ по службѣ. Послѣ вергарской конвенціи онъ, въ полковничьемъ чинѣ, назначенъ былъ командиромъ бригады, съ которой и прибылъ на стоянку въ Мадридъ. Ему предшествовала репутація красавца и самаго любезнаго офицера въ королевской арміи. Онъ былъ представленъ ко двору и сразу пріобрѣлъ успѣхъ среди женщинъ. Черезъ двѣ недѣли послѣ представленія регентшѣ онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Теперь онъ сталъ думать о парламентской карьерѣ и добился избранія въ Андалузіи: онъ былъ посланъ въ кортесы отъ города Малаги въ 1840 году. Въ это время Эспартеро былъ на верху своего могущества и продолжалъ покровительствовать Серрано. Молодой генералъ и депутатъ, конечно, помѣстился въ рядахъ сторонниковъ регента.

Эспартеро совершилъ нѣсколько ошибокъ; онъ забылъ, что ему слѣдуетъ имѣть въ виду не всю Испанію, а господствующую партію. Онъ заключилъ съ Англіей коммерческій трактатъ, основанный на принципѣ свободной торговли. Этотъ трактатъ не понравился каталонцамъ, завзятымъ протекціонистамъ. Каталонцы, бывшіе до сихъ поръ лучшими друзья-

ми Эспартеро, стали громко кричать, что онъ продалъ свое отечество коварному Альбіону. Барселона возстала; Эспартеро усмирилъ ее. Она возстала въ другой разъ и Эспартеро рѣшился бомбардировать этотъ городъ, который, по мнѣнію испанцевъ, красивѣе и лучше Мадрида. Возстаніе было усмиренно, но Эспартеро въ глазахъ испанцевъ потерялъ славу героя либеральнаго знамени.

Христина, зорко слѣдившая изъ Парижа за событіями въ Испаніи, послала туда своего друга Нарваэца, который высадился въ Валенсіи и поднялъ тамъ знамя бунта. Въ Ардоцѣ онъ разбилъ отрядъ правительственныхъ войскъ. Послѣ этого успѣха къ нему присоединились Серрано и Конха, возмутившіе Барселону. Серрано, видя, что успѣхъ измѣняетъ старому Эспартеро, постарался поскорѣе забыть, что онъ обязанъ ему своимъ возвышеніемъ.

Нарваэцъ, умный, рѣшительный, способный, хотя весьма неразборчивый въ выборѣ средствъ для достиженія цѣли, съ энергіей велъ дѣло возстанія. Онъ повелъ форсированнымъ маршемъ къ Мадриду свою армію, увеличивавшуюся въ численности на каждомъ переходѣ. Регентъ Эспартеро, генералиссимусъ испанскихъ войскъ, побѣдитель во ста сраженіяхъ, не могъ даже сдѣлать попытки къ серьезному сопротивленію. Ему оставалось теперь какъ можно скорѣе оставить Испанію. Въ то время, какъ Эспартеро садился въ Кадиксѣ на корабль, отплывающій въ Англію, гордый и мрачный Нарваэцъ торжественно вступалъ въ Мадридъ, имѣя въ своей свитѣ О'Доннеля, Конху и Серрано.

Возстаніе Нарваэца было совершено во имя либерализма. Нарваэцъ объявлялъ, что онъ свергъ Эспартеро потому, что регентъ попралъ свободу и нарушилъ конституцію. Побѣдитель намѣревался возстановить и то, и другое; а для начала онъ разогналъ кортесы и замѣнилъ ихъ такъ-называемымъ народнымъ правительствомъ, составленнымъ изъ его друзей и вѣрныхъ пособниковъ. Когда онъ успѣлъ раздать всѣ важнѣйшіе административные посты своимъ креатурамъ и занять войсками главнѣйшіе стратегическіе пункты, Нарваэцъ

снялъ прогрессистскую маску, призвалъ въ свое министерство Гонзалеса Браво и, чтобы окончательно очистить путь къ возвращенію Маріи-Христины, отмѣнилъ дѣйствіе конституціи 1836 года, замѣнивъ ее номинальнымъ парламентарнымъ порядкомъ, и объявилъ всю Испанію въ осадномъ положеніи. Собранные Нарваэцомъ кортесы, составленные теперь изъ его друзей, въ благодарность за возвращенныя имъ права испанскому народу, провозгласили его герцогомъ валенцскимъ, а нарушителя этихъ правъ, Эспартеро, приговорили къ вѣчной ссылкѣ.

Во время своего невольнаго пребыванія въ Парижѣ Христина сговорилась съ королемъ Люи-Филиппомъ устроить два брака: выдать Изабеллу, наслѣдницу испанскаго трона, и ея сестру Луизу за двухъ сыновей французскаго короля—герцоговъ Омальскаго и Монпансье. Эти браки были выгодны для обѣихъ фамилій; по крайней мѣрѣ, такъ думалъ Люи-Филиппъ, но онъ дѣлалъ свои разсчеты, не посовѣтовавшись съ своимъ другомъ Пальмерстономъ, который страстно любилъ подставлять ногу своему союзнику. На этотъ разъ англійскій министръ рѣшительно разсвирѣпѣлъ; онъ объявилъ, что если его другъ не откажется отъ своего плана, можетъ возникнуть война между Англіей и Франціей. Люи-Филиппъ, какъ ревностный охранитель мира, поспѣшилъ успокоить своего друга, отказавшись отъ половины плана: бракъ долженъ былъ состояться между герцогомъ Монпансье и принцессой Луизой; для королевы-же Изабеллы Люи-Филиппъ предложилъ ея двоюроднаго брата Франциска Ассизскаго, по характеру и развитію человѣка ничтожнаго. Хитрый французскій король полагалъ, что, имѣя такого мужа, королева Изабелла легко подпадетъ подъ вліяніе самого Люи-Филиппа. Назначенный королевѣ Изабеллѣ женихъ былъ къ тому-же некрасивъ собой. Юная королева плакала, умоляла не выдавать ея замужъ за нелюбимаго кузена, но ничто не помогло, политическіе разсчеты взяли верхъ и бракъ заключенъ былъ въ октябрѣ 1846 года.

Понятно, что бракъ, заключенный при такихъ условіяхъ,

не могъ быть счастливымъ. Юная королева не могла привыкнуть къ своему супругу, который умѣлъ наводить скуку на всякаго, кто удостоивался чести быть его собесѣдникомъ; пылкая, страстная, веселая, живая, молодая королева стала избѣгать его общества и сближаться съ окружавшими ее царедворцами. Она, конечно, замѣтила ловкаго, красиваго, веселаго молодаго генерала Серрано и онъ вскорѣ сдѣлался ея любимцемъ. Это не понравилось супругу королевы и онъ громко высказалъ свое неудовольствіе. Министръ Сотомайоръ, желая уладить возникшій разладъ въ королевской фамиліи, далъ приказъ генералу Серрано отправиться инспектировать отдаленные гарнизоны. Серрано, съ улыбкой, вручилъ Сотомайору повелѣніе королевы объ увольненіи его, Сотомайора, и о порученіи генералу Серрано составить новый кабинетъ. Серрано пригласилъ въ свое министерство Пачеко и Саламанку, пользовавшихся весьма нелестной репутаціей въ Испаніи. Министерство Серрано, вступившее въ должность въ сентябрѣ 1847 года, считало себя принадлежащимъ къ прогрессистской партіи.

Испанцы всегда были монархистами и благоговѣли передъ своими королями, которые для приданія себѣ большаго значенія, окружали себя таинственностью и самымъ строгимъ этикетомъ; они являлись въ публикѣ, окруженные почти азіятскою пышностью. Въ самый театръ они показывались только во дни торжественныхъ спектаклей и непремѣнно съ огромной свитой. Королева Марія-Луиза, страстно любившая оперу, рѣшилась-было измѣнить существующему обычаю и позволила себѣ пріѣхать въ театръ запросто. Такой поступокъ ея произвелъ страшный скандалъ; вся Испанія заговорила о томъ, что королева не умѣетъ держать себя по-королевски. Объявленіе Изабеллы совершеннолѣтней королевой встрѣчено было съ энтузіазмомъ всей націей; она сразу пріобрѣла себѣ обожаніе отъ своего рыцарскаго народа. Какъ-же глубоко былъ огорченъ этотъ народъ, когда по всей странѣ распространились слухи о разладѣ въ королевскомъ семействѣ, о сближеніи королевы съ Серрано,—слухи, подтвердив-

шіеся назначеніемъ Серрано первымъ министромъ. Съ этого времени въ Испаніи стала возможной оппозиція противъ самой монархіи и организованіе республиканской партіи.

Общественное мнѣніе было возбуждено толками о скандальныхъ происшествіяхъ при дворѣ. Конечно, при Маріѣ-Христинѣ скандалы случались чаще, но она была только регентшей, а не царствующей королевой. Взрывъ народнаго негодованія обратился противъ Серрано. Главнымъ противникомъ его явился Нарваэцъ. Серрано вынужденъ былъ удалиться; онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Гренады, а Нарваэцу было поручено составить новое министерство.

Когда наступила революція 1848 года, Изабеллѣ было всего восемнадцать лѣтъ отъ роду. Испанскій народъ питалъ къ своей юной королевѣ рыцарскія чувства, и этотъ годъ прошелъ въ Испаніи совершенно спокойно, хотя въ сосѣдствѣ съ нею, во всей западной Европѣ вспыхнула революція. Этотъ годъ ознаменовался въ Испаніи только приготовленіемъ экспедиціи въ Италію. Изабелла, несмотря на либеральное воспитаніе, которое хотѣлъ дать ей добрякъ Эспартеро, была ревностной католичкой. По ея настоятельному требованію Нарваэцъ рѣшился на вооруженное вмѣшательство въ дѣла Италіи. Въ Римѣ была провозглашена республика. Папа оставилъ свою столицу. Испанскія войска должны были высадиться въ Чивита-Векіа и вооруженной рукою возстановить папу на св. престолѣ. Неизвѣстно, оттого-ли, что экспедиція должна была состояться противъ желанія Нарваэца, или оттого, что военнымъ министерствомъ не было сдѣлано необходимыхъ заготовокъ для отдаленнаго похода, но только, пока испанцы собирались, французы уже успѣли высадиться и начать борьбу за папу. Тѣмъ не менѣе папа остался доволенъ и тѣмъ, что Испанія желала помочь ему. Онъ прислалъ свое благословеніе королевѣ и Нарваэцу, которые поспѣшили отблагодарить св. отца присылкой тіары, осыпанной алмазами и другими драгоцѣнными камнями.

Періодъ испанской исторіи съ 1848—1854 годъ характеризуется клерикальной политикой Испаніи. Правительство

Нарваэца, вначалѣ не особенно расположенное къ клерикаламъ, мало-по-малу примирялось съ ними и, наконецъ сдѣлалось слугою клерикализма. Но чѣмъ дальше шло правительство по этому пути, тѣмъ все болѣе и болѣе ослабѣвали симпатіи народа къ королевѣ. Правда, этотъ періодъ былъ самымъ спокойнымъ во все царствованіе Изабеллы. Суровый Нарваэцъ умѣлъ сдерживать юную королеву; при дворѣ шла болѣе тихая и спокойная жизнь и было менѣе поводовъ къ толкамъ, имѣвшимъ результатомъ паденіе Серрано.

Однакожъ, клерикальное господство, какъ и всегда, снова опротивѣло Испаніи. Въ февралѣ 1854 года возстала Сарагосса; Серрано принималъ тайное участіе въ этомъ возстаніи, хотя въ то-же время старался увѣрить королеву, что онъ тутъ не причемъ. 28 іюля этого-же года возсталъ Мадридъ; возстаніемъ руководили прогрессисты О'Доннель и Серрано. Они производили свое возстаніе, конечно, во имя свободы; но, опасаясь, что встрѣтятъ недовѣріе къ своимъ заявленіямъ, они выставили на своемъ знамени имя Эспартеро, которое, благодаря жестокости и притѣсненіямъ Нарваэца, снова пріобрѣло громадную популярность въ народныхъ массахъ. И, въ самомъ дѣлѣ, это имя дало возстанію побѣду, но предводители перессорились, когда пришлось подѣлиться ея плодами. Эспартеро былъ назначенъ первымъ министромъ. О'Доннель и Серрано получили министерскіе портфели въ его министерствѣ; но каждый изъ нихъ самъ желалъ занять первое мѣсто; поэтому они вскорѣ отдѣлились отъ Эспартеро и встали во главѣ новой партіи, которая, въ отличіе отъ чистой прогрессистской партіи, приняла названіе прогрессистовъ-консерваторовъ. Серрано, однакожъ, не унывалъ; онъ снова сблизился съ королевой. Онъ такъ настоятельно просилъ простить его, увѣряя, что возсталъ противъ Нарваэца, имѣя въ виду исключительно выгоды ея, королевы, что она не могла не простить ему, тѣмъ болѣе, что она не любила добряка, но ворчуна Эспартеро, который чувствовалъ къ ней религіозное обожаніе, но смотрѣлъ на нее, какъ на ребенка, ввѣреннаго его попеченію, и продолжалъ дѣлать ей отеческія вну-

шенія, какъ въ то время, когда онъ былъ регентомъ государства и ея опекуномъ.

Эспартеро, принимая власть въ свои руки, увидѣлъ, что все, сдѣланное имъ во время его регентства, было уничтожено и ему приходится начинать опять съизнова. Эспартеро, замѣчательный военный генералъ и хорошій человѣкъ, былъ весьма посредственнымъ государственнымъ дѣятелемъ. Роль, которую онъ теперь долженъ былъ взять на себя, была ему не по силамъ, у него не хватило характера для ея выполненія, и онъ въ свое президентство отъ 1854—56 года надѣлалъ еще болѣе ошибокъ, чѣмъ во время регентства отъ 1841—43 г. Ясно видя, что О'Доннель идетъ противъ него и стоитъ во главѣ враждебной ему партіи, Эспартеро оставлялъ за нимъ портфель военнаго министра. Вмѣсто того, чтобы удалить изъ Мадрида своихъ явныхъ враговъ Прима, Дульче, Цабалу и Серрано, онъ роздалъ имъ самыя высшія, вліятельныя мѣста въ правительствѣ и подчинилъ имъ всю администрацію. Въ кортесахъ, правда, онъ имѣлъ значительное большинство, но администрація вела тайные подкопы подъ его власть. Мало-по-малу его враги, опираясь на поддержку королевы, возстановили противъ него кортесы, такъ что уставшій отъ борьбы Эспартеро въ іюлѣ 1856 года подалъ въ отставку. Этого только и ждали его враги; они взволновали столицу и, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ кортесахъ не можетъ составиться необходимаго большинства для новаго министерства, предложили имъ разойтись. Когда-же кортесы отказались исполнить это требованіе, Серрано окружилъ войсками дворецъ народнаго представительства и сталъ стрѣлять въ него. Противъ такого аргумента возражать было невозможно и депутаты поспѣшили оставить залу своихъ засѣданій. Столица возстала на защиту кортесовъ, но О'Доннель и Серрано быстро подавили это возстаніе.

III.

Революція 1854 года была направлена противъ ультра-реакціоннаго кабинета; своимъ успѣхомъ она обязана коалиціи всѣхъ либеральныхъ и полулиберальныхъ партій; контръ-революція 1856 года, произведенная коалиціей реакціонныхъ и полулиберальныхъ партій, низвергла либеральный кабинетъ. Эта новая коалиція получила названіе „либеральной уніи“ и стала господствующей партіей въ Испаніи во всѣ остальные годы управленія королевы Изабеллы. Этотъ союзъ сталъ руководиться принципами, о которыхъ даже и не думали его основатели. И на этотъ разъ ни О'Доннель, ни Серрано не получили перваго мѣста, котораго они добивались. Они работали для Нарваэца. Два года онъ управлялъ Испаніей, возбуждая противъ себя, какъ и прежде, всеобщее негодованіе. Наконецъ, О'Доннель свергъ его и самъ занялъ его мѣсто. Что касается Серрано, то отъ него постарались избавиться, назначивъ его сперва посланникомъ въ Парижъ, а потомъ генералъ-губернаторомъ Кубы. Онъ слишкомъ часто участвовалъ въ пронунціаменто, поэтому министерство сочло его опаснымъ человѣкомъ и постаралось удалить изъ столицы. Генералъ-губернаторство въ Кубѣ считалось почетнымъ и чрезвычайно выгоднымъ постомъ. Генералъ - губернаторъ пользовался правами вице-короля, т. е. почти неограниченной властью. Каждый губернаторъ имѣлъ возможность быстро нажиться въ Кубѣ; для этого ему слѣдовало только сквозь пальцы смотрѣть на привозъ рабовъ-негровъ, участвовать въ торговлѣ табакомъ и безконтрольно распоряжаться таможенными доходами. Серрано поступалъ, какъ и его предшественники, и въ нѣсколько лѣтъ управленія благословенной страной разбогатѣлъ и женился на очень богатой, честолюбивой красавицѣ-креолкѣ въ Гаваннѣ. Королева Изабелла продолжала ему покровительствовать; она сдѣлала его герцогомъ дела-Торре.

О'Доннель, такъ легко свергнувшій двухъ своихъ могучихъ соперниковъ, Эспартеро и Нарваэца, естественно опасался, что и его могутъ съ такой-же легкостью низвергнуть съ высоты власти. Онъ рѣшилъ, что лучшимъ средствомъ противъ такой случайности будетъ внѣшняя война. Побѣды надъ какимъ-нибудь слабѣйшимъ противникомъ отвлекутъ вниманіе націи отъ внутренней политики, и господство О'Доннеля будетъ, такимъ образомъ, вполнѣ обезпечено. Точно по мановенію волшебнаго жезла, оказалось, что Мулей-Аббасъ-Измаилъ, повелитель Мароко, ненавидитъ испанцевъ, что онъ мучитъ христіанъ, плѣненныхъ его крейсерами, т. е. морскими пиратами, что онъ оскорбляетъ католическихъ миссіонеровъ и пр. Такія дѣйствія магометанскаго государя, конечно, тяжко оскорбляли честь католической Испаніи; чтобы смыть оскорбленіе, приходилось прибѣгнуть къ оружію. Однакожъ, для приличія, слѣдовало попробовать окончить споръ дипломатическимъ путемъ. Испанія требовала уступки части марокской территоріи и торжественнаго извиненія. Во время этихъ переговоровъ Мулей умеръ; наслѣдникъ его, Сиди-Магометъ, понимая, что глиняному горшку нельзя состязаться съ желѣзнымъ котломъ, готовъ былъ согласиться и на извиненія и на уступку территоріи, но испанцы постоянно усиливали свои требованія, такъ что, наконецъ, вывели изъ себя уступчиваго Сиди-Магомета. Этого только и добивался О'Доннель; онъ поспѣшилъ объявить войну марокцамъ.

Война, конечно, сопровождалась успѣхомъ. Первую побѣду надъ марокцами одержалъ Примъ, за что получилъ титулъ маркиза де-Кастильегосъ; вторая и окончательная побѣда подъ Тетуаномъ выпала на долю самого перваго министра; онъ былъ награжденъ за нее титуломъ герцога тетуанскаго.

Апетитъ приходитъ во время самаго обѣда, говоритъ пословица. Марокская война, покрывшая дешевыми лаврами испанскую армію, вызвала самый пылкій энтузіазмъ во всей испанской націи. О'Доннелю, естественно, пришла охота собрать ихъ и въ другомъ мѣстѣ. Санъ-Доминго, старинная испанская колонія, освободившаяся отъ Испаніи, была снова

предана ей измѣнникомъ Сантанною. Этимъ дѣломъ руководилъ Серрано, получившій за свои подвиги маршальскій жезлъ и достоинство гранда первой степени. Сан-домингское дѣло еще болѣе подняло значеніе О'Доннеля и утвердило его популярность.

Этихъ лавровъ было мало честолюбивому О'Доннелю; ему пришла охота увѣнчать себя какимъ-нибудь грандіознымъ предпріятіемъ и онъ задумалъ покорить Мехику. Одной Испаніи невозможно было рискнуть на такое дѣло. О'Доннель рѣшился втянуть въ него Наполеона III, который, впрочемъ, уже подумывалъ о томъ-же, по настоянію Морни, разсчитывавшаго выиграть на предпріятіи милліоновъ десять франковъ. Произошло свиданіе между уполномоченнымъ О'Доннеля, Примомъ, и Наполеономъ III; они отлично поняли другъ друга,—по крайней мѣрѣ, такъ они думали сами, но послѣдующія событія показали, что они оба ошибались. Примъ провелъ Наполеона; впрочемъ, и Наполеонъ не остался въ долгу: Примъ полагалъ, что французскій императоръ не будетъ противиться его избранію въ мехиканскіе императоры, а у Наполеона уже былъ свой кандидатъ на этотъ престолъ. Вслѣдъ за этимъ соглашеніемъ къ дѣлу привлеченъ былъ и лордъ Пальмерстонъ. Покореніемъ мехиканской республики союзники надѣялись нанести рѣшительный ударъ Соединеннымъ Штатамъ. Договоръ между союзниками былъ подписанъ 31 октября 1861 года.

Герцогъ и герцогиня де-ла-Торре изъ своего гаванскаго дворца съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдили за переговорами по мехиканскому дѣлу. Имъ было извѣстно, что договаривающіяся стороны рѣшили возстановить монархію въ Мехикѣ, но кому предназначенъ новый тронъ—въ договорѣ не было упомянуто. Ходили слухи, что его предложатъ австрійскому эрцгерцогу Максимиліану, но королева Изабелла, опять-таки въ видахъ слiянія старшей линіи Бурбоновъ съ младшей, предпочитала посадить на мехиканскій тронъ инфанта дон-Себастіана. „Почему-же мнѣ не возложить на свою голову императорской короны?“ подумывалъ Серрано,

подстрекаемый женой. О томъ-же мечтали Примъ и маршалъ Базэнъ.

Серрано, жившій въ Гаваннѣ, лучше всѣхъ другихъ испанскихъ генераловъ былъ знакомъ съ положеніемъ дѣлъ въ Мехикѣ; поэтому онъ разсчитывалъ, что его непремѣнно назначатъ или главнокомандующимъ всѣхъ союзныхъ войскъ, или, по крайней мѣрѣ, начальникомъ экспедиціонной испанской арміи. Каково-же было его негодованіе, когда онъ узналъ, что во главѣ испанскихъ войскъ поставленъ его соперникъ, Примъ. Желая выиграть быстротой и до прибытія союзниковъ завладѣть хотя Вера-Крупомъ, Серрано 7 декабря явился передъ этимъ городомъ. Онъ оправдывалъ свои дѣйствія тѣмъ, что слѣдовало прежде всего обезпечить жизнь испанцевъ, проживавшихъ въ Мехикѣ, такъ-какъ, вслѣдствіе лондонскаго трактата, имъ угрожала серьезная опасность. Но его силы были слишкомъ недостаточны для рѣшительныхъ дѣйствій и его появленіе у береговъ Мехики не произвело ожидаемаго впечатлѣнія. Черезъ одиннадцать дней прибылъ Примъ и крайне удивился, узнавъ, что Серрано опередилъ его. Серрано поспѣшилъ удалиться, понимая, что съ прибытіемъ Прима роль его оканчивается.

Примъ попытался войти въ сношеніе съ мехиканцами, полагая, что они, можетъ быть, предложатъ ему порѣшить дѣло до прибытія французскаго дессанта. Но когда онъ увидѣлъ, что ему нечего разсчитывать здѣсь на личныя для себя выгоды, онъ вмѣстѣ съ англичанами бросилъ французовъ, предоставивъ имъ однимъ выпутываться изъ затруднительнаго положенія, а самъ съ своими войсками отправился въ Гавану. Здѣсь онъ отдалъ приказаніе усилить перевозочныя средства, такъ-какъ теперь ихъ оказывалось недостаточно для переѣзда въ Европу. Серрано отказался помогать ему,—мало того, онъ не соглашался отпустить съ Примомъ войска, преданныя этому честолюбцу. Серрано ожидалъ, что королева поручитъ ему командованіе надъ войсками и дастъ приказаніе снова произвести высадку въ Мехику. Но изъ Мадрида пришло повелѣніе немедленно отправить войска въ Европу, и Серрано уступилъ.

IV.

Правительство начало мехиканскую экспедицію, не спросясь кортесовъ, оно отозвало оттуда войска также безъ согласія народнаго представительства. Если-бы эта экспедиція увѣнчалась блистательнымъ успѣхомъ, она, по всей вѣроятности, возбудила-бы народный энтузіазмъ; но результатовъ отъ нея никакихъ не получилось и она послужила поводомъ къ оппозиціи, которая свергла О'Доннеля. Его мѣсто занялъ Нарваэцъ, вскорѣ вынужденный выйти въ отставку и уступить свое мѣсто О'Доннелю. Затѣмъ опять Нарваэцъ, послѣ О'Доннель, и такъ почти до конца царствованія Изабеллы. Эти двѣ личности, одинъ представитель такъ-называемой умѣренной партіи, а другой—прогресистской, боролись другъ съ другомъ за обладаніе кресломъ перваго министра. Въ этой борьбѣ объ Испаніи и ея народныхъ интересахъ никто не думалъ; на ея долю были отданы только потери и бѣдствія, которыя являлись результатомъ этого постояннаго соперничества. Такъ дѣла шли до тѣхъ поръ, пока 5 ноября 1867 года умеръ О'Доннель. Его соперникъ немного пережилъ его: смерть его послѣдовала 23 апрѣля 1868 года. Про Нарваэца разсказываютъ слѣдующій анекдотъ, показывающій, какой репутаціей пользовался этотъ министръ въ Испаніи. Онъ лежалъ уже на смертномъ одрѣ, когда близкіе посовѣтовали ему примириться съ своими врагами.

— Врагами? У меня нѣтъ ихъ, отвѣчалъ Нарваэцъ.

— Какъ, у васъ, Рамона-Маріи Нарваэца, нѣтъ враговъ! Можетъ-ли это быть?

— Откуда взять мнѣ ихъ теперь, когда я ихъ всѣхъ разстрѣлялъ? сказалъ невозмутимо Нарваэцъ.

Королева Изабелла такъ привыкла къ игрѣ между своими министрами Нарваэцомъ и О'Доннелемъ, что послѣ ихъ смер-

ти рѣшительно потеряла голову и кончила тѣмъ, что должна была бѣжать изъ Испаніи.

Что касается Серрано, то въ іюнѣ 1865 года онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Мадрида. Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ назначенія его на этотъ постъ, знаменитый Примъ, которому негдѣ было приткнуться во время борьбы между вѣчными О'Доннелемъ и Нарваэцомъ, прибѣгъ къ обыкновенному средству испанскихъ честолюбцевъ—къ пронунціаменто, но потерпѣлъ пораженіе и бѣжалъ въ Португалію. Серрано имѣлъ удовольствіе участвовать въ пораженіи своего соперника. Въ іюлѣ 1866 года, когда министерство О'Доннеля пало и его, какъ слѣдовало, замѣнилъ Нарваэцъ, Серрано перешелъ въ ряды недовольныхъ. На слѣдующій годъ онъ вмѣстѣ съ О'Доннелемъ, снова министромъ, подавлялъ возмущеніе въ Мадридѣ. О'Доннель при этомъ случаѣ выказалъ чрезмѣрную жестокость. Онъ, конечно, разсчитывалъ, что послѣ такой побѣды надъ инсургентами, его министерское положеніе совершенно упрочится, но ошибся въ своихъ разсчетахъ. Тотчасъ послѣ побѣды его уволили и, разумѣется, замѣнили Нарваэцомъ, который круто принялся за либераловъ. Многіе изъ нихъ оставили Испанію и поселились въ Брюсселѣ и Парижѣ.

V.

Въ это время королева совершенно отдалась въ руки своего духовника, патера Кларета, и фанатической монахини Патрочиніо, не брезгавшей никакими средствами для достиженія цѣли. Вскорѣ къ нимъ присоединился Марфори, и это достойное тріо стало управлять несчастной Испаніей.

Патеру Кларету королева повѣряла свои самыя сокровенныя мысли. Этотъ изувѣръ очень дуренъ собой, характеръ его состоитъ изъ смѣси хитраго іезуита, грубаго солдата и сластолюбиваго монаха. Сынъ ткача, Кларетъ завербовался

въ армію карлистовъ и заслужилъ тамъ чинъ сержанта. По заключеніи мира онъ поступилъ въ монахи и отправился путешествовать изъ деревни въ деревню съ посохомъ въ рукахъ и съ нищенской сумой на спинѣ. Его мѣшокъ постоянно наполнялся яйцами, курами, хлѣбомъ, а карманы бутылками съ виномъ, поданными благочестивыми людьми. Вскорѣ монастырское начальство обратило на него вниманіе и онъ былъ сдѣланъ странствующимъ проповѣдникомъ, миссіонеромъ. Разъ какъ-то ему привелось сказать проповѣдь въ присутствіи королевы матери, въ которой онъ сильно польстилъ правительницѣ. Красная толстая физіономія этого лицемѣра, его наглость, слава рьянаго карлиста очаровали регентшу и она назначила его епископомъ Кубы. Здѣсь онъ соблазнилъ мулатку, дѣвочку 15 лѣтъ; братъ обольщенной, желая отмстить сластолюбцу, нанесъ ему кинжаломъ ударъ въ физіономію. Скандалъ получилъ широкую гласность, такъ что неосторожнаго епископа пришлось отправить въ изгнаніе. Находясь въ ссылкѣ, Кларетъ состряпалъ книгу святошескаго содержанія, подъ заглавіемъ: „La cleve de Ore" (золотой ключъ), въ которой самой ловкой діалектикой оправдываетъ какъ себя, такъ за одно и всѣхъ ему подобныхъ сластолюбцевъ. Ловкая казуистика была замѣчена отцами іезуитами и они назначили Кларета духовникомъ къ королевѣ Изабеллѣ, которая, испытавъ его моральныя и религіозныя убѣжденія, не захотѣла ввѣрять спасеніе своей души никому, кромѣ него.

Сестра Патрочиніо, извѣстная подъ именемъ „кровавой монахини" насколько фанатична, настолько-же склонна къ плутовству. Она стала знаменита ранами на тѣлѣ, сходными съ тѣми, какія были нанесены Христу; эти раны она производила посредствомъ нарывнаго пластыря; но, разумѣется, говорила—и ей вѣрили—что онѣ являлись на тѣлѣ чудомъ, во время ночи, послѣ горячей молитвы. Страданія Спасителя причиняли ей такую горесть, что она, втеченіи нѣсколькихъ дней, рыдала безъ устали, какъ безумная. Эти поразительные для массы факты дали ей славу святой женщины, къ кото-

рой вскорѣ присоединилась слава исцѣлительницы глухихъ, хромыхъ и золотушныхъ. Ея ревность, впрочемъ, зашла было такъ далеко, что, не смотря на покровительство своего ордена, кармелитовъ, она на время должна была переселиться изъ своей монастырской кельи въ тюрьму, куда присуждена была за мошенничество. Освободившись изъ тюрьмы, она перешла въ орденъ іезуитовъ и слава ея увеличилась. Она была представлена королевѣ и въ первое-же свиданіе околдовала ее, что легко объяснить сильнымъ характеромъ монахини, подѣйствовавшимъ на слабо-настроенное воображеніе королевы. Патрочиніо стала дѣйствовать на нее чудесами, надавала ей много амулетовъ на разные случаи и до того убѣдила ее въ своей святости, что королева въ дѣлахъ особенной важности облачалась въ рубашку монахини, убѣжденная, что она защититъ ее отъ всѣхъ бѣдъ, даже отъ кинжала и пули. Патрочиніо изобрѣла для королевы особую „мазь мучениковъ“, которой Изабелла намазывалась въ тяжелыя минуты и потомъ купалась въ іорданской водѣ, также приготовленной кровавой монахиней.

Толстый, широкоплечій, съ коротенькими ножками, съ лицомъ, изрытымъ оспой, Марфори далеко не былъ красивъ собою; но, по словамъ королевы, онъ ослѣплялъ своимъ взглядомъ. Его узкій лобъ, густые бакенбарды, толстыя и развитыя щеки, вздернутый носъ, широкія ноздри, усы, растущіе кустомъ на верхней губѣ, самыя губы толстыя и чувственныя, покрытыя желтоватымъ сокомъ сигары, сильно напоминали фигуру цѣловальника или продавца глиняныхъ статуэтокъ. Между тѣмъ, не обладая ни умомъ, ни красотой, онъ сталъ министромъ двора королевы, ея камергеромъ, маркизомъ де-Лайа, зятемъ Нарваэца. Наконецъ, королева слишкомъ явно передъ всѣмъ дворомъ показала, на сколько близокъ ей Марфори: она сдѣлала его своимъ любовникомъ. Марфори началъ свою карьеру простымъ солдатомъ, потомъ сдѣлался уличнымъ ходатаемъ по дѣламъ, пишущимъ всякія кляузы, просительныя и любовныя письма и пр.; затѣмъ поступилъ въ хористы итальянской оперы въ Мадридѣ. Это

плутъ, перешедшій черезъ вся тяжкая, Жиль Блазъ и Фигаро вмѣстѣ.

Существуетъ-ли какая-нибудь другая страна въ мірѣ, кромѣ развѣ „герцогства герольштейнскаго", гдѣ-бы достоинство такъ цѣнилось, какъ въ Испаніи. Патрочиніо, Кларетъ, Марфори становятся государственными дѣятелями и руководятъ судьбами страны! Марфори, вышедшій изъ казармъ, являвшійся на театральныхъ подмосткахъ, въ бумажной кирасѣ и съ бумажнымъ мечемъ, сибаритски располагается въ королевскихъ покояхъ, командуетъ броненосной „армадой" и фамильярно подаетъ руку своей королевѣ!

Эти пресловутые правители убѣдили королеву, что она обязана вмѣшаться въ большую европейскую войну въ союзѣ съ Наполеономъ III, послать въ Римъ 40,000 войска для замѣны французскихъ войскъ и возстановить Бурбоновъ въ Неаполѣ. Эти планы могло осуществить только самое реакціонное министерство и потому королева Изабелла стала все тѣснѣе и тѣснѣе сближаться съ клерикалами. Нарваэцъ умеръ; она замѣнила его Гонзалесомъ Браво, менѣе энергичнымъ и менѣе способнымъ, чѣмъ Нарваэцъ, но болѣе его жестокимъ и свирѣпымъ. Гонзалесъ думалъ успокоить Испанію, избавивъ ее отъ своихъ личныхъ враговъ, которыхъ онъ рѣшилъ отправить въ ссылку на Канарскіе острова. Серрано, Дульче, Цабала, Кордова и другіе были арестованы ночью въ ихъ квартирахъ и заключены въ тюрьму. Всѣ эти генералы, всѣ эти мелкіе и хищные честолюбцы, производившіе государственные перевороты и игравшіе въ революцію, какъ въ биржевую спекуляцію, сами сдѣлались жертвой государственнаго переворота; они на самихъ себѣ испытали прелести тюремнаго заключенія, которому подвергали другихъ; они изгоняли и разстрѣливали своихъ враговъ, какъ хладнокровнѣйшіе изъ палачей, и вотъ теперь на-досугѣ, въ тюремномъ казематѣ, могли поразмыслить о положеніи своихъ жертвъ и ихъ печальной участи.

Захвативъ своихъ враговъ, Гонзалесъ Браво задумался: разстрѣлять-ли предводителей или отправить ихъ въ ссылку?

На нѣкоторое время онъ остановился-было на мысли о необходимости ихъ разстрѣлянія, но на этотъ разъ у него не хватило смѣлости, и онъ перемѣнилъ свое намѣреніе; всѣхъ генераловъ онъ отправилъ въ ссылку на Канарскіе острова. Собравшись вмѣстѣ, прогрессисты, уніонисты и демократы, въ виду общаго несчастія, тѣсно соединились между собою и поклялись общими силами отомстить своему гонителю. Такому богачу, какъ Серрано, не трудно было подкупить своихъ тюремщиковъ, и безъ того обращавшихся съ нимъ мягко; они весьма резонно разсуждали, что въ такой странѣ, какъ Испанія, все возможно, и легко можетъ случиться, что Серрано завтра-же станетъ во главѣ правительства и, конечно, вспомнитъ объ ихъ любезномъ обхожденіи съ нимъ, простымъ арестантомъ.

Серрано отлично съумѣлъ воспользоваться своимъ положеніемъ; ему удалось нанять пароходъ и, вмѣстѣ съ своими товарищами по заключенію, отплыть въ Англію. Всѣ испанскіе бѣглецы собрались въ Лондонѣ, гдѣ ожидалъ ихъ знаменитый заговорщикъ дон-Жуанъ Примъ, успѣвшій уже, посредствомъ своихъ агентовъ, подготовить къ возстанію армію и флотъ. Въ деньгахъ заговорщики недостатка не имѣли: герцогъ Монпансье, надѣясь получить испанскую корону, выдалъ имъ нѣсколько милліоновъ франковъ. Заговорщики рѣшили, что въ случаѣ успѣха своего предпріятія, они предложатъ испанскую корону герцогу Монпансье.

V.

Маршалъ Серрано, какъ извѣстно, былъ главнымъ героемъ сентябрьской революціи 1868 года. Генералы Изабеллы, Честе, Конха и Новалихесъ, конечно, не дремали; они употребили всѣ усилія, чтобы спасти ея правительство, и они начали такъ успѣшно, что, не смотря на возстаніе всего флота, можно было еще сомнѣваться въ успѣхѣ возстанія. Но

Серрано оттѣснилъ Новалихеса, и перешелъ альколейскій мостъ, чѣмъ открылъ себѣ путь къ Мадриду. Правительственныя войска стали переходить на сторону революціи. Серрано встрѣчалъ вездѣ восторженный пріемъ, его провозгласили „освободителемъ отечества". Изабелла поспѣшно оставила Испанію.

Побѣдители, согласно заключенному условію, бросились искать герцога Монпансье, чтобы увѣнчать его испанской короной, но нигдѣ не могли найти его. Слишкомъ благоразумный герцогъ долго колебался и когда, наконецъ, рѣшился, то было уже поздно. Республиканская партія, которой до сихъ поръ не придавали никакого значенія, внезапно выступила на сцену и была уже на-столько сильна, что дѣйствовать противъ нея приходилось съ большой осторожностью.

Тотчасъ послѣ своей побѣды, побѣдители провозгласили программу довольно широкихъ реформъ. Они обѣщали: 1) свободу вѣроисповѣданій, 2) упраздненіе монастырей и уничтоженіе религіозныхъ общинъ и корпорацій, 3) всеобщую подачу голосовъ, 4) свободу обученія, 5) объявленіе обученія въ первоначальныхъ школахъ даровымъ и обязательнымъ, 6) муниципальную свободу, 7) свободу прессы, 8) свободу ассоціацій, 9) децентрализацію, 10) судъ присяжныхъ, 11) уничтоженіе рекрутскаго набора, 12) уничтоженіе смертной казни, 13) реформу таможеннаго тарифа, 14) уменьшеніе налоговъ и пр. и пр.

Давая эти обѣщанія побѣдители разсчитывали впередъ не сдержать ихъ. Сколько разъ и сами они давали и получали отъ другихъ обѣщанія никогда не осуществлявшіяся. Серрано, Примъ и Топете, герои 1868 года, полагали, что, провозгласивъ громкія слова „прогрессъ", „свобода", они овладѣютъ положеніемъ и станутъ распоряжаться всѣмъ по своей волѣ. Но эти слова потеряли прежнюю силу; испанскій народъ такъ часто обманывали, что онъ перестаъ вѣрить громкимъ фразамъ и требовалъ теперь уже не словъ, а дѣлъ. Приходилось волей-неволей сдѣлать необходимыя уступки республиканской

партіи и начать свое управленіе съ какой-нибудь существенной реформы.

Уступки эти, впрочемъ, заключались въ томъ, что временное правительство не мѣшало республиканцамъ вести пропаганду, но добраго согласія хватило всего на одинъ мѣсяцъ, который, собственно говоря, прошелъ во всеобщихъ ликованіяхъ и поздравленіяхъ другъ друга съ радостнымъ событіемъ освобожденія отъ Гонзалеса Браво, Марфори и имъ подобныхъ піявокъ, сосавшихъ здоровую кровь государственнаго организма. О дѣлахъ никто не думалъ, испанцы, повидимому, были убѣждены, что все придетъ къ нимъ само-собою. Но когда прошло опьяненіе, всѣ убѣдились, что временное правительство вовсе и не думаетъ серьезно осуществлять свою прогрессивную программу; напротивъ, его дѣйствія доказывали, что оно желаетъ возвратиться назадъ, къ старому произволу. Вся разница должна была состоять въ томъ, что вмѣсто Изабеллы будутъ править Испаніей Примъ, Серрано и Топете; система же управленія останется таже самая.

Первымъ дѣломъ временнаго правительства было распущеніе провинціальныхъ юнтъ, избранныхъ всеобщей подачей голосовъ и представлявшихъ серьезную оппозицію временному правительству. Послѣ распущенія ихъ революція имѣла своихъ представителей только въ генералахъ, искусившихся въ казарменныхъ переворотахъ, опирающихся на одну армію и подчиняющихъ всѣ свои разсчеты слѣпому случаю. Все ихъ желаніе ограничивалось возможностью располагать трономъ по своему желанію и выгадать себѣ тепленькое мѣстечко. Къ несчастію для членовъ временнаго правительства, каждый изъ нихъ имѣлъ своего кандидата, что, безъ сомнѣнія, ставило ихъ въ щекотливыя другъ къ другу отношенія, и они скоро перессорились-бы между собою, если бы ихъ не соединяла одна общая забота: всѣми возможными и зависящими отъ нихъ средствами препятствовать утвержденію въ Испаніи республики. Однакожь, и это общее дѣло врядъ ли бы послужило достаточнымъ поводомъ къ ихъ согласію, еслибы къ нимъ на помощь не подоспѣлъ человѣкъ другого за-

кала. Въ самую критическую для нихъ минуту имъ подалъ руку Риверо, одинъ изъ главнѣйшихъ предводителей республиканской партіи. Только благодаря вліянію Риверо, мадридская юнта согласилась разойтись. Разъ рѣшившись помочь противникамъ своей партіи, Риверо пошелъ далѣе. Съ ревностью ренегата онъ принялся строить ковы противъ прежнихъ своихъ друзей и союзниковъ.

Республиканская партія тотчасъ-же замѣтила грозившую ей опасность. Три талантливѣйшіе ея представители, Орензе, Гарридо и Кастеляръ, стали объѣзжать города и села, вездѣ пропагандируя идею испанской республики. Ихъ пропаганда дѣйствовала успѣшно въ самой развитой и самой богатой части Испаніи. За республику высказались промышленные центры:- Кадиксъ, Барселона, Валенсія, Картагена и Малага. Даже въ самомъ Мадридѣ шансы республиканской партіи съ каждымъ днемъ увеличивались.

Примъ, однакожъ, не дремалъ. Съ согласія своихъ товарищей, Серрано и Топете, никогда не рѣшавшихся ему противорѣчить, онъ задумалъ обезоружить національную гвардію, которая въ большей части городовъ стояла на сторонѣ республиканской партіи. Воспользовавшись недоразумѣніями, возникшими между алькадомъ города Пуэрто Санта-Марія и мѣстной національной гвардіей, временное правительство предписало обезоружить ее, что было исполнено послѣ сраженія между національной гвардіей и регулярными войсками, которымъ помогалъ броненосецъ, обстрѣливая позицію гвардейцевъ. Когда въ Кадиксѣ узнали объ этой произвольной мѣрѣ правительства, городъ возмутился. Правительство выслало противъ Кадикса значительную военную силу, которая принудила городъ къ сдачѣ. Національная гвардія и здѣсь была обезоружена. Затѣмъ послѣдовала очередь Севильи и Малаги. Кровожадный Родасъ, командующій правительственными войсками, произвелъ страшную рѣзню въ Малагѣ. Она была взята штурмомъ при помощи флота, обстрѣливавшаго городъ. Энтузіазмъ защитниковъ города былъ такъ великъ, что сражались всѣ, кто только въ силахъ былъ держать ору-

жіе, не исключая женщинъ, мужественно защищавшихъ баррикады. Солдаты, опьяненные яростію, порохомъ и виномъ, ворвавшись въ городъ, потеряли всякое человѣческое чувство и поступали, какъ дикіе звѣри: они грабили, жгли, рѣзали, душили, убивали.

Примъ постарался свалить отвѣтственность за эти убійства на своихъ товарищей Серрано и Топете. Такая наглость взбѣсила Серрано и онъ заявилъ о своемъ намѣреніи выйдти въ отставку. Друзья красавца-генерала испугались и поспѣшили примирить его съ свирѣпымъ товарищемъ, что имъ и удалось исполнить.

Послѣ рѣзни въ Малагѣ, временное правительство постепенно обезоружило національную гвардію тѣхъ городовъ, гдѣ она выражала свои симпатіи республиканскому образу правленія, а потомъ за-урядъ и всѣхъ остальныхъ.

Въ то время, какъ временное правительство истребляло республиканцевъ, карлисты и клерикалы подымали голову; они не исполняли предписаній правительства и оно показывало видъ, что не замѣчаетъ ихъ неповиновенія. Имъ проходили почти безнаказанно даже убійства правительственныхъ лицъ, какъ, напримѣръ, убійство бургосскаго губернатора. Карлисты вздумали похитить драгоцѣнности въ церквахъ, продать ихъ и на вырученныя деньги купить ружей и начать гражданскую войну. Узнавъ объ этомъ и желая спасти отъ похищенія церковное имущество, временное правительство дало распоряженіе сдѣлать всему опись и возложить отвѣтственность за цѣлость, какъ на священниковъ, такъ и на приходскіе совѣты. Губернаторъ Бургоса, получивъ распоряженіе правительства, отправился съ нимъ къ архіепископу.

— Я принесъ вамъ полученное мною распоряженіе министра, сказалъ онъ.

— Я о немъ знаю уже три дня, отвѣчалъ прелатъ съ иронической улыбкой.

— Если вы знаете о немъ, то, надѣюсь, убѣждены, что я немедленно приведу его въ исполненіе и сейчасъ-же иду въ соборъ.

— Идите, васъ тамъ ожидаютъ.

И дѣйствительно, его тамъ ожидали; тамъ было до пятидесяти человѣкъ, священниковъ, монаховъ, монахинь и другихъ церковниковъ. Когда губернаторъ вошелъ и увидѣлъ эти мрачныя лица, онъ понялъ, что ему приготовлена какая-нибудь злая шутка, почему хотѣлъ тотчасъ-же удалиться; но его не пустили, съ яростію бросились на него, повалили на землю и начали угощать ударами кинжаловъ; потомъ стали рвать на части, рѣзать. Зрѣлище было ужасное!

Наконецъ собрались учредительные кортесы. Парламентъ состоялъ изъ пяти фракцій: 1) карлисты-изабелисты, католики-абсолютисты; 2) либеральная унія; 3) коалиція демократовъ-прогрессистовъ; 4) эспартеристы-монархисты и 5) республиканцы. Ни одна изъ этихъ партій, отдѣльно взятая, не могла составить большинства въ собраніи. Сильнѣе всѣхъ численностію была партія прогрессистовъ, талантливостію своихъ членовъ—республиканская. Уже въ первые дни засѣданій палаты обнаружилось, что республиканцы не одержатъ побѣды, на которую они разсчитывали въ первые дни послѣ сентябрьской революціи. Вскорѣ сдѣлалось очевиднымъ, что должна воспослѣдовать монархическая реставрація; вопросъ заключался только въ томъ, кто изъ претендентовъ на испанскую корону одержитъ верхъ.

Но возвратимся къ Серрано.

VII.

Несомнѣнно, что алькалейская побѣда была важнѣйшимъ событіемъ въ жизни Серрано. Онъ, правда, давно уже пользовался извѣстностью, но первая роль ему не давалась, несмотря на всѣ его усилія и интриги. Эспартеро, Нарваэцъ, О'Доннель, Примъ, Гонзалесъ Браво имѣли несравненно большее значеніе, чѣмъ онъ, въ глазахъ испанскаго народа и дипломатическаго міра Европы. За-границей о немъ ничего

не знали, какъ о государственномъ человѣкѣ, и если имя его было вездѣ извѣстно, то только какъ человѣка, близкаго къ королевѣ Изабеллѣ, которая никогда не скрывала своей привязанности къ нему. Но побѣда его надъ Новалихесомъ сразу сдѣлала его равнымъ Приму, а послѣ смерти Прима, онъ остался единственнымъ изъ былыхъ орловъ царствованія Изабеллы; онъ сдѣлался человѣкомъ всемірнымъ; онъ получилъ мѣсто въ галлереѣ портретовъ европейскихъ знаменитостей. При всемъ томъ никто не рѣшится защищать Серрано, когда говорятъ, что его участіе въ сентябрьской революціи достойно порицанія, хотя въ то-же время нельзя отрицать, что онъ оказалъ значительную услугу своей странѣ. Серрано построилъ свою карьеру на изгнаніи королевы, которой онъ обязанъ своимъ возвышеніемъ,—на несчастіи женщины, которую онъ увѣрялъ въ своей преданности и любви и пользовался ея полнымъ расположеніемъ. Изабелла, конечно, надѣлала много пагубныхъ ошибокъ, которыя, натурально, должны были привести ее къ гибели. Но существовали два человѣка, которые обязаны были сдѣлать все, чтобы защитить ее; которые должны были уважать ее и помочь ей перенести несчастіе, когда оно посѣтило ее. Это былъ герцогъ Монпансье, ея зять, продавшій ее и неударившій пальца о палецъ для ея защиты. Это былъ Серрано, искренняя привязанность къ которому послужила началомъ ея непопулярности и вызвала первую оппозицію противъ нея во всѣхъ партіяхъ. Донъ Энрико разсказываетъ, что онъ встрѣтилъ свою кузину Изабеллу въ Біарицѣ въ совершеннѣйшемъ отчаяніи: она безпрестанно твердила: „Никогда-бы я не повѣрила, что Серрано можетъ выказать ко мнѣ такую черную неблагодарность! Какъ могъ забыть онъ милости своей королевы, какъ рѣшился онъ сдѣлать столько зла женщинѣ, которая постоянно желала и дѣлала ему одно добро! Какъ могъ забыть Серрано, что онъ поссорилъ меня съ моимъ мужемъ, что онъ заставилъ его удалиться въ Прадо...“ Изабелла имѣла болѣе права сдѣлать Серрано слѣдующій упрекъ, съ которымъ она въ горячности обратилась къ Эспартеро:

„Я сдѣлала тебя герцогомъ и грандомъ Испаніи, я украсила тебя орденомъ Золотого Руна, но я не могла сдѣлать изъ тебя дворянина!“

Между Эспартеро и Серрано существуетъ сходство только въ томъ, что и тотъ и другой блистательно занимали второстепенное положеніе и выказывали несостоятельность, когда имъ приходилось дѣйствовать на главномъ посту и давать инициативу общей политикѣ.

Своей внѣшностью Серрано всегда дѣйствовалъ обаятельно; многія мерзости сходили ему съ рукъ только благодаря его граціознымъ манерамъ, нѣжному, вкрадчивому голосу и красивой наружности. Но онъ обладаетъ весьма сомнительными нравственными качествами; на его слово никогда нельзя положиться, для собственной пользы онъ готовъ прибѣгнуть ко всякому средству, каково-бы оно ни было; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ лѣнивъ, слабъ характеромъ и эта слабость легко доводитъ его до жестокости. Во время междуцарствія отъ паденія Изабеллы до воцаренія Амедея, когда онъ считался регентомъ Испаніи, онъ все время проводилъ въ ухаживаніи за мадридскими дамами, нисколько не заботясь о государственныхъ дѣлахъ. Какая разница въ этомъ отношеніи между нимъ и Примомъ, который, впрочемъ, далеко превосходилъ его въ безнравственности. Примъ, вѣчно дѣятельный, рѣшительный, не зналъ отдыха. Серрано, послѣ побѣды революціи, былъ назначенъ регентомъ королевства, но остался только номинальнымъ главой государства. Онъ поселился въ королевскомъ дворцѣ; его супруга разъѣзжала по городу въ открытой коляскѣ, окруженная толпой обожателей, которые выказывали ей почитаніе, подобающее королевѣ,—и только; далѣе этого Серрано не шелъ и нисколько не заботился о томъ, что дѣлается въ управляемомъ имъ государствѣ. Настоящимъ повелителемъ былъ военный министръ Примъ. Онъ зналъ все, что дѣлается въ странѣ; отъ его зоркаго взгляда не могъ ускользнуть ни одинъ солдатъ, ни одинъ полевой сторожъ. Кромѣ военнаго министерства, онъ вѣдалъ внутреннія дѣла; по его указаніямъ работало министерство

иностранныхъ дѣлъ и онъ заправлялъ внѣшними сношеніями. Мадридское городское управленіе дѣйствовало подъ его вліяніемъ, которому невольно подчинялись не только предводители монархическихъ партій, но даже и такіе представители республиканской партіи, какъ Кастелярь и Фигуарасъ. Роли въ управленіи государствомъ между тремя побѣдителями надъ правительствомъ Изабеллы были распредѣлены такъ: Примъ былъ всѣмъ и казался очень немногимъ; Серрано казался всѣмъ, а былъ почти ничѣмъ; Топете и казался, и былъ ничѣмъ. Такъ шли дѣла во все время регентства Серрано. Онъ наслаждался всѣми внѣшними выгодами своего положенія, но не имѣлъ своей партіи и не могъ разсчитывать навѣрное ни на одного солдата. Между тѣмъ Примъ создалъ себѣ партію послушныхъ сторонниковъ; онъ сформировалъ батальонъ головорѣзовъ изъ мадридской черни, которые готовы были идти за него въ огонь и воду; они наводили ужасъ на Мадридъ. Между тѣмъ мадридская полиція почти не знала о ихъ существованіи, хотя они дѣйствовали довольно явно. Напримѣръ, они вторгались въ типографіи, гдѣ печатались газеты, непріязненныя Приму, ломали типографскіе станки, рвали отпечатанные листы газетъ. Въ театрѣ они неистово шикали пьесѣ, въ которой затрогивался ихъ патронъ; случалось, что они врывались на сцену и тогда доставалось отъ нихъ актрисамъ и актерамъ, исполнявшимъ роли въ такой пьесѣ. Въ нѣсколькихъ кафе собирались карлисты и разнесся слухъ, что они замышляютъ что-то недоброе противъ исполнительной власти; охранители (такъ называлъ себя батальонъ) потчивали всѣхъ выходящихъ изъ этихъ кафе палками и повторяли свою экзекуцію нѣсколько ночей къ ряду, такъ-что, наконецъ, эти кафе совершенно опустѣли. Замѣтимъ кстати, что Сагаста во время своего министерства успѣлъ собрать остатки этихъ головорѣзовъ и пользовался ими для своихъ цѣлей.

VIII.

Когда въ Испаніи всѣмъ стало ясно, что временное правительство намѣревается возстановить монархію, никто не сомнѣвался, что претендентомъ на корону долженъ явиться или Примъ, или Серрано, или-же оба вмѣстѣ. При этомъ, конечно, всякій былъ убѣжденъ, что если по этому поводу возгорится между ними борьба, верхъ одержитъ Примъ, какъ болѣе способный и рѣшительный. Серрано точно такъ-же не могъ-бы выдержать съ нимъ борьбу, какъ Эспартеро не рѣшался противостоять Нарваэцу. Но ни Примъ, ни Серрано не рискнули заявить такихъ притязаній. Если они не рискнули—значитъ, невозможно было рискнуть, такъ-какъ въ недостаткѣ честолюбія нельзя было упрекнуть ни того, ни другого. Но такъ-какъ оба они рѣшились возстановить монархію, то слѣдовало отыскать короля. Предложили корону старому дону Фернандо португальскому; потомъ обратились къ Виктору-Эмануилу съ просьбою отпустить въ Испанію или сына Амедея, или племянника Томазито, сына принца Кариньянскаго. Кому Испанія сама предлагала корону, тѣ не хотѣли принимать ее; кто желалъ возложить ее на себя, тѣхъ не хотѣла Испанія. Главными претендентами, конечно, были: герцогъ Монпансье и донъ-Карлосъ, недавно пытавшійся взять силой корону, которую Испанія не хотѣла предложить ему добровольно; Изабелла, употреблявшая всѣ усилія, чтобы снова заполучить ее, если не для себя, то, по крайней мѣрѣ, для своего сына Альфонса. Монпансье дѣлалъ все возможное для привлеченія на себя вниманія испанцевъ; онъ сыпалъ щедрою рукою деньги во время выборовъ, подкупалъ прессу, льстилъ арміи и давалъ ей блистательныя обѣщанія, — но тщетно: испанцы не хотѣли простить ему измѣны его своей невѣсткѣ, осыпавшей его милостями и богатствомъ. Тріумвиратъ — Серрано, Примъ и Топете держали его сто-

рону и вначалѣ ревностно пропагандировали его кандидатуру, но скоро убѣдились, что она рѣшительно невозможна. Будучи не въ силахъ дать ему корону, они возвратили ему деньги, которыя онъ выдалъ имъ для возстанія. Герцогъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые даютъ даромъ деньги: „Или сдѣлайте, что обѣщали, или подайте назадъ деньги!" неустанно твердилъ герцогъ и получилъ сполна свой капиталъ. Главная бѣда для Монпансье заключалась въ томъ, что тюльерійскій дворъ высказался рѣшительно противъ его кандидатуры. „Все, что угодно, только не Монпансье!" категорически заявила императрица Евгенія, принявшая подъ свое покровительство королеву Изабеллу. Наполеонъ III въ болѣе мягкой формѣ выразилъ также свое желаніе объ исключеніи герцога Монпансье изъ списка кандидатовъ на испанскій престолъ.

Позволительно предположить, что, отвѣчая: „все, что угодно, только не Монпансье!" тюльерійскій дворъ выразился легкомысленно или, по крайней мѣрѣ, не вполнѣ искренно, потому что, когда представилась кандидатура Гогенцолерна, т. е. фамиліи, къ которой до тѣхъ поръ благоволилъ императоръ Наполеонъ III, тюльерійскій дворъ отвѣтилъ также категорически: „Все, что угодно, только не Гогенцолерна!"

Извѣстно, что гогенцолернская кандидатура привела къ пораженію Франціи и возвышенію Пруссіи. Воспользовавшись выступленіемъ французскихъ войскъ изъ Рима, король Викторъ-Эмануилъ выполнилъ завѣтное желаніе своего народа— овладѣлъ вѣчнымъ городомъ и сдѣлалъ его столицей Италіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ позволилъ своему сыну Амедею принять испанскую корону.

Почти въ самый моментъ вступленія Амедея на испанскую землю Примъ былъ убитъ среди бѣлаго дня на улицахъ Мадрида. Преступники до сихъ поръ не обнаружены, хотя власти нѣсколько разъ уже повторяли изслѣдованіе и каждый разъ заключали въ тюрьмы десятки подозрѣваемыхъ, большею частію бродягъ и людей сомнительной нравственности. Слухи указывали на многихъ извѣстныхъ личностей, однакожъ, раз-

слѣдованіе не открыло достаточныхъ фактовъ къ ихъ обвиненію, и таинственное происшествіе до сихъ поръ остается неразъясненнымъ. Серрано съ напускнымъ пафосомъ поклялся надъ трупомъ Прима, что онъ до послѣдней капли своей крови станетъ защищать Амедея и его династію.

Смерть Прима существенно измѣнила характеръ новаго царствованія. Во главѣ управленія вмѣсто Прима, который непремѣнно вложилъ-бы въ него свою собственную инціативу, явился Серрано, который ничему не могъ дать никакого направленія. Примъ желалъ самъ управлять государствомъ, предоставя Амедею всѣ выгоды королевской власти безъ сопровождающихъ ее тягостей и заботъ. Планъ его извѣстенъ. Онъ намѣревался удалить изъ администраціи всѣхъ, кто не заявилъ себя рьянымъ примистомъ и амедеистомъ; со всякой оппозиціей онъ предполагалъ расправляться круто; онъ былъ достойнымъ ученикомъ Нарваэца и считалъ жестокость необходимымъ и существеннымъ атрибутомъ правительственной власти. Онъ постоянно толковалъ, что Испанію слѣдуетъ очистить отъ элементовъ, враждебно относившихся къ дѣятельности *разумнаго* правительства. Предшественники Прима, Гонзалесъ Браво, О'Доннель и Нарваэцъ, только и дѣлали, что выметали Испанію, но соръ накоплялся все болѣе и болѣе, и вотъ Примъ находитъ нужнымъ снова выметать его. Вся исторія Испаніи отъ Фердинанда VII до сверженія Изабеллы состояла въ вѣчномъ выметаніи; метутъ тамъ и до сихъ поръ, а вымести все еще не могутъ.

IX.

Амедей, занявъ королевскій дворецъ въ Мадридѣ, почувствовалъ себя совершенно одинокимъ. Вокругъ него не было ни одного человѣка, съ кѣмъ-бы онъ могъ отвести душу. Испанская нація съ любопытствомъ разсматривала его, но оставалась безмолвна, не выражая ему ни сочувствія, ни зло-

бы. Амедей и самъ отлично понималъ, что ему, какъ иностранцу, будетъ очень трудно управлять испанскимъ народомъ; но онъ желалъ попытаться, честно выполняя свои обязанности, сблизиться съ націею и ассимилироваться съ нею. Понятно, что прежде всѣхъ извѣстныхъ личностей онъ обратился къ Серрано, разсчитывая, что въ немъ онъ найдетъ себѣ помощника и руководителя. Но Серрано, испытавшій сладость почестей, присущихъ достоинству регента, не желалъ принять на себя скучныя обязанности перваго министра, къ тому-же его жена, которой приходилось разстаться съ царственной ролью при дворѣ, убѣждала его уѣхать изъ Мадрида. Однакожъ, Серрано сдался на настоянія молодого короля и согласился быть президентомъ совѣта министровъ; въ министерство попали преимущественно лица, избранныя Примомъ изъ партій: уніонистовъ, прогрессистовъ и демократовъ. Примъ дисциплинировалъ эту новую партію и своей желѣзной рукой удерживалъ ее отъ распаденія. Онъ постоянно пугалъ союзниковъ усиленіемъ республиканской партіи. Слабый Серрано не могъ удержать правительственную партію отъ разложенія на ея составные элементы. Династическіе противники Амедея стали громко выражать свою оппозицію, какъ противъ сентябрьскаго переворота, такъ и противъ новаго короля. Карлисты, монпансьеристы, изабеллисты и вообще всѣ клерикалы кричали, что постыдно испанцамъ повиноваться сыну отлученнаго отъ церкви. Въ кортесахъ распалось прежнее большинство, которое было только фиктивнымъ, такъ что Серрано нашелся вынужденнымъ подать въ отставку, но король не принялъ ее. Черезъ нѣсколько дней обнаружились безпорядки въ финансовомъ управленіи; тогда Амедей принялъ отставку министерства, но, считая, что Серрано стоитъ выше всякихъ интригъ и подозрѣній, снова поручилъ ему составить министерство. Доблестному маршалу, однакожъ, не удалось согласить партіи и онъ долженъ былъ уступить честь составленія кабинета Сагастѣ. Въ скоромъ времени палъ и Сагаста; его смѣнилъ Зорилья, а тамъ опять выступили на сцену интриги за министерскій

портфель и началась прежняя игра, волновавшая Испанію въ царствованіе Изабеллы и продолжавшаяся до самаго дня отреченія Амедея.

Ободренные несогласіями и неустройствомъ, царствовавшими въ правительствѣ, карлисты подняли знамя бунта и, благодаря апатіи и неспособности генераловъ, командующихъ правительственными войсками, въ первое время дѣйствовали очень успѣшно. Молодой король, по натурѣ человѣкъ мужественный, хотѣлъ самъ принять начальство надъ войсками, но его совѣтники восстали противъ его намѣренія; самъ Викторъ-Эмануилъ совѣтовалъ ему оставаться въ Мадридѣ. Тогда Амедей назначилъ главнокомандующимъ Серрано, считая его самымъ способнымъ изъ всѣхъ испанскихъ генераловъ. Бывшему регенту очень не хотѣлось покидать своего мадридскаго дворца и онъ съ кислой миной принялъ предложеніе короля. Онъ сосредоточилъ подъ своимъ начальствомъ двадцать тысячъ хорошо вооруженныхъ войскъ, — онъ могъ-бы взять и сорокъ, но ему совѣстно было съ такими силами воевать противъ десяти тысячъ плохо вооруженныхъ поселянъ. Баски, конечно, укрылись въ своихъ горахъ. Серрано не зналъ, что ему дѣлать, когда случайно онъ настигъ главный отрядъ карлистовъ. Генералъ изъ новичковъ, конечно, воспользовался-бы этимъ случаемъ и разбилъ-бы непріятеля, но Серрано поступилъ иначе. Онъ вступилъ въ переговоры съ карлистскими предводителями и 24 мая 1872 года подписалъ изумительную аморовіетскую конвенцію, которая была карикатурнымъ подражаніемъ вергарской конвенціи Эспартеро. Серрано заключилъ мирный договоръ отъ имени короля Амедея I съ Карломъ VII. Всѣ карлистскіе офицеры принимались въ легальную армію тѣми-же чинами, какіе утверждены были за ними въ инсургентской арміи. Убытки, причиненные карлистами частнымъ лицамъ, правительство Амедея обязывалось возмѣстить изъ государственной казны. Простые солдаты карлистской арміи втеченіи пятнадцати дней должны были разойдтись по домамъ. Правительство давало слово никого не преслѣдовать за участіе въ бунтѣ. Кар-

листы даже послѣ одержанной побѣды не могли-бы рискнуть на предложеніе такихъ условій, съ какими обратился къ нимъ главнокомандующій правительственными войсками. Съ этого времени карлизмъ поднялъ голову и сталъ усиливаться. Серрано послалъ въ Мадридъ телеграму о побѣдѣ и о заключеніи мира на такихъ условіяхъ, которыя, по его словамъ, дѣлаютъ возобновленіе возстанія почти невозможнымъ. Съ торжествующимъ лицомъ онъ явился къ королю, который поблагодарилъ его. Затѣмъ онъ отправился въ кортесы, разсчитывая на торжественный пріемъ отъ народныхъ представителей. Но тамъ нашли, что сыгранная имъ комедія слишкомъ груба и что, по-настоящему, за аморовіетскую конвенцію его слѣдуетъ предать военному суду.

Однакожъ, угрожавшая буря прошла мимо Серрано; напротивъ онъ сталъ еще болѣе необходимымъ человѣкомъ. Черезъ нѣсколько дней министерство пало и король Амедей снова обратился къ Серрано, поручая ему составить новое министерство. Серрано представилъ королю свою програму, которая заключалась въ томъ, чтобы немедленно объявить всю страну въ осадномъ положеніи, пріостановить дѣйствіе конституціи,—однимъ словомъ, произвести государственный переворотъ. Честный Амедей не согласился принять эту програму; онъ заявилъ, что если разъ онъ поклялся строго соблюдать конституцію страны, то намѣренъ сдержать свое слово. Серрано счелъ себя оскорбленнымъ; онъ удалился отъ двора съ рѣшительнымъ намѣреніемъ болѣе не вмѣшиваться въ дѣла, пока царствуетъ Амедей.

На этотъ разъ Серрано сдержалъ свое слово; онъ перестал показываться при дворѣ; онъ не былъ у короля даже въ новый годъ, хотя обязанъ былъ явиться туда по службѣ. Король и королева желали примириться съ нимъ: король пригласилъ его на дружескій обѣдъ, маршалъ не принялъ и этого приглашенія. Въ это время онъ уже сошелся съ альфонсистами и изабеллистами и съ ними подготовлялъ заговоръ противъ короля Амедея. Къ своему удивленію и негодованію, Амедей узналъ, что Сагаста и Ріосъ Розасъ прини-

мали участіе въ этомъ заговорѣ даже и въ то время, когда занимали министерскіе посты. Усталый отъ вѣчныхъ интригъ своихъ министровъ, придворныхъ и генераловъ, окруженный коварствомъ и измѣною, король Амедей отказался отъ престола и тотчасъ-же оставилъ Испанію.

Какъ только была провозглашена республика, Серрано, въ надеждѣ, что его выберутъ президентомъ, предложилъ свои услуги новому правительству, но когда онъ убѣдился, что его желаніе не осуществится, онъ обратился противъ республики и 23 марта 1873 года, вмѣстѣ съ Мартосомъ и Риверо, участвовалъ въ возмущеніи, имѣвшемъ весьма плачевный исходъ для инсургентовъ. Серрано, переодѣтый, бѣжалъ изъ Мадрида.

X.

Въ добровольномъ изгнаніи Серрано пробылъ не долго. Такіе люди, какъ онъ, не могутъ мириться съ спокойной жизнью. Вѣчныя интриги составляютъ цѣль ихъ существованія. Живя въ изгнаніи, онъ продолжалъ свои интриги противъ республиканскаго правительства, во главѣ котораго стоялъ Кастеляръ, и такъ ловко велъ ихъ, что самъ-же президентъ республики пригласилъ его вернуться въ Испанію.

Въ Мадридѣ Серрано продолжалъ дѣятельно агитировать противъ главы государства, который, встрѣтивъ сопротивленіе своимъ предположеніямъ въ кортесахъ, согласился на военную манифестацію въ его пользу, затѣянную генералами, друзьями Серрано. Бывшій регентъ отлично съумѣлъ воспользоваться событіями: манифестація, предпринятая въ защиту Кастеляра, обратилась противъ него и всѣми выгодами этого подобія государственнаго переворота воспользовался Серрано. Кастеляръ подалъ въ отставку, а Серрано былъ объявленъ главою исполнительной власти. Своей диктатурой, Серрано, какъ и всегда, воспользовался для увеличенія сво-

его и безъ того громаднаго состоянія. Началъ онъ съ того, что, не взирая на ужасающую бѣдность государственной казны, на обнищаніе всей Испаніи, увеличилъ сумму на свое содержаніе, положенное главѣ государства по послѣднему, утвержденному кортесами, бюджету. И это онъ сдѣлалъ въ то время, когда войска, дѣйствующія противъ карлистовъ, не получали жалованья и терпѣли недостатокъ въ провіантѣ и фуражѣ. Повидимому, за мадридскими празднествами онъ забывалъ, что ему приходится вести войну съ карлистами. Между тѣмъ нація спокойно встрѣтила переворотъ, совершенный въ его пользу, отчасти и потому, что надѣялась на скорое окончаніе карлистской войны, когда во главѣ правительства будетъ стоять извѣстный генералъ Серрано, а не мирный гражданинъ Кастеляръ. Впрочемъ Серрано иногда вспоминалъ о карлистской войнѣ. Получивъ власть, Серрано тотчасъ-же назначилъ маршала Конху главнокомандующимъ сѣверной арміей, дѣйствующей противъ карлистовъ. Назначая на этотъ важный постъ испытаннаго въ бояхъ генерала, Серрано счелъ, что онъ сдѣлалъ все, что отъ него требовалось, и потому имѣетъ право наслаждаться удовольствіями мадридской жизни въ кругу прекрасныхъ дамъ. Серрано вовсе не трусъ, напротивъ, онъ всегда отличался храбростью. Но онъ слишкомъ любилъ балы, маскарады, любовныя интриги! Будуаръ онъ предпочиталъ палаткѣ; бальную музыку—боевой трубѣ и барабану; красавицу-женщину въ бальномъ нарядѣ—всему на свѣтѣ. Славу побѣды надъ карлистами онъ предоставилъ Конхѣ, а на свою долю взялъ свѣтскія побѣды. Однакожъ, когда Конха, принявшій начальство надъ войсками съ задней мыслью дать первенство своей, альфонсистской партіи,—одержалъ первую значительную побѣду надъ карлистами, Серрано поѣхалъ къ арміи. Онъ желалъ раздѣлить торжество побѣды съ Конхой. Онъ разсчитывалъ, что Конха, на-столько уже успѣлъ, что окончательное пораженіе карлистовъ вполнѣ обезпечено. Но, пріѣхавъ на мѣсто, онъ убѣдился, что остается сдѣлать еще очень много. Вскорѣ его одолѣла скука и онъ поспѣшилъ возвратиться въ

Мадридъ къ своимъ обычнымъ удовольствіямъ, о которыхъ онъ постоянно мечталъ, находясь въ лагерѣ подъ стѣнами Бильбао. Предлогомъ для своего возвращенія онъ объявилъ несогласія, будто-бы возникшія въ министерствѣ во время отсутствія его изъ Мадрида.

Съ отъѣздомъ Серрано изъ арміи, Конха, неохотно сносившій присутствіе соперника, снова приступилъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Въ Испаніи всѣ были убѣждены, что Конха, разбивъ на голову карлистовъ, непремѣнно провозгласитъ королемъ сына Изабеллы, Альфонса. Самъ Конха, какъ извѣстно, отрицалъ справедливость этого предположенія, но... въ Испаніи все возможно, тѣмъ болѣе, что и подчиненные Конхѣ генералы и офицеры, въ особенности артиллерійскіе, желали совершить пронунсіаменто въ пользу сына Изабеллы. Произошло сраженіе подъ Эстеллой; побѣда уже была въ рукахъ Конхи, который заставилъ отступить карлистовъ изъ ихъ позицій, какъ вдругъ пуля сразила храбраго маршала. На правительственныя войска напала паника; они быстро отступили, оставивъ завоеванныя позиціи, которыя не замедлили занять карлисты. Мало того, карлисты снова приступили къ осадѣ Бильбао, отъ котораго отбросилъ ихъ Конха, и вообще стали въ лучшее положеніе, чѣмъ были до открытія противъ нихъ кампаніи маршаломъ Конхой. Серрано хладнокровно выслушалъ донесеніе объ успѣхахъ, пріобрѣтенныхъ карлистами, и не принялъ никакихъ существенныхъ мѣръ, находя, вѣроятно, что неопредѣленное положеніе, въ какомъ находилась карлистская война, самое лучшее, чего только онъ могъ желать. Онъ, впрочемъ, въ это время былъ занятъ мѣрами къ увеличенію средствъ государственной казны. Лучшимъ средствомъ для этого онъ счелъ продажу дворянскихъ титуловъ: явилась цѣлая куча новыхъ графовъ, графства которыхъ находились въ караибскомъ заливѣ, какъ говорятъ испанцы. Кромѣ того онъ имѣлъ безпрестанныя совѣщанія съ прусскимъ посланникомъ Гатцфельдомъ, результатомъ которыхъ было дипломатическое признаніе нѣкоторыми иностранными правительствами правительства Сер-

рано, которое правильнѣе всего было назвать *серранатомъ*. такъ-какъ никакой опредѣленной формы оно не имѣло. События показали, что это дипломатическое признаніе совершилось преждевременно, такъ-какъ вслѣдъ за нимъ пало то неопредѣленное правительство, которое, по почину Пруссіи, признали нѣкоторыя европейскія государства. Серрано, прячась за спиной прусскаго посланника, сдѣлалъ дипломатическое нападеніе на Мак-Магона и Францію, но изъ этого ничего не вышло. Оно подало только поводъ къ смѣху и къ нѣкоторымъ болѣе или менѣе остроумнымъ карикатурамъ и остротамъ.

Между тѣмъ карлисты съ каждымъ днемъ пріобрѣтали новые успѣхи. Побѣдитель при Альколеѣ, Серрано, вовсе не желалъ обнажить своей шпаги для защиты собственнаго правительства. Онъ рѣшился прибѣгнуть къ средству, которое ему уже разъ удалось во время управленія короля Амедея. Онъ задумалъ вступить въ переговоры съ карлистами и заключить съ ними конвенцію. Планъ, задуманный имъ, такъ комиченъ, что, право, самое приличное мѣсто ему въ какой-нибудь опереткѣ; онъ вполнѣ достоинъ програмы, выставленной заговорщиками въ извѣстной лекоковской оперѣ-буфъ: „La fille de madame Angot". Серрано, намѣревался примириться съ дон-Карлосомъ и вступить съ нимъ въ наступательный и оборонительный союзъ на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Признаніе всѣхъ титуловъ и чиновъ, которые дарованы младшей линіей бурбонскаго дома и революціонными правительствами.

Серрано, конечно, прежде всего имѣлъ въ виду пожалованіе его самого титуломъ герцога де-ла-Торре.

2) Оффиціальная отмѣна конфискаціи имуществъ.

3) Испанія будетъ управляться тріумвиратомъ, состоящимъ изъ Серрано, представителя республиканской партіи; изъ герцога Сесто, представляющаго собою принца Альфонса, т. е. младшую линію бурбонскаго дома, и изъ дон-Карлоса, представителя старшей линіи этого дома.

По мнѣнію Серрано, такимъ устройствомъ государственнаго управленія можно было достигнуть столь желательнаго слiянія народа, буржуазіи и аристократіи.

4) Юный Альфонсъ бурбонскій женится на маленькой Кончитѣ Серрано.

Жаль, что Серрано не прибавилъ, что въ Кончитѣ олицетворяется испанская республика и бракъ ея съ Альфонсомъ будетъ означать бракъ монархіи съ республикой.

5) До совершеннолѣтія Альфонса (ему только 17 лѣтъ), донъ-Карлосъ будетъ дѣйствительнымъ регентомъ Испаніи, такъ-какъ герцогъ де-ла-Торре сойдетъ съ политической арены и удалится въ частную жизнь.

6) По достиженіи принцемъ Альфонсомъ совершеннолѣтія, т. е. 21 года, испанскій народъ, посредствомъ плебисцита, выскажется, кого онъ желаетъ имѣть своимъ королемъ: Карлоса или Альфонса.

Этотъ проектъ, однакожъ, не понравился донъ-Карлосу и онъ отвѣчалъ: „Я дамъ отвѣтъ въ Мадридѣ, въ моемъ королевскомъ дворцѣ; тамъ я разсмотрю, можетъ-ли быть принято во вниманіе прошеніе г. Серрано“.

Волей-неволей приходилось Серрано продолжать борьбу съ карлистами. Но ему нѣкогда было заняться ею какъ слѣдуетъ, такъ-какъ онъ, кромѣ прежнихъ переговоровъ съ герцогомъ Сесто, представителемъ принца Альфонса, и герцогомъ Монпансье, вступилъ въ переговоры съ португальскимъ королемъ, которому угрожалъ, что если онъ не надѣнетъ на себя соединенной короны Испаніи и Португаліи, онъ, Серрано, употребитъ всѣ усилія для учрежденія лузитанской республики. А карлисты все больше и больше подвигались впередъ. Они захватывали кореспонденцію, идущую черезъ Францію въ Испанію; разъ Мадридъ втеченіи восьми дней не получалъ ни писемъ, ни газетъ изъ Франціи. Серрано не принималъ никакихъ мѣръ противъ карлистовъ и они осадили Ирунъ. Но тутъ правительственная армія вышла, наконецъ, изъ своего апатическаго состоянія; она напала на карлистовъ, разбила ихъ и заставила отступить въ полномъ без-

порядкѣ. Можно было думать, что правительственныя войска станутъ энергически преслѣдовать разбитаго непріятеля. Но по непостижимымъ распоряженіямъ правительственная армія внезапно остановилась, что дало возможность карлистамъ снова оправиться.

Между тѣмъ Серрано набралъ новые батальоны и съ ними выступилъ въ походъ; однакожъ, онъ вскорѣ остановился, не предпринимая никакихъ военныхъ дѣйствій. Его задержали холода и грязная дорога. Странный темпераментъ у Серрано: лѣтомъ онъ бездѣйствовалъ оттого, что было жарко и на дорогѣ стояла пыль, зимой—потому, что было холодно, а дороги грязны. Однакожъ, испанская нація въ своей наивности повѣрила, что Серрано, наконецъ, желаетъ серьезно взглянуть на свои обязанности, какъ главнокомандующаго арміею, и покончить съ карлистами. Трудно предвидѣть, чѣмъ бы кончилъ свой походъ Серрано, но во время его отсутствія изъ Мадрида генералами Вальсамедой, Ховеляромъ и Мартинецомъ Кампосомъ совершено было военное пронунсіаменто въ пользу юнаго Альфонса, сына Изабеллы, который провозглашенъ королемъ подъ именемъ Альфонса XII.

XI.

Переворотъ въ пользу Альфонса совершился быстро, неожиданно; онъ захватилъ Серрано врасплохъ. Вначалѣ онъ и его друзья думали сопротивляться, отразить силу силой. Они хотѣли отдать дѣло въ руки генерала Павіи, на котораго можно было положиться. Министерство за отсутствіемъ главы правительства, не потеряло бодрости. Напротивъ, оно издало прокламацію, въ которой рѣшительно заявляло, что не допуститъ никакихъ безпорядковъ и строго накажетъ возмутителей общественнаго спокойствія. Прокламація была подписана Сагастой. Достаточно упомянуть это имя, съ которымъ связано много кровавыхъ воспоминаній, чтобы пред-

ставить себѣ, къ какимъ мѣрамъ прибѣгло-бы министерство въ томъ случаѣ, еслп-бъ побѣда осталась на его сторонѣ. Альфонсисты дорого-бы заплатили за свою попытку захватить власть въ свои руки. Серрано, знатокъ въ дѣлѣ испанскихъ пронунсіаменто, выказалъ полнѣйшее хладнокровіе и самообладаніе въ виду предстоящей опасности. Впродолженіе своего годового управленія онъ ничѣмъ не проявилъ своей правительственной инициативы; онъ, какъ мы уже говорили, вращался больше въ женскомъ обществѣ и одерживалъ побѣды надъ красавицами. Но въ виду опасности въ немъ проснулась энергія человѣка, закаленнаго во всевозможныхъ интригахъ. Онъ находился при сѣверной арміи, когда пришло извѣстіе о пронунсіаменто. Считая, что онъ одинъ пока обладаетъ непріятной тайной, онъ хотѣлъ тотчасъ-же ѣхать въ Мадридъ, взявъ съ собою нѣсколько преданныхъ ему батальоновъ. Начальство надъ войсками для усмиренія возставшихъ онъ думалъ поручить генералу Лазернѣ. Пригласивъ его къ себѣ, Серрано сказалъ ему веселымъ тономъ:

— Любезный генералъ, сейчасъ я получилъ донесеніе изъ полиціи, что полкъ, квартирующій въ Валенсіи, произвелъ альфонсистскую демонстрацію. Конечно, въ ней нѣтъ ничего серьезнаго, но все-таки я намѣренъ просить васъ отправиться туда для водворенія порядка.

— Г. маршалъ, отвѣтилъ Лазерна серьезнымъ тономъ,— позвольте доложить вамъ, что мнѣ очень не удобно оставить здѣшнія мои позиціи; карлисты немедленно воспользуются этимъ и оттого могутъ послѣдовать большія бѣдствія. Честь побуждаетъ меня окончить начатое мною здѣсь дѣло. Во всякомъ случаѣ, если приходится вести мои полки противъ нашихъ же полковъ, я васъ прошу поручить это дѣло другому, я не хочу отдавать приказаніе стрѣлять въ своихъ товарищей. Къ тому-же мои офицеры не послѣдуютъ за мною, если-бы я и согласился исполнить ваше желаніе. Большая часть изъ нихъ преданы дону-Альфонсу. Если-бы я далъ при-

казаніе выступить противъ альфонсистовъ, мнѣ отвѣчали-бы пулей въ мою голову.

Съ этимъ-же предложеніемъ Серрано обратился къ Моріонесу и еще къ двумъ или тремъ генераламъ и отъ всѣхъ получилъ отвѣтъ, приблизительно такой-же, какъ и отъ Лазерны. Видя, что сопротивленіе невозможно, Серрано написалъ Сагастѣ: „Намъ остается только уложиться и отправить чемоданы на желѣзную дорогу“.

Сагаста, человѣкъ рѣшительный, получивъ такой совѣтъ или, лучше, приказаніе отъ своего начальника, хорошенько выругался. Онъ хотѣлъ сопротивляться до послѣдней крайности. Убѣдившись теперь изъ письма Серрано, что отъ него отняты средства къ сопротивленію, Сагаста отправился къ Кановѣ дель-Кастилья. „Уступаю вамъ свое мѣсто“, сказалъ онъ ему.

Въ то время, какъ Сагаста занимался приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ для сдачи новому министру, къ нему вошелъ Кастеляръ въ сопровожденіи своихъ друзей: Рубіо и Абарзуца.

— Мы пришли за тѣмъ, чтобы отдать себя въ ваше распоряженіе, сказалъ Кастеляръ.—Мы хотимъ защищать республику. Мы начнемъ уличную войну. Республиканцы покроютъ Мадридъ баррикадами...

— А чѣмъ вы станете защищать ваши барикады противъ пушекъ и ружейныхъ выстрѣловъ? отвѣчалъ Сагаста.—Вы, мой милый Кастеляръ, на-столько обезоружили своихъ республиканцевъ, что для нихъ всякое сопротивленіе теперь немыслимо. Конечно, и я помогъ этому, принявъ власть послѣ васъ; я оставилъ имъ какіе-нибудь дрянные шпажонки, да кое-у-кого револьверы. Съ такимъ оружіемъ немного подѣлаешь... Но если республиканцы не могутъ сопротивляться въ Мадридѣ, то въ провинціяхъ они находятся въ еще болѣе беззащитномъ положеніи. Мы могли-бы еще рискнуть, если-бъ на вашей сторонѣ была почти половина здѣшнихъ войскъ. Но этого нѣтъ, и намъ приходится покориться. Серрано уже далъ тягу; я послѣдую за нимъ. По дорогѣ я за-

бѣжалъ къ новому министру и пожелалъ ему счастья и благоденствія. Право, лучше послѣдуйте моему совѣту—соберите ваши чемоданы и въ путь. До пріятнаго свиданія.

И, пожавъ руку своимъ собесѣдникамъ, Сагаста вышелъ изъ министерства.

Между тѣмъ Серрано, отправивъ депешу къ Сагастѣ, собралъ нѣсколькихъ старшихъ офицеровъ сѣверной арміи. Онъ объявилъ имъ, что въ Валенсіи и Мадридѣ совершено пронунсіаменто въ пользу принца Альфонса. Серрано не забылъ сказать и о томъ, что онъ предлагалъ нѣкоторымъ генераламъ идти на мятежниковъ, но получилъ отъ нихъ отказъ, такъ-какъ ихъ возмущало, что въ такомъ случаѣ одной части арміи придется сражаться противъ другой. Вслѣдствіе такого категорическаго отказа, Серрано сдаетъ имъ, генераламъ, командованіе арміей, а правительственную власть передаетъ въ руки принца Альфонса.

— Вамъ извѣстно, прибавилъ онъ съ пріятной улыбкой,— что едва-ли въ Испаніи найдется человѣкъ болѣе желающій благополучія юному Альфонсу, чѣмъ Франциско-Домингесъ Серрано, герцогъ де-ла-Торре.

Присутствующіе отвѣчали ему тоже пріятной улыбкой, которая должна была означать увѣренность въ томъ, что Серрано, дѣйствительно, чувствуетъ къ принцу Альфонсу отеческую нѣжность.

Еще пріятная улыбка не сошла съ устъ генераловъ, какъ Серрано оборвалъ разговоръ слѣдующими словами:

— Имѣю честь кланяться вамъ, господа. Богъ да хранитъ васъ и даруетъ вамъ свои милости.

Серрано велъ себя, какъ подобаетъ истинному кабалеро, и къ нему отнеслись, какъ къ кабалеро. Онъ велъ себя съ тактомъ и изысканно-любезно. Съ подобающей деликатностью и съ массой комплиментовъ его выпроводили за дверь. Онъ понималъ, что если-бъ онъ вздумалъ хотя на одинъ день продлить свою власть, его могли-бы, пожалуй, преспокойно заключить въ тюрьму. На другой день утромъ онъ пріѣхалъ, здравый и невредимый, въ Байону, гдѣ встрѣтилъ радушный

и любезный пріемъ отъ губернатора провинціи, но къ нему, конечно, относились уже не какъ къ главѣ государства, а какъ къ знаменитому изгнаннику. Въ это-же время изъ Марселя выѣзжалъ новый испанскій король Альфонсъ XII, провожаемый съ подобающими почестями французскимъ префектомъ. Альфонсъ выѣхалъ изъ Марселя на пароходѣ, имѣя намѣреніе высадиться въ Испаніи, въ городѣ Барселонѣ.

Удалившись изъ Испаніи, Серрано сталъ подумывать, что-то станутъ говорить теперь о немъ. Ему пришло на мысль, что, пожалуй, ему придется стать предметомъ насмѣшекъ. Чтобы избѣжать непріятности казаться смѣшнымъ, онъ самъ, съ помощью своихъ друзей, сталъ распространять слухъ, что переворотъ въ пользу принца Альфонса произведенъ имъ, герцогомъ де-ла-Торре, и если онъ удалился въ добровольное изгнаніе, то просто изъ приличія: неловко было ему, главѣ республики, сейчасъ-же явиться въ свитѣ новаго короля. Та-же причина, будто-бы побудила его не дѣлать визита экс-королевѣ Изабеллѣ, когда онъ пріѣхалъ въ Парижъ.

XII.

Въ настоящее время Серрано снова въ Мадридѣ и играетъ довольно значительную роль. Его жена даетъ балы, вечера, обѣды; онъ самъ интригуетъ на-право и на-лѣво, желая задобрить либеральныя партіи различныхъ оттѣнковъ: утромъ онъ забѣжитъ къ своему пріятелю Сагастѣ, въ полдень заходитъ къ Кастеляру, а вечеромъ идетъ на совѣщаніе къ министру Кановасу-дель-Кастильо. Однакожь, новый дворъ, если и не выказываетъ ему прямой вражды, все-же старается держаться отъ него подальше; не то, чтобы онъ не довѣрялъ этому ловкому интригану, бывшему попеременно другомъ и недругомъ всѣхъ либеральныхъ партій, но просто смотритъ на него, какъ на человѣка незначительнаго, съ ко-

торымъ не стоитъ труда враждовать, и въ которомъ нѣтъ надобности заискивать. Принцесса Джирженти, всѣмъ ворочающая въ Мадридѣ, находитъ Серрано слишкомъ постарѣвшимъ и что ему пора уступить свое мѣсто болѣе молодымъ. Серрано дошелъ до того, что правительство его нисколько не опасается, а красавицы на его любезность тонко намекаютъ, что у него вставные зубы, на головѣ парикъ, что онъ употребляетъ румяна и бѣлила...

Многіе въ Испаніи даже задаютъ себѣ вопросъ: какъ это Серрано, находившійся въ близкихъ сношеніяхъ съ экс-королевой Изабеллой, живетъ въ Испаніи, когда другимъ близкимъ къ ней людямъ, какъ и ей самой, запрещено появляться на испанской территоріи? Когда Марфори, присланный экс-королевой, для переговоровъ съ королемъ, ея сыномъ, объ ея возвращеніи въ Мадридъ, былъ арестованъ и сосланъ на Филиппинскіе острова? Когда, наконецъ, въ Испаніи настойчиво повторяютъ мнѣніе о близкомъ родствѣ Серрано къ королю? Но до сихъ поръ еще никакого отвѣта на этотъ вопросъ никто получить не могъ. Едва-ли не самымъ вѣрнымъ объясненіемъ будетъ, что Серрано терпятъ потому, что нѣтъ причины его опасаться.

Въ заключеніе нѣсколькими словами резюмируемъ то впечатлѣніе, какое выносится изъ знакомства съ жизнью и дѣятельностію Серрано.

Франческо Серрано чистѣйшій „Фигаро", пролазничествомъ и интригами добившійся достоинства испанскаго гранда;— „Жиль Блазъ", похитившій „золотое руно";—Москариль, благодаря ловкости и недюжиннымъ способностямъ, поднявшійся на верхнія ступени соціальной лѣстницы. Кастилія представляетъ не мало примѣровъ людей самыхъ низменныхъ сферъ. сто разъ заслуживавшихъ висѣлицу и все-таки добившихся чиновъ и почестей, ставшихъ генералами, конетаблями, грандами. Но какую-бы должность они ни занимали, какое-бы

званіе они ни носили,—генерала, маршала, губернатора, посланника, министра,—ихъ государственная и административная дѣятельность была всегда основана на плутовствѣ, имѣвшемъ блестящую внѣшность, но въ существѣ самомъ вульгарномъ. Эти господа получаютъ награды орденами, деньгами, титулами за то, что бомбардируютъ собранія народныхъ представителей, разстрѣливаютъ, грабятъ, убиваютъ, продаютъ королей, покупаютъ республику, раззоряютъ государство. И когда подумаешь, что какой-нибудь нотаріусъ за поддѣлку духовнаго завѣщанія или кассиръ за то, что запустилъ лапу въ хозяйскую кассу, ссылаются на галеры, невольно скажешь себѣ: какого же наказанія заслуживаютъ эти гранды въ раззолоченныхъ мундирахъ, которые добились своего величія путемъ несравненно болѣе тягчайшихъ преступленій: насиліемъ, пролитіемъ крови, позорами и раззореніемъ страны? Изумительна людская логика и справедливость!

X.

УИЛЬЯМЪ ГЛАДСТОНЪ.

Прогрессивный характеръ дѣятельности Гладстона.—Вліяніе на него въ молодости Роберта Пиля.—Онъ расходится съ своей партіей.—Гладстонъ становится руководителемъ либеральной партіи —Ирландія.—Уничтоженіе господствующей церкви въ Ирландіи.—Ирландскій поземельный вопросъ.—Отмѣна продажи патентовъ на чины.—Избирательный билль.—Удаленіе Гладстона со сцены политической дѣятельности.—Онъ становится во главѣ движенія противъ министерства Дизраэли въ восточномъ вопросѣ.—Его брошюра «Болгарскіе ужасы».

I.

Это, безспорно, самый выдающійся, способнѣйшій и, главное, самый честный государственный человѣкъ нашего времени. Болѣе чѣмъ сорокалѣтняя политическая дѣятельность этого замѣчательнаго человѣка показываетъ, что въ Англіи государственные люди часто до глубокой старости сохраняютъ свѣтлый умъ и могутъ руководить дѣлами своей страны, съ такимъ-же талантомъ и съ такимъ-же пониманіемъ духа времени, какими отличались они въ молодости и цвѣтѣ своихъ силъ. Въ послѣднія сорокъ лѣтъ не только въ Англіи, но и во всей Европѣ совершилось много событій, ра-

дикально измѣнившихъ прежнія политическія воззрѣнія и широко раздвинувшихъ сферу демократическихъ стремленій; Гладстонъ, или участвовавшій въ этихъ событіяхъ непосредственно, или слѣдившій за ними въ качествѣ простого наблюдателя, никогда не терялъ изъ виду прогресивнаго движенія Европы и не измѣнялъ его знамени.

Онъ родился въ 1809 году, слѣдовательно ему уже около 70-ти лѣтъ; но его послѣднія политическія произведенія, его замѣчательныя рѣчи, доказываютъ, что въ немъ сохранилось еще много юношескаго жара, страстности и энергіи, безъ которыхъ государственный человѣкъ обращается въ сухого педанта и безсердечнаго эгоиста. Сынъ богатаго ливерпульскаго торговца, Гладстонъ получилъ блестящее образованіе англійскаго джентльмена въ Итонѣ и оксфордскомъ университетѣ, изъ котораго онъ вышелъ въ 1831 году съ ученой степенью. Подобно большинству богатыхъ англійскихъ юношей, Гладстонъ, окончивъ свое образованіе, отправился въ путешествіе на европейскій материкъ. Путешествіе его, однакожъ, продолжалось не долго и онъ не могъ достигнуть главной цѣли своей поѣздки: изученія политическихъ учрежденій передовыхъ государствъ европейскаго континента. Въ декабрѣ 1832 года Гладстонъ былъ выбранъ въ нижнюю палату англійскаго парламента депутатомъ отъ Ньюмарка, гдѣ его отецъ пользовался значительнымъ вліяніемъ и имѣлъ большія связи.

Гладстонъ выступилъ на политическую арену въ моментъ страстной борьбы партій англійскаго парламента. Энергія и краснорѣчіе новаго члена парламента не могли остаться незамѣченными даже въ этой палатѣ, отличавшейся особеннымъ обиліемъ замѣчательныхъ ораторовъ. Въ Англіи всегда существовала и существуетъ довольно тѣсная связь между университетомъ и обществомъ, поэтому неудивительно, что замѣчательная дисертація Гладстона, доставившая ему ученую степень и славу въ университетѣ, была извѣстна его товарищамъ въ палатѣ, которые уже заранѣе интересовались дѣвственной (первая рѣчь, произносимая новымъ членомъ парламента) рѣчью Гладстона. Самъ Робертъ Пиль обратилъ вниманіе на

юнаго оратора и постарался сблизиться съ нимъ. Это сближеніе, вѣроятно, и побудило Гладстона пристать къ торійской, консервативной партіи, куда влекли его фамильныя традиціи. Правда, консервативная партія, предводителемъ которой въ то время былъ Робертъ Пиль, во многомъ отличалась отъ партіи тори дореформенной эпохи. Старинные тори славились упрямствомъ и рѣшительнымъ противодѣйствіемъ прогрессивному движенію; консерваторы Роберта Пиля охотно шли на компромисы и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже сами давали иниціативу реформаторскимъ стремленіямъ. Гладстонъ, несмотря на семейныя преданія, въ которыхъ онъ воспитывался, несмотря на торійскую дрессировку въ коллегіи „Христовой церкви“ въ оксфордскомъ университетѣ, при его свѣтломъ умѣ и замѣчательныхъ способностяхъ не могъ-бы стать въ ряды защитниковъ застоя и дѣятелей реакціи. Однакожъ прошло много лѣтъ, пока онъ окончательно разорвалъ съ консервативной партіей и это слѣдуетъ приписать отчасти, а, можетъ быть, и преимущественно, обаятельному дѣйствію на него личности Роберта Пиля.

Въ декабрѣ 1834 года Робертъ Пиль назначилъ Гладстона младшимъ лордомъ казначейства, а въ февралѣ 1835 года младшимъ секретаремъ департамента колоній, т. е. товарищемъ министра колоній. Въ апрѣлѣ того-же года Гладстонъ вышелъ въ отставку вмѣстѣ съ министерствомъ Пиля и оставался въ рядахъ оппозиціи до сентября 1841 года, когда власть снова перешла къ его партіи и составить министерство было поручено Роберту Пилю. При этомъ Гладстонъ былъ назначенъ вице-президентомъ торговой палаты и управляющимъ монетнымъ дворомъ. На его долю выпала не легкая въ то время задача объяснять и защищать въ палатѣ общинъ торговую политику правительства. Страна требовала реформы въ этомъ дѣлѣ; требовала пересмотра тарифа, тормозящаго развитіе торговли и промышленности. Гладстонъ откликнулся на это требованіе и принялся за проведеніе необходимой реформы. Съ изумительной энергіей онъ приступилъ къ изученію вопроса. Составленная имъ записка пред-

ставляетъ обширный томъ, полный самыхъ разнообразныхъ фактовъ, тщательно собранныхъ и провѣренныхъ. Выработанный имъ затѣмъ проектъ закона былъ принятъ безъ измѣненія въ 1842 году какъ въ палатѣ общинъ, такъ и въ палатѣ пэровъ. Вскорѣ Гладстонъ былъ назначенъ президентомъ торговой палаты, но оставался не долго на этомъ мѣстѣ; его начинали тяготить торговыя дѣла; къ тому-же онъ сталъ иногда расходиться въ убѣжденіяхъ съ предводителемъ его партіи, Робертомъ Пилемъ. Однакожь, въ 1846 году, когда Пиль представилъ билль о хлѣбной торговлѣ, Гладстонъ вначалѣ ревностно поддерживалъ его; но нѣкоторыя существенныя разногласія его съ первымъ министромъ заставили его не только отказаться отъ защиты политики министерства, но и оставить палату. Онъ объявилъ своимъ ньюмаркскимъ избирателямъ, что вынужденъ отказаться отъ чести быть ихъ представителемъ въ парламентѣ.

На общихъ выборахъ въ 1847 году Гладстонъ былъ снова избранъ въ палату общинъ депутатомъ отъ оксфордскаго университета. На этотъ разъ оксфордскій университетъ сдѣлалъ какъ нельзя болѣе удачный выборъ. Въ періодъ времени съ 1847 по 1852 годъ въ палатѣ общинъ шли оживленныя пренія по поводу измѣненій въ университетскомъ уставѣ. Гладстонъ былъ на сторонѣ защитниковъ реформы, что, впрочемъ, не особенно нравилось многимъ изъ его избирателей, горячо защищавшихъ средневѣковыя традиціи старѣйшихъ англійскихъ университетовъ: кембриджскаго, и въ особенности оксфордскаго. Въ эту-же эпоху парламентъ нѣсколько разъ принимался за разрѣшеніе вопроса объ отмѣнѣ ограниченія правъ евреевъ. Либеральная партія желала, чтобы евреямъ были предоставлены всѣ права англійскихъ гражданъ. Консерваторы-же, находясь подъ вліяніемъ англиканскаго духовенства, на оборотъ, противились, насколько было возможно, принятію предлагаемаго биля. Убѣжденный, что расширеніе правъ евреевъ, приведетъ къ тому, что ослабнетъ вражда, которую еврейское племя питаетъ къ иновѣрцамъ въ силу своего исключительнаго положенія, и что евреи, сдѣлавшись полноправны-

ми англійскими гражданами, будутъ смотрѣть на Англію, какъ на свое отечество, Гладстонъ горячо защищалъ дѣло реформы, рискуя рѣзко разойтись съ своей партіей. Какъ въ еврейскомъ, такъ и въ университетскомъ вопросахъ Гладстонъ вотировалъ не разъ противъ своей партіи и окончательно отдѣлился отъ нея въ февралѣ 1851 года. Однакожъ, при общихъ выборахъ въ іюлѣ того-же года онъ былъ снова выбранъ депутатомъ отъ оксфордскаго университета, но на этотъ разъ оппозиція противъ его избранія была такъ сильна, что онъ едва не потерпѣлъ пораженія. Вскорѣ консерваторы должны были выйти въ отставку; въ декабрѣ 1852 года составилось смѣшанное министерство, такъ-называемое „министерство коалиціи". Первымъ министромъ былъ лордъ Эбердинъ, а Гладстонъ получилъ портфель министра финансовъ, или, какъ называютъ въ Англіи, канцлера казначейства. Еще въ своемъ отчетѣ о положеніи торговаго дѣла въ Англіи, Гладстонъ показалъ, что онъ обладаетъ замѣчательными финансовыми знаніями и способностями. И дѣйствительно такого министра финансовъ, какъ Гладстонъ, давно не имѣла Англія. Во время его управленія слово „дефицитъ" исчезло изъ англійскаго бюджета; оно замѣнилось „сбереженіями", которыя дали возможность уменьшить англійскій государственный долгъ на значительную сумму. Въ это время Гладстонъ, побывавшій въ Неаполѣ и собственными глазами видѣвшій плоды реакціоннаго управленія короля Фердинанда, издалъ брошюру о Неаполѣ, въ которой онъ открылъ глаза Европы на ужасныя преступленія тупого и грубаго деспотизма. Брошюра его произвела сильное впечатлѣніе на общественное мнѣніе Англіи и подготовила его къ освобожденію Неаполя отъ Бурбоновъ. Всѣ безъ исключенія члены оппозиціи неаполитанской палаты депутатовъ были изгнаны изъ отечества или томились въ тюрьмахъ, въ которыхъ по политическимъ преслѣдованіямъ было заключено до 20,000 человѣкъ. Гладстонъ потребовалъ, чтобы лордъ Эбердинъ заступился за этихъ страдальцевъ, но когда это вмѣшательство оказалось безуспѣшнымъ, Гладстонъ издалъ брошюру, о которой мы упомянули выше. Эта брошюра

была переведена на многіе европейскіе языки и разослана лордомъ Пальмерстономъ ко всѣмъ посламъ и дипломатическимъ агентамъ Великобританіи на континентѣ, съ приказаніемъ представить копіи съ нея тѣмъ дворамъ, при которыхъ они акредитованы.

Когда министерство лорда Эбердина рѣшило объявить войну Россіи, Гладстонъ, бывшій сторонникомъ мира, однакожь не пошелъ противъ своихъ товарищей. Въ частныхъ собраніяхъ министровъ Гладстонъ старался удержать своихъ товарищей отъ воинственной политики во имя тѣхъ серьезныхъ экономическихъ затрудненій, какія она повлечетъ за собой для Великобританіи, но когда убѣдился, что общественное мнѣніе страны находится на сторонѣ войны, онъ не сталъ ей болѣе противиться. Запросъ Ребока, требовавшаго назначенія слѣдствія надъ интендантствомъ, довольствовавшимъ англійскую армію въ Крыму, вызвалъ министерскій кризисъ. Министерство лорда Эбердина вышло въ отставку, власть должна была перейти къ консерваторамъ, но лордъ Дэрби не могъ составить министерства. Обратились къ Пальмерстону, бывшему военнымъ министромъ въ министерствѣ Эбердина, который и составилъ министерство, предложивъ Гладстону снова портфель министра финансовъ. Знаменитый „Пэмъ" любилъ власть больше всего на свѣтѣ и для удержанія ея готовъ былъ всегда, если представлялась возможность, на компромисы. Запросъ Ребока не былъ взятъ обратно. Министерству приходилось или поставить вопросъ о довѣріи и слѣдовательно рискнуть своимъ положеніемъ, или-же принять запросъ и назначить слѣдственную комиссію. Пальмерстонъ не сдѣлалъ ни того, ни другого: онъ пошелъ на компромисъ, онъ обѣщалъ назначить слѣдственную комиссію, съ намѣреніемъ затянуть дѣло въ долгій ящикъ. Политика „увертокъ" была не въ духѣ прямой, честной натуры Гладстона. Онъ требовалъ постановки вопроса о довѣріи и, разойдясь на этомъ вопросѣ съ товарищами, вышелъ въ отставку, продолжая, однакожь, поддерживать министерство. Во время управленія министерства Дэрби зимою 1858—9 года Гладстонъ

получилъ специальное порученіе произвести на мѣстѣ изслѣдованіе о тѣхъ затрудненіяхъ и безпорядкахъ, какіе вызвала англійская администрація на іоническихъ островахъ. Въ томъже 1859 году власть снова перешла къ Пальмерстону, который, понятно, предложилъ Гладстону постъ министра финансовъ. Въ это время манчестерская партія экономистовъ, подъ предводительствомъ Кобдэна, сильно агитировала въ пользу заключенія трактата свободной торговли между Англіей и Франціей. Гладстонъ энергически поддерживалъ предложеніе Кобдэна и оно было принято.

Въ іюлѣ 1861 года либералы южнаго Ланкашира предложили Гладстону явиться ихъ представителемъ въ палатѣ общинъ, но онъ предпочелъ оставаться депутатомъ отъ оксфордскаго университета. Однакожъ, потерпѣвъ неудачу на общихъ выборахъ въ оксфордскомъ университетѣ, онъ обратился къ ланкаширцамъ и былъ выбранъ ихъ представителемъ. По смерти лорда Пальмерстона Гладстонъ сдѣлался предводителемъ либеральной партіи въ палатѣ общинъ и остался министромъ финансовъ въ кабинетѣ лорда Росселя.

На общихъ выборахъ въ 1868 году Гладстонъ выступилъ кандидатомъ въ юго-западномъ Ланкаширѣ. Его кандидатура встрѣтила сильную оппозицію; произошла ожесточенная избирательная битва и Гладстонъ потерпѣлъ пораженіе. Избиратели города Гринича предвидѣли это пораженіе и выставили у себя кандидатуру Гладстона. Онъ былъ выбранъ въ Гриничѣ огромнымъ большинствомъ, и остается до сихъ поръ представителемъ этого города въ палатѣ общинъ.

II.

1868 годъ былъ апогеемъ политической славы Гладстона. Въ то время онъ былъ не только главою англійскихъ либераловъ, но и однимъ изъ главнѣйшихъ руководителей народной, въ строгомъ смыслѣ этого слова, партіи. Замѣ-

чательно ловкимъ маневромъ онъ свергъ торійское министерство и, съ величіемъ и благородствомъ, принялъ власть, какъ поборникъ права и защитникъ угнетенныхъ; онъ торжественно заявилъ, что намѣренъ сдѣлать все, что можетъ, для несчастной Ирландіи.

Ирландія всегда была больнымъ мѣстомъ Англіи, но въ этотъ моментъ ирландскій вопросъ усложнился энергической агитаціей феніевъ. Министерство Дизраэли рѣшительно не находило средствъ помочь горю. Какъ далеко зашло феніанское движеніе, можно было заключить изъ того, что правительство нашлось вынужденнымъ прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ предосторожности. Такъ, когда привели къ эшафоту трехъ осужденныхъ феніевъ, Аллена, Гульда и Ларкина, правительство, опасаясь, чтобы народъ не вздумалъ освободить ихъ, окружило площадь отрядомъ войскъ, почти равносильнымъ отряду, посланному въ Абиссинію. Министерство Дизраэли арестовало массу ирландцевъ и аресты производились такъ легкомысленно, что въ числѣ заключенныхъ впослѣдствіи оказалась масса людей, неимѣвшихъ ничего общаго съ феніями, и даже противостоявшихъ этому движенію. Видя, что такія репрессивныя мѣры нисколько не ослабляютъ агитаціи, Дизраэли вздумалъ помочь бѣдѣ, во-первыхъ, постройкой въ Ирландіи нѣсколькихъ новыхъ линій желѣзныхъ дорогъ, на что онъ испрашивалъ у палаты сверхсмѣтнаго кредита и, во-вторыхъ, устройствомъ въ Ирландіи новаго католическаго университета. Эти палліативы были употреблены не потому, чтобы кто-нибудь считалъ ихъ дѣйствительнымъ средствомъ въ такой застарѣвшей и радикальной болѣзни, какъ пораженіе ирландскаго организма, а съ тѣмъ, чтобы отвести глаза отъ разгоравшагося движенія.

Главнымъ противникомъ министерскихъ предложеній явился глава оппозиціи, Гладстонъ. Онъ объяснилъ палатѣ, что Ирландія уже нѣсколько столѣтій поражена язвой абсентеизма, что она производитъ на милліоны, но, къ несчастію, милліоны эти идутъ не въ ея пользу, а доставляются въ Лондонъ, и расходуются или въ британской столицѣ или-же на

европейскомъ континентѣ, гдѣ англійскіе путешественники тратятъ чудовищныя суммы. Такимъ образомъ, Ирландія только даетъ и даетъ, но ничего не получаетъ взамѣнъ. Бѣдность въ Ирландіи поразительная; Англія высасываетъ изъ нея послѣдніе жизненные соки и доводитъ ее до періодическихъ голодовокъ и хроническихъ восстаній. „Большія бѣдствія требуютъ сильныхъ и рѣшительныхъ мѣръ", заключилъ Гладстонъ.

Этотъ замѣчательный государственный человѣкъ далъ себѣ слово добиться, чтобы ирландскій вопросъ былъ разрѣшенъ въ смыслѣ полнѣйшей справедливости. По его мнѣнію, для успокоенія Ирландіи необходимы были рѣшительныя реформы, которыми-бы уничтожался вредъ, нанесенный Англіей этой странѣ и устранялись причины къ ея постояннымъ жалобамъ и неудовольствію. Гладстонъ искренно вѣрилъ, что рядъ предложенныхъ имъ реформъ способенъ окончательно успокоить Ирландію; мы знаемъ, что онъ нѣсколько ошибся и его реформы не привели къ тѣмъ громаднымъ результатамъ, какихъ онъ ожидалъ, но тѣмъ не менѣе его побужденія были вполнѣ искренни и то, что онъ сдѣлалъ для Ирландіи, останется навсегда памятникомъ его благотворной дѣятельности.

Какъ опытный и талантливый парламентскій боецъ, онъ, съ благороднымъ энтузіазмомъ, бросился въ борьбу за Ирландію. Энтузіазмъ свой онъ умѣлъ передать и своимъ товарищамъ, принадлежавшимъ въ то время, какъ и онъ, къ парламентской оппозиціи; онъ убѣдилъ ихъ твердо отстаивать двѣ реформы, которыя онъ считалъ рѣшительными и способными удовлетворить Ирландію: во-первыхъ, отнятіе отъ англиканской церкви въ Ирландіи ея значенія, какъ офиціальной церкви и какъ политическаго учрежденія и, во-вторыхъ, измѣненія законовъ, касающихся поземельной собственности.

Начнемъ съ англиканской церкви, которая со времени покоренія Англіей Ирландіи всегда заявляла требованія, чтобы ее считали національной церковью въ Ирландіи и пользовалась тамъ правами господствующаго культа. Пренія, возбуж-

денныя въ палатѣ предложеніемъ Гладстона по вопросу объ англиканской церкви, доказали, что англичане отнеслись къ этому вопросу даже серьезнѣе и страстнѣе, чѣмъ къ *билю объ избирательной реформѣ* и къ разрѣшенію вопроса о *хлѣбныхъ законахъ*. Цѣлыхъ два года предложеніе Гладстона волновало какъ парламентъ, такъ и всю страну, не исключая самыхъ отдаленныхъ глухихъ провинціяльныхъ уголковъ, пока со всѣхъ сторонъ не раздался общій крикъ: „справедливости! справедливости!"

Гладстонъ разъяснилъ палатѣ, что трехвѣковый опытъ слишкомъ очевидно доказалъ несостоятельность англиканской церкви въ Ирландіи, одинаково, какъ учрежденія религіознаго, такъ и политическаго. „Посмотрите на Шотландію, говорилъ онъ,—тамъ нѣтъ офиціальной церкви, тамъ полная свобода вѣроисповѣданій и страна несравненно менѣе раздѣлена на партіи, враждебныя другъ другу. Введите-же въ Ирландіи систему, которая сдѣлала изъ Шотландіи счастливую, довольную, богатую и вполнѣ дружелюбную Англіи провинцію великобританскаго государства".

Гладстонъ вслѣдъ за этимъ привелъ поразительные факты, доказывающіе крайнюю несправедливость, къ которой приводитъ существованіе въ Ирландіи офиціальной англиканской церкви. Населеніе Ирландіи, простиравшееся въ 1845 году до 8,750,000 душъ, вслѣдствіе голода и эмиграціи уменьшилось до того, что въ 1868 году состояло всего изъ 5,750,000 человѣкъ. Изъ нихъ только 690,000, т. е, всего одна девятая часть, принадлежали къ офиціальной англиканской церкви; три четверти населенія исповѣдовали католицизмъ; остальные были диссиденты различныхъ исповѣданій.

Англиканская церковь, къ которой принадлежала одна девятая часть населенія, считала нужнымъ имѣть въ Ирландіи на казенномъ содержаніи 2 архіепископовъ, 40 епископовъ и 1,500 пасторовъ, т. е. одно духовное лицо на 43 человѣка населенія обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ. Жалованье англиканскому духовенству платила вся Ирландіи безъ исклю-

ченія, т. е. ирландцы всѣхъ исповѣданій, какъ англикане, такъ католики и диссиденты.

Существовало болѣе 200 приходовъ, неимѣвшихъ ни одного прихожанина, между тѣмъ духовенство этихъ приходовъ получало жалованья отъ 600 до 3,000 р. въ годъ. Религіозныя потребности каждаго англиканскаго семейства въ Ирландіи стоили правительству около 200 рублей въ годъ. Итогъ частныхъ доходовъ англиканской церкви въ Ирландіи простирался до двухъ съ половиною милліоновъ рублей въ годъ. Въ 575 приходахъ приходилось среднимъ числомъ по 20 англиканъ на приходъ; въ 443 приходахъ, вмѣстѣ взятыхъ, числилось всего 20,529 англиканъ. Ни одинъ изъ англиканскихъ епископовъ въ Ирландіи, умершихъ въ періодъ съ 1822 по 1868 годъ, не оставлялъ послѣ себя наслѣдства менѣе 250,000 рублей, а архіепископъ лордъ Джонъ Бересфордъ, умершій въ 1865 году оставилъ своимъ наслѣдникамъ 5,608,000 рублей. И все это жалованье, всѣ эти доходы, всѣ эти богатства доставляли англиканскому духовенству въ Ирландіи, по большей части, католики, по-преимуществу народъ бѣдный. Налогъ распредѣлялся по числу населенія, слѣдовательно, ботатые англикане, составляя меньшинство, платили, сравнительно, очень немного.

Выработавъ проектъ новаго закона и убѣдившись, что встрѣтитъ въ парламентѣ поддержку, Гладстонъ внесъ его въ палату. Министерство Дизраэли возстало противъ проекта, но въ публикѣ онъ вообще встрѣтилъ довольно сильное сочувствіе. Гладстонъ требовалъ, чтобы со дня принятія новаго закона были прекращены субсидіи отъ казны, которыми пользуются въ Ирландіи церкви всѣхъ исповѣданій, все равно католическая, англиканская или пресвитеріанская. Однакожъ, пенсіи и жалованья, получаемыя теперь духовенствомъ этихъ церквей, должны выплачиваться имъ по смерть, но лица, ихъ замѣстившія, отъ государства ничего уже не получаютъ. Однимъ словомъ, онъ предлагалъ отдѣлить въ Ирландіи церковь отъ государства.

Противники реформы, конечно, возражали, что соединеніе

церкви и государства—учрежденіе священное, разрушить которое было-бы политической безтактностію. Далѣе, что если разъ будетъ признано необходимымъ принять реформу для Ирландіи, пожалуй, потребуютъ примѣненія ея и къ самой Англіи.

Гладстону не трудно было разбить своихъ противниковъ; однакожь, ихъ было много и потому въ палатѣ общинъ загорѣлась оживленная и упорная борьба, кончившаяся совершенной побѣдой партіи Гладстона. При всемъ томъ министерство Дизраэли не захотѣло подать въ отставку, хотя противъ него высказалось большинство 60 голосовъ въ палатѣ и общественное мнѣніе страны. Министерство разсчитывало, что законъ не пройдетъ въ палатѣ лордовъ и его не утвердитъ королева. По англійской конституціи законъ входитъ въ силу, когда его примутъ всѣ три фактора законодательной власти: королева, палата лордовъ и палата общинъ или, по крайней мѣрѣ, два изъ нихъ. На этотъ разъ теорія уступила практикѣ и хотя за законъ сначала высказалась одна палата общинъ, а палата лордовъ и королева противъ него, но, въ концѣ концовъ, онъ былъ принятъ палатой лордовъ, когда его утвердила королева.

Болѣе года палата лордовъ энергически сопротивлялась принятію гладстоновскаго закона. Члены ея сильно агитировали въ странѣ; они устроивали митинги, собирали подписи подъ петиціями, въ которыхъ настоятельно требовалось, чтобы новый законъ былъ отвергнутъ для блага страны. Палата лордовъ предлагала разные компромисы, но палата общинъ твердо держалась своего прежняго рѣшенія. Въ странѣ началась агитація противъ самой палаты лордовъ. Обезпокоенные такимъ движеніемъ, лорды рѣшили, что необходимо уступить и значительнымъ большинствомъ, вопреки желанію министерства, вотировали уничтоженіе англиканской церкви въ Ирландіи, какъ офиціальнаго культа. Меньшинство протестовало противъ такого рѣшенія палаты лордовъ. Престарѣлый, семидесятилѣтній лордъ Дэрби прочелъ протестъ, подписанный сорока семью лордами, который онъ назвалъ

[illegible]

[illegible] Англіи такъ и на [illegible] Европы теперь уже [illegible] поставленъ и [illegible] разрѣшенія въ [illegible]. Гладстонъ [illegible] приписать себѣ честь постановки этого [illegible] вопроса. Въ этомъ его величайшая заслуга не только передъ Англіей, но и передъ всѣмъ человѣчествомъ.

III.

Этой знаменитой реформой и кончается энергическая дѣятельность замѣчательнаго государственнаго человѣка. Далѣе онъ уже начинаетъ высказывать нѣкоторыя колебанія и сомнѣнія, почему, естественно, замышляемыя имъ реформы

совершаются уже только вполовину, ожидаемыхъ отъ нихъ результатовъ не получается, и дѣятельность Гладстона начинаетъ возбуждать неудовольствіе даже въ средѣ людей, поддерживавшихъ его министерство и вполнѣ ему преданныхъ.

Гладстонъ далъ обѣщаніе успокоить Ирландію, и мудрой и великодушной политикой примирить ее съ Англіей. Составивъ министерство, онъ избралъ своимъ лозунгомъ: *„справедливость для Ирландіи!"* Совершивъ первую, дѣйствительно, крайне необходимую для Ирландіи реформу отдѣленія церкви отъ государства, онъ задумалъ надѣлить ирландскихъ крестьянъ землею, подобно тому, какъ это сдѣлано въ Россіи знаменательнымъ актомъ освобожденія крестьянъ, 19 февраля 1861 года.

Положеніе земледѣльцевъ въ Ирландіи было самое печальное. Ирландія, съ самыхъ первыхъ дней завоеванія, служила ареной ожесточенной борьбы между расой завоевателей и расой побѣжденныхъ. Эта борьба часто сопровождалась кровавыми возмущеніями, за которыми слѣдовали кровавыя усмиренія. Побѣдители англичане раздѣлили ирландскую землю между предводителями англійскихъ войскъ, наводнившихъ Ирландію, и затѣмъ, узаконеніями о маіоратѣ и наслѣдственной передачѣ земли, отняли всякую возможность у туземцевъ пріобрѣтать землю въ свою собственность. Цѣлымъ рядомъ репрессивныхъ мѣръ, Англія совершенно разорила населеніе. Въ Ирландіи водворилась такая бѣдность, о какой въ другихъ странахъ почти невозможно было составить себѣ понятія, такъ-какъ образцовъ ея передъ глазами не существовало. Въ большинствѣ случаевъ расы побѣдителей и побѣжденныхъ сливаются и живутъ общею жизнью, но въ Ирландіи о такомъ сліяніи не было и помину; вражда и ненависть оставались въ той-же силѣ, какъ они были и въ первые дни завоеванія. Въ Ирландіи по-прежнему побѣдители и побѣжденные стояли другъ противъ друга, имѣя наготовѣ оружіе; двѣ различныя націи по-прежнему вызывали одна другую на борьбу. Съ одной стороны, побѣдитель англосаксъ, съ другой, побѣжденный кельтъ; побѣдитель проте-

стантъ, побѣжденный католикъ; побѣдитель обладаетъ громадными средствами для защиты и нападенія, а у побѣжденнаго нѣтъ ничего.

Въ Ирландіи промышленная дѣятельность убита англійской монополіей, и большинство ирландскаго населенія существуетъ только земледѣліемъ. Благосостояніе страны находится въ прямой зависимости отъ урожая и отъ устройства поземельныхъ отношеній. Поземельная реформа въ Ирландіи давно необходима, и безъ нея всякія другія реформы, какъ-бы онѣ ни были благодѣтельны въ принципѣ, не приведутъ къ ожидаемымъ результатамъ, т. е. къ успокоенію бѣдной и экономически еще болѣе, чѣмъ политически, угнетенной страны.

Несмотря на то, что Ирландія страна чисто-земледѣльческая и большая часть ея обитателей живутъ землей, въ ней чрезвычайно мало пахатной земли. Землевладѣльцы находятъ для себя болѣе выгоднымъ превращать свои земли въ луга и пастбища для быковъ и овецъ. При всемъ томъ арендная плата за землю крайне высока, почему съемщики земель состоятъ въ неоплатныхъ долгахъ, что несомнѣнно привело ихъ къ полнѣйшему разоренію. Въ 1810 году изъ пяти съ половиною милліоновъ гектаровъ ирландской земли, четыре милліона были подъ лугами и только полтора подъ пашнею. Кромѣ того въ Ирландіи 1.800,000 гектаровъ совсѣмъ не обработанной почвы, которую очень легко было-бы утилизировать для пашни. Съ каждымъ годомъ количество пахатныхъ земель уменьшается, а луговъ—увеличивается. Съ каждымъ годомъ уменьшается народонаселеніе Ирландіи и увеличивается эмиграція въ другія страны, преимущественно въ Америку. Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ ежегодно около ста тысячъ ирландцевъ оставляютъ отечество и бѣгутъ въ другія страны для отысканія себѣ куска насущнаго хлѣба.

Бѣдствія Ирландіи составляютъ позоръ для Англіи. Лучшіе, гуманнѣйшіе люди ея давно требуютъ удовлетворенія тѣхъ справедливыхъ жалобъ и протестовъ, которые такъ громко

раздаются не только въ Ирландіи, но и за предѣлами ея. Но всѣ ихъ доводы, по большей части, вполнѣ разумные и практическіе, разбивались объ эгоизмъ англійской націи. Въ послѣднее время англійская агитація въ пользу умиротворенія Ирландіи еще болѣе усилилась. Профессоръ Ньюманъ и Томасъ Гюгъ рискнули торжественно заявить, что соединеніе Ирландіи съ Англіей, поддерживаемое достойными порицанія средствами, непремѣнно приведетъ къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ, послужитъ причиной страшныхъ бѣдствій для обѣихъ странъ. Ньюманъ видитъ только одно средство для успокоенія: превращеніе Ирландіи въ четыре штата, а англійскаго парламента въ конгрессъ, подобный вашингтонскому. Предложеніе Ньюмана не встрѣтило серьезнаго опроверженія, на него даже не обратили вниманія. Джонъ Брайтъ былъ счастливѣе Ньюмана. Его предложеніе было встрѣчено рукоплесканіями многочисленнаго собранія. Брайтъ находилъ справедливымъ, въ виду общественной пользы, выкупить, подобно тому, какъ это сдѣлано съ имѣніями англиканскаго духовенства въ Ирландіи, — у ирландскихъ землевладѣльцевъ землю, капитализировавъ среднюю ренту за нее изъ 7 или 8 процентовъ. Выкупъ должно совершить правительство и затѣмъ выданную ссуду получить съ землевладѣльцевъ, сдѣлавшихся собственниками земли, конечно, разсрочивъ уплату на такой продолжительный срокъ, чтобы она не была для нихъ обременительна; иначе, эта мѣра не достигнетъ своей цѣли, т. е. увеличенія благосостоянія сельскаго населенія. Изъ всѣхъ предложенныхъ въ то время проектовъ — а ихъ было не мало—проектъ Брайта,—вскорѣ послѣ того получившаго портфель министра торговли въ министерствѣ Гладстона,—былъ самый основательный уже потому, что съ его осуществленіемъ затруднительный вопросъ рѣшался скоро и, по возможности, безобидно для обѣихъ сторонъ. Притомъ англійское правительство этой мѣрой пріобрѣтало громадную популярность въ Ирландіи, что, конечно, для него было не безвыгодно.

Покойный Стюартъ Миль предложилъ средство менѣе рѣшительное, чѣмъ Брайтъ, но все-таки такое, которое могло успокоить Ирландію. Указывая на то, что Perpetual Settlement (вѣчное пользованіе имуществомъ за опредѣленную ренту) успокоило Бенгалію, Миль предлагалъ назначить комиссію, которая-бы произвела дѣйствительную оцѣнку каждой фермы, не стѣсняясь существующей рентой. Когда оцѣнка будетъ окончена, комиссія опредѣлитъ среднюю ренту, а затѣмъ арендаторъ получаетъ въ вѣчное пользованіе ферму, которую онъ арендовалъ до сихъ поръ, съ обязанностію уплачивать владѣльцу и его наслѣдникамъ опредѣленную комиссіей ренту.

Гладстонъ не рискнулъ принять ни одинъ изъ этихъ проектовъ. Онъ предложилъ свой. Оставляя нетронутыми существовавшія отношенія между владѣльцемъ и съемщикомъ, Гладстонъ требовалъ, чтобы земледѣльцу дали возможность выкупить часть обработываемой имъ земли, если онъ удобритъ извѣстное ея количество и тѣмъ возвыситъ ея цѣну; это возвышеніе цѣнности земли и пойдетъ въ уплату владѣльцу за отошедшую въ собственность нанимателя землю. Конечно, такая система выкупа могла имѣть мѣсто при долгосрочныхъ арендахъ, противъ которыхъ постоянно возставали ирландскіе землевладѣльцы, единственно въ силу ненависти своей къ туземцамъ, потому что долгосрочная аренда только выгодна для собственника земли. Въ Англіи долгосрочная аренда въ большомъ ходу и земли тамъ великолѣпно удобрены: фермеру чистый разсчетъ удобрять землю, такъ какъ выгодами отъ удобренія воспользуется онъ самъ. Въ Ирландіи, при краткосрочной арендѣ, а въ большинствѣ случаевъ даже не опредѣленной никакимъ договоромъ, фермеръ не заботится объ удобреніи и правильной обработкѣ земли и она тамъ съ каждымъ годомъ теряетъ свою цѣну.

Въ блистательной рѣчи, произнесенной въ палатѣ общинъ, Гладстонъ развилъ свой проектъ реформы, настоятельно требуя ея немедленнаго осуществленія. Онъ заявилъ, что въ послѣднее полстолѣтіе положеніе мелкихъ фермеровъ въ Ир-

ландіи постоянно ухудшалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливалась эмиграція. Что въ то время, какъ въ теченіи 90 лѣтъ цѣна поземельной собственности въ Ирландіи удвоилась, въ Англіи она утроилась, а въ Шотландіи, гдѣ законъ въ особенности ограждаетъ фермеровъ, она ушестерилась. Гладстонъ просилъ палату издать законъ, который-бы разрѣшилъ и облегчилъ фермерамъ покупку земель у владѣльцевъ; далъ-бы возможность имъ удобрять арендуемыя земли, а владѣльцамъ расчищать подъ пашню заброшенныя пустоши. Законъ долженъ былъ точно опредѣлить цѣнность произведеннаго удобренія земли, которою и опредѣляется размѣръ выкупаемаго за это улучшеніе фермеромъ участка земли, находящагося въ его пользованіи. Министерство публичныхъ работъ должно получить право дѣлать ссуды (три четверти всей необходимой суммы) фермерамъ для выкупа или-же для удобренія земли; ссуда выдается за пять годовыхъ процентовъ; обезпеченіемъ ея служитъ, конечно, земля.

Для людей, хорошо знакомыхъ съ Ирландіей, было очевидно, что мѣра, предлагаемая Гладстономъ, принадлежитъ къ числу крайне умѣренныхъ. Однакожь, она вызвала сильное сопротивленіе и ея автора обвинили въ радикализмѣ. Гладстонъ, не желая, чтобы его проектъ рѣшительно провалился, пошелъ на уступки. Урѣзали его разъ, урѣзали другой и изъ проекта было вытянуто все существенное, такъ что, когда новый законъ былъ принятъ палатой общинъ огромнымъ большинствомъ, онъ оказался мѣрой, очень немного измѣняющей то и очень мало улучшающей другое. Положеніе мелкихъ фермеровъ почти нисколько не измѣнилось; выиграли нѣсколько крупные фермеры, число которыхъ очень ограничено въ Ирландіи. Что касается удобренія земли, увеличивающаго шансы выкупа для мелкихъ фермеровъ, то при краткосрочной арендѣ, оставшейся по-прежнему въ Ирландіи, они, т. е. мелкіе фермеры, по большей части, люди невѣжественные, ни за что не воспользуются ссудой отъ правительства, изъ боязни, что ихъ положеніе еще болѣе ухудшится, такъ какъ владѣлецъ за удобренную землю потребуетъ большую ренту.

Такимъ образомъ, изъ этой реформы, обѣщавшей вначалѣ громадные результаты, ничего не вышло, лучше сказать, получились весьма плачевные результаты: вражда еще болѣе усилилась. Англичане, проживавшіе въ Ирландіи, недовольные какъ церковной, такъ и поземельной реформами Гладстона, рѣшились отомстить за нихъ не Гладстону, а туземцамъ. Въ селахъ и городахъ начались побоища между протестантами и католиками; столкновенія принимали иногда кровавый характеръ. Въ августѣ 1872 года, Бельфастъ раздѣлился на два враждебные лагеря; восемь дней къ ряду пылала междоусобная война; убивали другъ друга камнями, черепицами и палками. Въ протестантскихъ кантонахъ одерживала верхъ англійская партія, въ католическихъ—ирландская. Англійская была сильнѣе въ городахъ, ирландская въ селахъ. Съ обѣихъ сторонъ была совершена масса жестокостей: убійства и пожары не были исключительными случаями мести. Въ досадѣ, что его реформаціонная дѣятельность не встрѣтила должнаго сочувствія въ Ирландіи, а самыя реформы вышли безплодными, Гладстонъ позволилъ себѣ излишнюю суровость и строгость, что въ свою очередь, вызвало ненависть къ нему ирландцевъ. Послѣдніе выборы, свергнувшіе Гладстона, показали, какъ сильна была эта ненависть. Почти вездѣ ирландскіе избиратели массами высказывались за торіевъ, избранные въ Ирландіи депутаты въ палатѣ общинъ дали большинство министерству Дизраэли, смѣнившему министерство Гладстона. Гладстонъ понялъ, хотя нѣсколько поздно, что колебанія въ политикѣ не допускаются и непремѣнно приводятъ къ невыгоднымъ результатамъ.

IV.

Перейдемъ теперь къ другимъ, менѣе значительнымъ, чѣмъ ирландскія, но все-таки важнымъ реформамъ, совершившимся по иниціативѣ Гладстона, во время послѣдняго министерскаго управленія его страною.

Начнемъ съ билля о народномъ образованіи. Гладстонъ искренно желалъ ввести обязательное, даровое и свѣтское обученіе, но въ рѣшительную минуту согласился на уступки, умалившія значеніе реформы. Новый законъ страдаетъ отсутствіемъ всякой системы, государство совершенно устраняется отъ руководительства народнымъ образованіемъ: всю отвѣтственность оно взваливаетъ на мѣстные муниципалитеты, которые рѣшаютъ, надо-ли допустить обязательное и даровое обученіе или нѣтъ, какая религія должна преподаваться въ школѣ и пр. Гладстоновскій билль даетъ возможность каждой сектѣ завладѣть общинной школой и сдѣлать ее дополненіемъ своей церкви. Въ одной школѣ будетъ ученіе баптистское, въ другой методистское, въ третьей англиканское и т. д.; ученики одной школы будутъ учиться даромъ, другой—платить за ученіе; родители одной мѣстности должны обязательно посылать своихъ дѣтей въ школы, въ другой мѣстности это предоставляется ихъ усмотрѣнію. Однимъ словомъ, это, какъ замѣтилъ одинъ изъ членовъ парламента,—поощреніе сектаторскихъ преній, вторженіе въ муниципальные выборы сектаторской нетерпимости. Замѣчательно, что рѣшительно всѣ остались недовольны новымъ закономъ: одни обвиняли его за то, что онъ отдаетъ предпочтеніе свѣтскому образованію, другіе на-оборотъ, утверждали, что онъ отдаетъ образованіе исключительно въ руки духовенства. Такого-ли результата слѣдовало ожидать отъ соединенныхъ усилій такихъ замѣчательно-способныхъ людей, какъ Форстеръ, Лоу и Гладстонъ!

Съ давнихъ поръ уже общественное мнѣніе Англіи рѣшительно высказалось противъ органическаго порока англійской арміи: продажи патентовъ на чины. Министерство Гладстона рѣшилось уничтожить этотъ вредный обычай. Предложенный имъ законъ прошелъ въ палатѣ общинъ, но встрѣтилъ сильную оппозицію въ палатѣ лордовъ. Гладстонъ упросилъ королеву утвердить новый законъ и затѣмъ объявилъ, что такъ какъ законъ утвержденъ двумя факторами законодательной власти, то его слѣдуетъ считать вошедшимъ въ силу. Па-

лата лордовъ, конечно, была недовольна и не простила Гладстону; члены ея употребили всѣ усилія, чтобы на послѣднихъ выборахъ дать торжество Дизраэли и свергнуть Гладстона. Правильно или неправильно поступилъ Гладстонъ, мы разбирать не будемъ; мы знаемъ только, что предложенный имъ законъ превосходный.

Министерство Гладстона получило въ наслѣдство непріятное дѣло объ убыткахъ, причиненныхъ Соединеннымъ Штатамъ, англійскимъ крейсеромъ пароходомъ „Алабамой" и другими подобными-же крейсерами. Для рѣшенія возникшаго спора Соединенные Штаты предложили созвать международную третейскую комиссію въ Женевѣ. Гладстонъ тотчасъ-же согласился на это предложеніе. Торіи воспользовались этимъ случаемъ, чтобы обозвать Гладстона трусомъ, компрометирующимъ честь своей страны. Гладстонъ, конечно, не обратилъ вниманія на такое жалкое нападеніе, онъ могъ гордо отвѣтить своимъ противникамъ, что за него стоитъ общественное мнѣніе какъ Англіи, такъ и всего міра.

Гладстонъ возлагалъ большія надежды на свой избирательный биль, увеличившій число избирателей: до изданія биля ихъ было всего 1,500,000, послѣ изданія оказалось 2.500,000- Гладстонъ разсчитывалъ, что выборы, состоявшіеся на основаніи новаго закона, дадутъ болѣе либеральную палату. Не менѣе надеждъ возлагалъ онъ на введенную имъ систему „тайной подачи голосовъ". И какой-же получился результатъ? Новые выборы дали большинство партіи торіевъ и оказались неблагопріятными для гладстоновской партіи либераловъ. Этого Гладстонъ, конечно, никакъ не ожидалъ.

Но для тѣхъ, кто внимательно изучалъ состояніе англійскаго общества за послѣдніе два года, въ этомъ фактѣ не было ничего неожиданнаго. Гладстонъ потерялъ уже прежнее обаяніе и управленіе его стало замѣтно отличаться колебаніями и нерѣшительностію. Въ прошломъ году за него въ палатѣ уже было меньшинство, такъ что онъ изъ-за неважнаго биля объ ирландскомъ университетѣ сдѣлалъ запросъ о довѣріи къ министерству. Палата высказала ему недовѣріе и

онъ подалъ въ отставку. Торіи, призванные къ власти, объявили, что они не въ состояніи составить министерства. Министерство Гладстона взяло назадъ отставку. Оно, конечно, могло-бы управлять по-прежнему; за него могло-бы быть значительное большинство въ палатѣ, 60 голосовъ, если-бы оно дѣйствовало рѣшительнѣе, а не ограничивалось полумѣрами. Но Гладстонъ и его товарищи стали капризны и слишкомъ требовательны. Они успѣли надоѣсть Англіи, они утомили ее, что она и стала доказывать выборами торіевъ на случайно открывавшіяся вакансіи въ палатѣ. Такъ не могло дальше продолжаться. Тѣмъ не менѣе всѣ были крайне изумлены, когда Гладстонъ объявилъ королевское повелѣніе о распущеніи палаты общинъ и о назначеніи новыхъ выборовъ.

Вслѣдъ за распущеніемъ палаты Гладстонъ издалъ манифестъ къ избирателямъ, въ которомъ напоминалъ объ услугахъ, оказанныхъ странѣ его партіею, преимущественно въ дѣлѣ управленія финансами. И онъ имѣлъ полное право указывать на свои заслуги,—они не только были удивительны, но даже чудесны. И въ самомъ дѣлѣ:

1) Несмотря на отмѣну покупки патентовъ на чины, несмотря на значительные чрезвычайные расходы на новое вооруженіе, Гладстонъ, въ послѣдній финансовый годъ своего управленія, уменьшилъ расходы на армію и флотъ почти на 20 мил. руб. противъ бюджета, который онъ принялъ отъ своихъ предшественниковъ.

2) Въ пять лѣтъ управленія Гладстона государственный долгъ уменьшился на 125 мил. руб., хотя въ это-же время на покупку телеграфическихъ линій употреблено 55 мил. руб.

3) Въ этотъ-же періодъ налоги уменьшились на 78 мил. руб.

Въ виду такихъ поразительныхъ фактовъ нельзя не сказать, что Гладстонъ обладаетъ геніемъ экономіи. Его финансовая система за все время его управленія, какъ перваго министра и какъ министра финансовъ, дала англійской націи экономію почти въ 300 мил. руб.

И все-таки этотъ замѣчательный государственный человѣкъ и великій финансистъ былъ лишенъ власти. Нація прочла его манифестъ; она знала, что всѣ цифры вѣрны, что результаты нисколько не преувеличены, и все-таки, отвернулась отъ человѣка, которому обязана значительной долей своего благосостоянія.

V.

Оставляя министерскую дѣятельность, Гладстонъ не терялъ своего авторитета ни во мнѣніи страны, ни въ глазахъ своей партіи. Онъ оставался тѣмъ-же первымъ государственнымъ человѣкомъ своей страны, какимъ былъ и прежде, тѣмъ болѣе, что изъ его рукъ принималъ власть политическій хамелеонъ, прошлое котораго не внушало ни особеннаго довѣрія, ни особенныхъ надеждъ. Но Англія, утомленная напряженной дѣятельностію Гладстона, недававшаго ей покоя своими преобразовательными планами, желала опочить отъ дѣлъ и ввѣрить свои судьбы министру, ничего недѣлающему, безличному и всегда готовому идти вслѣдъ за теченіемъ обстоятельствъ. Дизраэли былъ именно такимъ человѣкомъ; его политическая бездарность, отсутствіе всякихъ убѣжденій, его податливость на всевозможные компромиссы, самая алчность его, какъ биржевого игрока, дѣлали его вполнѣ солидарнымъ съ господствующимъ направленіемъ Англіи. Фосетъ былъ совершенно правъ, говоря, что „Англіи нуженъ не мудрый и непреклонный кормчій, который-бы велъ ее въ открытомъ морѣ, а простой и трусливый лодочникъ, который-бы держалъ ее безвыходно въ тихой гавани“. Либеральная партія это понимала, и когда Гладстонъ сошелъ съ своего поприща, она желала сохранить его вождемъ своей оппозиціи. Но Гладстонъ былъ утомленъ и физически, и нравственно. Въ январѣ 1875 года, въ письмѣ къ графу Гренвилю, онъ заявилъ, что стоять во главѣ либеральной партіи не по его силамъ. „Я прожилъ 65 лѣтъ, и изъ нихъ 42 года трудился

на политическомъ поприщѣ; я имѣю право сойдти со сцены". Онъ искалъ уединенія и хотѣлъ остатокъ своей жизни посвятить литературнымъ трудамъ. Около двухъ лѣтъ прошли для него внѣ всякаго участія въ политической дѣятельности. Но старикъ не выдержалъ, и когда по Англіи раздался общій крикъ негодованія противъ ужасныхъ злодѣйствъ, совершенныхъ въ Болгаріи, онъ сталъ во главѣ этого движенія и сорвалъ маску съ неспособнаго и лицемѣрнаго правительства. Онъ не остановился ни передъ тѣмъ соображеніемъ, что рискуетъ своей популярностію, выступая защитникомъ славянъ передъ страной, всегда защищавшей Турцію, ни передъ той политической традиціей, которая такъ глубоко укоренилась въ Англіи въ ея взглядѣ на восточный вопросъ. Вызовъ, сдѣланный имъ министерству Дизраэли и всей англійской буржуазіи, былъ вызовомъ рѣшительнымъ и открытымъ. Этотъ болѣе, чѣмъ смѣлый шагъ Гладстона совершилъ переворотъ не только во мнѣніи Англіи, но и всей Европы, и какъ-бы онъ ни былъ безуспѣшенъ въ практическомъ отношеніи, благодаря министерскому двоедушію и подогрѣванію англійской руссофобіи, но онъ далъ другое направленіе восточному вопросу, онъ освѣтилъ его новымъ свѣтомъ въ глазахъ Англіи.

Въ Гриничѣ, представителемъ котораго Гладстонъ былъ въ парламентѣ, собрался первый огромный митингъ 28 августа (9 сентября), для обсужденія восточнаго вопроса. На этомъ митингѣ присутствовало болѣе 10,000 человѣкъ и онъ окончился резолюціей, въ которой „выражалось негодованіе и отвращеніе къ страшнымъ звѣрствамъ, совершеннымъ турками, повидимому, съ разрѣшенія своего правительства, надъ безоружнымъ населеніемъ Болгаріи"; а также „убѣжденіе, что англійское правительство не выказало достаточной поспѣшности въ собраніи свѣденій о совершенныхъ ужасахъ и достаточной энергіи въ принятіи мѣръ къ ихъ прекращенію". На этомъ митингѣ Гладстонъ сказалъ блистательную рѣчь, постоянно прерываемую громомъ рукоплесканій. Начавъ ее заявленіемъ, что рабочіе въ Англіи первые подали свой голосъ въ защиту

угнетенныхъ турками славянъ, Гладстонъ перешелъ къ рѣшенію вопроса: доказана-ли дѣйствительность болгарскихъ ужасовъ? Рѣшивъ этотъ вопросъ утвердительно, на основаніи тщательно и добросовѣстно собранныхъ на мѣстѣ фактовъ, Гладстонъ обратился къ собранію съ вопросомъ: кто виновникъ совершенныхъ неистовствъ? Главнымъ виновникомъ онъ считаетъ турецкое правительство: „Оно приняло всѣ мѣры для сокрытія истины и подвергало наказанію тѣхъ, которые старались открыть тайну... Оно наградило, повысило и удостоило почестей самыхъ худшихъ изъ злодѣевъ, производившихъ возмутительныя звѣрства". (Кстати замѣтить, что когда султанъ раздавалъ ордена и высшіе посты убійцамъ въ Болгаріи, королева Викторія въ то-же время украсила своего бездарнаго министра титуломъ лорда Биконсфильда.) Въ виду этой вины „Европа обязана принять мѣры, которыя-бы отняли у Турціи возможность клеймить исторію человѣчества подобными мрачными, кровавыми страницами". Единственной дѣйствительной мѣрой Гладстонъ считаетъ требованіе, чтобы „турецкія власти вывели себя изъ Болгаріи", т. е. чтобы Болгарія была преобразована въ вассальное государство.

Въ тоже время Гладстонъ издалъ брошюру „Болгарскіе ужасы и Восточный вопросъ", написанную съ такою-же силою убѣжденія и аргументаціи, какъ и брошюра его въ пользу несчастныхъ жертвъ деспотизма неаполитанскаго правительства. Въ этой брошюрѣ онъ рѣзко нападаетъ на политику англійскаго правительства, представляемаго министерствомъ Дизраэли. „Недѣли за недѣлями, мѣсяцы за мѣсяцами, говоритъ Гладстонъ,—представлялись правительству требованія о доставленіи парламенту точныхъ и достовѣрныхъ свѣденій. а оно отвѣчало требованіемъ отсрочекъ подъ различными предлогами". Не получивъ отвѣта отъ правительства, общество съ удивленіемъ и ужасомъ узнало, что Англія вовлечена въ нравственное соучастіе съ самыми низкими и мрачными звѣрствами, когда либо виданными въ нынѣшнемъ столѣтіи, если не во всѣ вѣка."

Замѣтивъ далѣе, что министерство намѣренно тянуло дѣло

до распущенія парламента, чтобы лишить націю самаго удобнаго способа для протеста, Гладстонъ продолжаетъ: „Но честь, долгъ, сострзданіе и, я прибавлю, стыдъ—такія чувства, которыя никогда въ народѣ не остаются въ летаргическомъ снѣ. Англійскіе рабочіе первые указали путь общественному мнѣнію и засвидѣтельствовали, что великое англійское сердце еще не перестало биться. Большіе города теперь одинъ за другимъ повторяютъ, какъ эхо, благородный крикъ ужаса и негодованія. Пусть всякій пойметъ, что важность митинговъ, по крайней мѣрѣ по этому вопросу, не можетъ быть достаточно высоко оцѣнена. Какъ Инкерманъ былъ битвой англійскихъ солдатъ, такъ настоящая минута—критическій моментъ для всей англійской націи. Вопросъ заключается не въ томъ, чтобы безпримѣрныя злодѣйства были справедливо осуждены и наказаны, но чтобъ была обезпечена и невозможность ихъ повторенія. Для достиженія этого обезпеченія англійская нація должна высказать свою волю устами правительства, но мы ясно видимъ теперь, что прежде всего она должна научить правительство, точно малаго ребенка, что ему сказать".

„Непрактично, даже если-бъ было благородно, скрывать истинный характеръ того, чего мы требуемъ отъ нашего правительства, пишетъ далѣе Гладстонъ. — Мы желаемъ, чтобъ оно совершенно измѣнило свою роль и политику. Мы желаемъ, чтобъ оно уничтожило внушенное его дѣйствіями, справедливое мнѣніе всей Европы, что мы оказываемъ рѣшительную поддержку Турціи, и, открыто заявляя необходимыми для англійскихъ интересовъ ея неприкосновенность и независимость, будемъ смотрѣть сквозь пальцы, какъ и дѣлали до сихъ поръ, на ея звѣрства и неспособность къ реформамъ. Мы хотимъ дѣйствовать за одно съ общественнымъ мнѣніемъ всего образованнаго человѣчества и не быть, какъ мы до сихъ поръ казались, злымъ геніемъ, который преслѣдуетъ, портитъ и истребляетъ цивилизацію. Мы хотимъ втолковать туркамъ, что англійское правительство, поддерживая ихъ звѣрства словами и дѣйствіями, не поняло и ложно выста-

вило передъ всѣмъ свѣтомъ благородную совѣсть англійскаго народа. Но эта перемѣна въ нашей политикѣ зависитъ отъ энергичнаго выраженія воли народа, который только-что возвысилъ свой голосъ. Этотъ голосъ сначала заговорилъ шопотомъ, потомъ все сильнѣе и сильнѣе, наконецъ онъ перейдетъ въ трубный гласъ".

Чрезвычайно любопытна характеристика турокъ, сдѣланная въ его брошюрѣ. „Турки—не кроткіе магометане Индіи, не рыцарскіе саладины Сиріи, не образованные мавры Испаніи. Они всегда, съ той роковой минуты, какъ впервые появились въ Европѣ, представляли грозный типъ человѣчества, отрицающаго все человѣческое... Куда они ни проникали, за ними тянулся широкій кровавый слѣдъ и вездѣ, гдѣ утверждалось ихъ владычество, цивилизація исчезала... Они были грознымъ олицетвореніемъ военной силы, подвергавшей опасности всю Европу".

Разсказавъ извѣстныя событія въ Болгаріи, Гладстонъ приходитъ къ заключенію, что противъ такихъ злодѣйствъ возможна только одна мѣра: полное удаленіе злодѣевъ изъ той страны, гдѣ они неистовствовали. Онъ кончаетъ свою брошюру слѣдующими прекрасными, глубоко-прочувствованными словами: „Я умоляю моихъ соотечественниковъ, которые въ состояніи сдѣлать, быть можетъ, въ этомъ дѣлѣ больше всѣхъ другихъ народовъ Европы, потребовать и настоять, чтобъ наше правительство, дѣйствовавшее въ одномъ направленіи, рѣшилось дѣйствовать въ противоположномъ и съ энергіей помогло-бы другимъ государствамъ Европы добиться полнаго уничтоженія турецкой администраціи въ Болгаріи. Пусть турки положатъ конецъ своимъ злоупотребленіямъ единственно практичнымъ путемъ, то-есть уберутъ сами себя. Я надѣюсь, что ихъ заптіи и мудиры, бимбаши и юзбаши, каймакамы и паши со всѣмъ ихъ скарбомъ уйдутъ на-всегда изъ разоренной и оскверненной ими провинціи. Это совершенное очищеніе, это блаженное освобожденіе Болгаріи можетъ служить единственнымъ вознагражденіемъ за груды мертвыхъ тѣлъ, устилающихъ землю, за безчестіе женщинъ, дѣвицъ и мла-

денцевъ, за позоръ цивилизаціи, за попраніе законовъ Бога, или, если хотите, Аллаха, за издѣвательство надъ нравственнымъ сознаніемъ всего человѣчества. Нѣтъ ни одного преступника въ европейскихъ тюрьмахъ, ни одного людоѣда на островахъ Южнаго океана, который не вскипѣлъ-бы негодованіемъ при разсказѣ о томъ, что совершено турками, что слишкомъ поздно узнано въ Европѣ, и что до сихъ поръ остается неотомщеннымъ. Эти звѣрства оставили за собою въ полномъ разгарѣ возбудившія ихъ низкія, дикія страсти и могутъ снова появиться на свѣтъ второй смертоносной жатвой съ утученной кровью почвы, въ воздухѣ, зараженномъ всѣми возможными видами преступленія и позора. Что подобныя злодѣйства могли совершиться однажды, налагаетъ клеймо проклятія на ту часть человѣческаго рода, которая въ нихъ виновна; но если оставить дверь отворенной для возможнаго ихъ повторенія, то пятно позора падетъ на все человѣчество. Лучше, скажемъ мы, перенести всѣ трудности лишенія и потери за Болгарію, чѣмъ видѣть султана снова „въ чертогахъ свѣта проклятіемъ и насмѣшкой надъ своимъ народомъ“. Сколько мы ни будемъ рыться въ лѣтописяхъ исторіи, мы никогда не найдемъ такого ужаснаго примѣра адскаго злоупотребленія властью, данной Богомъ „для кары нечестивыхъ и поощренія добрыхъ“. Никогда еще ни одно правительство такъ страшно не грѣшило и такъ не упорствовало въ своихъ грѣхахъ или, что то-же самое, не выказывало такой неспособности къ исправленію. Если турецкой администраціи будетъ дозволено Европой продолжать въ эту критическую минуту свое прежнее существованіе въ Болгаріи, то нѣтъ въ исторіи благороднаго протеста человѣка противъ невыносимаго деспотизма или противъ позорной тираніи, которымъ не слѣдовало-бы заклеймить это, какъ преступленіе... Но мы еще не упали такъ низко и можемъ утѣшить себя надеждой, что не пройдетъ и нѣсколькихъ недѣль, какъ уже мудрыя и энергичныя мѣры всѣхъ снова соединенныхъ державъ дозволятъ свободно вздохнуть устрашенному, дрожащему отъ негодованія міру“.

Гладстонъ, какъ извѣстно, находился въ оппозиціи въ моментъ изданія своей брошюры. Понятно, что министерство и его партія поспѣшили обвинить Гладстона въ честолюбивыхъ побужденіяхъ, въ желаніи, пользуясь настроеніемъ общества, свергнуть торійское министерство и самому сѣсть на стулъ Дизраэли. Этимъ обвиненіемъ противники Гладстона хотѣли сказать, что его негодованіе по поводу болгарскихъ ужасовъ поддѣльно; что его гуманитарныя воззванія, что его пылкія благородныя рѣчи, что вся его агитація только ловкій маневръ, имѣющій цѣлію сверженіе соперника, только мелкая интрига честолюбца, жаждущаго власти.

Гладстонъ, конечно, не оставилъ безъ возраженія недостойнихъ инсинуацій, направленныхъ противъ него. На митингѣ въ Стендропѣ въ южномъ Дургамѣ, гдѣ ему пришлось говорить, онъ въ своей рѣчи коснулся нападокъ на него и его партію. Онъ заявилъ, что не видѣлъ-бы ничего постыднаго, если-бъ его партія дѣйствительно добивалась власти. И онъ былъ совершенно правъ. Конституціонная государственная система, дѣйствующая правильно, въ томъ и заключается, что партія, по своимъ-ли убѣжденіямъ или по неумѣлости ея представителей въ министерствѣ, неспособныхъ удовлетворить требованіямъ общественнаго мнѣнія въ данный моментъ, сходитъ со сцены, уступая мѣсто тѣмъ, кто лучше понимаетъ эти требованія. Гладстонъ былъ совершенно правъ, не находя ничего дурного въ томъ, если-бъ его друзья пожелали отставки жалкаго торійскаго министерства. Но, по его словамъ,—а зная его искренность, нѣтъ основанія ему не вѣрить—ни онъ, ни его партія вовсе не думали о власти. Они, какъ англійскіе граждане, сочли своей обязанностью указать министерству на тѣ ошибки, которыя оно сдѣлало—вольно или невольно, это все равно—и на средства къ ихъ исправленію. Но Гладстонъ и его партія искренно желаютъ, чтобы министерство одумалось и сдѣлало все, чего отъ него требуетъ долгъ и совѣсть. Если-же министерство не захочетъ исполнить требованій общественнаго мнѣнія, они не откажутся занять его мѣсто.

Мы вѣримъ Гладстону, что имъ не руководили никакіе честолюбивые замыслы уже и потому, что, разсуждая чисто съ практической точки зрѣнія, онъ долженъ сознавать, что чрезвычайно рискованно брать власть въ свои руки въ настоящую тяжелую минуту. Англія имѣетъ свои обязательныя традиціи, которымъ должно слѣдовать министерство, къ какой-бы партіи оно ни принадлежало. Къ такимъ традиціямъ принадлежитъ боязнь честолюбія Россіи, именно на Востокѣ,—боязнь, что Россія рано или поздно завладѣетъ Константинополемъ, и что Англія, поэтому, должна употреблять всѣ усилія, чтобы помѣшать осуществленію ея замысловъ. Находясь въ оппозиціи, еще можно слегка игнорировать это больное мѣсто Англіи, но министръ, какъ-бы онъ ни былъ независимъ въ своихъ убѣжденіяхъ, не можетъ этого сдѣлать.

Могъ-ли-бы Гладстонъ исполнить на дѣлѣ свою политическую программу въ восточномъ вопросѣ, когда-бы онъ былъ во главѣ правительства,—не знаемъ, но вся его жизнь, вся его прошлая дѣятельность ручаются за то, что онъ не сложилъ-бы своего знамени въ борьбѣ и былъ-бы также честенъ и искрененъ въ своемъ пораженіи, какъ и въ побѣдѣ. Мы убѣждены, что не нынѣшнее, но будущее поколѣніе отдастъ полную справедливость его настоящему подвигу. На пьедесталѣ его памятника не забудутъ ни Неаполя, ни Болгаріи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

54